Безплатное приложенiе
къ журналу „ВОКРУГЪ СВѢТА“ въ 1903 г.

Иллюстрированная исторiя Царствованiя императора Петра Великаго.

Текстъ
П. Н. Петрова и
С. Н. Шубинскаго.

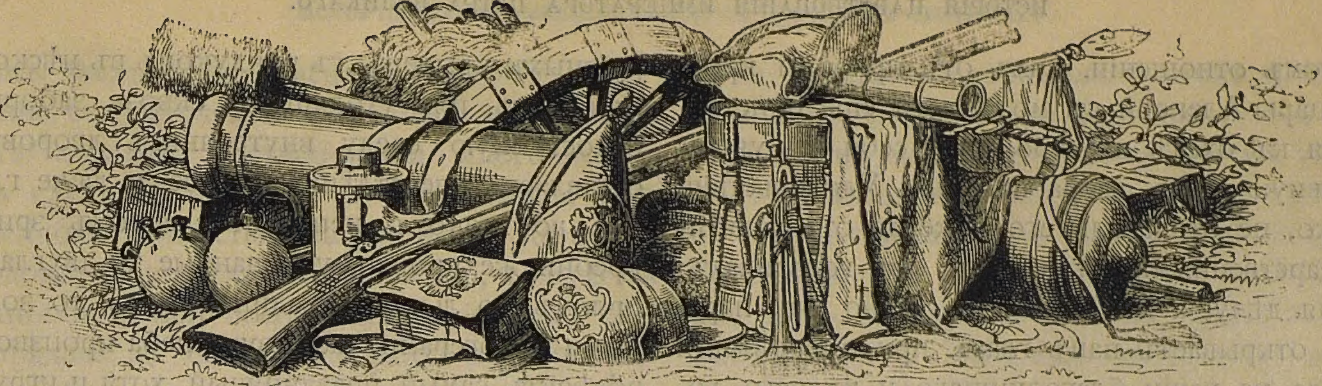
Дозволено цензурою. Москва, 27 ноября 1902 года.

Типографія Товарищества И. Д. Сытина, Валовая улица, свой домъ.
МОСКВА. — 1903.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
ИСТОРІЯ ЦАРСТВОВАНІЯ
ИМПЕРАТОРА
ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Императоръ Петръ Великій.

I.

СЕМЬЯ ПЕТРА I.

Уродился сынъ въ отца, да не совсѣмъ.
Пословица.

Находить полное несходство во всемъ— дѣтей съ родителями случается рѣдко. Чаще бываютъ замѣтны въ дѣтяхъ качества, присущія родителямъ, хотя не вполнѣ и видимо одни отъ другихъ рознясь, сообразно темпераменту, характеру, образу мыслей или степени воспитанія каждаго лица. О Петрѣ Великомъ можно сказать одно развѣ, что отца напоминало въ немъ,—только, конечно, въ высшемъ и обширнѣйшемъ развитіи,—*серіозное отношеніе ко всему окружающему.* И это, едва ли не врожденное, свойство ума останавливало вниманіе Петра на всякомъ новомъ предметѣ. Мало того, обративъ вниманіе на что-либо, Петръ добивался все узнать объ этомъ предметѣ или, еще точнѣе, получить о немъ полное понятіе. Затѣмъ слѣдовало мгновенное соображеніе: что можно изъ этого сдѣлать? И только рѣшивъ уже этотъ вопросъ, останавливался и успокаивался умъ генія.

Отъ матери,— если также захотимъ мы проводить параллель, — Петръ могъ заимствовать честность и твердое держаніе даннаго слова. Люди и обстоятельства, съ теченіемъ времени, путемъ тяжелыхъ уроковъ, развили въ Петрѣ недовѣрчивость; но никогда и ничто не было въ состояніи заставить его перемѣнить данное слово.

Такъ мало наслѣдія родительскаго въ характерѣ геніальнаго сына не должно, впрочемъ, приписывать скудному надѣленію дарами природы отца и матери Петра Великаго, а только малому знакомству нашему съ частнымъ характеромъ матери и ранней смерти отца.

Царь Алексѣй Михайловичъ, какъ человѣкъ, былъ идеалъ всѣхъ добродѣтелей, проявлявшихся въ русскихъ людяхъ въ XVII вѣкѣ. Онъ былъ почтительный сынъ, лучшій мужъ и семьянинъ. По своему же времени былъ онъ человѣкъ крайне любознательный, не только не врагъ, но даже другъ иностранцевъ, охотно заимствовавшій отъ нихъ все намъ подходящее, по его разумѣнію, изъ чужеземныхъ изобрѣтеній. Примѣненія же ихъ на мѣстѣ и самаго мѣста въ обиходѣ чужеземнаго быта узнать онъ не могъ, конечно, оставаясь въ Москвѣ и посѣтивъ только во время походовъ своихъ мѣстности западныя, сосѣднія съ границами русскихъ владѣній. Тамъ же не было особенно существенной разницы, прямо бросившейся бы ему въ глаза и заставившей измѣнить устоявшійся взглядъ на вещи. Правильный строй войска считалъ, однако, царь Алексѣй Михайловичъ полезнымъ нововведеніемъ и, содержа на жалованьѣ обучавшихъ драгунскіе и солдатскіе полки иностранныхъ офицеровъ, требовалъ отъ нихъ строгаго наблюденія за воинскою дисциплиной. Съ тою же цѣлью—сознанной пользы и необходимости—издалъ онъ и новый «Уставъ хитрости ратнаго строя», сознавая недостаточность стрѣлецкихъ порядковъ

въ этомъ отношеніи. Самъ отъ природы кроткій, царь Алексѣй съ молодости еще пристрастился къ охотѣ и устроилъ у себя эту увеселительную часть двора на славу. Удовольствія, однако, не отвлекали его никогда отъ занятій государственными дѣлами, и онъ говаривалъ: «время дѣлу, а потѣхѣ часъ!» Одно это изреченіе открываетъ намъ глаза при опредѣленіи взгляда на вещи благодушнаго и мудраго государя. Эта черта рѣзко выдѣляется въ дѣя-

Царь Алексѣй Михайловичъ.

тельности и взглядѣ на жизнь и у Петра Великаго.

Царь Алексѣй любилъ также строиться, и сооружалъ все нарядно, пышно, пестро и затѣйливо. Коломенскій дворецъ—лучшій образчикъ архитектурнаго вкуса и стиля украшеній, любимаго родителемъ Петра Великаго. Привлекательная наружность дворца, при самомъ отсутствіи симметріи въ расположеніи отдѣльныхъ частей, давала самое выгодное понятіе о царскомъ жилищѣ. Масса деревянныхъ башенъ съ шатровыми и бочковыми верхами чердаковъ, перепутанными вдоль и поперекъ линіями низкихъ переходовъ, доводящихъ до высокихъ наружныхъ крылецъ, съ рундукомъ въ нѣсколько ступенекъ, или уходящихъ сквозь заборы въ недоступную среду внутреннихъ дворовъ, — оставляетъ впечатлѣніе полное и даже глубокое во всякомъ неприготовленномъ зрителѣ. Гребни же кровли, увѣнчанные то двуглавымъ орломъ, то львомъ и единорогомъ, то золочеными флюгерами, на лазури неба производили эффектъ самый праздничный, хотя и игрушечный. Роскошь нарядной рѣзной орнаментаціи на наличникахъ оконъ и дверей входныхъ могла возвышать еще болѣе этотъ эффектъ, даже въ наше время дѣйствуя выгодно. Если же представимъ мы себѣ предковъ, далеко не такъ строгихъ, какъ мы теперь, къ изяществу формъ и чистотѣ стиля, то можно представить себѣ, какимъ чудомъ казался для нихъ ярко-расписной да ярко-раззолоченный дворецъ Коломенскій, къ тому же еще и расположенный на картинной мѣстности. Еще Грозный живалъ въ селѣ Коломенскомъ, въ любимомъ тесовомъ двухъэтажномъ теремѣ. Крымскій ханъ въ 1571 г. разорилъ эту резиденцію царей, но при царѣ Θеодорѣ Іоанновичѣ она является опять устроенною празднично. Передъ дворцомъ тогда поставлены рѣзныя дубовыя ворота, дивившія польскихъ посланниковъ въ 1671 году. Царь же Алексѣй Михайловичъ въ 1672 г. къ зданіямъ предковъ пристроилъ новый дворецъ, изображеніе котораго здѣсь мы представляемъ (стр. 8) какъ памятникъ, вдвойнѣ замѣчательный. Онъ напоминаетъ намъ годъ рожденія Петра Великаго и вмѣстѣ съ тѣмъ любимую резиденцію его родителя. «Мѣсто это зѣло весело и хорошо. Видѣть поля далече и видѣть вся Москва, монастыри и на Москву рѣку подъ самымъ дворцомъ текущую». Такъ отозвались о Коломенскомъ послы польскіе Янъ Глинскій и Кипріанъ Бржостовскій въ донесеніи королю Михаилу Висневецкому.

Не приводя здѣсь всего, довольно подробнаго, описанія ихъ всего дворца, прибавимъ только замѣтку ихъ же о самыхъ хозяйственныхъ удобствахъ царской резиденціи. «Въ томъ же мѣстѣ, около той рѣки Москвы, сѣнокосы, едва окомъ презрѣти мочно, по которымъ едва разольется рѣка, множество птицъ, которыми царское величество тѣшится и соколовъ на птицъ пускаетъ, поле къ потѣхѣ весьма угодно». Вотъ, кажется, самое главное побужденіе, заставившее страстнаго охотника,

какимъ былъ царь Алексѣй, полюбить привольное село Коломенское. Охота же царская, кромѣ пышной костюмировки многочисленныхъ слугъ, отличалась, правду сказать, еще особенною чинностью церемоніала царскихъ выѣздовъ, повторявшихся, конечно, только съ варіаціями, и при посольскихъ пріемахъ.

Нарядная же обстановка этихъ церемоніальныхъ пріемовъ пословъ, съ развитіемъ утонченной обрядности при дворѣ Алексѣя Михайловича, дѣлалась имъ также всегда съ цѣлью произвести на иностранцевъ впечатлѣніе, выгодное для Россіи. При этомъ богатство нарядовъ не только стольниковъ, наряжаемыхъ въ парчи и бархаты изъ дворцовыхъ кладовыхъ, но и самая стрѣлецкая обмундировка яркаго цвѣта—давали высокую идею о богатствѣ московской земли, при обширности своей, однако, не могшей похвалиться довольствомъ народа вообще или особою зажиточностью, кромѣ извѣстныхъ классовъ городскихъ обывателей. Въ выказываніи себя лучше, чѣмъ есть, нельзя не подмѣтить характерной особенности тогдашней политики, хвалившейся преимущественно *умѣньемъ обманывать противниковъ,* взамѣнъ прочихъ качествъ, цѣнимыхъ теперь дипломатами. Русскіе не хуже западныхъ ученыхъ подвизались на этой скользкой аренѣ, а иногда озадачивали даже доморощенными стратагемами заморскихъ умниковъ, надменныхъ своимъ превосходствомъ надъ московскими неучами.

Царь Алексѣй Михайловичъ всегда, впрочемъ, слылъ за одного изъ тонкихъ политиковъ своего времени, и его удачные дипломатическіе переговоры постоянно почти приводили къ выгоднымъ результатамъ,—лучшее доказательство умѣнья и находчивости во́-время. Какъ монархъ, Алексѣй Михайловичъ умѣлъ, надобно правду сказать, все дѣлать во́-время.

Если бунтъ 1648 года или возмущеніе Стеньки Разина, разразившись будто не ждано, не гадано, и показываютъ какъ бы безпечность правительства, то для знающихъ московскіе порядки и офиціозную ложь государю въ донесеніяхъ грабителей-воеводъ о мнимомъ благоденствіи ввѣренныхъ имъ областей и самое разраженіе бунтовъ чуть не врасплохъ,—не покажется набрасывающимъ тѣнь на разумность и бдительность главы администраціи. Язвы, вскрытыя погромомъ бунтовъ и мятежа, царь Алексѣй не только залѣчивалъ безъ траты времени, но законодательнымъ путемъ уничтожалъ и самый источникъ ихъ или преграждалъ на будущее время возможность развитія подобныхъ бѣдствій. Застраховать же вполнѣ себя отъ нихъ, мы думаемъ, въ то время не было даже средствъ. Зато непосредственно за бунтомъ, возбужденнымъ хищеніями во имя закона, составлено Уложеніе, гдѣ опредѣлились

Наталья Кирилловна Нарышкина.

ясно отношенія сословій къ администраціи и утверждены размѣры повинностей народныхъ. Не легки были для земства взносы и сборы на организованіе защиты границъ отъ вторженія хищниковъ, но потребность этихъ жертвъ всѣми сознавалась, и самое предпринятіе войны съ Польшею за Малороссію было популярно.

Съ честью и выгодою окончивъ войну, царь Алексѣй находился въ апогеѣ своей славы, — ничто не предвѣщало въ будущемъ горя. Но испытанія не замедлили. Начались они съ потерь, наиболѣе прискорбныхъ и чувствительныхъ. Сперва умерла старшая дочь царская,

Коломенскій дворецъ.

Евдокія Алексѣевна, 18 лѣтъ (27 февраля 1669 года). И потеря эта поразила мать ея — царицу Марью Ильинишну, изъ рода Милославскихъ, съ которою царь Алексѣй прожилъ душа въ душу 21 годъ. Родивъ дочь, названную тоже Евдокіею, царица скончалась 3 марта, черезъ шесть дней послѣ дочери. А 19 іюня того же года не стало 4-лѣтняго царевича Симеона. Грустный царь получалъ удары за ударами, но испытанія его еще не кончились. Января 16, 1670 года, послѣдовала потеря и наслѣдника престола, объявленнаго уже соцарственникомъ родителю. Оставались еще у грустнаго царя-вдовца 4 дочери-дѣвицы да два сына въ дѣтствѣ. Для нихъ уговорили государя приближенные вступить во второй бракъ. По обычаю московскаго двора, освященному временемъ, для женитьбы государя всегда бывало представленіе невѣстъ на выборъ: какая приглянется державному жениху. «Явленье невѣстъ» для второго брака царя Алексѣя Михайловича началось съ 28 ноября 1669 года. Смерть наслѣдника остановила, конечно, смотры невѣстъ скорбнымъ его родителемъ. Только 1 февраля 1670 года они возобновились, и третьею изъ четырехъ дѣвицъ, представленныхъ въ этотъ день, значится «Кириллова дочь Нарышкина, Наталья». На ней, 18 апрѣля того же года, окончательно остановился царскій выборъ супруги. Ей суждено было быть матерью Великаго Петра.

Кто же она? — вы спросите.

Отвѣтъ будетъ нѣсколько долгъ, хотя и незатруднителенъ.

Въ половинѣ XVII вѣка по правую сторону дороги отъ Пронска къ Михайлову (Рязанской губерніи), верстахъ въ двадцати отъ этого города, была деревня Старое Киркино. Она была родовою вотчиною дворянъ Нарышкиныхъ, происходившихъ, по стариннымъ, наиболѣе вѣроятнымъ, извѣстіямъ отъ выходца изъ Крыма — мурзы Нарыша. Другое новѣйшее указаніе въ фамиліи «Нарышкинъ» находитъ звукъ *Норискенъ* и ведетъ происхожденіе этого рода отъ западныхъ славянъ.

Не вдаваясь въ неумѣстную здѣсь генеалогическую полемику, мы прямо переходимъ къ эпохѣ смоленской осады при царѣ Михаилѣ, гдѣ положилъ голову за отечество Поліевктъ Ивановичъ Нарышкинъ. Сынъ его Кириллъ, женатый на Аннѣ Львовнѣ Леонтьевой, былъ тарусскій городовой дворянинъ. Значился онъ

еще по жилецкому списку, т.-е. *на службѣ, но безъ чина,* когда жена подарила ему первую дочь, 22 августа 1651 года. Новорожденную назвали Натальей. Ей уже было семь лѣтъ, когда отца произвели въ стряпчіе рейтарскаго строя, изъ которыхъ, послѣ пяти лѣтъ службы, перешелъ онъ (1667 г.) ротмистромъ въ новоприборной полкъ, рейтарскій же, Артемона Сергѣевича Матвѣева, давно уже знавшаго и любившаго Нарышкина. Иначе трудно повѣрить, чтобы всего въ три года службы въ полку его (а не раньше) могъ Кириллъ Нарышкинъ до того сойтись съ начальникомъ, что тотъ даже взялъ къ себѣ его дочь, начинавшую подрастать, да и выхлопоталъ еще ему должность стрѣлецкаго головы, прямо съ прибавкою жалованья при назначеніи. Такъ не часто въ Москвѣ дѣлалось. Объясняя же это давнею дружбою, питаемою Матвѣевымъ къ своему ротмистру, тутъ не покажется ничего невѣроятнаго, тѣмъ болѣе — что теперь уже и начиналъ входить въ силу царскій любимецъ, Матвѣевъ. Въ домѣ его дочь Нарышкина считалась какъ родная, не разлучаясь съ хозяйкою, къ тому же приходившеюся сродни гостьѣ-приживалкѣ, въ это время уже выравнивавшейся. Скоро въ церкви Николы въ Столпахъ, къ приходу которой отходилъ домъ Матвѣева, всѣ стали замѣчать подлѣ жены царскаго любимца сановитую, румяную красавицу съ черными глазами на выкатѣ. Она была не по лѣтамъ умна и, по словамъ тосканскаго придворнаго Рейтенфельса, бывшаго въ Москвѣ немного позднѣе этого, отличалась рѣдкою особенностью между столичными дамами — пріятностью обращенія.

Бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ.

Въ то время, когда Наталья въ домѣ А. С. Матвѣева вполнѣ расцвѣла съ наступленіемъ 18-й весны своей, государь Алексѣй Михайловичъ понесъ рядъ тяжелыхъ семейныхъ потерь, которыхъ мы уже коснулись. Страдая и тоскуя въ одиночествѣ, царь еще чаще сталъ посѣщать своего друга, Артемона Сергѣевича Матвѣева, являясь въ его домъ по вечерамъ. Случалось, что государь изволилъ прихаживать даже и въ такіе часы, когда въ старинной Москвѣ готовились спать и собирались ужинать. Однажды государь прибылъ какъ разъ къ накрытому столу и, замѣтивъ затрудненіе Матвѣева, просилъ, не стѣсняясь его присутствіемъ, всѣмъ занять обычныя мѣста за ужиномъ. И самъ соизволилъ принять участіе въ семейной трапезѣ. Жена Матвѣева вышла съ сыномъ и дѣвицей Нарышкиной. Царь Алексѣй прямо обратилъ вниманіе на эту красавицу, подносившую ему и хозяину кубки. Принявъ милостиво напитокъ, Алексѣй Михайловичъ сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ дѣвицѣ и остался доволенъ разумными ея отвѣтами. Во весь ужинъ государь не переставалъ смотрѣть на гостью своего

Московская улица въ XVII столѣтіи.

любимца. Послѣ стола же, когда она ушла вмѣстѣ съ хозяйкою, государь спросилъ Матвѣева:

— За кого думаютъ выдать эту дѣвушку?

— Какъ Богъ дастъ...

— Надо подумать объ этомъ, — отвѣтилъ государь какъ-то особенно привѣтно, и самъ задумался.

Переговорили потомъ о многомъ, но царь не разъ возвращался въ разговорѣ къ дѣвицѣ Нарышкиной, все о ней и про нее выспрашивая. Уходя же, сказалъ съ многозначительнымъ удареніемъ на первомъ словѣ:

— *Я* найду жениха твоей бѣдняжкѣ!

Прошло нѣсколько дней. Вотъ государь Алексѣй Михайловичъ опять у Матвѣева. Начинаетъ говорить о Нарышкиной и прямо объявляетъ, что нашелъ жениха ей.

Хозяинъ, почтительно кланяясь, благодаритъ за милость, промолвя:

— Во святой часъ да въ добрый, — былъ бы человѣкъ хорошій!

— Кажется, — смѣясь подтверждаетъ государь: — вѣдь знаешь меня не съ дурной стороны. *Я хочу жениться на ней!*

Матвѣевъ затрепеталъ отъ неожиданности и грохнулся въ ноги царственному свату.

— Помилуй, государь!.. И то уже лиходѣи мои подрываются подъ меня, а узнаютъ это еще?! Погибъ я совсѣмъ. Завопятъ, что я обошелъ твое царское величество приворотнымъ зельемъ...

— Будь покоенъ...—поднимая своего друга, уговаривалъ его государь. — Можно устроить никому не въ примѣту. Представляй Наталью по указу... Да смотри... поскорѣе...

Матвѣевъ исполнилъ волю царскую какъ могъ поспѣшнѣе, и, представленная съ тремя другими, Наталья удостоилась формальнаго царскаго приказанія: *оставить на верху,* до вторыхъ смотринъ. Еще два мѣсяца съ половиною возили дѣвицъ изъ дальнихъ городовъ—отъ Новгорода до Вязьмы, Костромы и Суздаля. Представленныя 67 невѣстъ посланы домой только послѣ смотра 18 апрѣля. Оставлены двѣ: Нарышкина да Бѣляева — Авдотья, привезенная наканунѣ. О выборѣ ея сильно хлопоталъ дядюшка съ материной стороны, какой-то Иванъ Шахиревъ, обѣщавшій и врачамъ благодарность за поддержку его кандидатки, самъ заранѣе разгласивъ, что «Нарышкина свезена, а наша взята!» — хотя и зналъ противное. Не пронявшись, однако, и этимъ, усердный дядя, конечно, разсчитывавшій на собственное возвышеніе черезъ племянницу, 22 апрѣля сочинилъ два пасквильныхъ безымянныхъ письма и подбросилъ ихъ: одно въ сѣни Грановитой палаты, а другое прилѣпилъ къ сѣннымъ дверямъ Шатерной палаты, «что ходятъ на постельное крыльцо». Письма найдены шатерничимъ истопникомъ, представившимъ ихъ боярину-дворецкому Б. М. Хитрово, а тѣмъ — государю. Что вычелъ въ этихъ грамоткахъ царь Алексѣй Михайловичъ — неизвѣстно, но тотчасъ велѣлъ строго разыскивать. На Шахирева на перваго пало подозрѣніе при разспросахъ ближнихъ людей. Его притянули,— и съ пытки несчастливый хлопотунъ сознался. Дальнѣйшая судьба его племянницы неизвѣстна; но Нарышкина продолжала жить *на верху,* хотя и не объявлялась царевою невѣстою. Не хотѣлъ ли царь Алексѣй дождаться годовщины по сынѣ? Это всего вѣроятнѣе, потому что въ слѣдующее же воскресенье за нею — 22 января (1671 г.) праздновали бракъ государя съ Натальею Кирилловной Нарышкиной.

Могли, конечно, вліять на продолженіе необъявленія ея невѣстою также и серіозные безпорядки на Низовьѣ, производимые Разинымъ, какъ и затянувшійся процессъ Шахирева, признаніемъ котораго дѣло не кончилось. Еще собирали подьячихъ да подыскивали, чья рука подходитъ къ подписи *Артемошка* на подметномъ письмѣ. Однако, никто изъ подьячихъ писавшаго не указалъ, не позарившись на щедрую награду царскую и не убоявшись угрозы опалою. Потому царь остался въ подозрѣніи, что подписывалъ не подьячій, а — подымай выше. Можетъ-быть, и не безъ основанія подозрѣвалъ государь тутъ штуки дворецкаго (Хитрово), — и долго не забылъ интригъ по поводу второй женитьбы своей.

Февраля 7, черезъ двѣ недѣли послѣ *веселья царскаго* (свадьбы), высокой четѣ новобрачныхъ подносили дары въ золотой палатѣ: патріархъ, власти, бояре, думные люди, гости и посадскіе, даже изъ «черныхъ слободъ». Всѣхъ дароприносителей угощалъ государь въ Грановитой палатѣ. Въ апрѣлѣ царь съ супругой ѣздилъ по монастырямъ: въ Троицкую лавру да въ Александрову слободу. Въ концѣ мая переѣхалъ дворъ въ село Преображенское, а

въ августѣ—въ Коломенское. Государь бывалъ въ столицѣ только по праздникамъ, большую часть досуга посвящая семейной жизни и радостямъ ея, еще недавно считая ихъ для себя утратившими все обаяніе. Сентябрь опять посвященъ былъ молебнымъ хожденіямъ по обителямъ съ царицею.

Молебныя хожденія даромъ не пропали. Благочестивый царь Алексѣй на слѣдующую весну былъ обрадованъ рожденіемъ сына. Оно послѣдовало на 30-е мая, за $2^1/_2$ часа до разсвѣта, по однимъ источникамъ — въ Кремлевскомъ дворцѣ, а по другимъ—въ Коломенскомъ. Новорожденнаго царевича нарекли — Петръ.

По случаю рожденія его нѣмецкимъ актерамъ, выписаннымъ изъ Гамбурга пасторомъ Ягономъ-Готфридомъ Грегори, велѣлъ радостный государь-родитель 4 іюня 1672 года «учинити комидію, и на комидіи дѣйствовати изъ библіи книгу Эсфирь», по содержанію близко напоминавшую, въ его глазахъ, подземныя интриги противъ Натальи Кирилловны.

Для этого представленія въ селѣ Преображенскомъ построена вновь «комидійная хоромина», по тогдашнимъ цѣнамъ стоившая дорого. Однихъ лѣсныхъ матеріаловъ пошло на 1000 рублей. Еще раньше, именно въ январѣ этого года, къ годовщинѣ своей женитьбы на второй женѣ, царь Алексѣй приказалъ построить такую же «хоромину» въ Кремлѣ-городѣ для зимнихъ представленій, но она къ сроку не поспѣла. Вмѣсто того, на другой день дано представленіе на сценѣ въ селѣ Преображенскомъ. Слѣдовательно, годъ рожденія Петра I есть вмѣстѣ съ тѣмъ и время водворенія въ Россіи сценическаго искусства.

Мѣсто, гдѣ такъ тѣшилъ царь Алексѣй Михайловичъ свою вторую жену,—село Преображенское, — понятно, должно было сдѣлаться впослѣдствіи любимою резиденціею царицы Натальи. Прибавимъ съ своей стороны, что Преображенское и оставлено ей было въ тяжелую годину вдовства, когда и покровитель ея юности Матвѣевъ, при жизни царя Алексѣя Михайловича устраивавшій театральныя представленія, удаленъ въ ссылку сыномъ его друга-государя въ первый же годъ по воцареніи. Покрасовалась замужемъ привѣтли-

Дѣтскіе годы Петра Великаго.

вая царица Наталья Кирилловна, какъ извѣстно, только пять лѣтъ. Царь Алексѣй Михайловичъ, не доживъ 40 дней до 47 лѣтъ отъ рожденія, скончался послѣ кратковременной болѣзни 30 января 1676 года, оставивъ вторую жену съ тремя малолѣтними дѣтьми, изъ которыхъ старшему Петру было менѣе 4 лѣтъ. Зато отъ первой жены остались у государя дѣти болѣе взрослыя, особенно старшія дочери.

Со вдовствомъ наступили тяжкія испытанія для царицы Натальи. Врагами ея — партіею сторонниковъ Милославскихъ — прежде всего пущенъ былъ въ народъ слухъ, нашедшій мѣсто даже въ сказаніяхъ писателей (Таннера и Залусскаго), будто вдова-царица при помощи Матвѣева, своего воспитателя, по смерти мужа хотѣла доставить престолъ своему сыну Петру, обойдя пасынка.

Уже это одно обстоятельство,—не разсуждая, вѣрно оно или не вѣрно, — способно было поселить между мачехой и пасынкомъ самое меньшее—холодность, если не враждебныя еще отношенія. По крайней мѣрѣ, клевета эта могла служить оправданіемъ для дальнѣйшихъ враждебныхъ мѣръ, принимаемыхъ противъ вдовы-царицы. Враги Матвѣева говорили, что великодушный царь Ѳеодоръ, не могши ничего сдѣлать съ мачехой, сослалъ одного Матвѣева, принявъ, конечно, мѣры для наблюденія за вредными для него дѣйствіями со стороны мачехи-царицы. Сплетня эта, при существованіи перваго слуха, казалась вполнѣ правдоподобной для незнающихъ дѣла. Но, въ самомъ дѣлѣ, стоитъ ли эту сказку и опровергать даже, когда ясно видно, что сочинена она врагами Матвѣева уже по низверженіи его, даже послѣ ссылки? Какъ видно, враги эти не только не стѣснялись взводить на ненавистнаго человѣка все, что имъ на умъ вспадало, но еще и не думали приводить похожее на дѣло, вѣроятно, не ожидая ниоткуда повѣрки или заявленія сомнѣній. Взводя, напримѣръ, на царицу Наталью напраслину, они даже высказывали немыслимое при существовавшемъ порядкѣ вещей. Кто не знаетъ, что объявленіе царемъ-отцомъ котораго-либо своего сына наслѣдникомъ — дѣлаетъ уже его, съ упраздненіемъ родительскаго престола, законнымъ государемъ съ невозможностью всякаго противнаго заявленія? А царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, при жизни родителя еще, 1 сентября 1674 года, былъ объявленъ наслѣдникомъ престола. Затѣмъ уже всякое дѣйствіе, даже самаго невиннаго свойства, къ ущербу права его дало бы врагамъ царицы Натальи вѣрный способъ погубить ее при самомъ еще воцареніи пасынка. Противъ этого же мы имѣемъ развѣ обратныя доказательства. Пять первыхъ мѣсяцевъ царствованія преемника царя Алексѣя прошли, не предвѣщая никакой грозы, разразившейся въ іюлѣ 1676 года.

Первое лицо по вліянію на монарха, боярыня Анна Петровна Хитрово, нянюшка царя Ѳеодора, изъ видовъ личнаго властолюбія, приняла сторону клеветниковъ всякаго рода на вдову-царицу и ея надежнѣйшую опору — умнаго Матвѣева. Но и тутъ что же сдѣлали враги его? Оружничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, свойственникъ честолюбивой нянивраждебницы, да дядька царя, любимецъ его, Языковъ, увѣрили царя-отрока, будто бояринъ Матвѣевъ *хищникъ, много награбившій въ Сибири*, и потому недостойный царскаго лицезрѣнія. Успѣвъ черезъ эту клевету выпросить назначеніе Матвѣева на воеводство въ Верхотурье, враги только по отъѣздѣ его прибѣгли къ доносу, не менѣе нелѣпому, какъ и первая клевета. Выискался какой-то лѣкарь Берловъ съ заявленіемъ, что Матвѣевъ хотѣлъ извести царя *при посредствѣ нечистой силы*. А доказательствомъ тому, будто бы, служилъ мѣшокъ съ какими-то травами, который, вѣроятно, не безъ участія доносчика, подкупленнымъ слугой подброшенъ былъ въ подвалъ боярскаго дома. И этому доносу придана не только вѣроятность, но необыкновенная важность: Матвѣева въ Лаишевѣ остановили, допрашивали: о лѣчебникѣ, черной книгѣ и т. п. — и, несмотря на раціональные его отвѣты, послали въ Пустозерскъ въ ссылку.

При такомъ положеніи враговъ царицы-вдовы, царь Ѳеодоръ, очень можетъ быть, не придавалъ никакого значенія распоряженіямъ, дѣлаемымъ его именемъ, на самомъ дѣлѣ стѣснительнымъ для мачехи. По характеру онъ былъ дѣйствительно добродушенъ, но никто не усумнится повѣрить, что онъ при молодости своей дѣйствовалъ замѣтно въ намѣреніяхъ окружающихъ, которымъ привыкъ довѣряться. Приближенные же къ царю люди, находя для себя выгоднымъ удалить царицу-мачеху, представляли, напримѣръ, просьбы стольниковъ

царицы-вдовы о повышеніи, выставляя ихъ усердіе къ службѣ. При докладѣ заявлялось государю, что въ поощреніе примѣрной службы лучшею наградою былъ бы переводъ ихъ въ штатъ государя, чѣмъ, конечно, переводимые оставались довольны. А уменьшеніе черезъ это наличныхъ стольниковъ у царицы Натальи, при бывшихъ московскихъ порядкахъ, унижало ее въ глазахъ народа и придворныхъ. Подобное же дѣлалось и съ царицыными родными, только обратно. Изъ приказовъ ихъ исключали подъ предлогомъ занятій дѣлами государыни, а повышеній не дѣлали. Для всѣхъ замѣтно было опальное положеніе вдовы, все рѣже и рѣже являвшейся на выходахъ. Время отъ времени, впрочемъ, царь Θеодоръ обращалъ милостивый взглядъ на положеніе мачехи, посѣщая ее.

Царь Θеодоръ Алексѣевичъ.

Въ одинъ изъ такихъ визитовъ предложено ей было, напримѣръ, приступить къ обученію царевича Петра.

Это было на другой годъ по воцареніи царя Θеодора, и пришелъ государь къ мачехѣ въ сопровожденіи любимаго своего дворецкаго Θедора Прокофьевича Соковнина. Заговорилъ объ ученіи пятилѣтняго брата государь, по всей вѣроятности, по внушенію своихъ же приближенныхъ, которые надѣялись, можетъ-быть, встрѣтить оппозицію въ матери и упорство ея опять представить въ невыгодномъ для нея свѣтѣ. Но царица-мать приняла охотно заявленіе государя-пасынка, попросивъ *скорѣе пріискать* учителя. Тутъ же представить наставника взялся Соковнинъ, прямо назвавъ Никиту Зотова, дьяка челобитнаго приказа, какъ лучшаго человѣка для подобнаго порученія. Дьякъ этотъ, дѣйствительно, слылъ между собратьями за дѣльца и краснослова. Представленный царю, онъ долженъ былъ написать, что̀ велѣно его царскимъ величествомъ, а затѣмъ «честь книги» для пробы. Экзаминаторомъ призванъ былъ ученый Симеонъ Полоцкій, давшій благопріятный отвѣтъ—«яко право того писаніе и изряденъ глаголъ чтенія». Слѣдовательно, читать да писать только и требовалось отъ учителя. По такомъ трудномъ испытаніи Зотовъ представленъ Соковнинымъ же, отъ имени государя, вдовствующей царицѣ, на утро назначившей и приступленіе къ ученію.

День начала ученія царевича Петра былъ 12 марта 1677 г. Поутру царь и патріархъ пришли въ палаты царицы Натальи, въ Потѣшномъ дворцѣ, «и святѣйшій патріархъ, сотворя обычное моленіе, окропя блаженнаго отрока святою водою и благословивъ, вручи Зотову. Онъ же, принявъ государя-царевича и, по семъ, посадя на мѣсто и сотворя земное поклоненіе, началъ ученіе». Патріархъ въ награду счастливому дьяку-наставнику для перваго знакомства подарилъ сто рублей, царь Θеодоръ пожаловалъ домъ, а царица приказала сшить ему «двѣ пары платья богатаго и уборъ весь».

Крекшинъ, передавая эти подробности, никакъ уже не сочинилъ ихъ. Онъ могъ узнать все это точно отъ сыновей самого Никиты Моисеевича Зотова, если еще не отъ него самого. Самый порядокъ приступа «ко книжному обученію» совершенно въ характерѣ русскихъ людей XVII вѣка, когда безъ подарка нельзя было шага сдѣлать въ Москвѣ, и приниманье посулъ дѣловыми людьми не считалось совсѣмъ предосудительнымъ, — тѣмъ болѣе дары отъ высшихъ низшимъ. Авторъ повѣсти «о рожденіи Петра Великаго» разсказываетъ даже и самый способъ ученія, по поводу котораго мы можемъ возразить одно только, — что нѣтъ резона приписывать его исключительно Зотову, когда подобнымъ образомъ учили обыкновенно всѣхъ царевичей. Не зная, вѣроятно, этого, почтенный авторъ «Дѣяній Петра Великаго», И. И. Голиковъ, могъ, положимъ, витійствовать по крайнему разумѣнію,

что хотя Зотовъ «и не зналъ наукъ и языковъ, но былъ искусенъ въ россійскомъ и довольно свѣдущъ въ исторіи, а паче отечественной, и при хорошемъ сердцѣ имѣлъ великое усердіе и неутомимую прилежность въ обученіи царевича. Онъ по утрамъ обучалъ его грамотѣ и изъяснялъ первыя начала закона, послѣ обѣда разсказывалъ ему дѣла прославившихся россійскихъ государей». Все это — одни дешевыя умствованія и парафразы того же Крекшина, у котораго встрѣчается еще опущенная авторомъ «Дѣяній» одна характерная черта, именно — то, что Зотовъ, когда замѣчалъ утомленіе своего ученика за книгой, то водилъ его по комнатамъ, разсказывая содержаніе гравированныхъ изображеній, которыми нарочно обиты были всѣ стѣны жилища царевича. Такая внимательность и сообразительность наставника, по времени явленія, въ высшей степени замѣчательны: и того уже много, если неразвитый научно Зотовъ проявилъ такую смышленость въ примѣненіи къ своему царственному воспитаннику. Что онъ былъ человѣкъ далеко не глупый, это доказываетъ сознанная самимъ Петромъ возможность поручать ему впослѣдствіи даже важныя дѣла, требовавшія соображенія.

Заговоривъ о наставникѣ и методѣ начальнаго обученія грамотѣ Петра I, замѣтимъ кстати, что, насколько можно догадываться, царевича обучали грамотѣ въ обществѣ нѣсколькихъ сверстниковъ по лѣтамъ. Двухъ изъ этихъ сверстниковъ—Григорья Лукина и Екима Воронина — мы знаемъ; оба они оказались вѣрнѣйшими слугами взросшаго съ ними вмѣстѣ царя Петра, положивъ за него и головы свои въ Азовскомъ походѣ. Между дѣтьми однихъ лѣтъ выучившись читать и писать, царевичъ Петръ продолжалъ знакомиться и съ другими предметами курса, по московскому обычаю.

Въ Москвѣ же, въ XVII вѣкѣ, при обученіи дѣтей, *умѣвшихъ уже читать письмо*, игралъ главную роль *азбуковникъ*. Такъ назывались рукописные сборники, замѣнявшіе хрестоматіи, или книги для чтенія. Они заключали въ себѣ краткія руководства всѣхъ наукъ. Тутъ были, конечно, грамматика и ариѳметика, «рекши россійскимъ языкомъ — числительница». Иногда можно было найти геометрію и астрономію даже, — конечно, въ такой формѣ, которая въ наше время немыслима, а тогда была удовлетворительна. Географія или космографія съ исторіею въ видѣ лѣтописнаго перечня царей и главнѣйшихъ эпохъ мірового бытописанія, составлявшія уже верхъ учености, заключались также въ азбуковникѣ. Слѣдовательно, цѣлую энциклопедію знаній, хотя въ искаженномъ, мало пригодномъ для жизни объемѣ и въ изложеніи почти невразумительнымъ церковнымъ языкомъ переводчиковъ, не понимавшихъ дѣла, имѣлъ передъ собою въ дѣтствѣ Петръ Великій. И это не могло не повліять на развитіе въ геніальномъ отрокѣ любви къ чтенію вообще. Пищу же для чтенія, очень обильную, онъ могъ имѣть въ самой царской библіотекѣ, составленной преимущественно изъ рукописныхъ переводовъ съ разныхъ европейскихъ языковъ, сочиненій богословскихъ, философскихъ, историческихъ, врачебныхъ и естественныхъ. Вотъ чѣмъ объясняется замѣчательная впослѣдствіи начитанность Петра, изумлявшая даже ученаго Лейбница. Не будь этой энциклопедической подготовки въ лѣтахъ дѣтства, очень можетъ быть и не развилась бы до такихъ размѣровъ неутолимая жажда знаній въ Петрѣ. А она заставила его учиться, при первой мелькнувшей возможности, въ такіе уже годы, когда у бо́льшей части молодыхъ людей охота къ ученію совсѣмъ испаряется. Съ Петромъ было напротивъ. Онъ дѣлаетъ неимовѣрныя усилія надъ собою, стараясь найти смыслъ, разгадку и разумный выходъ изъ безтолковыхъ поясненій математическихъ теоремъ и задачъ, дѣланныхъ ему Тиммерманомъ, самимъ знавшимъ не много да къ тому же плохо владѣвшимъ еще и русскимъ языкомъ.

Всякій другой умъ потерялся бы въ такомъ безвыходномъ положеніи. Тысячу разъ могла опротивѣть даже не юношѣ эта безцѣльная борьба съ препятствіями, ежеминутно возникавшими; но умъ Петра перемогъ все это и, въ концѣ концовъ, уразумѣлъ самую суть дѣла. Шло же оно, ни болѣе ни менѣе, какъ о началахъ фортификаціи и артиллеріи, для пониманія которыхъ требовались кое-какія математическія знанія, добытыя, наконецъ, тяжкимъ трудомъ и мало кому доступнымъ упорствомъ.

Это, впрочемъ, все происходило уже во второмъ десятилѣтіи жизни царя Петра. Между

тѣмъ, конецъ десятаго года принесъ много опасностей для царственнаго отрока, а матери его стоилъ многихъ слезъ и тяжкихъ сердечныхъ страданій.

Апрѣля 27 1682 года, послѣ 6 лѣтъ и 3 мѣсяцевъ царствованія, умеръ, недолго похворавъ, царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, всего на 22 году отъ рожденія. Болѣзненный организмъ его не перенесъ потери первой супруги, нѣжно имъ любимой — Агаѳьи Семеновны Грушецкой. Черезъ полгода, правда, присовѣтовали грустному, слабѣвшему день ото дня, государю вступить во второй бракъ съ дочерью стольника Марѳой Матвѣевной Апраксиной. Но это утѣшеніе предложено было уже поздно: черезъ два мѣсяца съ небольшимъ юной царицѣ пришлось овдовѣть. Тогда народный голосъ заставилъ патріарха наречь государемъ младшаго изъ царевичей-братьевъ, Петра Алексѣевича. Старшій — Іоаннъ — былъ хотя и 16 лѣтъ, но болѣзненный и неспособный къ правленію; Петръ же Алексѣевичъ, хотя былъ и по 10 году, «обаче добротою и возрастомъ и остротою ума одаренъ отъ Бога». На немъ и остановили выборъ.

Царевичъ Петръ 10 лѣтъ.

Рѣшеніе это объ избраніи въ цари Петра послѣдовало въ самый день кончины брата и крестнаго отца его — Ѳеодора Алексѣевича. И тутъ-то выступаютъ на сцену интриги безбрачныхъ представительницъ царской семьи, никогда не являвшихся на сцену свѣта до этой поры, проводя вѣкъ свой чуть не въ затворѣ — въ теремахъ своихъ.

При Іоаннѣ III дочери его выдавались еще за своихъ русскихъ бояръ; въ три же слѣдующія царствованія царевенъ взрослыхъ не было. Годуновъ уже сталъ искать для своей дочери жениха *не подданнаго.* Царь Михаилъ для старшей дочери своей Татьяны хотѣлъ составить партію, пригласивъ иностраннаго принца, и неудача въ выполненіи этого давняго намѣренія едва ли не была дѣйствительною причиной ранней кончины его. Татьяна Михайловна, Ирина Михайловна и Анна Михайловна остались такимъ образомъ безбрачными, проведя молодость въ стѣнахъ своего терема, а подъ старость постригшись. За подданныхъ не выдавали ихъ по предубѣжденію или по расчетамъ политики. Та же политика мѣшала отыскивать и иностранныхъ принцевъ, со стороны которыхъ боялись встрѣтить отказъ или излишнія требованія. Число невольныхъ затворницъ-царевенъ еще увеличилось шестью дочерьми царя Алексѣя Михайловича отъ первой супруги. А въ это именно время обстоятельства, казалось, благопріятствовали попыткѣ — выйти на свѣтъ Божій да показаться въ люди царевнамъ. По лѣтамъ второю изъ нихъ была царевна Софья Алексѣевна, по уму же, смѣлому и находчивому, безспорно — первая.

Въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича, особенно въ послѣдній его годъ, постоянное войско московское, — какимъ оказывались стрѣльцы, — проявляло не разъ недовольство своими начальниками. Никто, впрочемъ, не обращалъ особеннаго вниманія на источникъ этихъ неудовольствій, а оттого положеніе дѣлъ не только не улучшалось, но дѣлалось все хуже и хуже. Съ одной стороны, возрастало при безнаказанности своевольство стрѣльцовъ, обижавшихъ мирныхъ гражданъ, а съ другой стороны, сами обидчики имѣли достаточно причинъ для жалобъ на своихъ непосредственныхъ начальниковъ, злоупотребленія которыхъ были слишкомъ явны. Одно только высшее

начальство, въ лицѣ судьи Стрѣлецкаго приказа, ничему не внимало. Между тѣмъ, должность эту занималъ человѣкъ лично правдивый — князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій. Но онъ былъ уже старецъ, за годами и недугами ни во что не входилъ и возложилъ управленіе дѣлами на товарища своего, Ивана Максимовича Языкова. Этотъ же дѣлецъ былъ изъ стряпчихъ, дослужившійся до боярства. Былъ онъ тоже въ лѣтахъ, но еще очень дѣятельный и бодрый, къ несчастью привыкшій ни во что ставить жалобы подчиненныхъ на начальниковъ, при случаѣ даже наказывая самихъ приносителей жалобъ. Отъ взятокъ онъ самъ былъ не прочь и даже, говорили открыто стрѣльцы, имѣлъ свою долю въ грабительствѣ казны, отпускавшейся на стрѣлецкое войско. Передъ смертью царя Ѳеодора стрѣльцы полка Пыжова подали, наконецъ, челобитную на притѣсненія своего полковника. Языковъ, вмѣсто разбора дѣла, жестоко наказалъ самихъ челобитчиковъ. Но вслѣдъ за первымъ челобитьемъ поступила другая жалоба на полковника Семена Грибоѣдова, и Языковъ потерялся: сперва посадилъ Грибоѣдова подъ арестъ, а потомъ выпустилъ на другой день, ничего уже не сдѣлавъ жалобщикамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ никого и не удовлетворивъ своимъ полурѣшеніемъ. Неудовольствіе и ропотъ между стрѣльцами теперь стали слышаться больше и больше. Этимъ состояніемъ умовъ и сумѣла воспользоваться царевна Софья. Она вошла въ сношеніе съ недовольными стрѣльцами черезъ своихъ сторонниковъ—Александра Милославскаго да Ивана и Петра Андреевичей Толстыхъ. Самыми вліятельными людьми между стрѣльцами были небогатые, но честолюбивые полковники Циклеръ и Озеровъ. Имъ обѣщала царевна помѣстья, деньги и повышенія, если только они поддержатъ ея требованія, когда велитъ царевна. Она же вслѣдъ за избраніемъ Петра въ цари призвала патріарха и членовъ боярской думы и просила ихъ не лишать престола брата ея Іоанна. Ей отвѣтили, что Петръ уже избранъ и перемѣнить этого нельзя. «Смотрите же, чтобы за такую несправедливость не было у васъ мятежей и кровопролитія», сказала царевна съ угрозою, надѣясь на поддержку стрѣльцовъ. Но и это не подѣйствовало. Тогда идетъ она поздравлять младшаго брата своего, Петра, приказавъ Милославскому возбуждать стрѣльцовъ къ бунту. Чтобы сколько-нибудь объяснить умѣстность выходки царевны съ патріархомъ и думою, намъ приходится воротиться нѣсколько назадъ—къ болѣзни царя Ѳеодора. Боленъ былъ онъ давно уже, а лежалъ въ постели всего нѣсколько дней. Но и этими послѣдними днями жизни царя-брата успѣла-таки воспользоваться царевна Софья для перваго выхода изъ терема къ народу. Она прикинулась нѣжной сестрою и явилась у постели больного брата-государя въ роли сидѣлки. Появленіе царевны внѣ терема—примѣръ, до того неслыханный въ Россіи; но тутъ были еще извиняющія обстоятельства. Комната умирающаго оказывалась все-таки нейтральною почвой, на которой нарушеніе исконнаго обычая могло быть объясняемо излишествомъ родственной привязанности, тѣмъ болѣе что видѣть здѣсь царевну могли только самые близкіе люди. Для нея на первый случай и этого было довольно. Она могла здѣсь съ кѣмъ слѣдуетъ перемолвить и внушить, что и какъ кому дѣлать. На ея несчастье, братъ умираетъ раньше, чѣмъ думала она. А со смертью его выходить изъ терема нѣтъ уже прямого предлога. Что же дѣлаетъ и въ этой крайности царевна? Она отваживается нарушить уже явно исконный обычай передъ лицомъ всего народа. На похоронахъ государя обыкновенно присутствовалъ одинъ его преемникъ, а изъ особъ женскаго пола могли находиться только жена да мать. При погребеніи царя Ѳеодора Алексѣевича могли, слѣдовательно, быть только царь Петръ да царицы Марѳа Матвѣевна и Наталья Кирилловна; царевнамъ же здѣсь быть не слѣдовало.

Царевичъ Іоаннъ Алексѣевичъ.

Между тѣмъ, когда за тѣломъ царя стольники вынесли въ сѣни вдову его на креслахъ, а за нею послѣдовалъ отрокъ-царь Петръ,— рядомъ съ ними, съ Краснаго крыльца, въ Успенскій соборъ пошла царевна Софья Алексѣевна, изумивъ всѣхъ своею дерзостью. Царица была поражена и обижена больше всѣхъ. Видя въ дѣйствіи падчерицы нарушеніе своего права, царица-вдова рѣшилась показать ей свое неудовольствіе также для всѣхъ явно. Какъ только гробъ государя поставили на мѣсто въ соборѣ, «царь съ матерью, поцѣловавъ мощи, изволилъ итти къ себѣ и у обѣдни на отпѣваньи не былъ». Оставались только вдова усопшаго да царевна Софья, успѣвшая потомъ подучить тетокъ сдѣлать замѣчаніе царю Петру, что ему *не годится* такъ дѣлать — не почтить памяти старшаго брата. Въ отсутствіе мачехи, оставаясь сама въ соборѣ, честолюбивая царевна между тѣмъ не упустила также случая произвести своего рода рекламу при прощаньи съ тѣломъ. Она заголосила передъ народомъ, какъ бы не владѣя собою: «извели покойнаго брата злые люди. Нѣтъ у насъ ни батюшки, ни заступника... Брата Ивана на царство не выбрали! Умилосердитесь надъ нами, сиротами. Если въ чемъ провинились мы передъ вами, отпустите насъ живыхъ въ чужія земли, къ королямъ христіанскимъ!»

Царевна Софья.

Жалоба на мнимое изведеніе царя Ѳеодора Алексѣевича произвести, конечно, ничего не могла: всѣ знали, что смерть его была естественная. Зато Иваново неизбраніе, причина котораго не могла быть многимъ извѣстна, должно было сдѣлаться въ народѣ предметомъ не малыхъ толковъ. Съ расчетомъ поставлены были и слова о *неимѣніи заступниковъ* у царевенъ, какъ бы угнетаемыхъ и притѣсняемыхъ. Замкнутая среда дворцоваго быта была тайною для народа, а проникая тайну, какъ извѣстно, допускаютъ самыя невѣроятныя предположенія. Такъ было и тутъ. Многіе послѣ того повѣрили слуху, будто Иванъ Кирилловичъ Нарышкинъ, съ воцареніемъ племянника только возвращенный изъ ссылки, садясь на тронъ, примѣрялъ уже на себя порфиру; будто бы говорилъ онъ даже, что она къ нему пристанетъ лучше всѣхъ; что эту его продѣлку видѣли и похвальбу слышали царевна Софья да царица Марѳа Матвѣевна, и когда онѣ стали Ивану Нарышкину выговаривать, то онъ, соскочивъ съ трона, принялся душить царевича Іоанна, съ ними бывшаго, такъ что насилу отняли. Понятно, для чего и противъ кого сочинена вся эта нелѣпая басня. Въ легковѣрномъ народѣ, каково было большинство московскихъ обывателей, она не могла не возбудить очень естественнаго раздраженія противъ родни царицы-матери. А этимъ-то и нужно было заручиться прежде всего царевнѣ Софьѣ, приготовлявшей переворотъ. Ей на руку оказалась и слабость правительства царицы, ея мачехи, проявившаяся при удовлетвореніи стрѣлецкихъ жалобъ по челобитью 16 полковъ. Всѣ полковники ихъ были смѣнены вдругъ и оштрафованы безо всякаго изслѣдованія, что, конечно, усилило духъ буйства въ стрѣлецкомъ войскѣ. Вновь назначенныхъ полковниковъ изъ подчиненныхъ никто уже не слушалъ. Стрѣльцы стали явно собираться въ круги въ своихъ слободахъ и повторять съ прибавленіями да угрозами внушаемое агентами царевны. Со стороны же правительства не принималось никакихъ мѣръ. Въ это время пріѣхалъ Матвѣевъ, въ два-три дня едва ли успѣвшій всмотрѣться въ положеніе дѣла, тогда какъ на ночныхъ собраніяхъ въ домѣ Милославскаго уже рѣшено было требовать возведенія на престолъ царевича Іоанна и *побить всѣхъ, кто бы этому воспротивился.* Къ 16-ти возмущеннымъ полкамъ присоединились теперь и послѣдніе три стрѣлецкихъ да солдатскій Бутырскій полкъ. Достаточно было бросить искру, чтобы произвести взрывъ. Мая 15, въ 9 часу дня (около 3 часовъ пополудни по нашему счету времени), Милославскій съ Петромъ Толстымъ приска-

Стрѣльцы-начальники.

кали въ стрѣлецкія слободы и, собравъ стрѣльцовъ къ съѣзжимъ избамъ, возбудили ихъ къ явному бунту, разсказавъ, что Нарышкины задушили царевича Іоанна. Съ крикомъ: «изведемъ Нарышкиныхъ, губителей царскаго рода!» — иступленная толпа вооруженныхъ стрѣльцовъ, предводимая Толстымъ и Милославскимъ, бросилась теперь въ Кремль, захвативъ съ собою пушки. Съ вѣстью объ этомъ прибѣжалъ князь Урусовъ еще во-время. Занимавшимъ караулъ стрѣльцамъ Стремяннаго полка приказано было запереть ворота, но они этого не сдѣлали, такъ что толпа ворвалась и окружила со всѣхъ сторонъ царское жилище. «Если не выдадутъ цареубійцъ Нарышкиныхъ, мы всѣхъ перебьемъ!» — кричали буйные стрѣльцы, волнуясь передъ дворцомъ. Понявъ изъ этихъ криковъ нелѣпую причину возбужденія войска, бояре посовѣтывали царицѣ Натальѣ вывести на Красное крыльцо сына да пасынка и показать стрѣльцамъ, что царевичъ Иванъ живъ. Появленіе царя и царевича дѣйствительно произвело сперва благопріятное дѣйствіе, особенно послѣ того, какъ сами стрѣльцы приставили лѣстницы къ мѣсту, гдѣ стоялъ старшій царевичъ, сами переспросили его: «ты ли государь Иванъ Алексѣевичъ, и кто изъ бояръ-измѣнниковъ на тебя посягаетъ?» Онъ же, назвавъ себя по имени, далъ имъ отвѣтъ отрицательный. Самые буйные стали удаляться, и дѣло казалось оконченнымъ. Тутъ вышелъ бояринъ Матвѣевъ, какъ извѣстно любимый прежде всѣми стрѣлецкими полками. Онъ сталъ убѣждать возбужденныхъ стрѣльцовъ разойтись и успокоиться, напоминая имъ святость присяги и представляя сознаваемую теперь самими ими ложность извѣстія о царевичѣ Іоаннѣ. Многіе изъ стрѣльцовъ не только послушались, но даже стали просить Матвѣева, чтобъ онъ исходатайствовалъ имъ у царя прощеніе за безпокойство, сознавая себя виноватыми.

Въ это время сторонники царевны Софьи, видя свою неудачу, употребили новую хитрость: разбили погреба, выкатили бочки съ виномъ и стали поить стрѣльцовъ. Охмелѣвъ, буйные воители снова забушевали. Начальникъ Стрѣлецкаго приказа, смѣнившій Языкова, князь Михаилъ Юрьевичъ Долгорукой съ Краснаго крыльца сталъ имъ приказывать разойтись, угрожая наказаніемъ. Эта пылкость его испортила все. Стрѣльцы пришли снова въ бѣшенство и, напавъ на Долгорукого, сбросили его на копья, а сами, наклонивъ

Стрѣльцы-рядовые.

«Умерщвленіе Ивана Кирилловича Нарышкина», картина *А. И. Корзухина.*

бердыши, устремились въ царскій дворецъ. Въ одной изъ внутреннихъ комнатъ царицы увидѣвъ царевича Іоанна, царя Петра и Матвѣева, котораго держала царица за руку, злодѣи вырвали боярина изъ царственныхъ рукъ плакавшей его воспитанницы и сбросили съ Краснаго крыльца на копья. Защитникомъ несчастнаго страдальца явился одинъ только мужественный князь Михаилъ Алегуковичъ Черкасскій, личный врагъ его. Загораживая собою намѣченную жертву стрѣльцовъ, великодушный бояринъ, избитый самъ, едва спасся отъ ярости ихъ. Царица съ дѣтьми и пасынкомъ искала убѣжища въ Грановитой палатѣ, брата же ея, Аѳанасія Кирилловича Нарышкина, спрятаннаго подъ престоломъ, въ это время указалъ убійцамъ его же карла — Хомякъ. Жертву вывели на паперть и умертвили, выбросивъ обезображенный трупъ изъ дворца.

Внѣ Кремля также произведено стрѣльцами много убійствъ. Языковъ, всѣмъ стрѣльцамъ равно ненавистный, найденъ и умерщвленъ ими въ домѣ священника на Хлыновкѣ. На Замоскворѣчье, въ домъ бывшаго своего начальника, князя Юрія Алексѣевича Долгорукого, стрѣльцы пришли, — какъ говорили они сами, — каяться, что по ошибкѣ убили его сына. Когда же удалились они, отецъ, конечно, не могъ удержаться отъ слезъ и гнѣва на губителей. Одинъ изъ служителей его передалъ слова несчастнаго стрѣльцамъ. Тѣ воротились и убили отца.

На слѣдующій день по всему Кремлю, Бѣлому городу и Китаю бунтовщики разставили караулы и никого не пропускали. Потомъ въ Кремлѣ окружили дворецъ и потребовали выдачи Ивана Кирилловича Нарышкина, грозя притти на слѣдующій день и перебить всѣхъ. Выйдя же изъ Кремля, пустились грабить дома, какіе попало.

Мая 17-го толпы стрѣльцовъ больше прежняго явились въ Кремлѣ, передъ царскимъ дворцомъ, съ требованіемъ выдать Ивана Нарышкина. Малодушные бояре приступили тогда къ царицѣ, прося ее для общаго спасенія пожертвовать братомъ. Царевна Софья Алексѣевна, сама возбудивъ это требованіе, явилась въ роли совѣтчицы и, наконецъ, настояла на выдачѣ жертвы, сама взяла за руку несчастнаго и передала на растерзаніе стрѣльцамъ. Убійство двухъ братьевъ царицы-мачехи да ея воспитателя и невольное постриженіе отца въ монахи — показались царевнѣ Софьѣ уже достаточнымъ ослабленіемъ противной партіи. Потому, не возбуждая стрѣльцовъ къ новымъ убійствамъ, она заявила теперь прежнее требованіе свое о воцареніи брата Іоанна. Трепещущій патріархъ и малодушные бояре не противорѣчили и на восьмой день по окончаніи мятежа — 26-го мая представлялись Ивану, прося его раздѣлить престолъ съ братомъ. Такъ совершилось никогда неслыханное на Руси двуцарствіе, и со слѣдующаго же дня царевна Софья вступила въ роль правительницы. Въ грамотахъ стали писать государей: первымъ — Ивана, вторымъ — Петра, а за ними имя Софьи. Князь Василій Васьевичъ Голицынъ, любимецъ царевны, назначенъ начальникомъ Посольскаго приказа и сталъ управлять политическими сношеніями съ иностранными державами. Стрѣльцамъ данъ титулъ надворной пѣхоты и прибавлено жалованья. Убійства, совершенныя безобразниками во время бунта, царевна Софья отважилась назвать даже заслугами стрѣльцовъ государству. Крамольники со своей стороны подали еще челобитную 6-го іюня, въ которой взвели на свои жертвы немыслимыя преступленія. И это принято благосклонно. На Красной площади поставлены столбы съ надписями именъ и мнимыхъ винъ убитыхъ въ дни мятежа. По полкамъ стрѣлецкимъ розданы затѣмъ листы похвальные съ красными печатями, чѣмъ гордились и тщеславились отъявленные производители безпорядковъ, къ общему соблазну и ужасу.

Въ Москвѣ всегда бывалъ одинъ государь, а потому не могло отыскаться двухъ одинакихъ коронъ, и приготовленія къ коронованію двуцарственниковъ продлились оттого цѣлый мѣсяцъ. Вслѣдъ же за коронаціей царей-братьевъ, совершенной 25-го іюня, возникли новыя волненія.

Большинство стрѣльцовъ были раскольники, и глава ихъ, князь Иванъ Михайловичъ Хованскій, держался самаго нетерпимаго изъ всѣхъ толковъ раскола — *Капитонова согласія.* Надѣясь на поддержку Хованскаго, теперь явились въ Москву проповѣдники раскола подъ предводительствомъ яраго изувѣра — Пустосвята Никиты. Самъ онъ, бродя по улицамъ столицы, возбуждалъ своихъ сторонниковъ противъ

Коронованіе царей-братьевъ Іоанна и Петра.

православныхъ, особенно же противъ духовенства, крикомъ: «постойте, православные, за вѣру истинную, коя гибнетъ у насъ, на Руси, и у грековъ, и по всей земли!»

При возгласахъ, конечно, не щадилъ онъ ни патріарха московскаго ни вселенскихъ. Дерзость безнаказанныхъ своевольцевъ дошла, наконецъ, до того, что въ день празднованія церковью памяти св. Сергія Радонежскаго (іюля 5-го), утромъ, толпа раскольничьихъ лжеучителей окружила Успенскій соборъ, гдѣ патріархъ совершалъ литургію. Мятежные старцы съ крикомъ потребовали, чтобы патріархъ вышелъ къ нимъ на состязаніе. Тысячи вооруженныхъ стрѣльцовъ поддерживали это дерзкое требованіе. Хованскій съ своей стороны представилъ царевнѣ, что исполнить требованіе это необходимо въ видахъ общаго успокоенія. Но правительница, какъ видно, разгадала намѣренія хитраго покровителя раскола и, понимая, что патріарху можетъ быть плохо въ толпѣ вооруженныхъ, приказала провести его особымъ ходомъ въ Грановитую палату; Хованскаго же убѣдила, что будетъ еще лучше для покровительствуемыхъ имъ, если она сама явится на это состязаніе со всѣмъ дворомъ своимъ. Хованскій долженъ былъ согласиться, и состязаніе состоялось не такъ, какъ онъ разсчитывалъ. Раскольниковъ велѣно было тогда впустить въ Грановитую палату, когда уже патріархъ и власти заняли мѣста свои, а царевна сѣла на приготовленное кресло. Навязчивые состязатели вошли съ шумомъ и гамомъ и толпой подступили подавать свою курьезную челобитную. Предводитель же скопища, разстриженный попъ Никита Пустосвятъ не воздерживался отъ ругательствъ и при чтеніи этой челобитной. За чтеніемъ послѣдовали, конечно, возраженія православнаго духовенства, особенно рѣзкія со стороны Аѳанасія, архіепископа холмогорскаго. Не стерпѣвъ его несокрушимыхъ доводовъ, Никита бросился на іерарха и толкнулъ его въ грудь. Онъ и ударилъ бы его, но выборные успѣли оттащить изувѣра. Воспользовавшись этимъ оскорбленіемъ духовнаго лица, Софья встала и съ гнѣвомъ объявила соборъ закрытымъ.

Никиту Пустосвята схватили и черезъ нѣсколько дней казнили.

Но, покаравъ виновника смуты Никиту, царевна-правительница рѣшилась отдѣлаться и отъ Хованскаго, сознавая въ немъ опасную для себя силу. Прямыхъ уликъ противъ честолюбиваго старика, однакоже, не было, поэтому правительница употребила противъ него недостойное коварство. Удалившись съ царствен-

нымъ семействомъ, подъ видомъ богомолья, сперва въ Саввинъ монастырь, а потомъ въ Троицкую лавру, царевна написала ласковое письмо кн. Ивану Михайловичу Хованскому, приглашая его для совѣщаній пріѣхать сюда, къ себѣ. Тотъ, не воображая для себя опасности, поѣхалъ, и въ селѣ Пушкинѣ былъ схваченъ и казненъ, вмѣстѣ со старшимъ сыномъ, въ тотъ же день. Это были именины царевны. При извѣстіи о казни Хованскаго стрѣльцы, узнавъ о томъ отъ другого сына его, задумали укрѣпиться въ Москвѣ и не пускать правительницу. Приступили даже къ укрѣпленію «земляного города», но черезъ день одумались и послали выборныхъ въ лавру принести повинную. Царевна приняла ихъ, сдѣлала легкій выговоръ и приказала разнести по мѣстамъ оружіе, которое они, было, забрали. Потомъ, черезъ патріарха, приказала принести челобитную за общимъ подписаніемъ. Въ день Покрова патріархомъ объявлено стрѣльцамъ рѣшеніе правительницы и потребовано, чтобы они не вступались за Хованскихъ. Сына казненнаго князя, выданнаго стрѣльцами Головину, сослали.

Ноября 6-го сломанъ былъ столбъ съ хвалебными надписями стрѣльцамъ да съ клеветами ихъ, а спустя четыре дня дворъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ успокоенную совсѣмъ столицу. Декабря 10-го назначенъ начальникомъ Стрѣлецкаго приказа Ѳеодоръ Леонтьевичъ Шакловитый, явившійся вѣрнѣйшимъ пособникомъ честолюбивой правительницы, забравшей себѣ въ голову мысль *сдѣлаться самодержавной государыней* мимо братьевъ, или, лучше сказать, *съ* окончательнымъ *устраненіемъ Петра.*

Шла царевна къ задуманной цѣли сперва очень осторожно. Такъ, напримѣръ, въ видахъ противопоставить младшему брату потомство отъ старшаго, она заставила болѣзненнаго Іоанна жениться на красавицѣ Прасковьѣ Ѳеодоровнѣ Салтыковой. Въ продолжительности жизни царя Іоанна поручиться было трудно, и Софья думала, по крайней мѣрѣ, имѣть мужское потомство отъ него. Но и этого не послѣдовало. Петра царевна-правительница думала сдѣлать неспособнымъ для правленія, предоставивъ ему возможность необузданно предаваться потѣхамъ. Живой темпераментъ царя-отрока дѣйствительно дѣлался въ дѣтствѣ пристрастнымъ къ игрѣ въ войну. «Окруживъ его, — думала Софья, — сотнями потѣшныхъ, можно закружить совсѣмъ дѣтскую голову». Но и эта затѣя оказалась несостоятельною. Игра съ потѣшными привела опять царя-юношу къ противоположнымъ результатамъ. Петръ, вырастая, дѣйствительно все время посвящалъ обученію своихъ потѣшныхъ дѣйствіямъ правильнаго строя, но выучка эта обратила потѣшныхъ въ лучшее войско.

Царь-отрокъ, какъ мы видѣли, хотя и ввѣренъ былъ очень недалекому въ книжной премудрости первому учителю, — да и того на цѣлый годъ отнимали безъ нужды, — самъ, однако, читая все, что попадалось, сталъ доходить до того, чего величайшимъ московскимъ умникамъ и не снилось. Послѣ оспы, поразившей воспріимчиваго Петра, вслѣдъ за женитьбою брата, организмъ выздоравливавшаго сталъ замѣчательно развиваться. Томила его только еще сильнѣе жажда знанія. Не часто являясь въ Москвѣ, царь-отрокъ любилъ обстоятельно бесѣдовать наединѣ съ представлявшимися ему въ селѣ Преображенскомъ. Отправляясь куда-либо въ посольства, сановники по необходимости являлись къ царю на поклонъ въ Преображенское. Такъ, уѣзжая посломъ во Францію и Испанію, явился и кн. Яковъ Ѳеодоровичъ Долгорукой, въ февралѣ 1687 г. Представляясь Петру, въ разговорахъ съ государемъ, до всего допытывавшимся, Долгорукой упомянулъ, что у него у самого былъ снарядъ, «которымъ можно бы было брать дистанціи или разстоянія издали, не доходя до самаго мѣста». Петръ принялся разспрашивать, куда дѣвался этотъ снарядъ, и велѣлъ посланнику *непремѣнно купить* себѣ такой же точно во Франціи. По возвращеніи князь Долгорукой поднесъ государю эту диковину. Оказалось, что то была астролябія и и при ней математическая готовальня. Какъ и что дѣлать съ этими инструментами,—никто не зналъ изъ окружавшихъ царя, — даже и самъ привезшій. Къ счастью, оказался при этомъ во дворцѣ лѣкарь, голландецъ Даніилъ фанъдеръ Гульстъ, онъ и взялся привести человѣка, умѣющаго обращаться съ ними. Онъ рекомендовалъ и представилъ голландца же, Франца Тиммермана, который сумѣлъ не только уставить астролябію, но, объясняя устройство и цѣль инструмента, настолько затронулъ любознательность государя, что Петръ пожелалъ

«Никита Пустосвятъ», картина профессора *В. Г. Перова.*

брать у него уроки изъ геометріи. «И тако,— говоритъ самъ Петръ въ собственноручной запискѣ (о началѣ морского дѣла, писанной 1719 года),—сей Францъ чрезъ сей случай сталъ при дворѣ быть безпрестанно и въ кампаніяхъ съ нами». Безспорно былъ онъ для кампаніи человѣкъ полезный, хотя, при своихъ знаніяхъ, дѣлалъ ошибки въ простомъ сложеніи да и объяснялся не совсѣмъ понятнымъ въ Москвѣ языкомъ. За всѣмъ тѣмъ, такова была охота къ ученію въ Петрѣ, что и съ трудомъ понимая учителя, онъ добился-таки самъ до разумѣнія сущности дѣла, смекнулъ какъ и для чего устраиваются углами укрѣпленія,—чтобы бить съ нихъ изъ орудій. Тутъ уже для опыта заложилъ онъ самъ со своими потѣшными земляное укрѣпленіе за селомъ Преображенскимъ и назвалъ его иностраннымъ словомъ Пресбургъ, вѣроятно, повторивъ названіе, встрѣченное въ иностранной книгѣ.

Число потѣшныхъ, благодаря публичному призыву, дошло до нѣсколькихъ сотъ, такъ что дома Преображенскаго не вмѣщали въ себѣ всѣхъ царскихъ служивыхъ. Потому часть потѣшныхъ переведена въ сосѣднее село Семеновское, и образовались сами собою два ополченія, зародыши первыхъ гвардейскихъ полковъ — Преображенскаго и Семеновскаго. Изъ Преображенскаго юный царь нерѣдко ѣздилъ съ Тиммерманомъ въ село Измайлово, гдѣ въ это время вводились всякаго рода улучшенія, даже механическія приспособленія, въ свое время дивившія и иностранцевъ (Измайлово тогда было обращено въ образцовый хуторъ). Вѣроятно, этихъ диковинокъ и пріѣхалъ искать Петръ въ амбарахъ. Любопытствуя видѣть наслѣдство послѣ отца и дѣда, царь Петръ зашелъ въ одинъ амбаръ на льняномъ дворѣ. Здѣсь, между разнымъ скарбомъ, остановился взглядъ царя-юноши на какомъ-то суднѣ. Бывшій съ государемъ Тиммерманъ объяснилъ, что это судно называется *англійскій ботъ,* что ходитъ оно подъ парусами по вѣтру и противъ вѣтра. Хожденіе *противъ вѣтра* показалось Петру до того чудеснымъ, что онъ пожелалъ скорѣе испытать ходъ судна. Но для этого потребовалось прежде починить ветхій ботъ. Для починки призванъ былъ Тиммерманомъ голландецъ же, корабельный плотникъ Карштенъ Брандтъ, давно уже бывшій въ Москвѣ безъ дѣла. Ботъ скоро былъ починенъ, Брандтъ спустилъ его на Яузу и лавировалъ передъ царемъ, однако не совсѣмъ удачно: по узкости рѣки трудно было судну поворачиваться, не задѣвая берега. Чтобы помочь этому горю, Петръ приказалъ перетащить ботъ на обширный Просяной прудъ, въ Измайловѣ же, ширина котораго доходила до 400 саженъ. Когда же и это не удовлетворило любопытства государя, приближенные сказали, что есть за Лаврою, въ Переяславлѣ, широкое озеро, Плещеево. Дѣло было въ іюнѣ мѣсяцѣ 1688 г. Послѣ именинъ своихъ Петръ присталъ къ матери, прося пустить его къ празднику Сергія въ Лавру «помолиться», оттуда же проѣхать въ Переяславль. Въ первый разъ увидѣвъ передъ собой десятиверстную длину и восьмиверстную ширину озера, казавшагося безграничнымъ моремъ, Петръ испыталъ новое, незнакомое доселѣ чувство. Съ головой, полной тьмою идей и плановъ, поспѣшилъ молодой государь скорѣе къ матери въ Москву,—проситься пожить подольше въ Переяславлѣ, чтобъ настроить тамъ судовъ и плавать по озеру. Говоря словами Петра, «мать и нехотя согласилась».

Село Измайлово.

Кромѣ Карштена Брандта, царь взялъ съ собою въ Переяславль еще другого мастера,

Корта (на слѣдующій годъ и умершаго), и выбралъ мѣсто для стройки судовъ при устьѣ рѣчки Трубежа. Весь іюль и часть августа на этой игрушечной верфи провозился юный царь-кораблестроитель, къ осени воротившись въ Преображенское. Тамъ же, съ новой земляной крѣпостцы его, скоро послышались первые пушечные выстрѣлы, встревожившіе правительницу. Сентября 7-го Петръ потребовалъ къ себѣ всѣхъ барабанщиковъ Бутырскаго полка, а ноября 13-го перевелъ въ Преображенское большую часть стрѣльцовъ полка Сухарева, забравъ изъ Конюшеннаго приказа всю упряжь подъ свою артиллерію. Неудовольствіе царевны - правительницы на своего младшаго брата достигло крайней степени; тѣ же чувства питалъ къ нему и любимецъ ея, кн. Голицынъ. Онъ и она стали понимать, что управиться съ неугомоннымъ Петромъ будетъ не такъ-то легко. Царевна, между тѣмъ, распространяла вездѣ слухъ, что братъ ея сталъ совсѣмъ пьяницей, *ни къ чему путному неспособный;* но этому вѣрили очень немногіе. Она же еще въ указѣ 26 апрѣля 1686 года назвала себя самодержицей, а къ 1 сентября 1686 года пущена была Шакловитымъ по рукамъ стрѣльцовъ челобитная — для собранія какъ можно больше подписей — о предложеніи престола Софьѣ Алексѣевнѣ. Подписка эта шла, однако, и между стрѣльцами очень туго, такъ что наканунѣ новолѣтія Шакловитый объявилъ, будто государыня *не согласна,* «чтобы не было, братьямъ ея въ гнѣвъ и въ безчестье». Другими словами, это значило, что правительница отчаялась въ успѣхѣ достиженія этимъ путемъ короны. Но совсѣмъ оставить свои намѣренія она не хотѣла. Въ головѣ у нея уже созрѣвалъ планъ извести младшаго брата, становившагося поперекъ дороги.

Спускъ ботика на Яузу.

II.

Съ самаго заключенія мира съ Польшею царевна уже *спала и видѣла,* какъ бы *самой вѣнчаться на царство.* Съ совершеніемъ священнаго обряда думала она показаться въ глазахъ народа имѣющею яко бы право на захваченную власть; сама же, въ душѣ, Софья сознавала всю незаконность присвоенія ея предъ лицомъ царей-братьевъ, тогда какъ ближайшіе пособники правительницы поддерживали въ ней честолюбивыя стремленія, каждый, въ свою очередь, разсчитывая на извѣстную степень власти при достиженіи ею горячо желаемаго престола. Съ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ и сама она хотѣла раздѣлить корону, постригши въ монахини жену его Авдотью Ивановну (урожденную Стрешневу). Монахъ Сильвестръ Медвѣдевъ, — писака и краснословъ, — хотѣлъ быть не меньше, какъ патріархомъ, столкнувъ Іоакима. Самый же дѣятельный слуга царевны, Ѳ. Л. Шакловитый, разсчитывалъ смѣнить, при случаѣ, и самого князя Голицына, занявъ его мѣсто при царевнѣ, въ интересахъ которой оказывался онъ ревностнѣйшимъ дѣльцомъ, не останавливаясь и передъ тяжестью преступленія. Онъ даже не остерегался говорить царевнѣ прямо, въ присутствіи ея женщинъ: «Чѣмъ *тебѣ,* государынѣ, *не быть,* лучше царицу известь».

Умный же Голицынъ только разъ всего проговорился: «Какъ худо поступили, что не уходили царицу Наталью вмѣстѣ съ братьями!»

Партія противниковъ царевны была, хотя не такъ многочисленна и отважна, но зато къ

ней принадлежалъ патріархъ, отъ Софьи не ожидавшій себѣ ничего хорошаго. Нарышкины, конечно, стояли уже противъ правительницы, зорко слѣдя за всѣми ея затѣями, особенно Левъ Кирилловичъ, да и князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ — дядька царя Петра, привязавшійся къ нему искренно и беззавѣтно, несмотря на близость родства съ временщикомъ, княземъ Василіемъ Васильевичемъ.

За этими уже, передовыми въ партіи Петра и его матери, стояли родные братья вдовы царя Өеодора—Апраксины да Стрешневы, родня воспитателя младшаго царя, со свойственниками своими Шереметевыми.

Всѣхъ ихъ озадачивала отвага Софьи Алексѣевны—*назвать себя самодержицей* при объявленіи наградъ по случаю мира съ Польшею. Она же не ограничилась и этимъ, а 26 апрѣля 1686 года разослала еще наказныя памяти съ прописаніемъ этого титула. «Для чего учала она писаться съ великими государями обще? У насъ люди есть и того дѣла не покинутъ!»— отозвалась на это посягательсво одна царица Наталья. Софья не сочла за нужное и обратить вниманія на слова мачехи, но еще 19 мая вмѣстѣ съ братьями простояла въ Чудовомъ монастырѣ вечерню и пошла вслѣдъ за мощами, переносимыми самими царями въ церковь св. Михаила архангела.

Съ этого дня стали замѣчать въ народѣ, что, когда царевна являлась въ подобной процессіи въ городъ, съ нею бывалъ одинъ только царь Іоаннъ. Зная и видя изъ этого, что Петръ неравнодушенъ къ присвоенію ею власти, Софья сама удвоила шпіонство за каждымъ шагомъ его и матери. Шакловитый въ Марьиной рощѣ устроилъ пыточный застѣнокъ и сталъ туда хватать за всякое нескромное слово, проявлявшее сочувствіе къ младшему царю. Исчезновеніе людей дѣлалось примѣтнымъ, но никто не смѣлъ спрашивать о подобной пропажѣ. Подозрительность Софьи перешла всякую мѣру. Изъ показаній Елизарьева съ товарищами открылось впослѣдствіи, какъ подговаривалъ ихъ Шакловитый писать челобитную отъ приказовъ стрѣлецкихъ великимъ государямъ о вѣнчаньѣ царскимъ вѣнцомъ царевны Софьи.

Какъ ни тайно она это дѣлала, но царица Наталья, однако, узнала про всѣ закулисныя приготовленія, потому что Софья чрезъ нѣсколько дней подговаривала уже стрѣльцовъ убить мачеху, выражаясь категорически: «Зачинаетъ царица бунтъ съ братьями и съ княземъ Борисомъ Голицынымъ, да и патріархъ на меня посягаетъ!»

Шакловитый предлагалъ стрѣльцамъ: *этихъ бы воровъ припять* (что значило убить). «Жаль мнѣ ихъ, — прикидываясь милосердою, промолвила царевна, какъ бы противясь этому:— и безъ того уже Богъ убилъ!»

— Воля твоя, что изволишь, то и дѣлай, государыня, — съ поклономъ повторили стрѣльцы, расходясь.

Не такой, однако, скорой сдачи и миролюбія ожидала отъ нихъ царевна Софья.

Еще настойчивѣе сталъ возбуждать Шакловитый, угрожая нерѣшительнымъ грядущими бѣдствіями отъ матери и выраставшаго Петра. «Всѣхъ насъ хотятъ перевесть; царевну Нарышкинъ Левъ да Голицынъ Борисъ дѣвкой называютъ, выгнать хотятъ. Безъ нея же мы всѣ пропадемъ. А всѣмъ царица мутитъ!» Но и это не подвинуло къ бунту.

Клевреты Шакловитаго, Гладкій и Чермный, передъ стрѣльцами иначе не называли теперь мать-царицу, какъ *медвѣдицей*, а Петра — *пьяницей*. «Его съ ума споили, — повторялъ Гладкій: — только на органахъ да на скрипицахъ знай дуетъ!»

Никто не вѣрилъ, однако, этимъ наглымъ клеветамъ, а умъ царевны заняла корона со всѣмъ очарованіемъ власти, такъ что она до того забыла осторожность, что приказала вырѣзать свой портретъ на мѣди въ коронѣ и со скипетромъ да заказала съ него еще сдѣлать гравюру въ Голландіи, съ витіеватыми подписями подъ аллегорическими изображеніями несуществовавшихъ у нея добродѣтелей.

Въ то же время и Петръ сталъ явно выказывать стремленіе къ власти и началъ возставать противъ вмѣшательства сестры въ правленіе.

Вопросъ, *кому быть* изъ нихъ на тронѣ: брату или сестрѣ, — приходилъ къ развязкѣ.

Со временъ Михаила бывалъ крестный ходъ 8 іюля изъ Кремля въ Казанскій соборъ (что у Воскресенскихъ воротъ, въ Китай-городѣ, на углу Никольской улицы). Въ этомъ ходу обыкновенно бывали цари *лично*. Въ 1689 году Петръ и Іоаннъ со всѣмъ царскимъ семей-

ствомъ были у обѣдни въ этотъ день въ Успенскомъ соборѣ. Когда кончилась служба, младшій царь подошелъ къ правительницѣ и сказалъ ей, *чтобы она въ крестный ходъ не ходила.* Софья же, назло ему, взяла еще въ руки икону «О тебѣ радуется» и явилась народу съ образомъ въ рукахъ. Петръ, увидя это, не пошелъ въ ходу, а уѣхалъ къ себѣ въ Преображенское. Софья не могла не примѣтить его исчезновенія и приготовилась теперь къ борьбѣ съ братомъ, — уже оружіемъ.

Шакловитый, зная, что Петръ ѣздитъ обыкновенно поздравлять съ ангеломъ тетку Анну Михайловну (25 іюля), жившую въ Вознесенскомъ монастырѣ, съ наступленіемъ дня именинъ ея поставилъ 50 стрѣльцовъ у Краснаго крыльца и, по звуку набатнаго колокола на Спасской башнѣ, велѣлъ имъ *хватать кого будетъ велѣно.* Въ набатъ же ударить сбирался онъ, если Петръ войдетъ въ Кремлевскій дворецъ. А Петръ у тетки былъ, а ко дворцу и не подошелъ.

Черезъ три дня Шакловитый призвалъ стрѣлецкихъ урядниковъ и велѣлъ имъ *при удобномъ случаѣ* перебить всѣхъ самыхъ явныхъ сторонниковъ Петровыхъ; но стрѣльцы потребовали царскаго письменнаго указа на то, безъ того отказываясь и слушать набатъ. Петръ узналъ, вѣроятно, послѣдній призывъ и потребовалъ прислать къ себѣ яраго крамольника, стрѣльца Стрижева, за отказъ же въ доставкѣ его арестовалъ въ Измайловѣ самого Шакловитаго. Царевна сильно перепугалась, но ея Ѳедоръ Леонтьевичъ какъ-то вывернулся на этотъ разъ передъ гнѣвнымъ царемъ и, скоро отпущенный, сталъ самъ уже прятаться, оставаясь и ночевать во дворцѣ, въ Грановитой палатѣ. Софья между тѣмъ распустила слухъ о намѣреніи Петровыхъ *потѣшныхъ* напасть, будто бы, на Кремлевскій дворецъ. Въ самомъ же дѣлѣ думала она привести въ ночь на Преображеніе вооруженныя толпы въ Преображенское село *постращать* (что на стрѣлецкомъ языкѣ имѣло одно значеніе со словами *уходить, принять, покончить* и проч., т.-е. *побить).*

Однако, праздникъ 6 августа прошелъ тихо. Уже въ ночь на 8-е число царевна приказала собрать 400 стрѣльцовъ съ заряженными ружьями, на случай, будто бы, прихода самого Петра въ Кремль, — чтобы дать отпоръ ему. Другимъ же при этомъ говорилось, что царевнѣ ночью охота припала итти помолиться въ Донскомъ монастырѣ, куда и пойдетъ она подъ защитою войска. И этому могли многіе повѣрить, потому что царевна до этого не разъ хаживала ночью молиться въ Донской монастырь. И стрѣльцы полюбили подобные наряды, потому что каждый разъ получалось на человѣка *рубля по два* за походъ, — въ то время деньги большія. Коноводы же небоязненно хвалились уже, какъ они и кого *будутъ отправлять* къ праотцамъ по звуку спасскаго набата. Все было, казалось, столковано уже хорошо, расписаны и заучены исправно роли, а трагедія опять не удалась!

Въ самыхъ толпахъ преданныхъ слугъ царевны нашлись люди, расположенные настолько къ дѣлу Петра, что, несмотря на всю заманчивость обѣщаній Шакловитаго, считавшаго ихъ своими и ничего отъ нихъ не скрывавшаго, они разрушили всѣ расчеты коварнаго честолюбца.

Въ *Стремянномъ* полку, на который больше всего разсчитывали и Шакловитый и Софья,— были люди, въ рѣшительную минуту *вспомнившіе Бога.* Первымъ изъ нихъ оказался ласкаемый Софьей пятисотенный Ларіонъ Елизарьевъ, а съ нимъ пятидесятники Дмитрій Мельновъ, Ипатъ Ульфовъ да десятники Ладогинъ, Ѳеоктистовъ, Турка, Троицкій и Капрановъ. До 28 іюля всѣ эти люди были готовы умереть за правительницу; но содрогнулись и они отъ приказа ея *побить сторонниковъ Петра.*

Вечеромъ 7-го августа Гладкій послалъ троихъ стрѣльцовъ въ село Преображенское наблюдать за царемъ. А Мельнову удалось видѣть, какъ запирали ворота Кремля, въ которомъ посажены стрѣльцы, и какъ билъ неистовый Гладкій Петрова стольника Плещеева. Оба эти признака начатія нешуточнаго дѣла показались Елизарьеву до того подозрительными, что онъ, взявъ клятву съ товарищей *спасти Петра,* послалъ Мельнова и Ладогина въ Преображенское донести молодому царю объ угрожавшей ему опасности.

Посланные Елизарьева прискакали въ село Преображенское въ полночь, когда всѣ уже спали. Царя разбудили и онъ спросонья разомъ услышалъ отъ прибывшихъ весь ужасъ своего положенія. Подъ живымъ ощущеніемъ опасности, босой, въ сорочкѣ, бросился

Петръ на коня и, одѣвшись въ лѣсу уже, куда принесли ему платье, поскакалъ по Троицкой дорогѣ искать спасенія въ лаврѣ св. Сергія. У воротъ монастыря сняли государя съ коня совсѣмъ истомленнымъ, въ 6-мъ часу утра, и уложили въ постель. По требованію царя ворота монастырскія архимандритъ Лаврентій тутъ же заперъ, пропуская только прибывавшихъ царицъ да потѣшныхъ съ вѣрными стрѣльцами полка Сухарева.

Царевна за два часа до свѣта вышла изъ Кремля и, остановясь въ Китай-городѣ, у Казанскаго собора, вошла въ него служить молебенъ. Изъ церкви посылала она звать къ себѣ Голицына; но тотъ не пріѣхалъ, отозвавшись болѣзнью. Пока ѣздили за нимъ, Шакловитому донесли, что царь уѣхалъ изъ Преображенскаго. «Вольно ему, взбѣсясь, бѣгать!» отозвался, притворяясь спокойнымъ, хитрый Шакловитый, вѣроятно, думая не то, что говоритъ, когда отъ этой же самой вѣсти пришла въ ужасъ Москва.

Днемъ собралось въ лавру уже такое число вѣрныхъ слугъ государя, что Петръ потребовалъ отъ сестры объясненія о ночномъ сборѣ стрѣльцовъ въ Кремлѣ да велѣлъ прислать къ себѣ полковника Стремяннаго полка Циклера, которому царевна во всемъ довѣряла. Сперва, боясь за участь Циклера, Софья не хотѣла его пустить, а отпуская никакъ не думала, что онъ сдѣлается ея уличителемъ, какъ вышло на самомъ дѣлѣ.

Показанія его и тѣхъ восьми человѣкъ, которые предупредили царя въ ночь на 8-е августа, раскрыли вполнѣ козни Софьи. Она же, не подозрѣвая подобныхъ открытій, послала боярина князя Ивана Борисовича Троекурова склонять Петра воротиться въ столицу. Отвѣтомъ царя были грамоты, призывающія въ лавру «для великаго государева дѣла», на 18-е число, офицеровъ всѣхъ полковъ съ десятью рядовыми еще изъ каждаго.

Грамоты посланы 13-го августа прямо въ стрѣлецкія слободы и не велѣно отдавать ихъ въ приказѣ. Не многимъ изъ посланныхъ удалось, однако, исполнить послѣднее въ точности: многихъ посыльщиковъ схватили еще на заставахъ, а грамоты отняли. Царевна же собрала полковниковъ и запретила имъ, говоря словами ея, *мѣшаться въ распрю ея съ братомъ,* такъ что до 25-го августа никто не являлся въ лавру. Между тѣмъ, уговорила Софья брата Іоанна послать отъ себя князя Прозоровскаго — убѣждать Петра къ возврату и примиренію. Когда же воротился и этотъ посланникъ безъ успѣха, послала она патріарха. Но онъ остался и совсѣмъ въ лаврѣ. Жалуясь на мнимую измѣну святителя, Софья вздумала напугать стрѣлецкихъ женъ, что мужьямъ ихъ, бывшимъ у Троицы, худо будетъ за ихъ упрямство, — что остаются у царя Петра. Но и эта угроза нисколько не помогла дѣлу. А тутъ прислалъ Петръ новыя грамоты, отъ 27-го августа, повелѣвая, чтобы всѣ полковые чины съ десятью рядовыми выборными прибыли къ нему изъ каждаго полка «безъ мотчанья и оплошки»; если же кто не явится, «тому быть въ смертной казни».

Пять полковниковъ да 500 урядниковъ, кромѣ рядовыхъ, не слушая теперь и запрета правительницы, немедленно поскакали къ Троицѣ и были впущены въ монастырь.

Царь съ матерью и патріархомъ вышелъ къ нимъ изъ палатъ своихъ на нижнюю площадку крыльца и объявилъ объ умыслахъ сестры и Шакловитаго. Дьякъ тутъ же прочелъ вслухъ и разспросныя рѣчи повинившихся, послѣ которыхъ не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія о затѣвавшемся страшномъ дѣлѣ. Тронутые стрѣльцы «возопили слезнымъ воплемъ», что «Ѳедькина умысла они не вѣдали, великимъ государямъ служить ради и во всемъ волю государскую исполнять готовы». Братья Сапоговы тутъ же вслухъ разсказали откровенно, какъ подсылалъ ихъ Шакловитый ѣздить съ переодѣтымъ подьячимъ Шошинымъ, называвшимся Нарышкинымъ и бившимъ стрѣльцовъ, чтобы озлобить ихъ и подбить на убійство царицы Натальи Кирилловны, — *даже самого государя!*

Воспламенившись яростью отъ послѣдняго извѣта, стрѣльцы полка Сухарева просили Петра позволить имъ итти съ оружіемъ на царевниныхъ приверженцевъ; но царь не согласился, а послалъ только взять Шакловитаго, отрядивъ по 10 стрѣльцовъ отъ каждаго полка и ввѣривъ отрядъ этотъ полковнику Нечаеву. Это распоряженіе послѣдовало 29-го августа.

Въ этотъ самый день — Усѣкновенія Предтечи, — когда въ лаврѣ клялись стрѣлецкіе чины исполнять волю царя Петра, Софья

Пріѣздъ Петра въ Троице-Сергіеву обитель 8-го августа 1689 года. Съ картины академика *К. В. Лебедева.*

задумала переломить свою надменность и, явившись сама къ младшему брату, употребить все свое умѣнье, чтобы склонить его къ забвенію прошлаго. Въ этихъ расчетахъ она выѣхала изъ Москвы на Троицкую дорогу и у загороднаго двора Шеина простилась со своими наиболѣе приближенными. Вотъ достигла она села Пушкина—того самаго, гдѣ за семь лѣтъ, по приказу ея, схваченъ и казненъ казавшійся опаснымъ ей князь Иванъ Хованскій. До лавры думала она добраться еще къ вечеру. Но вдругъ поѣздъ ея останавливаютъ, и комнатный стольникъ Петра И. И. Бутурлинъ, именемъ государя, объявляетъ, что запрещено ей далѣе ѣхать. «Конечно, поѣду», отвѣчаетъ гнѣвная царевна и думаетъ продолжать путь, какъ новый посолъ, бояринъ, ею же посланный въ лавру, князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ, вторично передаетъ запретный указъ съ прибавкою угрозы, что въ случаѣ прибытія «съ нею поступлено будетъ нечестно». Злоба закипѣла въ сердцѣ правительницы съ неукротимою силою, но пришлось покориться. Воротясь ночью на 1-го сентября,—тогдашній новый годъ, — царевна позвала къ себѣ стрѣлецкихъ коноводовъ. Передъ ними излилась она въ жалобахъ. «Чуть не застрѣлили меня, — начала царевна: — наскакали на меня въ Пушкинѣ съ самопалами многіе люди, такъ что насилу ушла. А все Лопухины да Нарышкины затѣваютъ извести царя Ивана. И до моей головы доходятъ. Послужите намъ... не ходите къ Троицѣ... Да... кому вѣрить! Пожалуй, и вы побѣжите. Цѣлуйте лучше крестъ!»—*Крестъ ей поданъ.* Держа сама его, царевна заставила присягать себѣ на символѣ спасенія, промолвивъ грозно: «Если побѣжите — крестъ не допуститъ. Письма коли будутъ изъ похода, — нести вверхъ, а у съѣзжихъ избъ не читать!»

Но и это не исполнилось. Посланные съ Нечаевымъ, объѣхавъ проселкомъ сторожившій ихъ отрядъ Айгустова, прочли воззваніе Петра у съѣзжихъ избъ, а самъ предводитель отдалъ царскій указъ дьяку Стрѣлецкаго приказа на Красномъ крыльцѣ.

— Какъ смѣлъ ты исполнять такой приказъ? — грозно спросила царевна у полковника, призвавъ его вверхъ къ себѣ.

— Я не могъ ослушаться государя, — отвѣчалъ ей Нечаевъ.

— Срубить ему голову!—приказала разгнѣванная Софья.

Но никого не нашлось, кто привелъ бы въ исполненіе этотъ приговоръ, и полковникъ остался живъ. Стрѣльцы же, которымъ прочитаны грамоты Петровы, отозвались: «мы за воровъ не стоимъ, и буде ихъ сыщемъ, исполнимъ указъ». Напрасно царевна выходила на площадь, угощала стрѣльцовъ и уговаривала народъ, припоминая дѣянія своего семилѣтняго правленія. Ее слушали, но оставались холодными. Призвавъ иноземцевъ, она потчевала и ихъ виномъ, а потомъ позвала Шакловитаго и съ нимъ вмѣстѣ сочинила воззваніе къ народу, обвиняя Нарышкиныхъ въ остудѣ къ себѣ брата Петра.

Въ мятежномъ воззваніи взводила царевна на родню своей мачехи нелѣпыя преступленія. Какой-то, будто бы, Нарышкинъ прибралъ потѣшныхъ конюховъ, отъ которыхъ «чинятца насилія людямъ, а жалобъ царь Петръ не принимаетъ». А другой Нарышкинъ, будто бы, «забросалъ полѣньями комнаты царя Ивана и изломалъ царскій вѣнецъ».

Но пока къ этому воззванію придѣлывалъ витіеватое вступленіе Шакловитый, его самого арестовали и 7-го сентября стрѣльцы заставили выдать Петру. Въ тотъ же день сдѣланъ былъ преступнику допросъ, а затѣмъ—пытка, съ которой клевретъ Софьинъ во всемъ повинился, что показывали на него извѣтчики.

А на слѣдующій день Шакловитый далъ собственноручное признаніе во всѣхъ винахъ своихъ, въ заключеніе упомянувъ и о воззваніи, сочиненномъ имъ, по приказу царевны, для возбужденія мятежа въ народѣ 1-го сентября.

Одни служилые иноземцы и по полученіи третьей царской грамоты все еще медлили присоединиться къ сторонѣ царя Петра, — до тѣхъ поръ, пока увидѣли уже ропотъ между стрѣльцами, явно порицавшими царевну за невыдачу Шакловитаго. Понявъ, однако, изъ этого, что дѣло Софьи совсѣмъ проиграно и что всякое дальнѣйшее промедленіе можетъ кончиться бѣдою для нихъ же самихъ, генералъ Гордонъ, наконецъ, 4-го сентября, рѣшился распечатать грамоты и прочесть ихъ въ присутствіи полковниковъ. Но и о томъ онъ счелъ долгомъ представить князю Василію Васильевичу Голицыну почтительную просьбу вразумить,—какъ поступить? «Доложу царевнѣ;

Арестъ царевны Софьи.

ждите указа», отвѣчалъ Голицынъ; но такой отвѣтъ не удовлетворилъ нѣмцевъ при напавшей на нихъ робости. Вечеромъ же, по взаимному условію, всѣ офицеры тихонько поѣхали къ Троицѣ, и къ утру прибыли въ монастырь. Сентября 5-го царь ихъ уже принялъ и обласкалъ, хотя они этого не заслуживали, даже потчевалъ виномъ изъ собственныхъ рукъ. Сознавая теперь вполнѣ уже свою силу и имѣя въ рукахъ признанія Шакловитаго, Петръ написалъ въ это время извѣстное письмо свое къ царю Іоанну. Высказавъ о самовольномъ захватѣ власти сестрою, Петръ писалъ: «а нынѣ злодѣи наши, Ѳедька Шакловитый съ товарищи, неудоволяся милостію нашею, преступя обѣщаніе свое, умышляли съ иными ворами о убивствѣ надъ нашимъ и матери нашей здоровьемъ, и въ томъ по розыску и съ пытки винились... А теперь, государь-братецъ, настаетъ время нашимъ обоимъ особамъ Богомъ врученное намъ царствіе править самимъ, понеже пришли есмы въ мѣру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестрѣ нашей съ нашими двѣмя мужескими особами въ титлахъ и въ расправѣ дѣлъ быти неизволяемъ; на то бъ и твоя, государя, моего брата, воли склонилася. Потому что учала она въ дѣла вступать и въ титлахъ писаться собою безъ нашего изволенія; къ тому же еще и царскимъ вѣнцомъ, для конечной нашей обиды, хотѣла вѣнчаться. Срамно, государь, при нашемъ совершенномъ возрастѣ, тому зазорному лицу государствомъ владѣть мимо насъ! Тебѣ же, государю-брату, объявляю и прошу позволь, государь, мнѣ отеческимъ своимъ изволеніемъ, для лучшей пользы нашей и для народнаго успокоенія, не обсылаясь къ тебѣ, государю, учинить по приказамъ правдивыхъ судей, а неприличныхъ перемѣнить, чтобъ тѣмъ государство наше успокоить и обрадовать вскорѣ. А какъ, государь-братецъ, случимся вмѣстѣ и тогда поставимъ все на вѣрѣ, а я тебя, государя-брата, яко отца, почитать готовъ».

Видъ Новодѣвичьяго монастыря.

Царь Іоаннъ принялъ предложеніе брата безпрекословно, представивъ Петру распоряжаться по своей волѣ. Петръ же приказалъ исключить имя Софьи изъ всѣхъ актовъ, гдѣ она упоминалась, и послалъ боярина, князя Троекурова просить удалить сестру въ Новодѣвичій монастырь, назначенный ей для жительства.

Софья выѣхала изъ Кремля, долго упираясь, уже послѣ 21-го сентября. Для помѣщенія падшей правительницы приготовленъ отдѣльный флигель, окнами на Дѣвичье поле. При ней оставлена прислуга ея и устроены всѣ удобства для жизни взамѣнъ свободы. Къ воротамъ же монастыря приставлена стража, подъ командою стольника — князя Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго, пропускавшаго только тетокъ и сестеръ къ Софьѣ Алексѣевнѣ, и то по праздникамъ.

Шакловитый казненъ, а князь Василій Васильевичъ Голицынъ лишенъ боярства и посланъ въ ссылку съ семействомъ.

Не остается ни малѣйшаго сомнѣнія, что со дня казни Шакловитаго (12-го сентября 1689 года) началось царствованіе собственно Петрово, такъ какъ царь Петръ въ этотъ же день назначилъ извѣстныхъ ему людей на разные посты въ администраціи.

Когда было получено извѣстіе, что царевна Софья водворилась въ монастырѣ, Петръ въѣхалъ въ Москву, встрѣченный жителями столицы еще въ селѣ Алексѣевскомъ. Въ Успенскомъ соборѣ царь Іоаннъ бросился въ объятія младшаго брата, которому предоставилъ уже полную власть надо всѣмъ.

Съ этого времени началась для Петра та трудовая, полная заботъ жизнь, когда, оставаясь неограниченнымъ самодержцемъ, онъ работалъ больше всѣхъ и вставалъ раньше всѣхъ.

Изъ людей, удостоенныхъ монаршей довѣренности, у Петра скоро образовался неизмѣнный тѣсный кружокъ, въ средѣ котораго царь являлся запросто поговорить о дѣлѣ, осушить заздравный тостъ, повеселиться вечеромъ и проститься до новой скорой встрѣчи. Обычнымъ же мѣстомъ собраній кружка бывали дома Лефорта и Головина, въ Нѣмецкой слободѣ, да городской домъ и подмосковное село Фили Льва Кирилловича Нарышкина, дяди государева. Здѣсь происходили веселыя собранія съ музыкою во всю ночь и танцами, гдѣ Лефортъ чаще всего бывалъ предсѣдателемъ тостовъ, а душою компаніи — самъ царь, въ весельѣ ли, въ трудѣ ли — всегда первый.

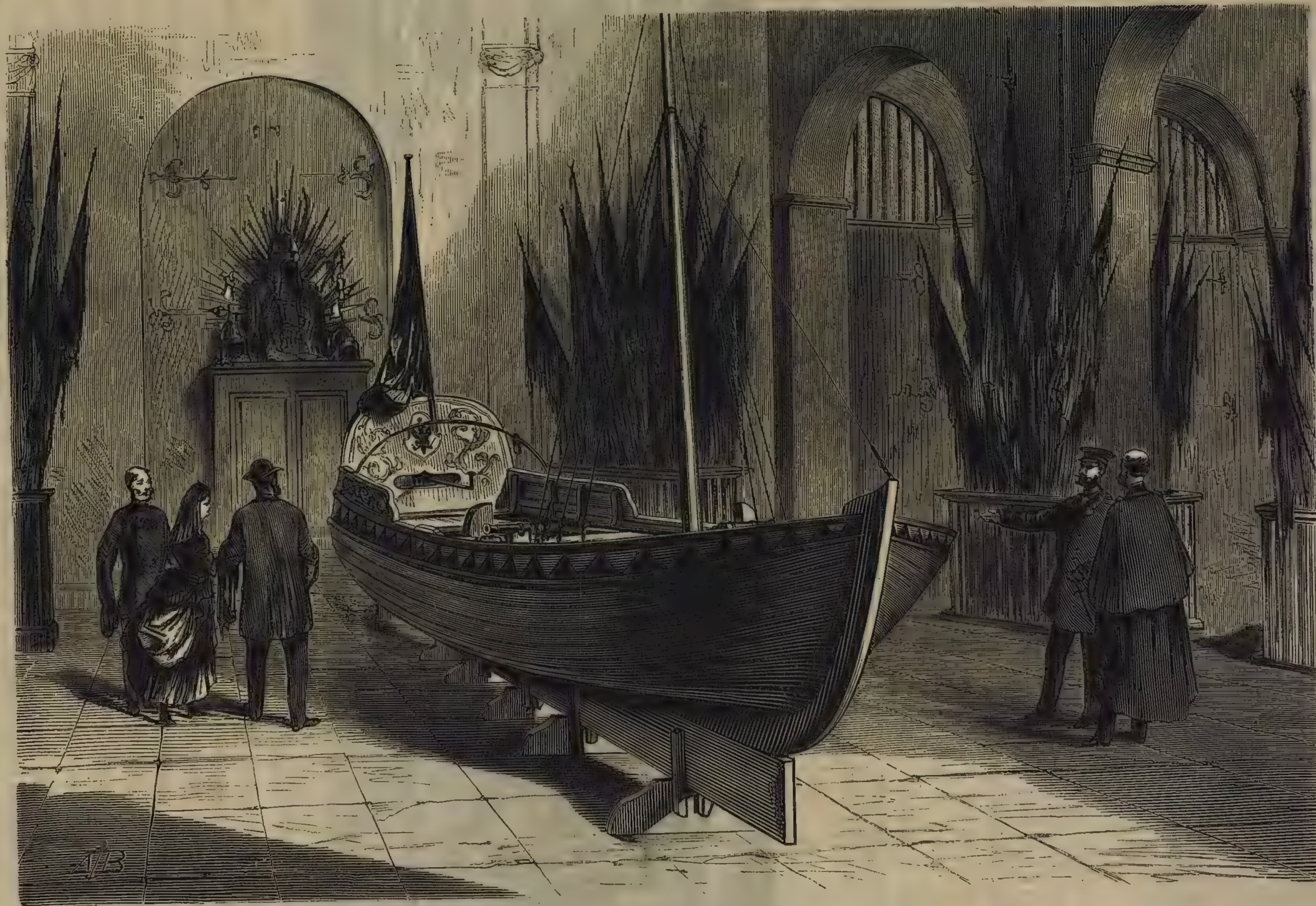
Этотъ кружокъ молодого царя, кромѣ начальниковъ отдѣльныхъ управленій, составляли, прежде всего, совоспитанники его, затѣмъ немногіе иностранцы, рано составившіе знакомство съ царемъ, и офицеры потѣшнаго войска. Были между офицерами занимавшіеся и инженерною наукою, какъ, напримѣръ, Вейде. Свѣдѣнія его по этой части, однако, были очень ограниченны, какъ доказалъ первый Азовскій походъ. Любимцами Петра съ ранняго тоже времени оказывались еще: прапорщикъ рейтарскій, по происхожденію шотландецъ, родившійся въ Москвѣ же, Яковъ Брюсъ, впослѣдствіи генералъ-фельдцейхмейстеръ, да переводчикъ Посольскаго приказа Андрей Креветъ, получавшій въ первое время по низверженіи Софьи самыя разнообразныя порученія отъ царя. Фонъ-Менгденъ и Чамберсъ — полковники Преображенскаго и Семеновскаго полковъ, — да Іоганъ Гуммертъ, измѣнившій при Нарвѣ, были тоже ближними людьми въ Петровомъ кружкѣ перваго времени.

Въ кружкѣ близкихъ людей проводилъ царь, какъ мы сказали, свои досуги, съ членами своей ратной компаніи производя маневры, ученья и устраивая фейерверки. Масленица 1690 года была ознаменована первою огненною потѣхою, лѣто же — примѣрнымъ походомъ и штурмомъ Семеновскаго полкового двора. Здѣсь, меча гранаты, царь обжегъ себѣ все лицо взрывомъ одного горшка съ порохомъ, такъ что забава окончилась серьезною болѣзнью, принудившею съ іюля до сентября отложить продолженіе примѣрныхъ боевъ. Такъ и пролетѣлъ весь первый годъ самостоятельнаго правленія.

Нѣмецкая слобода.

Слѣдующій — начался спускомъ гребныхъ судовъ и яхты съ верфи, устроенной на Москвѣ-рѣкѣ. Въ яхтѣ своей, вмѣщавшей человѣкъ тридцать, Петръ нерѣдко доплывалъ съ гостями до Угрѣшскаго монастыря. Катанья эти продолжались до октября, когда былъ начатъ второй Семеновскій походъ, гдѣ отличался храбрый *ротмистръ Петръ Алексѣевъ*, своею особою взявшій въ плѣнъ генералиссимуса Бутурлина.

Ботъ Петра Великаго.

Окончивъ же съ честью настолько грозный походъ, Петръ въ ноябрѣ уѣхалъ въ любимый свой Переяславль, и въ теченіе зимы и весны, несмотря на покрытіе озера льдомъ, бывалъ тамъ не одинъ разъ.

Тамъ теперь царь, титулованный отъ своего князя-кесаря Ромодановскаго *корабельнымъ мастеромъ*, строилъ со своими 16-ю преображенскими *мостильщиками* первый военный корабль.

Памятникъ Петру на озерѣ Плещеевѣ, близъ г. Переяславля.

И такъ заработался державный мастеръ, что ѣздили нарочно звать его въ столицу—Борисъ Голицынъ да Левъ Нарышкинъ — для пріема персидскаго посла.

Давъ аудіенцію, царь снова ускакалъ въ Переяславль и тамъ, 1 мая, спустилъ свой корабль. Лѣтомъ же, пригласивъ матушку и жену съ сестрою, провезъ онъ ихъ по всему озеру, заключивъ разъѣзды первой парусной флотиліи пирами. На этихъ водяныхъ маневрахъ князь-кесарь получилъ титулъ адмирала — въ прибавокъ къ сану генералиссимуса.

Въ концѣ осени Петра снова уложила серьезная болѣзнь, продержавшая его въ постели и во всѣ такъ любимые имъ рождественскіе праздники. Только уже къ масленицѣ могъ явиться неутомимый дѣлецъ при своей огненной потѣхѣ, непривычнымъ очамъ матери и двора своего представляя на *Прѣсни* колоссальную огненную фигуру Геркулеса. Подарокъ отъ матушки — мундиръ сержанта преображенскаго — былъ наградою юному Петру за усердіе и пиротехническую сноровку.

На Великій постъ Петръ уѣхалъ въ послѣдній разъ къ берегамъ своего Переяславскаго озера, чтобы покинуть его совсѣмъ уже, на долгое время.

III.

ПЕРВЫЯ ПОѢЗДКИ НА СѢВЕРЪ.

Всякое призваніе въ высокодаровитыхъ людяхъ можетъ и совсѣмъ не проявиться, если счастливый случай какъ-нибудь не откроетъ врожденной наклонности. Но разъ открытая наклонность въ геніальномъ человѣкѣ не имѣетъ уже границъ предпріимчивости и производитъ дѣла, выходящія изъ порядка вещей.

На Петрѣ I мы лучше всего можемъ видѣть подтвержденіе этого положенія.

Увидѣлъ онъ ботъ въ Измайловѣ — и самъ принялся строить парусныя суда. Поплавалъ на этихъ судахъ по десятиверстному озеру — и оно ему показалось уже тѣснымъ. «Тогда, — писалъ онъ самъ о себѣ, — уже положилъ свое намѣреніе прямо видѣть море, о чемъ сталъ просить у матери своей, дабы мнѣ позволила, которая хотя обычаемъ любви матерней въ сей опасный путь многократно возбраняла, но потомъ видя великое мое желаніе и неотмѣнную охоту, и нехотя позволила».

Лефортъ.

За позволеніемъ слѣдовали быстрые сборы. Море въ распоряженіи русскихъ государей было одно только Бѣлое, у Архангельска. Туда и рѣшено было путешествіе Петра, какъ только исполнилось ему двадцать съ годомъ. На ту пору былъ въ Москвѣ холмогорскій архіепископъ Аѳанасій, и, бесѣдуя съ нимъ о сѣверной сторонѣ, Петръ торопилъ сборами. Высокопреосвященный также поспѣшилъ въ свою епархію, чтобы предупредить царскій пріѣздъ. Вслѣдъ за Аѳанасіемъ выѣхалъ изъ Москвы, со свитою въ сто человѣкъ, и царь-путешественникъ. Взялъ онъ съ собою всѣхъ своихъ приближенныхъ: кн. Б. А. Голицына, А. С. Шеина, К. А. Нарышкина, Г. И. Головкина, Н. М. Зотова, князя-кесаря, И. И. Бутурлина, Ѳ. М. Апраксина, обоихъ братьевъ жены Лопухиныхъ, Лефорта, Виніуса, лѣкаря И. И. фанъ-деръ-Гульста, священника съ 8-ю пѣвчими, карликовъ своихъ, 40 стрѣльцовъ съ полковникомъ Сергѣевымъ да 10 потѣшныхъ преображенцевъ съ барабанщикомъ.

Поѣхалъ государь изъ столицы въ каретѣ, обитой цвѣтнымъ трипомъ, и въ пять дней достигнувъ до Вологды, остановился тамъ на три дня. Отсюда изъ подьячихъ воеводской съѣзжей избы взялъ онъ въ писцы къ себѣ посадскаго Алексѣя Макарова, который и остался при особѣ монарха до конца его жизни, сдѣлавшись потомъ тайнымъ кабинетъ-секретаремъ. Въ Вологдѣ къ прибытію Петра были готовы струга. На нихъ 12 іюля и отплылъ царственный путешественникъ внизъ по Сухонѣ, а отъ Устюга-Великаго—по Сѣверной Двинѣ. Іюля 28 царь прибылъ въ Холмогоры, резиденцію двинскаго воеводы и архіепископа. Здѣсь воевода Андрей Артемоновичъ

Матвѣевъ вмѣстѣ съ преосвященнымъ устроили торжественную встрѣчу Петру, первому изъ царей русскихъ явившемуся такъ далеко на сѣверѣ.

Какъ только изъ-за Куръ-острова показался на широкой Двинѣ шедшій впереди шести судовъ царскій карбасъ, въ обѣихъ церквахъ холмогорскихъ раздался благовѣстъ; стрѣльцы, выстроенные въ двѣ линіи — отъ пристани до Богоявленскихъ воротъ соборной ограды — открыли пальбу изъ мушкетовъ (ружей), а съ обруба на берегу грянулъ залпъ всѣхъ наличныхъ 13 пушекъ. Залпы повторились, когда царь вошелъ на плотъ, и ему навстрѣчу изъ собора, въ предшествіи архипастыря, двинулось духовенство въ облаченіи. У колокольни сойдясь съ соборомъ духовенства, Петръ приложился ко кресту и вступилъ въ храмъ слушать молебенъ. Осмотрѣвъ достопримѣчательности храма, царь принялъ приглашеніе Аѳанасія посѣтить домъ его,—отобѣдалъ съ нимъ, осмотрѣлъ садъ, имъ разведенный, устроенную мельницу и прошелся по городу. Вечеромъ катался государь на шнякѣ по Двинѣ и ночевалъ въ Холмогорахъ.

Графъ Ѳеодоръ Матвѣевичъ Апраксинъ.

Подобная холмогорской устроена была Петру встрѣча и въ Архангельскѣ, куда прибылъ онъ 30 іюля. Здѣсь въ ожиданіи прибытія царскаго — на Моисеевомъ островкѣ, противъ впаденія въ Двину рѣки Кузнечихи, противъ города, построены были нарочно свѣтлицы для помѣщенія государя. Противъ же свѣтлицъ поставлена и новая яхта «Св. Петръ» о 12 пушкахъ.

На яхту эту перебрался Петръ на другой же день своего пріѣзда въ Архангельскъ, думая съѣздить, согласно своему обѣщанію, въ Соловки, но 2 августа уже перемѣнилъ прежнее намѣреніе. Съ перваго же явленія Петра на биржѣ въ Архангельскѣ голландцы, пользуясь умѣньемъ царя объясняться кое-какъ на ихъ языкѣ, очаровали его своею любезностью, предлагая тысячи услугъ, и между прочимъ тронули самую чувствительную струну моряка по призванію,—заявили ему, что теперь представляется прекрасный случай видѣть море, потому что, нагрузившись русскими товарами, голландскія суда готовы къ отплытію въ море въ сопровожденіи военнаго корабля — подъ командою капитана Іоле Іолеса. Этотъ заманчивый случай увлекъ воображеніе царя такъ, что онъ поспѣшилъ присоединиться къ отплывавшему каравану судовъ и вмѣстѣ съ ними, 4 августа утромъ, при слабомъ вѣтрѣ, пошелъ на яхтѣ къ Березовскому устью Двины. Но, добравшись до него на слѣдующій день, пришлось стать на якорь за совершеннымъ штилемъ. Только уже въ праздникъ Преображенія задулъ свѣжій *шалоникъ* (южный вѣтеръ), и суда успѣли выйти въ открытое море. Въ разговорахъ съ голландцами и въ разспросахъ о подробностяхъ судового хода и значеніи командныхъ терминовъ, исполнявшихся живо и отчетливо привычными матросами, восхищенный всѣмъ, что видѣлъ и узнавалъ, царь не замѣтилъ времени. И когда доложили ему, что онъ уже на Терской сторонѣ, за рѣкою Поноемъ, у *трехъ островововъ*, недалеко отъ святого Носа — выхода въ океанъ, куда пускаться было опасно, — Петръ простился съ любезными моряками.

Августа 10 государь благополучно воротился изъ этого перваго своего путешествія по бурному морю съ неудовлетворенною жаждою пытливости и желаніемъ еще разъ испытать новое наслажденіе — бороться съ суровою стихіею.

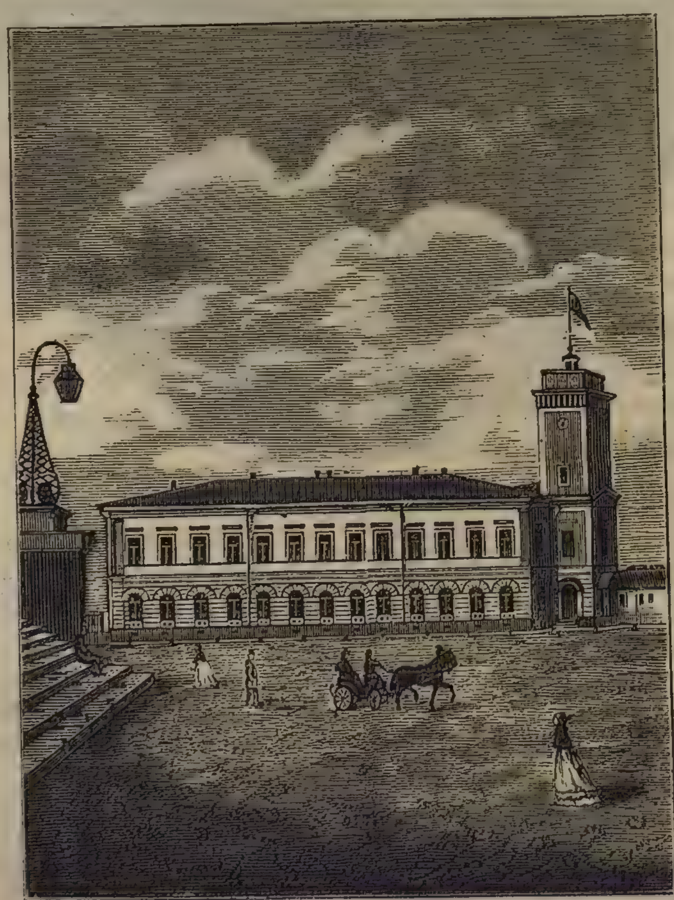
На берегу скоро составилось у любопытнаго государя много знакомыхъ между купцами голландскими. И одинъ изъ нихъ, Янъ Ферколье, при случаѣ открылъ глаза Петру на выгоды, извлекаемыя его соотечественниками изъ бѣломорской торговли, къ ущербу русскихъ. Петръ такъ былъ признателенъ этому честному человѣку за его дружеское сообщеніе, что далъ ему свою жалованную грамоту съ предоставленіемъ важныхъ выгодъ по коммерціи. Но самъ тутъ же рѣшилъ испытать, нельзя ли поправить наше невыгодное

Видъ города Архангельска.

положеніе, происходившее отъ неимѣнія своихъ судовъ для развоза русскихъ товаровъ по чужимъ землямъ.

Самое большое стеченіе покупщиковъ на наши товары, — а слѣдовательно и наибольшій приходъ кораблей, — бывало къ Успенской ярмаркѣ. Къ ней и приказалъ государь пріобрѣсти для себя *непремѣнно* одинъ корабль. Бывая на биржѣ, одѣтый въ костюмъ голландскаго корабельщика, и прислушиваясь къ толкамъ о ходѣ и запросѣ товаровъ русскихъ, царь рѣшился свой корабль нагрузить поташомъ, смолою, икрою и рыбьимъ клеемъ. Нагрузивъ же, сталъ выбирать цвѣта для флага, подъ которымъ должно пуститься первое русское торговое судно. Недолго думая, Петръ далъ предпочтеніе цвѣтамъ голландскаго флага, только переставивъ ихъ такъ, что между краснымъ и бѣлымъ — голубой цвѣтъ былъ въ срединѣ [1]). Отправивъ корабль и заказавъ купить для себя фрегатъ въ Амстердамѣ къ будущей навигаціи, Петръ выбралъ мѣсто въ Архангельскѣ, на островѣ Соломбалѣ, за рѣчкой Кузнечихой, для заведенія верфи и, взявъ двухъ голландскихъ мастеровъ, заложилъ самъ военный корабль. Для того же, чтобы дѣло кораблестроенія не замедлилось у дипломата въ душѣ, какимъ былъ воевода Матвѣевъ, царь замѣнилъ его Ѳеодоромъ Матвѣевичемъ Апраксинымъ, бывшимъ съ нимъ въ Переяславлѣ и горячо принимавшимся за всякое дѣло въ потѣшной службѣ.

Видъ города Архангельска.

Живя въ Архангельскѣ семь недѣль (долго приходилось ждать прихода кораблей изъ Гамбурга, а не дождавшись ихъ, царю не хотѣлось оставить города), Петръ во всѣ праздничные дни бывалъ въ церкви у обѣдни. Въ Успеніе [2]) видѣли государя въ церкви пророка Иліи, на Кегоостровѣ, гдѣ читалъ онъ самъ Апостолъ и пѣлъ басомъ на клиросѣ. Сбираясь уѣхать уже, обѣдая у преосвященнаго Аѳанасія 16 сентября, царь подарилъ ему свой стругъ, на которомъ ѣхалъ отъ Вологды, давъ, между прочимъ, и флаги, изъ которыхъ архіерей впослѣдствіи поднималъ іерусалимскій флагъ, послѣ него употребляемый при разъѣздахъ водою и его преемниками. Пожаловалъ Петръ архіерею еще и карету свою на рессорахъ, сохранявшуюся до настоящаго вѣка въ архіерейскомъ домѣ въ Архангельскѣ.

---

[1]) У голландцевъ же между краснымъ и голубымъ была въ срединѣ бѣлая полоса.

[2]) И въ праздникъ Рождества Богородицы (8 сентября).

Въ вечеру 18 сентября на набережной, называвшейся отъ купцовъ, населявшихъ берегъ, «Англійскимъ мостомъ», Петръ устроилъ иллюминацію, и на утро уже оставилъ этотъ первый морской русскій портъ и вмѣстѣ единственную ярмарку отпускныхъ товаровъ, проживъ семь недѣль на бѣломорскомъ берегу, гдѣ испытано и прочувствовано имъ было такъ много новаго, важнаго и поучительнаго.

Видъ города Архангельска.

Теперь уже спѣшилъ государь въ столицу, гдѣ, судя по письмамъ, сильно безпокоилась о немъ мать, долго не видя и не вѣря, чтобы онъ былъ здоровъ и чтобы все было благополучно, такъ какъ уже дошло до нея письмо его о поѣздкѣ въ море.

Еще въ первомъ своемъ отвѣтѣ на него царица-мать писала: «Сотвори, свѣтъ мой, надо мною милость, пріѣзжай къ намъ, батюшка мой, не замѣшкавъ. Ей-ей, велика мнѣ печаль, что тебя, свѣта моего, радости, не вижу. Писалъ ты, радость моя, ко мнѣ, что хочешь всѣхъ кораблей дожидаться, и ты, свѣтъ мой, видѣлъ которые прежде пришли: чего тебѣ тѣхъ дожидаться? Писалъ ты... что былъ на морѣ — и ты, свѣтъ мой, обѣщался мнѣ, что было не ходить».

«Радость моя,—отвѣчалъ Петръ матери,—по письму твоему, ей-ей, зѣло печалился... Пожалуй, — не печалься. А истинно не заживусь».

Между тѣмъ, и еще улетѣлъ мѣсяцъ, а онъ не двигался изъ Архангельска. Наконецъ, пришли, въ половинѣ сентября, «корабли анбурскіе», и царственный путешественникъ оставилъ Архангельскъ, провожаемый благожеланіями народа, толпами покрывавшаго берегъ.

Крестъ Петровой работы въ соборѣ г. Архангельска.

При пальбѣ пушекъ съ крѣпости и колокольномъ звонѣ городскихъ храмовъ пошелъ вдоль берега небольшой царскій дощаникъ, а за нимъ, въ трехъ карбасахъ, свита. Преосвященный Аѳанасій подъѣхалъ на шнякѣ къ дощанику проститься съ государемъ, и Петръ довезъ іерарха до собора, разставшись здѣсь съ нимъ уже окончательно.

Въ Холмогорахъ Петромъ отпущена свита въ экипажахъ въ столицу, а самъ государь заѣхалъ въ подгородное селеніе Вавчугу. Осмотрѣвъ здѣсь лѣсопильный заводъ Бажениныхъ и верфь ихъ да заказавъ имъ построить къ будущему лѣту большой корабль, — черезъ Копытово, налегкѣ, Петръ поскакалъ въ Москву, прибывъ домой на девятый день.

Готовя въ Москвѣ такелажъ и вооруженіе кораблю, заложенному въ Со-

Видъ города Архангельска.

ломбалѣ, самъ точа блоки и слѣдя за отлитіемъ пушекъ, Петръ внезапно пораженъ былъ въ срединѣ зимы смертью матери. Царица Наталья Кирилловна послѣ нѣсколькихъ дней нездоровья, не предвѣщавшаго опасности, почти вдругъ скончалась, 25 января 1694 г., въ тотъ день, когда Петръ собирался куда-то ненадолго уѣхать.

Ничѣмъ невознаградимую потерю эту не вдругъ пересилилъ терпѣливый Петръ, въ письмѣ къ Апраксину признаваясь, что *скорбь превышаетъ его силы*; но «по сихъ, яко Ной отъ бѣды мало отдохнувъ, о невозвратномъ оставя», принялся писать о живомъ, приказывая и разсылая распоряженія объ ускореніи стройки судовъ на Бѣломъ морѣ.

Не было уже никого, кто бы могъ удержать теперь Петра отъ задумываемыхъ имъ предпріятій: жену онъ не любилъ и спѣшилъ уѣхать отъ нея съ раннею весною.

Лефортъ далъ обѣдъ царю и спутникамъ его во второе далекое странствіе 29 апрѣля, и изъ-за пирового стола многіе прямо поѣхали за городъ.

Царь послѣднимъ оставилъ Москву, 1 мая, и на четвертый день прибылъ въ Вологду, значительно опередивъ свою свиту. Ожидая сбора ея, царь осмотрѣлъ приготовленные воеводою П. Гр. Лыковымъ карбасы, и самъ вооружилъ ихъ пушками. Образовалась цѣлая флотилія. Двадцать два карбаса составляли теперь царскій караванъ, отчалившій отъ пристани утромъ 8 мая. Шествіе открывалъ князь Ѳ. И. Троекуровъ, на одиннадцатомъ суднѣ былъ самъ шкиперъ (Петръ), а за нимъ шелъ князь Ѳ. Ю. Ромодановскій, послѣдуемый девятью карбасами — съ кухней, провизіей, аптекой, канцеляріей и прислугою; послѣднимъ же замыкалъ поѣздъ контръ-адмиралъ П. И. Гордонъ. Выстрѣлъ изъ пушки съ адмиральскаго карбаса былъ сигналомъ остановки для обѣда и ужина, два — для съѣзда на совѣтъ и три — для полной остановки на продолжительное время, тогда какъ, выстрѣлъ адмирала всѣмъ бортомъ былъ знакомъ подъема якорей и продолженія пути.

Чрезъ три дня по уходѣ отъ Вологды прошли пловцы уже мимо Устюга Великаго, гдѣ

Видъ города Архангельска.

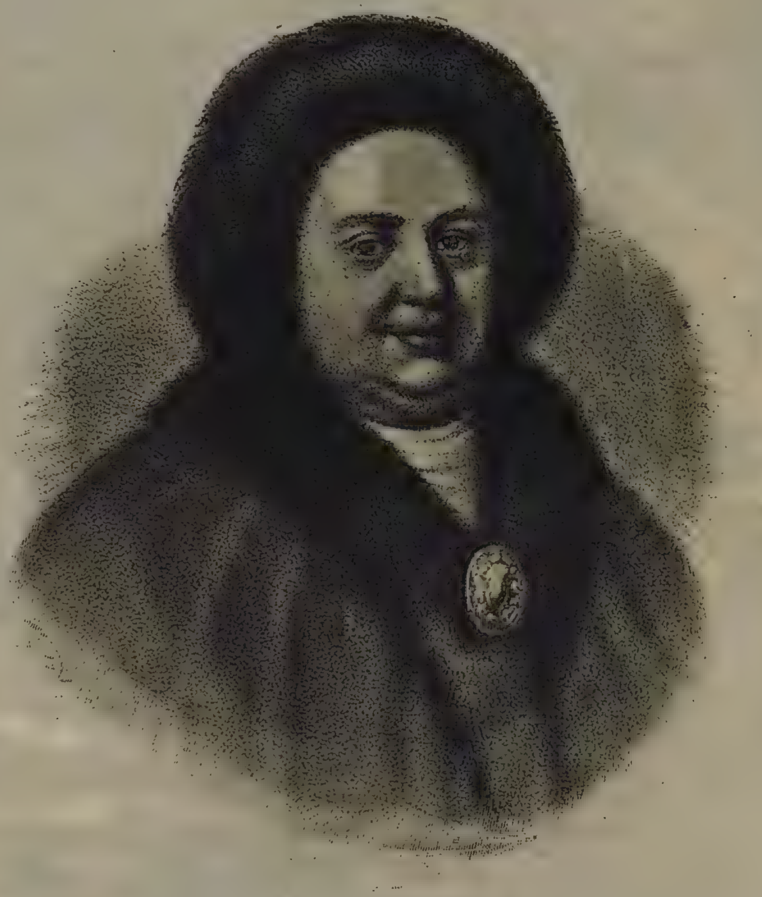

Петръ въ Архангельскѣ, на биржѣ, между голландскими и англійскими негоціантами.

при пушечной пальбѣ воевода — извѣстный П. А. Толстой — устроилъ торжественный пріемъ. Здѣсь была остановка на два дня, и только 13 мая государь двинулся далѣе,— 17 миновалъ Холмогоры, а 18 числа на всѣхъ парусахъ, распустивъ флаги, прошелъ мимо Архангельска и въ полдень вступилъ въ свое прошлогоднее жилище на Моисеевомъ острову.

Отправивъ молебствіе въ Кего-островской церкви св. Иліи пророка, 20 мая Петръ уже сдѣлалъ спускъ готоваго корабля съ соломбальской верфи, самъ подрубивъ подпоры, на которыхъ держался этотъ первенецъ, плавно съѣхавшій въ волны широкой Двины. Нужно было затѣмъ вооружить судно, и на это требовалось нѣсколько времени.

Пользуясь замедленіемъ по этому случаю да неприводомъ еще въ Архангельскъ купленнаго въ Амстердамѣ фрегата, Петръ рѣшился исполнить прошлогоднее обѣщаніе свое — побывать въ Соловецкомъ монастырѣ, поклониться мощамъ свв. Зосимы и Савватія. На яхтѣ «Св. Петръ» поѣхалъ съ государемъ и архіепископъ Аѳанасій съ ближними людьми.

Царица Евдокія Ѳеодоровна Лопухина, первая супруга Петра.

Мая 30 яхта, при попутномъ вѣтрѣ, пошла въ путь, но за наступленіемъ штиля простояла въ устьѣ цѣлый день. Іюня же 1 подулъ крѣпкій вѣтеръ, по выходѣ пловцовъ въ море перешедшій въ бурю, какой не запомнятъ бѣломорцы. Въ 120 верстахъ отъ Архангельска, противъ Унской губы, яхта приведена была въ такое положеніе, что пловцы ежеминутно ожидали потопленія. Архіепископъ, пріобщившись самъ, преподалъ св. тайны и государю, сохранявшему въ эти страшныя мгновенія изумительное хладнокровіе, стоя у руля. Опытный лоцманъ, бывшій стрѣлецъ соловецкій, Антипъ Тимоѳеевъ доложилъ Петру, что одно средство спастись, — пройти въ губу черезъ каменную гряду, около которой яростнѣе ревѣлъ бурунъ. Это были такъ называемые «Унскіе рога».

Царь отдалъ ему руль и велѣлъ туда править. Опытная рука и вѣрный глазъ выручили смѣлаго кормчаго. Онъ провелъ безвредно яхту извилистымъ фарватеромъ и утромъ 2 іюня причалилъ у воротъ бѣднаго Пертоминскаго монастыря, скрытаго въ глубинѣ Унской губы.

Выйдя на берегъ, Петръ прежде всего возблагодарилъ Бога за спасеніе и щедро одѣлилъ бѣдную монастырскую братію: 2000 гривенъ назначилъ на строеніе ограды, 600 гривенъ на пріобрѣтеніе новой ладьи монастыремъ, взамѣнъ разбитой бурею въ предшествовавшую навигацію, и столько же монахамъ на милостыню. Кромѣ того, государь приказалъ отвесть Пертоминскому монастырю земли для рыбной и звѣриной ловли, пожаловавъ и кирпичъ на возведеніе братскихъ келлій да стѣны съ башнями. Лоцмана Антипа Петръ поцѣловалъ въ голову, подарилъ свой мокрый костюмъ, въ которомъ былъ во время бури, и далъ 30 рублей въ награду. Самъ своими руками царь сдѣлалъ большой сосновый крестъ, высотой въ 5 аршинъ, шириной въ 3 аршина, и, принеся его на своихъ плечахъ на пристань, водрузилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ вышелъ изъ яхты со своими спутниками. На крестѣ этомъ вырѣзаны царемъ по-голландски слова: Dat kruys maken kaptein Piter, van a acht 1694 (сей крестъ сдѣлалъ шкиперъ Петръ въ 1694 году). Императоръ Александръ I (1806 г.), по просьбѣ городского архангельскаго общества,

повелѣлъ крестъ Петровой работы перенести въ Архангельскъ и поставить въ соборѣ, гдѣ онъ и теперь находится, какъ представляетъ помѣщаемое изображеніе (см. стр. 39). Въ Пертоминѣ Петръ провелъ за бурею всего пять дней и, 6 уже іюня выйдя въ море, 7 прибылъ благополучно въ Соловецкій монастырь, гдѣ архимандритъ встрѣтилъ государя торжественно при выходѣ съ яхты. Въ Соловкахъ Петръ три дня провелъ въ постѣ и молитвѣ, пожаловалъ 1664 руб. на иконостасъ въ соборъ Преображенія и другіе предметы, приказавъ приписать къ Соловецкому монастырю пустыни Новосоловецкую и Чухломскую Авраамієву. Обратное плаваніе было безъ приключеній.

Выйдя на берегъ въ Архангельскѣ 13 іюня, царь на другой день приглашенъ былъ на праздникъ, данный капитаномъ англійскаго корабля, гдѣ не пощадили ни вина ни пороха. Въ именины Стрешнева (16 іюня) былъ тоже обѣдъ для царя, ушедшаго послѣ стола къ Гордону на новоселье — на яхту «Св. Петръ», данную ему въ управленіе въ качествѣ контръ-адмирала. Проведя большую часть ночи у него, на утро государь былъ приглашенъ воеводою Апраксинымъ.

Пиры, впрочемъ, не мѣшали Петру дѣлать дѣло, — вооружать корабль. Наканунѣ именинъ своихъ Петръ вывелъ его уже на рейдъ и въ Петровъ день послѣ обѣдни принималъ здѣсь поздравленія. Іюля 11-го совсѣмъ оснащенный корабль названъ «Св. Павелъ» и отданъ въ команду И. И. Бутурлину, при водвореніи котораго опять не обошлось безъ пированья.

Петръ, какъ извѣстно, любилъ тушить пожары, являясь самымъ дѣятельнымъ распорядителемъ во время бѣдствія. Безъ государя, какъ видно по письмамъ Вейде, въ Москвѣ много погорѣло, а въ Архангельскѣ Петръ не допустилъ развиться огню на судахъ, стоявшихъ въ устьѣ рѣчки Кунчугурки, впадающей въ Двину слѣва, противъ Благовѣщенской церкви. Усиліями царя удалось отстоять весь караванъ, пожертвовавъ только кровлею одной барки съ хлѣбомъ.

Черезъ недѣлю послѣ пожара явился и купленный въ Голландіи 44-пушечный фрегатъ «**Santa Profeetie**», приведенный опытнымъ капитаномъ Фламомъ. Петръ самъ ввелъ фрегатъ въ Двину и поставилъ у остр. Соломбалы, гдѣ было больше глубины. Продолжительное плаваніе и буря потребовали

Соловецкій монастырь.

однако, недѣли работы на «Пророчествѣ», и, приведя все въ исправность, Петръ 3 августа вывелъ всю свою эскадру на рейдъ къ Соломбалѣ.

Еще шестеро сутокъ прошло за безвѣтріемъ да два дня за слабымъ и противнымъ вѣтрами. Только 12 августа удалось пройти флотиліи до Мудьюгскаго острова, а 14 числа подулъ попутный вѣтеръ, и суда двинулись на сѣверо-западъ. Туманъ въ праздникъ Успенія разлучилъ, однако, суда, и свою яхту Гордонъ чуть было не посадилъ на мель при островѣ Сосновцѣ, у Терскаго берега. Однако, соединясь съ кораблемъ и фрегатомъ, продолжалъ плаваніе. Пловцы обогнули Орловъ носъ и 17 августа дошли до Святого носа выхода въ Сѣверный океанъ. И туда бы направилъ бѣгъ корабля своего отважный царственный шкиперъ, но на утро задулъ противный вѣтеръ, такъ что Петру по необходимости пришлось воротиться, распрощавшись салютами съ иностранными караблями. Въ полдня эскадра добѣжала до р. Поноя. Затѣмъ наступилъ штиль, а 19 августа южный вѣтеръ опять развелъ сильное волненіе, при которомъ неопытнымъ морякамъ лавировать было нелегко. Къ счастію, буря продолжалась всего полдня, а затѣмъ подуло попутье и 21 августа Березовскимъ устьемъ пловцы достигли мѣста своей стоянки. Но и тутъ не обошлось безъ приключеній. Импровизированные вице-адмиралъ (Бутурлинъ) и контръ-адмиралъ (Гордонъ) наткнулись на мель, при этомъ первому пришлось провозиться цѣлый день, стаскивая свое судно.

Царь Петръ Алексѣевичъ.

Эти приключенія были уже финаломъ Архангельскаго пребыванія. Августа 1-го царь уѣхалъ въ Москву, поспѣшивъ начать другую потѣху, до того также на Руси невиданную.

За деревнею Кожухово, на правомъ берегу Москвы-рѣки, за Симоновымъ монастыремъ, обширная равнина назначена была театромъ дѣйствій для борьбы Стрѣлецкаго войска съ Потѣшнымъ. Князю-кесарю Ѳ. Ю. Ромодановскому, съ титуломъ генералиссимуса, даны въ начальство полки: Преображенскій, Семеновскій, да солдатскіе—Бутырскій и Лефортовъ съ 33-мя ротами: гранатчиковъ (3 р.), рейтаръ (8 р.), «нахаловъ» и «налетовъ» (2 р.), да «стольничьихъ» стариннаго дворянства (20 р.), созванныхъ изъ 20-ти городовъ «на 18-е сентября, для ученія ратному строю, на добрыхъ коняхъ съ пистоли, — безъ всякаго огурства». Бутурлину, названному «Польскимъ королемъ», даны 6 Стрѣлецкихъ полковъ (4.390 челов.), 2 конныя роты дьяковъ и 11 пѣшихъ ротъ подьячихъ московскихъ приказовъ (920 челов.).

Въ обѣихъ арміяхъ генералиссимусовъ было приблизительно до 15.000 человѣкъ. Въ полуверстѣ отъ Кожухова, при рѣкѣ поставленъ пятиугольный городокъ, обнесенный 5-аршинной высоты валомъ, да рвомъ, глубиною въ 4 аршина. Это была резиденція «Польскаго короля», которую занимать прошолъ онъ чрезъ Москву 27 сентября. Противникъ выступилъ изъ села Семеновскаго 26 сентября въ предшествіи роты пѣвчихъ, подъ командою шута Якова Тургенева, названнаго по этому случаю «знатнымъ старымъ воиномъ, кіевскимъ полковникомъ». За симъ велъ Лефортъ свои 9 ротъ;

шелъ Гордонъ съ Бутырскимъ полкомъ, а далѣе — Семеновскій и Преображенскій полки. Передъ преображенцами маршировали три бомбардира (первымъ — царь). Этими силами деревня Кожухова взята безъ сопротивленія.

Подъ дождемъ на разсвѣтѣ 28 сентября послѣдовала переправа черезъ Москву-рѣку и затѣмъ постройка укрѣпленнаго лагеря по правиламъ. Въ день Покрова и слѣдующій — рать Ромодановскаго строила редуты въ глазахъ противниковъ, ей не мѣшавшихъ. Они только напали было на бутырцевъ, но были прогнаны Гордономъ тотчасъ же. Затѣмъ было предположено городокъ Бутурлина взять по всѣмъ правиламъ полевой войны; но, подпивъ на именинахъ Лефорта, военачальники сдѣлали приступъ безъ затѣй. Несмотря на неудачу взрыва вала миною, несмотря на сопровотивленіе стрѣльцовъ на валу, линіи ихъ были прорваны; въ городокъ ворвались и заставили мнимое «польское войско» скрыться въ лагерѣ. Петръ, однако, такимъ результатомъ скорой побѣды былъ недоволенъ; онъ велѣлъ отпустить плѣнныхъ и съ 8 октября снова приступить къ миннымъ работамъ. Преображенскій, Семеновскій и Бутырскій полки повели апроши слѣва и справа. Петръ самъ металъ бомбы. Стрѣльцы дѣлали безуспѣшныя вылазки и заливали водою минныя галлереи. Царь самъ подвелъ подкопъ подъ фасъ болверка и, когда отъ взрыва валъ осѣлъ, 15 октября послѣдовалъ второй приступъ, при которомъ Преображенскій полкъ безъ труда перешелъ чрезъ проломъ, заваливщій ровъ. Зато стрѣльцами отбиты были семеновцы и бутырцы, и тогда уже начали вторичное нападеніе, когда преображенцы очутились въ тылу защитниковъ. На утро бомбардировали лагерь непріятеля, а 17 взяли его штурмомъ. Преображенцы опять кончили дѣло, ворвавшись первыми. Пиръ на слѣдующій день кончилъ эту потѣху, которая повела къ серіозному дѣлу предпріимчиваго государя.

Преображенцы.

IV.

ВОРОНЕЖСКОЕ СУДОСТРОЕНІЕ.

Въ Петрѣ выказывается всюду морякъ-кораблестроитель по призванію. Находка въ Измайловѣ привела его—къ верфи на Плещеевѣ озерѣ, далѣе было заведено строеніе кораблей на островѣ Соломбалѣ, затѣмъ приступлено къ сооруженію воронежскаго флота.

Былъ ли бы этотъ флотъ, если бы не походъ къ Азову? или создался ли бы онъ даже безъ похода къ Азову?—вопросы, ни къ чему не ведущіе: флотъ у Петра былъ бы *непремѣнно*. Вся разница развѣ во времени,—раньше или позже.

Цейхгаузъ въ Воронежѣ.

Мы такъ и смотримъ на этотъ вопросъ, не связывая его даже совсѣмъ съ Азовомъ. Относить къ походу избраніе мѣста для верфи въ Воронежѣ можно бы, положимъ, тогда, если бы Петръ самъ нашелъ пунктъ, до него не обращавшій на себя ничьего вниманія, какъ было, напримѣръ, въ Архангельскѣ съ адмиралтействомъ. Тутъ было — напротивъ. Уже въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича здѣсь строились струги для хлѣба, посылавшагося казакамъ. Дубъ, букъ, липа и сосна росли въ изобиліи по берегамъ рѣки Воронежа, составляя даже дремучіе лѣса и давая хорошій матеріалъ для стройки судовъ. Форма — самая ихъ плоскодонность — обусловливалась мелкостью рѣки Дона, въ низовьяхъ его. И тутъ Петру предстояло впослѣдствіи удерживать только, въ большинствѣ транспортовъ, обычную форму и объемы струговъ. Стройка ихъ нарядомъ также была заведена ранѣе Петра, за цѣлые десятки лѣтъ. Собирало правительство до 20.000 человѣкъ работниковъ зимою, подъ надзоромъ стольниковъ посылало ватаги ихъ зимою же въ лѣса, откуда построенные совсѣмъ струги перевозились на колесахъ къ пристанямъ: Ступинской, Куринской, Барщевской, Сокольской, Добрынской, Козловской и др. А весною спускали суда въ Воронежъ, нагружали и отпускали. Въ годъ рожденія Петра, напримѣръ, 400 струговъ «уютныхъ и пространныхъ со всякими струговыми снастями» указано было для донского отпуску сдѣлать на Воронежѣ стольнику Борису Бухвостову, «чтобъ тѣ струги къ веснѣ къ половодію были готовы». «А плотникамъ и работникамъ и кузнецамъ у того струговаго дѣла быть воронежцамъ и иныхъ городовъ городовые службы служивымъ всякихъ чиновъ, олонецкимъ и уѣзднымъ людямъ, противъ прежняго».

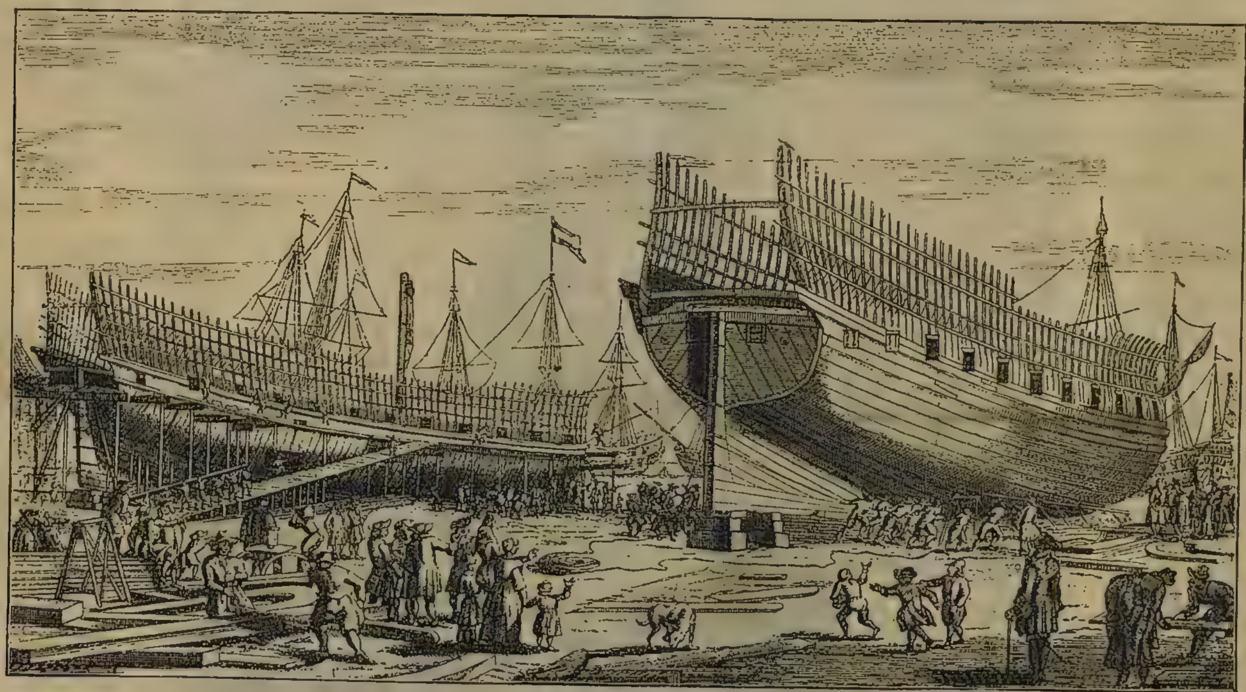
По прежнимъ примѣрамъ, и къ первому азовскому походу велѣно построить здѣсь же 1.295 струговъ. Петръ воспользовался, какъ видно, здѣсь заведеннымъ до него дѣломъ. Ко второму же походу образовалась кое-какая разница, обусловленная привезеніемъ изъ Амстердама разборной 32-весельной галеры въ концѣ 1695 года, доставленной изъ Вологды въ Москву. По образцу этой галеры хотѣлъ Петръ въ своемъ Преображенскомъ построить зимою еще 22 такихъ же судна, да 4 бригантина. Лучшихъ плотниковъ доставили съ Вологды. Одновременно заказано 1.500 струговъ на Воронежѣ, длиною обычною, до 17 саженъ, а шириною до 5 и болѣе саженъ.

Части галеръ, по рисункамъ, велѣно приготовить также въ Воронежскихъ лѣсахъ. Сарваеромъ каторжнаго дѣла назначенъ Францъ

Тиммерманъ, занимаясь хозяйственною и экономическою частью. Въ помощники ему назначенъ Андрей Креветъ, переводчикъ посольскаго приказа, завѣдывавшій преображенскою лѣсопильнею и мельницею. Отъ него отпускались паруса и весь такелажъ. Полковикъ Балтазаръ Емельяновичъ Де-Лозьеръ, съ званіемъ шаутбенахта, занятъ былъ въ Воронежѣ по сбору судовъ. Для службы на нихъ сформированы изъ преображенцевъ и семеновцевъ 28 ротъ морскихъ солдатъ (въ числѣ 4.225 человѣкъ). Ими начальствовалъ вице-адмиралъ Юрій Степановичъ Лима; Лефортъ же носилъ имя адмирала. Въ ротахъ было неравное число рядовыхъ (отъ 75 до 126 человѣкъ) а въ государевой было 220 человѣкъ.

Зимою, въ ту пору, когда въ Воронежскихъ лѣсахъ стучали топоры, и тысячи народа заняты были свозомъ изъ лѣсовъ строевого матеріала, у Петра въ Москвѣ заболѣла нога, и такъ серіозно, что царь не могъ проводить тѣла брата до могилы: царь Иванъ внезапно скончался 29 января 1896 г. Болѣзнь продержала государя въ постели до конца февраля и, только получивъ облегченіе, но далеко еще не совсѣмъ вылѣчившись, нетерпѣливый Петръ поѣхалъ въ Воронежъ, гдѣ подъ наблюденіемъ, хотя усердныхъ, но неопытныхъ исполнителей, дѣло шло медленно.

Съ пріѣздомъ царя (29 февраля), оно закипѣло, и хотя поздно пріѣхали мастера изъ Архангельска, но къ апрѣлю 30 галеръ были всѣ въ дѣлѣ, и самая большая «Принципіумъ», строенная царемъ-мастеромъ, спущена на воду 2 апрѣля. Вслѣдъ за спускомъ ея, страшная буря со снѣгомъ и наводненіемъ (7 апрѣля) разстроила на нѣсколько дней правильный ходъ работъ, но спускъ и другихъ галеръ не замедлилъ. 26 апрѣля спущенъ корабль «Апостолъ Петръ», и на немъ черезъ день пошелъ къ Азову Шеинъ. Самъ Петръ, съ братьями Головиными и Нарышкинымъ, повелъ передовой отрядъ плавнаго каравана 5 мая. На слѣдующій день повезли Лефорта. Зотовъ съ переводчиками отправились съ 7-ю галерами 10 числа; 17-го—Трубецкой съ тѣмъ же числомъ галеръ; 21-го—Языковъ съ провіантомъ, а 24-го—Де-Лозьеръ съ послѣдней галерой и брандерами.

Постройка судовъ.

Мая 15-го Петръ былъ уже въ Черкасскѣ и во всю кампанію думалъ и дѣлалъ больше всѣхъ. Флотъ несомнѣнно способствовалъ взятію Азова. Съ возвращеніемъ же въ Москву, въ Азовѣ осенью суда разнесло водой. Весною воеводѣ Лыкову велѣно починить ихъ и караулъ приготовить, чтобы тѣ суда были всѣ въ цѣлости. Но поѣздка царя въ путешествіе сдѣлала это распоряженіе исполненнымъ какъ - нибудь. Только уже въ 1698 г. встрѣчаемъ мы посылку въ Азовъ большихъ запасовъ лѣса. Но судьба этой посылки бѣдственная: люди бѣжали; подъ Черкасскомъ 18 транспортовъ отъ бури сѣли на мель и затонули. Вся осень

1698 и весна 1699 гг. прошли въ попыткахъ снять ихъ съ мели. Между тѣмъ, въ Азовѣ при судахъ держали людей съ 1696 года. И гребныя суда всѣ погнили на Дону, за время забытья о нихъ. Приставники перекорялись другъ съ другомъ, и рѣшеніе думы государевой послѣ взятія Азова — «морскимъ судамъ быть» — оказывалось пустымъ словомъ.

Между тѣмъ, въ 1698 году собирали громадныя средства, обложивъ повинностью всѣ состоянія капитальныхъ русскихъ людей. Къ апрѣлю 1698 года — владѣльцы болѣе 100 дворовъ крестьянскихъ должны были построить, складываясь, корабли. Духовныя особы обязаны были соорудить корабль съ числа 8.000 дворовъ, а свѣтскіе съ 10.000. Имѣвшіе меньше 100 дворовъ — вносили по полтинѣ со двора деньгами. Городскимъ сословіямъ, вмѣсто подати *десятой деньги* съ капитала, приказано построить 12 кораблей, разумѣя плату за работу и наемъ народа для ней. Лѣсъ готовый давало правительство.

Сухарева башня въ Москвѣ.

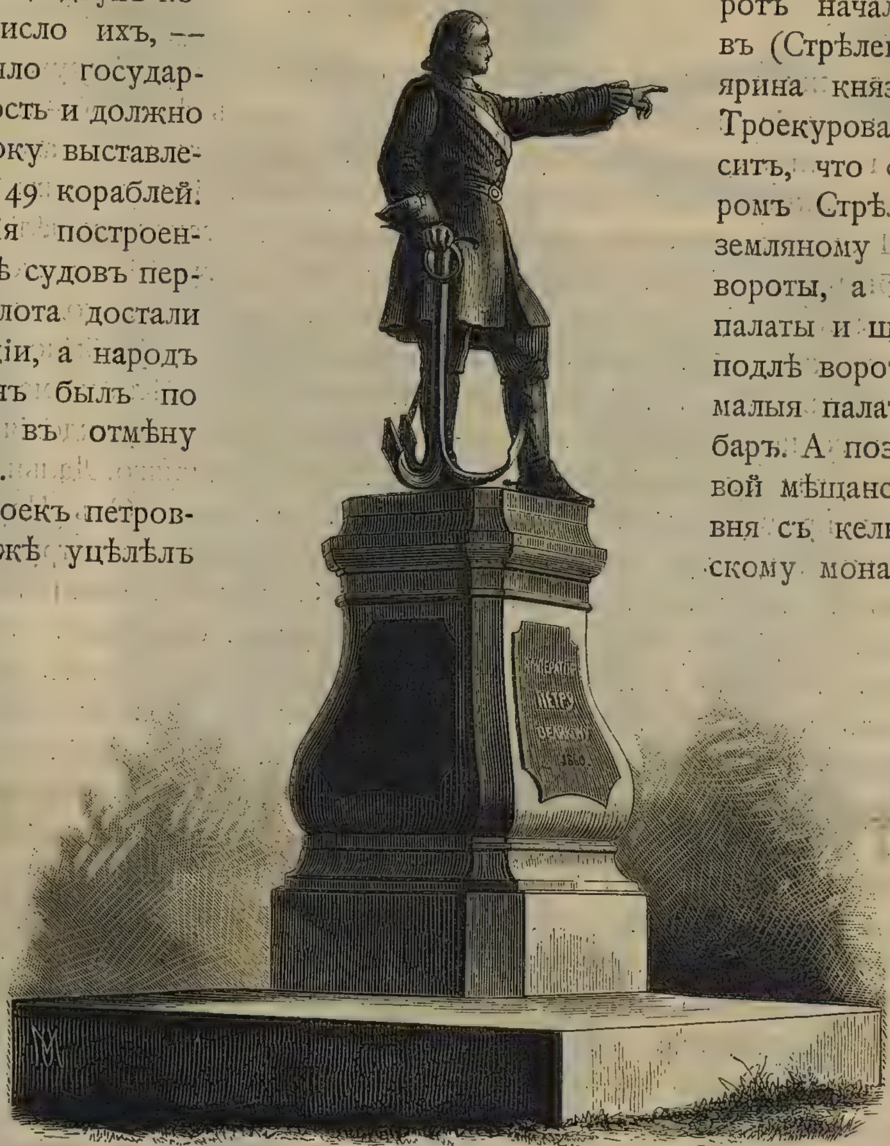
Выполнить всю операцію постройки флота можно было, конечно, приведя въ точную извѣстность число дворовъ, а это заняло не мало времени. По разверсткѣ, у духовенства

образовалось 17 паевъ (въ 8.000 дворовъ), названныхъ «кумпанствами»; такъ же какъ и 18 участковъ свѣтскихъ помѣщиковъ въ 10.000 дворовъ. Съ прибавкою, на гостей собственно, еще двухъ кораблей, общее число ихъ, — которое составляло государственную повинность и должно было быть къ сроку выставлено, — доходило до 49 кораблей.

Для вооруженія построенныхъ въ Воронежѣ судовъ перваго русскаго флота достали пушки изъ Швеціи, а народъ рабочій выставленъ былъ по земскому наряду, въ отмѣну *полтиннаго* взноса.

Ото всѣхъ построекъ петровскихъ въ Воронежѣ уцѣлѣлъ теперь только цейхгаузъ, изображеніе котораго мы помѣстили на стр. 46.

Ко времени начатія обширной судостроительной дѣятельности въ Воронежѣ принадлежитъ еще одинъ памятникъ въ Москвѣ. Это — Сухарева башня, построенная на мѣстѣ старыхъ Срѣтенскихъ воротъ, на сѣверо-восточномъ концѣ Земляного города, передъ въѣздомъ въ Стрѣлецкую слободу, второго изъ 19-ти Московскихъ Стрѣлецкихъ приказовъ. Двѣ надписи на зданіи ясно указываютъ на время сооруженія воротъ. Надписи помѣщены на двухъ таблицахъ съ южной стороны воротъ. Первая изъ нихъ — по титулѣ обоихъ царей, — указываетъ, что сооруженіе воротъ началось «при сидѣньѣ въ (Стрѣлецкомъ) приказѣ боярина князя Ив. Борисовича Троекурова». Вторая же гласитъ, что «построены во второмъ Стрѣлецкомъ полку, по земляному городу Срѣтенскія вороты, а надъ тѣми вороты, палаты и шатеръ съ часами. А подлѣ воротъ по обѣ стороны малыя палаты, да казенный амбаръ. А позадь воротъ, къ новой мѣщанской слободѣ, часовня съ кельями, къ Николаевскому монастырю, что на Перервѣ. А начато то строеніе строить въ лѣто 7200 (1692), а совершено 7203 (1695), а въ то время будущаго у того полку стольника и полковника Лаврентія Панкратьева сына Сухарева». Роль Сухарева полка въ распрѣ Петра съ Софью извѣстна. Сухаревы стрѣльцы были и въ Кожуховскомъ походѣ. До 1700 года зданіе воротъ еще разъ перестроено, и, вѣроятно, въ это время сдѣлано приспособленіе помѣщеній для первой въ Россіи школы навигаторовъ.

Памятникъ Петру Великому въ Воронежѣ.

V.

АЗОВСКІЕ ПОХОДЫ.

(1695 и 1696 гг.).

Кожуховскія военныя потѣхи возбудили въ Петрѣ желаніе испытать устроенные имъ, по иностранному образцу, «потѣшные полки» въ настоящей битвѣ съ непріятелемъ. И случай для этого представлялся весьма удобный. Россія съ 1686 года находилась въ разрывѣ съ Турціей; но послѣ неудачныхъ походовъ князя В. В. Голицына въ Крымъ военныя дѣйствія были пріостановлены. Войска наши ежегодно собирались на украинской линіи, лишь для охраненія собственныхъ предѣловъ и не предпринимали никакихъ наступательныхъ движеній. Петръ, поощряемый совѣтами близкихъ къ нему лицъ и увѣщаніями іерусалимскаго патріарха, рѣшился снова возобновить войну. Неудачи Голицына показали безплодность степныхъ походовъ, а потому цѣлью новаго похода былъ избранъ Азовъ, путь къ которому облегчался Дономъ и расположенными вблизи его низовьевъ поселеніями донскихъ казаковъ. При томъ же взятіе этой важной турецкой крѣпости, считавшейся ключомъ къ Азовскому морю, льстило самолюбію молодого царя, могло произвести сильное впечатлѣніе не только въ Россіи, но и въ Европѣ и открывало для русской торговли проходъ въ Черное море.

Чтобы скрыть отъ турокъ настоящую цѣль похода, огромное войско ратныхъ людей стараго строя и конныхъ ополченій, подъ начальствомъ боярина Б. П. Шереметева, было послано весной 1695 г. для промысла надъ крымскимъ ханомъ. Войска же новаго строя, также московскіе стрѣльцы, городовые солдаты и царедворцы, всего 31.000 человѣкъ, двинулись, подъ командой генераловъ: Лефорта, Гордона и Головина, къ Азову. Прежде всѣхъ выступилъ передовой отрядъ Гордона. Собравшись въ Тамбовѣ, онъ въ концѣ апрѣля мѣсяца направился къ Азову сухимъ путемъ, чрезъ Черкасскъ. Вслѣдъ затѣмъ и остальныя войска, при которыхъ находился самъ государь, сѣли на суда въ Москвѣ и поплыли Москвою-рѣкою, Окою и Волгою.

«Шутили подъ Кожуховымъ, а теперь подъ Азовъ играть ѣдемъ» — писалъ Петръ Апраксину. Дѣйствительно, азовскій походъ былъ предпринятъ безъ всякихъ серьезныхъ приготовленій. Съ самаго начала уже оказалось, что и кормчіе и суда, назначенные для перевозки войскъ, никуда не годились. Погода стояла бурная, и плаваніе было столь безпорядочно, что многія суда сѣли на мель, а другія получили значительныя поврежденія и едва могли добраться до Нижняго. Дальнѣйшій походъ совершался не лучше. Отъ Царицына войска шли степью съ большими затрудненіями. Изнуренные солдаты должны были трое сутокъ везти на себѣ орудія, снаряды и тяжести, потому что при отрядахъ не имѣлось ни конницы ни артиллерійскихъ и обозныхъ лошадей. Къ довершенію всего, по прибытіи въ казацкій городокъ Паншинъ, обнаружился, вслѣдствіе неисправности подрядчиковъ, недостатокъ въ провіантѣ. Изъ Паншина войско поплыло Дономъ, отдохнуло три дня въ Черкасскѣ и 29-го іюня добралось, наконецъ, до Азова, гдѣ уже стоялъ Гордонъ въ лагерѣ, обнесенномъ окопами.

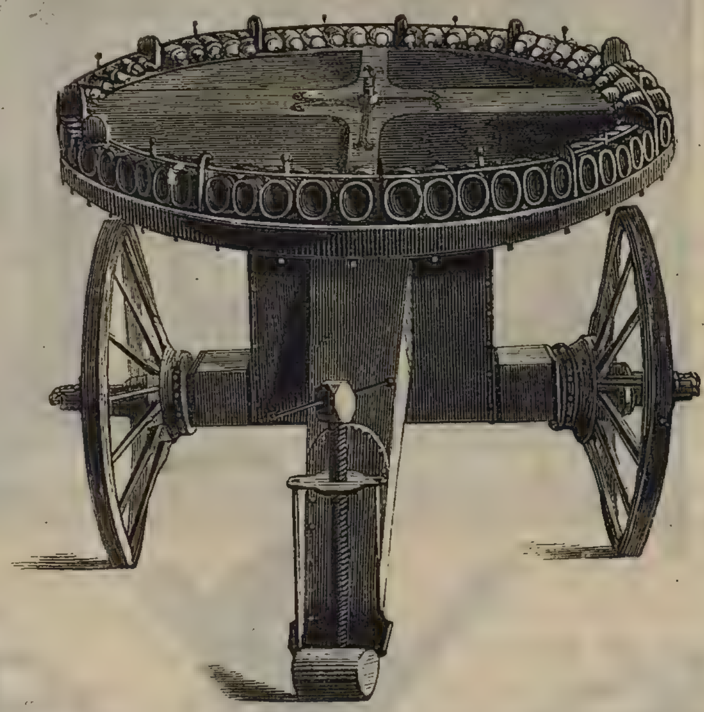
Укрѣпленія Азова, занятаго 10.000 турокъ и татаръ, состояли изъ каменной стѣны съ землянымъ валомъ, усиленнымъ палисадами. Въ двухъ верстахъ отъ крѣпости, на обоихъ берегахъ Дона, выше по теченію, находились двѣ каменныя башни или каланчи, вооруженныя артиллеріей. Эти башни, соединенныя протянутыми черезъ рѣку тремя толстыми желѣзными цѣпями, заграждали судамъ возможность приблизиться къ городу.

Петръ, утвердясь подъ Азовомъ, по его собственнымъ словамъ, «на молитвахъ святыхъ апостоловъ, яко на камени», приступилъ къ осадѣ крѣпости. На одной изъ батарей онъ самъ начинялъ гранаты и бомбы, наводилъ орудія и стрѣлялъ въ продолженіе двухъ недѣль. Несмотря на постоянный и сильный огонь съ нашей стороны, непріятель, подкрѣпленный свѣжими войсками, пришедшими моремъ, не только не терялъ бодрости, но частыми вылазками безпокоилъ осаждающихъ и наносилъ

Оружіе допетровскаго времени и стрѣлецкое знамя, находящіяся въ Артиллерійскомъ музеѣ въ С.-Петербургѣ.

имъ много вреда. Между тѣмъ татарская конница, кочевавшая въ окрестной степи, затрудняла доставленіе къ арміи снарядовъ и съѣстныхъ припасовъ. Самый удобный путь для подвоза — водой, былъ загражденъ каланчами, и потому наши военачальники рѣшили попытаться овладѣть ближайшею изъ нихъ. Царь вызвалъ охотниковъ изъ донскихъ казаковъ, обѣщая каждому по десяти рублей награды. Казаки, подкравшись къ каланчѣ ночью, взяли ее и при этомъ захватили 15 пушекъ и нѣсколько плѣнныхъ. Обрадованный царь велѣлъ служить во всѣхъ полкахъ благодарственные молебны; но радость была непродолжительна. Въ этотъ же день, турки, руководимые перебѣжавшимъ къ нимъ изъ русскаго лагеря голландскимъ матросомъ Янсеномъ, внезапно напали на наши окопы въ то время, какъ войска отдыхали, утомленныя сильнымъ зноемъ. Непріятель съ громкими криками стремительно ворвался въ лагерь и началъ убивать сонныхъ. Стрѣльцы и солдаты бѣжали, пораженные паническимъ страхомъ; къ счастью, подоспѣвшіе потѣшные полки успѣли оттѣснить турокъ, которые, однакожъ, увезли съ собой 7 полевыхъ пушекъ и перепортили большую часть осадныхъ орудій. Въ войскѣ распространилось было уныніе, но казаки ободрили его новымъ подвигомъ. Открывъ изъ занятаго ими укрѣпленія жестокую пальбу противъ второй каланчи, они принудили непріятеля покинуть ее, оставивъ русскимъ 21 пушку. Покореніе каланчей облегчило положеніе арміи. «Теперь мы зѣло свободны стали, — писалъ царь (къ Кревету) въ Москву, — будары съ запасами воинскими и съѣстными сюда съ рѣки пришли; которые прежде сего въ обозъ зѣло, съ превеликою провожены были трудностью отъ татаръ сухимъ путемъ. И слава Богу! по взятіи оныхъ (каланчей) яко врата счастія къ Азову отворились».

Круглая батарейка петровскаго времени, находящаяся въ Артиллерійскомъ музеѣ, въ С.-Петербургѣ.

Надежды Петра были напрасны. Онъ скоро увидѣлъ, что подъ Азовомъ нельзя «играть». Въ нашихъ войскахъ не существовало ни единодушія ни умѣнья; начальники замѣтно скучали осадой и трусили ратнаго дѣла. Въ концѣ іюля они послали письмо къ пашѣ, пытаясь склонить его къ сдачѣ города предложеніемъ «выгодныхъ условій». Паша отвѣчалъ отказомъ. Тогда заговорили о штурмѣ. Опытный Гордонъ спорилъ и доказывалъ преждевременность штурма, однако его не послушали. 5 августа войска пошли на приступъ, не имѣя съ собой ни лѣстницъ ни фашинъ. Регулярные полки сражались храбро и даже взобрались на валъ, но стрѣльцы, назначенные въ помощь штурмующимъ, не поддержали ихъ, а, расположась въ садахъ, спокойно смотрѣли въ продолженіе всего приступа на усилія своихъ товарищей. Штурмъ, разумѣется, былъ отбитъ съ большими для насъ потерями.

Послѣ этой неудачи снова принялись за осаду. Она подвигалась крайне плохо, вслѣдствіе беззаботности начальниковъ и неискусства инженеровъ. Между тѣмъ непріятель не давалъ войскамъ покоя ни днемъ ни ночью, производилъ безпрестанно вылазки, врывался въ траншеи и уничтожалъ осадныя работы. Петръ нетерпѣливо ждалъ окончанія подведенныхъ нами подкоповъ подъ крѣпостной валъ, рѣшившись, по взрывѣ минъ, вторично штурмовать крѣпость. Когда мины были окончены и заряжены 85-ю пудами пороха, царь собралъ военный совѣтъ. Всѣ присутствовавшіе, за исключеніемъ Гордона, подали голосъ въ пользу приступа. Сентября 25-го, утромъ, войска были собраны въ передовыхъ траншеяхъ. Раздался страшный взрывъ подкоповъ: каменья, бревна, доски, взлетѣли на воздухъ и обрушились на наши же апроши, перебивъ и переранивъ нѣсколько десятковъ человѣкъ. Впрочемъ, часть крѣпост-

ного вала оказалась поврежденною, такъ что въ ней образовался проломъ въ двадцать саженъ. Штурмующія колонны двинулись на приступъ вяло и неединодушно. Отрядъ Гордона атаковалъ проломъ; остальныя же войска только дѣлали видъ нападенія, ожидая, чтобы другіе проложили имъ путь въ городъ. Замѣтивъ это, турки сосредоточили всѣ свои силы у пролома, прогнали солдатъ Гордона съ вала и потомъ выпустили на русскихъ толпу яростныхъ янычаръ. Стрѣльцы, при видѣ ихъ, тотчасъ побѣжали, распространяя страхъ и въ прочихъ отрядахъ. Государь два раза возобновлялъ приступъ, но солдаты шли неохотно и при первомъ же натискѣ непріятеля поспѣшно отступали. Замѣтимъ, однако, что 1,000 казаковъ и полки Преображенскій и Семеновскій ворвались было въ городъ, но, не имѣя поддержки, вернулись на суда.

Убѣдившись въ невозможности завладѣть Азовомъ въ этомъ году, Петръ на третій же день послѣ штурма велѣлъ снять осаду. Укрѣпивъ обѣ каланчи и оставивъ въ нихъ 3.000 человѣкъ гарнизона, армія тронулась 30-го сентября въ обратный путь. Онъ совершился еще съ большими бѣдствіями и затрудненіями, нежели самый походъ къ Азову. Въ степи въ первые два дня отступавшихъ безпрерывно тревожила татарская конница, и Гордонъ, начальствовавшій аріергардомъ, едва могъ сохранять хоть какой-нибудь порядокъ между своими солдатами. Полкъ Сверта отсталъ и былъ совершенно уничтоженъ непріятелемъ. За Черкасскомъ вдругъ начались сильные морозы и вьюги; множество людей и лошадей погибло отъ холода и голода.

Ноября 22-го царь торжественно вступилъ съ потѣшными въ Москву. Но неудачу нельзя было скрыть. Взятіе двухъ каланчей не окупало ни тяжелаго и дальняго похода ни огромныхъ потерь.

Пушка-револьверъ петровскаго времени, находящаяся въ Артиллерійскомъ музеѣ, въ С.-Петербургѣ.

Азовскія неудачи многому научили Петра и заставили его смотрѣть на многое иными глазами. Онъ не могъ *не замѣтить недостаточности и легкомысленности того, чему предавался прежде съ страстнымъ увлеченіемъ.* Петръ увидѣлъ также, что для пользы и блага Россіи нужны быстрыя и рѣшительныя перемѣны. Съ этихъ поръ дѣятельность его, вызванная сперва лишь одними личными увлеченіями, безъ всякихъ дальнѣйшихъ плановъ, начинаетъ принимать опредѣленное направленіе. Онъ вдругъ выростаетъ отъ бѣды и обнаруживаетъ изумительную энергію. Оставляя пока въ сторонѣ многіе важные государственные вопросы и настоятельныя потребности Россіи, Петръ на этотъ разъ обратилъ все свое вниманіе на то, что всего прямѣе и непосредственнѣе было связано съ предыдущими событіями, — на усовершенствованіе военнаго дѣла и созданіе морскихъ силъ, о которыхъ мы уже говорили.

Еще на пути изъ Азова со степи, близъ береговъ Айдара, Петръ писалъ къ цесарю римскому и курфирсту бранденбургскому, прося ихъ прислать ему поскорѣе опытныхъ инженеровъ и «подкопныхъ мастеровъ». Короля же польскаго, нашего тогдашняго союзника, царь приглашалъ предпринять, одновременно съ нимъ, рѣшительныя дѣйствія противъ общихъ враговъ христіанства. Это уже показывало, что Петръ собирается въ будущемъ году итти подъ Азовъ не для одной «игры», а задумываетъ серьезное дѣло. Дѣйствительно, черезъ пять дней по возвращеніи царя въ Москву, 27 ноября 1695 г., ратнымъ людямъ была сказана вновь служба подъ Азовъ. Декабря 13-го въ Москвѣ «кликнули кличъ», чтобы всѣ охочіе люди шли въ Преображенское и записывались въ службу. Охотниковъ нашлось не мало, особенно въ господскихъ дворняхъ. Кромѣ того, Петръ потребо-

валъ присылки войска отъ малороссійскаго гетмана. Для устраненія обнаружившихся въ первомъ походѣ несогласій и разномыслія между генералами царь назначилъ надъ арміею одного главнокомандующаго, боярина А. С. Шеина. Въ декабрѣ же Петръ озаботился и заготовленіемъ провіанта, да военныхъ снарядовъ.

Къ половинѣ апрѣля въ окрестностяхъ Воронежа была сосредоточена армія въ 42.000 человѣкъ; 21-го числа «генералиссимусъ» Шеинъ, отпраздновавъ на приготовленной для него галерѣ поднятіе своего флага, тронулся съ войскомъ подъ Азовъ. Черезъ пять дней послѣ него изъ Воронежа двинулся «морской караванъ», т.-е. новосозданный флотъ, авангардъ котораго находился подъ командой капитана «Петра Алексѣевича». Плывя Дономъ, государь издалъ первый приказъ, опредѣлявшій распорядокъ при движеніи судовъ. Немногія правила, заключающіяся въ этомъ приказѣ, послужили зародышемъ «морского регламента», составленнаго Петромъ двадцать лѣтъ спустя.

Прибывъ въ Черкасскъ, царь получилъ здѣсь 18-го мая извѣстіе, что въ устьяхъ Дона стоятъ два турецкіе корабля, и рѣшился атаковать ихъ галерами, при помощи донскихъ казаковъ. 19-го числа, вечеромъ, казаки на 40 лодкахъ пустились внизъ по р. Каланчѣ; за ними на 9 ти галерахъ пошелъ самъ государь съ однимъ пѣхотнымъ полкомъ. Съ сѣвера дулъ крѣпкій вѣтеръ; вода по всему Дону спала, и протоки обмелѣли такъ, что галерамъ нельзя было пройти въ море. Тогда Петръ пересѣлъ въ казачью лодку и пробрался на ней ко взморью; но вмѣсто двухъ непріятельскихъ кораблей увидѣлъ ихъ *тринадцать*. Не рискуя напасть на турокъ съ слабыми силами, царь вернулся назадъ, оставивъ въ устьяхъ Каланчи атамана Минаева съ казачьей флотиліей. Ночью донцы выслѣдили непріятельскій транспортъ съ провіантомъ, отправленный на 13-ти тумбасахъ съ турецкаго флота въ Азовъ. Казаки стремительно бросились на транспортъ, овладѣли 10-ю тумбасами и навели на турецкій флотъ такой страхъ, что онъ поспѣшилъ сняться съ якорей и уйти въ море. Въ смятеніи два непріятельскихъ корабля сѣли на мель: одинъ изъ нихъ турки затопили сами, а другой достался казакамъ. Эта первая морская удача привела царя въ восторгъ и была отпразднована пушечной пальбой со всѣхъ нашихъ галеръ и укрѣпленій. На другой день вѣтеръ перемѣнился, нагналъ воду въ донскіе притоки и позволилъ Петру выйти со всѣмъ флотомъ въ море. Заложивъ на правомъ берегу Дона, близъ устья, земляное укрѣпленіе царь отрѣзалъ совершенно Азовъ отъ моря.

Между тѣмъ, наша армія расположилась подъ крѣпостью, почти на тѣхъ же мѣстахъ, какъ и въ прошломъ году и, построивъ нѣсколько батарей, открыла сильную бомбардировку, которая, впрочемъ, наносила мало вреда непріятельскимъ укрѣпленіямъ. Нетерпѣливо ожидаемые цесарскіе инженеры не ѣхали, и главнокомандующій, не зная, какъ приступить къ осаднымъ работамъ, задумалъ предложить самимъ солдатамъ и стрѣльцамъ рѣшеніе вопроса о томъ, какимъ способомъ лучше взять Азовъ. Они отвѣчали, что нужно сдѣлать высокій земляной валъ, привалить его къ непріятельскому валу и, засыпавъ ровъ, сбить турокъ съ крѣпостныхъ стѣнъ. Какъ ни странно казалось такое предложеніе, напоминавшее осаду Херсона великимъ княземъ Владиміромъ въ X столѣтіи, однакоже, царскій совѣтъ принялъ его. Въ теченіе двухъ недѣль каждую ночь 15.000 человѣкъ занимались подъ непріятельскими выстрѣлами этой гигантской и безполезной работой. Петръ находился постоянно на своей галерѣ, поджидая непріятельскій флотъ и рѣдко являлся въ лагерь; но зато, во время своихъ рѣдкихъ посѣщеній, онъ безстрашно обходилъ самые опасные пункты, разставлялъ орудія, металъ бомбы. Прогулки свои по траншеямъ царь шутливо описывалъ въ письмахъ къ любимой сестрѣ, Натальѣ Алексѣевнѣ, просившей его беречься: «По письму твоему я къ ядрамъ и пулькамъ близко не хожу, а они ко мнѣ ходятъ; прикажи имъ, чтобъ не ходили. Однакожъ, хотя и ходятъ, только по ся поры вѣжливо. А къ Азову турки на помощь пришли, да къ намъ нейдутъ; я чаю, что желаютъ насъ къ себѣ».

Наконецъ, 11 іюля въ лагерь прибыли запоздавшіе нѣмецкіе инженеры. Они подивились громадности нашихъ работъ и указали какъ вести мины и ставить батареи. Вскорѣ мѣткіе выстрѣлы ихъ разрушили крѣпостные палисады и принудили турокъ оставить одинъ изъ бастіоновъ, который наши войска тотчасъ же заняли. 17 іюля донскіе казаки и запорожцы, наскучивъ осадой, внезапно атаковали крѣ-

пость и даже ворвались въ нее; но, не поддержанные во-время, должны были отступить и засѣли на главномъ валу, откуда непріятель никакъ не могъ выбить ихъ. Тогда главнокомандующій велѣлъ всѣмъ войскамъ готовиться къ общему штурму. Однако, турки не дождались его. Убѣдившись въ невозможности дальнѣйшаго сопротивленія, потерявъ всякую надежду на подкрѣпленіе съ моря и израсходовавъ почти всѣ, имѣвшіеся у нихъ военные снаряды, они на слѣдующій день предложили сдать крѣпость, выговаривая себѣ позволеніе выйти изъ города въ полномъ вооруженіи, съ женами, дѣтьми и пожитками. Государь согласился на это условіе съ тѣмъ, чтобъ ему непремѣнно былъ выданъ измѣнникъ Янсенъ.

Утромъ, 19 іюля, восемь русскихъ полковъ выстроились въ два ряда отъ береговыхъ азовскихъ воротъ до самаго Дона. На рѣкѣ было приготовлено 30 струговъ и 2 галеры для перевозки сдавшагося гарнизона до рѣки Кагальника. Турки выступили изъ крѣпости въ числѣ 3.000 человѣкъ въ большомъ безпорядкѣ: одни шумною толпою бросились къ судамъ, другіе кинулись въ противоположную сторону, въ степь. Только комендантъ Гассанъ-Бей сохранилъ подобающую важность. Сопровождаемый важнѣйшими чинами гарнизона, онъ шелъ между рядами русскихъ войскъ съ развѣвающимися знаменами, подъ прикрытіемъ сотни нашихъ солдатъ. На берегу стоялъ генералиссимусъ верхомъ, окруженный многочисленной свитою. Бей преклонилъ передъ нимъ знамена, вручилъ ему городскіе ключи, поблагодарилъ за честное исполненіе условій и затѣмъ отправился на стругахъ къ устью Кагальника. По удаленіи турокъ изъ Азова, десять русскихъ полковъ, назначенные для его занятія, вступили въ крѣпость, гдѣ нашли 96 пушекъ, мортиръ, дробовиковъ и пищалей.

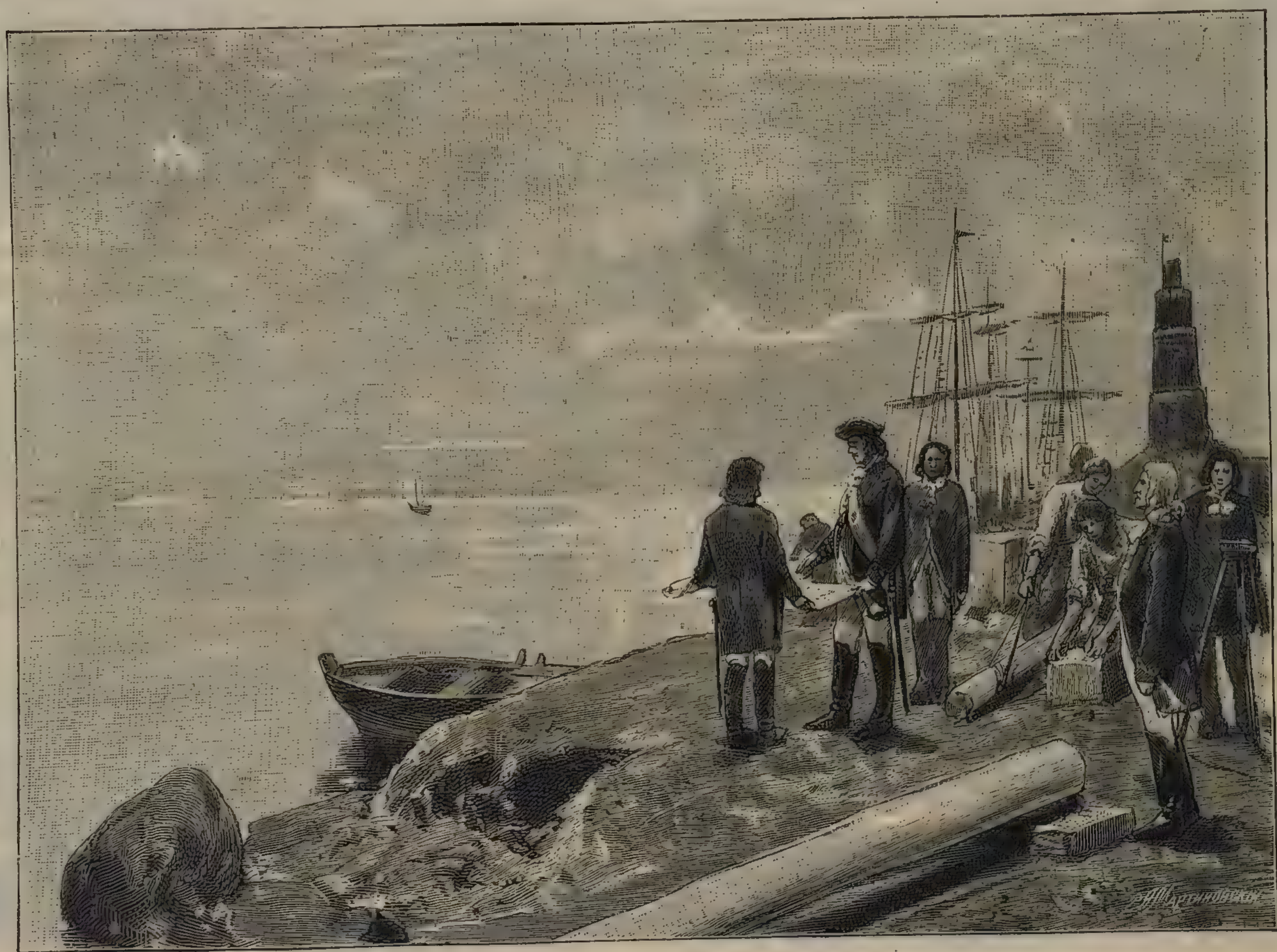
Штурмъ города Азова 18 іюля 1696 года. *(Съ гравюры Адріана Шонебека).*

«Нынѣ со святымъ Павломъ радуйтеся всегда о Господѣ, и паки реку — радуйтесь! — писалъ

Петръ въ Москву. — Нынѣ радость наша исполнися, понеже Господь Богъ двалѣтніе труды и крови наши милостію Своею наградилъ: вчерашняго дня азовцы, видя конечную бѣду свою, сдались».

Извѣстіе это произвело въ Москвѣ неописанную радость. Взятіе Азова принадлежало къ числу тѣхъ немногихъ событій, которыя не могли не подѣйствовать сильно на народное воображеніе. Это было первое торжество надъ нами поднималось высоко надъ старымъ — съ его крымскими походами.

Черезъ три дня послѣ сдачи Азова, царь, утвердивъ составленный инженероиъ Лавалемъ планъ новыхъ укрѣпленій, приказалъ войску немедленно приступить къ работамъ, а самъ отправился въ море искать гавань для «будущаго» флота. Осмотрѣвъ окрестные берега, Петръ остановилъ свой выборъ на высокомъ мысѣ, издавна извѣстномъ казакамъ подъ име-

Петръ Великій полагаетъ основаніе города Таганрога.

страшными турками, еще такъ недавно разорившими Чигиринъ въ глазахъ нашего войска. Послѣ перваго литовскаго похода царя Алексѣя Михайловича, — за которымъ слѣдовали лишь неудачи и тягости,—русскіе люди впервые были порадованы блестящимъ дѣломъ русскаго оружія. Разумѣется, болѣе всѣхъ радовались лица, близкія къ Петру. Успѣхъ, пріобрѣтенный царемъ, доказывалъ ясно, что онъ не даромъ употребилъ такія усилія для заведенія флота и не даромъ вызывалъ иностранцевъ. Новое правительство съ его новизнемъ Таганъ-Рога. Поручивъ инженеру Боргсдорфу изготовить проектъ крѣпости и военной гавани, царь возвратился къ Азову, гдѣ работы велись съ такой энергіей, что въ три недѣли на мѣстѣ полуразрушеннаго города возвышалась грозная крѣпость съ двумя христіанскими храмами.

Съ первыхъ чиселъ августа войска стали понемногу выступать въ обратный путь. Самъ государь уѣхалъ 15-го числа. Не доѣзжая до Воронежа, въ нынѣшнемъ Острогожскѣ, онъ былъ встрѣченъ съ большимъ почетомъ гетма-

номъ Мазепой, который поднесъ ему богатую саблю, оправленную золотомъ съ дорогими каменьями, и щитъ на золотой цѣпи, украшенный алмазами, яхонтами и рубинами. Въ ожиданіи устройства приготовлявшагося въ Москвѣ тріумфа, Петръ посѣтилъ Городищенскій, Ведменскій и Протвинскій желѣзные заводы, гдѣ провелъ за дѣломъ болѣе мѣсяца.

30-го сентября послѣдовало вступленіе войскъ въ столицу съ невиданной до того времени торжественностью. На Каменномъ мосту были построены огромныя тріумфальныя ворота; надъ фронтономъ ихъ, среди знаменъ, копій и протазановъ, возвышался двуглавый орелъ съ тремя коронами; подъ нимъ были нарисованы пушки, ядра, бомбы и морскія суда. На фронтонѣ находилась надпись: «Богъ съ нами, ни кто же на ны». Никогда же бываемое». Въ рединѣ воротъ висѣлъ лавровый вѣнокъ, отъ котораго спускались златотканныя шпалеры, съ надписями; на одной: «Возвратъ съ побѣды царя Константина»; на другой: «Побѣда царя Константина надъ нечестивымъ царемъ Максентіемъ Римскимъ». Фронтонъ опирался на двѣ колоссальныя статуи; одна представляла Геркулеса съ палицей въ правой рукѣ и съ зеленою вѣтвью въ лѣвой; другая — Марса въ доспѣхахъ, съ обнаженнымъ мечомъ. Надъ ними находились надписи: «Геркулесовою крѣпостью и Марсовою храбростью». На пьедесталахъ были изображены подъ Геркулесомъ — азовскій паша съ двумя скованными турками, подъ Марсомъ — татарскій мурза съ двумя скованными татарами. Надъ тѣмъ и другимъ красовались слѣдующія надписи въ стихахъ:

Москва въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка.

Надъ пашою:

«Ахъ! Азовъ мы потеряли
«И тѣмъ бѣдство себѣ достали».

Надъ мурзою:

«Прежде на степяхъ мы ратовались,
«Нынѣ же отъ Москвы бѣгствомъ едва спасались».

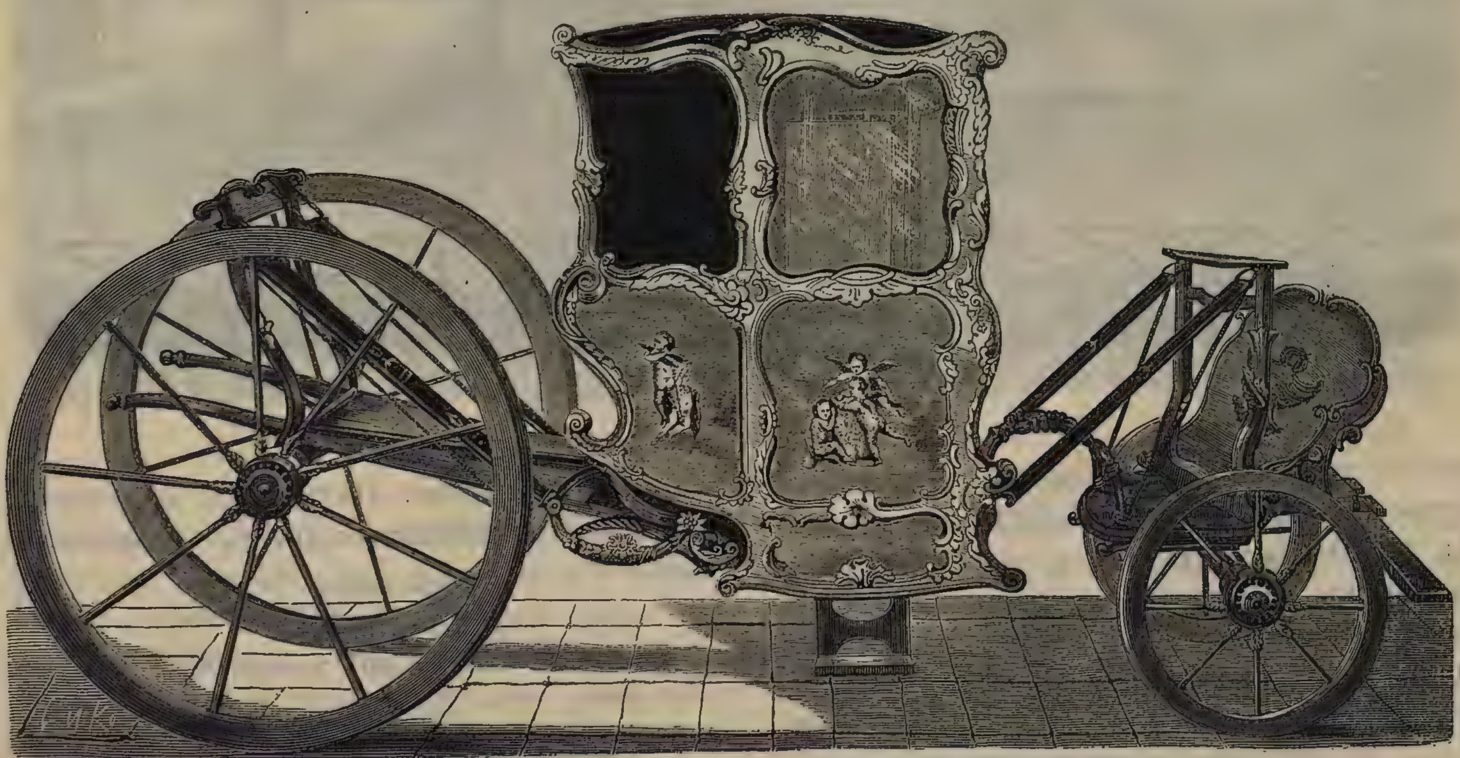
Подлѣ Геркулеса и Марса стояли пирамиды, перевитыя зелеными вѣтвями съ надписями; на одной: «Въ похвалу прехрабрыхъ воевъ морскихъ»; на другой: «Въ похвалу прехрабрыхъ

воевъ полевыхъ». Пространство между пирамидами и перилами моста было занято двумя картинами. Одна представляла бой на морѣ, другая бой съ татарами и приступъ къ Азову. На первой, кромѣ того, былъ нарисованъ плывущій на морскомъ звѣрѣ Нептунъ. Картины оканчивались изображеніемъ двухъ головъ на кольяхъ: «азовскаго паши» и «Дулакъ-Мурзы». Перила моста были увѣшаны персидскими коврами.

Войска вступили въ городъ чрезъ Серпуховскія ворота въ слѣдующемъ порядкѣ: царскій конюшенный штатъ; думный дьякъ Н. М. Зотовъ съ подарками Мазепы, въ каретѣ шестерней; дьяки и пѣвчіе; бояре, Ѳ. А. Головинъ и К. А. Нарышкинъ, въ парадныхъ каретахъ; конюшенный штатъ адмирала Лефорта; самъ адмиралъ «въ государскихъ саняхъ, шестерней»; царь—пѣшкомъ; капитаны и солдаты морского регимента, военачальническіе значки, окруженные вершниками, трубачами и литаврщиками; большое царское знамя, предшествуемое хоромъ музыки; духовенство съ образами; «генералиссимусъ» Шеинъ, верхомъ, съ многочисленной свитой; 16 турецкихъ знаменъ; плѣнный татаринъ Аталыкъ; генералъ А. М. Головинъ; завоеводчики и подьячіе; Преображенскій полкъ и измѣнникъ Янсенъ. Онъ былъ въ чалмѣ, окованный цѣпями, окруженный орудіями пытки, съ двумя палачами на телѣгѣ въ четыре лошади, подъ висѣлицею, съ петлей на шеѣ и надписью на груди: «Злодѣй». На перекладинѣ висѣлицы были слова: «Перемѣною четырехъ вѣръ Богу и измѣною возбуждаетъ ненависть турокъ, христіанамъ злодѣй».

Далѣе слѣдовали: Семеновскій полкъ, иностранные инженеры, корабельные мастера и плотники, генералитетъ, плѣнные турки, стрѣлецкіе полки и т. д. Вся Москва стеклась на это необыкновенное зрѣлище. Народъ наполнялъ всѣ улицы, гдѣ проходило войско, и восторженно привѣтствовалъ своего молодого царя.

На другой день по вступленіи войскъ въ столицу, Петръ роздалъ щедрыя награды всѣмъ генераламъ и офицерамъ, участвовавшимъ въ походѣ. Рядовымъ же солдатамъ и стрѣльцамъ было дано каждому по золоченой копейкѣ.

Карета Петра Великаго.

VI.

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ВЪ ЕВРОПУ.

Въ 1697 и 1698 гг.

Обрадованъ, но не удовлетворенъ Петръ взятіемъ Азова. Двухлѣтняя борьба съ турками показала ему, какъ еще далеки были отъ желаемаго совершенства наши сухопутныя войска и новосозданный флотъ, какъ недостаточны были знанія въ военномъ и морскомъ дѣлѣ не только русскихъ офицеровъ и самого царя, но даже иностранцевъ, являвшихся въ Россію подъ видомъ руководителей и наставниковъ. Вслѣдствіе этого, тотчасъ по возвращеніи изъ подъ Азова въ Москву, Петръ вздумалъ отправить пятьдесятъ человѣкъ стольниковъ и спальниковъ за границу, въ Италію, Венецію, Англію и Голландію учиться морскимъ наукамъ. Но, не довѣряя вполнѣ успѣху своихъ царедворцевъ въ дѣлѣ для нихъ новомъ, требовавшемъ и навыка и охоты, которой они нисколько не обнаруживали, Петръ, всегда первый труженикъ для пользы народной, въ нетерпѣливомъ желаніи скорѣе ввести въ Россіи морское искусство, задумалъ самъ съ людьми къ нему приближенными и болѣе надежными ѣхать въ чужія земли; туда, гдѣ процвѣтало мореходство, чтобы подъ руководствомъ настоящихъ мастеровъ изучить кораблестроеніе во всѣхъ его видахъ, до высшихъ, основныхъ началъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пріобрѣсти основательныя познанія и въ корабельномъ управленіи. Мысль о наукѣ такъ заняла его умъ, что для большей свободы въ дѣйствіяхъ и для избѣжанія тягостныхъ встрѣчъ и церемоній, онъ рѣшился посѣтить Европу не въ санѣ великаго государя всей Россіи, а въ скромномъ видѣ русскаго дворянина, состоявшаго волонтеромъ при царскомъ посольствѣ, подъ именемъ «*Петра Михайлова*»

Дорожныя сани Петра Великаго.

6-го декабря 1696-го года думный дьякъ Емельянъ Украинцевъ объявилъ въ Посольскомъ приказѣ, что государь указалъ, «для своихъ великихъ государственныхъ дѣлъ» послать съ вѣрющими полномочными грамотами въ окрестныя государства, къ цесарю, къ королямъ англійскому и датскому, къ папѣ римскому, къ голландскимъ штатамъ, къ курфирсту Бранденбургскому и въ Венецію, великихъ и полномочныхъ пословъ: генерала и адмирала Франца Яковлевича Лефорта, генерала и воинскаго комиссара Ѳедора Алексѣевича Головина и думнаго дьяка Прокофія Богдановича Возницына.

Въ свиту посольскую было назначено сперва двадцать дворянъ и тридцать пять волонтеровъ, но потомъ число ихъ увеличено.

Дворяне должны были находиться безотлучно при послахъ, сопровождать ихъ во время торжественныхъ въѣздовъ, на пріемныхъ и отпускныхъ аудіенціяхъ и исправлять разныя порученія по посольскимъ дѣламъ. Волонтеры же назначались для изученія морского дѣла и составляли особый отрядъ, раздѣленный на три десятка, подъ начальствомъ «командора» князя А. М. Черкасскаго. Должность десятника во второмъ десяткѣ исполнялъ самъ царь.

Главною цѣлью нахожденія царя въ качествѣ дворянина посольства—было, какъ мы уже сказали, желаніе государя избавиться отъ всѣхъ церемоній и утомительныхъ для него условій этикета, хотя онъ не думалъ уклоняться отъ личнаго знакомства съ европейскими монархами, но желалъ видѣться съ ними запросто. Предоставивъ посламъ всѣ почести, Петръ на свою долю взялъ трудъ и науку. Впрочемъ, Лефорту и его товарищамъ государь поручалъ: въ Вѣнѣ — убѣдить цесаря къ заключенію съ Россіей наступательнаго и оборонительнаго трактата противъ турокъ, отъ котораго вѣнскій дворъ упорно уклонялся, въ Голландіи, Англіи и Бранденбургіи — договариваться о взаимныхъ выгодахъ торговли, и болѣе всего наказано было заботиться о томъ,—что не давало Петру покоя ни днемъ ни ночью,—о прінсканіи искусныхъ морскихъ офицеровъ, опытныхъ боцмановъ, штурмановъ, матросовъ, о наймѣ всякаго званія корабельныхъ мастеровъ, да о покупкѣ оружія и разныхъ припасовъ для войска и флота.

Управленіе государствомъ, на время своего отсутствія, Петръ ввѣрилъ тремъ знатнѣйшимъ боярамъ: Л. К. Нарышкину, князю Б. А. Голицыну и князю П. И. Прозоровскому, предоставивъ имъ право распоряжаться по всѣмъ дѣламъ военнымъ, посольскимъ и суднымъ, съ общаго согласія, именемъ царскаго величества.

Отъѣздъ великаго посольства былъ назначенъ въ концѣ февраля мѣсяца. Лефортъ 23-го числа давалъ прощальный вечеръ съ музыкой и танцами. Время приближалось къ ужину, какъ вдругъ государю доложили, что два стрѣльца Стремянного полка желаютъ непремѣнно видѣть его по весьма важному дѣлу. Петръ вышелъ къ нимъ. Стрѣльцы сообщили ему, что думный дворянинъ Иванъ Цыклеръ подговариваетъ ихъ товарищей зажечь гдѣ-нибудь домъ и, по прибытіи государя на пожаръ, убить его. Петръ, выслушавъ страшную вѣсть, хладнокровно вернулся къ собесѣдникамъ, сказалъ имъ, что имѣетъ надобность съѣздить не надолго и, взявъ съ собою нѣсколько приближенныхъ, отправился прямо въ домъ къ Цыклеру, арестовалъ и тотчасъ подвергъ его допросу. Цыклеръ послѣ непродолжительнаго запирательства сознался во всемъ и открылъ своихъ сообщниковъ: окольничьяго Алексѣя Соковнина, стольника Ѳеодора Пушкина, стрѣльцовъ: Филиппова да Рожина и казака Лукьянова.

Царь нарядилъ верховный судъ изъ бояръ, окольничьихъ и палатныхъ людей. Выслушавъ доносы, улики и пыточныя рѣчи, которыя обнаружили, что заговорщики принадлежали къ числу самыхъ ожесточенныхъ изувѣровъ и противниковъ новыхъ порядковъ, вводимыхъ царемъ, судъ приговорилъ: Цыклера и Соковнина — четвертовать; Пушкину, двумъ стрѣльцамъ и казаку — отсѣчь головы. Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе.

Посольство, задержанное слѣдствіемъ надъ Цыклеромъ, выѣхало изъ Москвы 10 марта, направляя путь чрезъ Ливонію, Пруссію и Ганноверъ — въ Голландію.

Въ Ливоніи только укрѣпленія Риги обратили на себя вниманіе Петра; но губернаторъ Дальбергъ не дозволилъ царю осмотрѣть ихъ. Разлитіе Двины принудило посольство прожить здѣсь около недѣли. Въ теченіе этого времени государь и послы испытали много непріятностей и даже оскорбленій отъ надменнаго и подозрительнаго Дальберга и отъ народа, высказывавшаго крайнее корыстолюбіе. Петръ оставилъ Ригу съ затаеннымъ чувствомъ непріязни и въ своихъ письмахъ не называлъ ее иначе, какъ «проклятымъ мѣстомъ». Впослѣдствіи, грубое и дерзкое поведеніе Дальберга послужило главнымъ поводомъ для объявленія войны Швеціи.

Въ Курляндіи царя ожидалъ иной пріемъ. Герцогъ встрѣтилъ посольство съ величайшимъ почетомъ, задавалъ въ честь его роскошные пиры и старался всѣми мѣрами угодить своему высокому гостю.

Изъ Москвы Петръ поѣхалъ въ Либаву, гдѣ въ первый разъ увидалъ Балтійское море, а

отсюда, опередивъ посольство, отправился въ Кенигсбергъ, куда его приглашалъ курфирстъ Бранденбургскій, Фридрихъ III. Принятый и здѣсь съ большимъ почетомъ и вниманіемъ, царь въ ожиданіи великаго посольства, не терялъ времени даромъ и учился артиллеріи у прусскаго полковника Штернфельда, который выдалъ ему самый отличный аттестатъ. По пріѣздѣ пословъ, курфирстъ началъ было съ ними переговоры о заключеніи оборонительнаго союза съ Россіей, но Петръ отклонилъ предложеніе и согласился только утвердить дружественный трактатъ о взаимной свободѣ торговли. Подаривъ курфирсту при прощаніи дорогой рубинъ, царь выѣхалъ изъ Кенигсберга въ концѣ іюня и, слѣдуя съ короткими остановками чрезъ Бранденбургію и Ганноверъ, прибылъ 1 августа въ городъ Люненъ, гдѣ, снова разставшись съ посольствомъ, нанялъ лодку и спустился Рейномъ и каналами до голландскаго городка Заандама, славившагося своими фабриками, заводами и обширнымъ кораблестроеніемъ.

Здѣсь Петръ отыскалъ своего стараго знакомаго, кузнеца Геррита Киста, прежде работавшаго въ Москвѣ, и за семь гульденовъ въ мѣсяцъ нанялъ *у него домикъ во дворѣ,* взявъ при этомъ съ Киста клятву никому не открывать высокаго происхожденія его новаго постояльца.

Деревянный домикъ подъ черепичной кровлей, въ два окна, раздѣленный на двѣ небольшія комнаты, съ изразчатою печью для приготовленія пищи, съ глухою каморкою для кровати и съ пристроеннымъ при входѣ чуланчикомъ, въ западной, наиболѣе уединенной, части Заандама, на Кримпѣ, — вотъ чертогъ, гдѣ поселился Петръ, тщательно скрывая свой санъ и добровольно обрекая себя тяжелому труду, чтобы втайнѣ изучить искусство, которое должно было возвеличить Россію.

Ежедневно съ восходомъ солнца, въ одеждѣ голландскаго мастерового, въ красной фризовой курткѣ, бѣлыхъ холстинныхъ шароварахъ и съ лакированной шляпой на головѣ, онъ отправлялся на работу, на верфи Линста Рогге,

Видъ города Риги.

куда записался простымъ корабельнымъ плотникомъ, подъ именемъ Петра Михайлова. Потрудившись до поту лица, царь заходилъ отдыхать и подкрѣпить свои силы въ какую-нибудь харчевню, и затѣмъ отправлялся осматривать разныя фабричныя заведенія, наполнявшія окрестности Заандама, или посѣщалъ семейства голландскихъ плотниковъ, выѣхавшихъ въ Москву.

Одинъ старый заандамскій плотникъ, зайдя въ цырульню Помпа, прочелъ тамъ письмо, полученное имъ отъ сына изъ Россіи. Въ письмѣ говорилось, что въ Голландію поѣхало великое посольство, въ свитѣ котораго скрывается самъ царь, что онъ, вѣрно, будетъ въ Заандамѣ, и что его не трудно узнать по высокому росту, трясенію головы, размахиванію правой рукой и бородавкѣ на щекѣ. Черезъ нѣсколько времени

Домикъ, гдѣ обиталъ Петръ I въ городкѣ Заандамѣ.

Несмотря на самое строгое инкогнито, Петръ своимъ величественнымъ видомъ, поведеніемъ, привычкой господствовать, нетерпѣливостью въ исполненіи своихъ желаній—безпрестанно выдавалъ себя. Голландцы, тѣмъ болѣе голландки, не хотѣли вѣрить, чтобы высокій, статный, красивый московитъ съ повелительнымъ взоромъ, былъ простой плотникъ. Считая его за знатнаго господина, они развѣдывали, разспрашивали съ возрастающимъ любопытствомъ, слѣдили за нимъ и нерѣдко около Петра, къ не малой его досадѣ, которую онъ не всегда могъ скрыть, собиралась толпа. Скоро неожиданный случай обнаружилъ тайну.

послѣ чтенія письма, въ цырульню вошли московскіе гости. Помпъ увидѣлъ, что одинъ изъ нихъ имѣетъ всѣ примѣты, означенныя въ письмѣ, и не замедлилъ разгласить сдѣланное имъ открытіе. Ему сначала не повѣрили, но вслѣдъ за тѣмъ случилось происшествіе, подтвердившее слухъ.

Возвращаясь съ работъ на верфи домой, Петръ купилъ себѣ сливъ, положилъ ихъ въ шляпу и ѣлъ дорогою. Къ нему пристала толпа уличныхъ мальчишекъ. Однимъ изъ нихъ онъ далъ нѣсколько сливъ, другимъ не далъ и, забавляясь радостью первыхъ и неудовольствіемъ вторыхъ, продолжалъ путь. Неполучившіе

Петръ I въ Заандамѣ. Хозяйка выговариваетъ Царю-работнику.

сливъ въ досадѣ начали бросать въ него грязью, а потомъ пустили въ дѣло и каменья, такъ что царь былъ вынужденъ укрыться отъ своевольныхъ мальчишекъ въ трактирѣ и послать за бургомистромъ.

На другой день городскія власти издали объявленіе, приглашая жителей, подъ страхомъ жестокаго наказанія, не оскорблять *знатныхъ иноземцевъ*, которые хотятъ быть *неизвѣстными*. Въ этотъ же день, вечеромъ, вслѣдствіе изъявленнаго царемъ неудовольствія на стеченіе народа передъ домомъ Киста, бургомистръ велѣлъ поставить на мосту, ведущему въ Кримпъ, стражу.

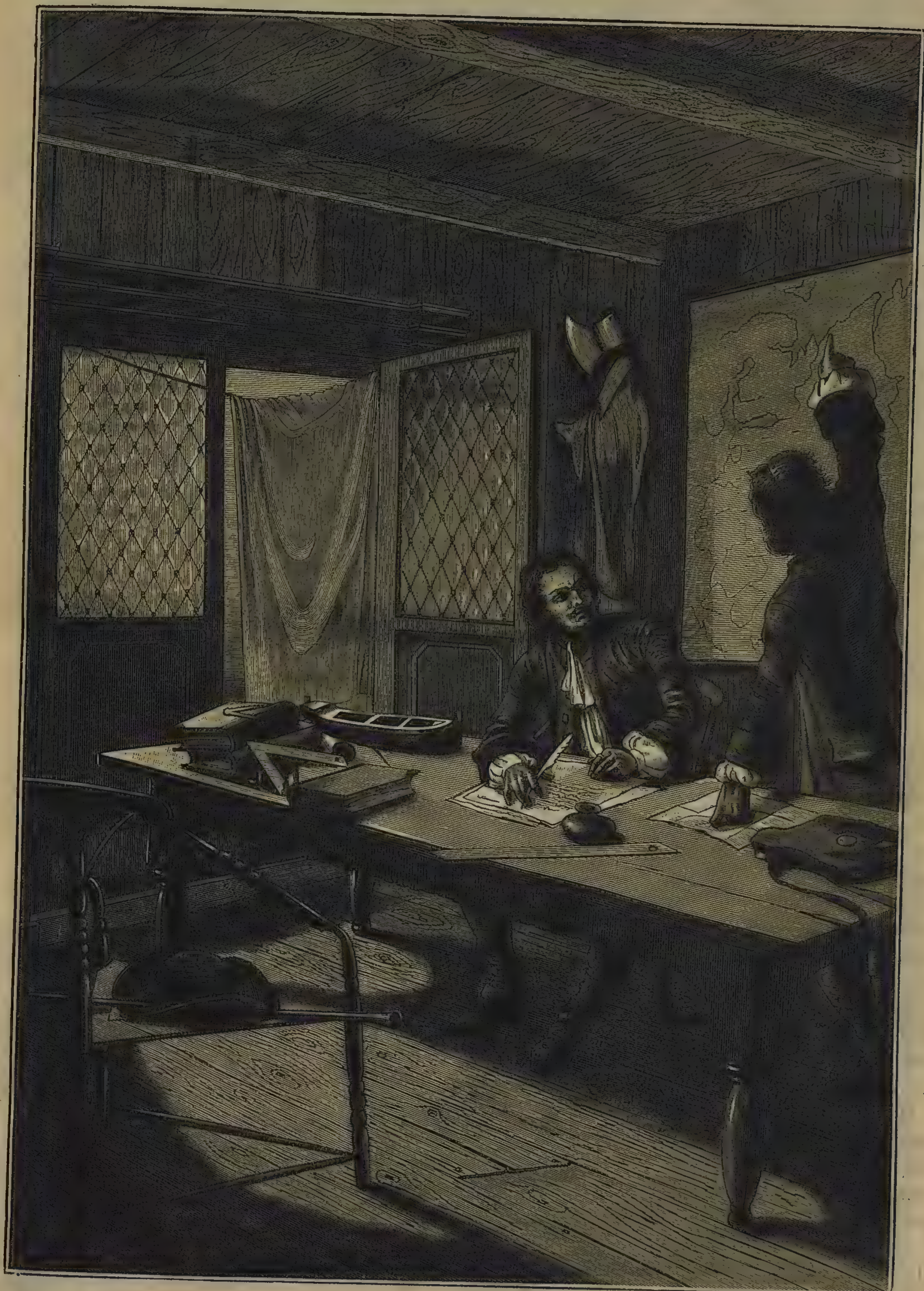
Подобныя распоряженія, разумѣется, удостовѣрили заандамцевъ, что среди нихъ находится царь. Съ тѣхъ поръ толпа стала неотступно преслѣдовать его всюду, гдѣ онъ только показывался, что приводило Петра въ страшный гнѣвъ. Разъ, проталкиваясь сквозь неотвязчивую толпу, царь былъ особенно раздраженъ глупою фигурою какого-то Корнелія Марцена, подошедшаго ближе другихъ и съ разинутымъ ртомъ уставившагося ему прямо въ глаза. Петръ далъ Марцену крѣпкую пощечину. «Браво, браво, Марценъ, — закричала толпа, — ты пожалованъ въ рыцари!» Разгнѣванный царь заперся въ харчевнѣ и лишь поздно вечеромъ, когда народъ разсѣялся, возвратился домой.

На восьмой день пребыванія Петра въ Заандамѣ ему было дано знать, что великое посольство, задержанное въ пути торжественными встрѣчами, приближается къ Амстердаму. Царь тотчасъ же сѣлъ въ буеръ и, не взирая на сильную непогоду, отважно пустился въ заливъ и черезъ три часа достигъ Амстердама.

Парадный въѣздъ пословъ въ этотъ городъ совершился 16 августа. Послы были встрѣчены на пристани бургомистрами и почетнѣйшими гражданами, привѣтствовавшими ихъ длинной рѣчью; затѣмъ они сѣли въ приготовленные для нихъ парадные экипажи и направились къ большой городской гостиницѣ, назначенной для ихъ помѣщенія. Шествіе открывалъ эскадронъ волонтеровъ, составленный изъ цвѣта мѣстной молодежи, одѣтой въ роскошные костюмы. Затѣмъ въ каретѣ, запряженной четырьмя лошадьми и предшествуемой четырьмя трубачами, ѣхалъ гофмаршалъ Гессельтъ-фанъ-Динтеръ. За нимъ же слѣдовали на богато убранныхъ коняхъ: четыре калмыка, вооруженные луками и стрѣлами, шесть трубачей, четырнадцать русскихъ дворянъ и семнадцать пажей. Потомъ ѣхали въ каретахъ послы,

Торжественный въѣздъ въ Амстердамъ.

Петръ I-й въ Амстердамѣ.

окруженные двадцатью четырьмя гайдуками, державшими въ рукахъ серебряныя сѣкиры и большіе мечи, украшенные разноцвѣтными каменьями. Далѣе тянулся длинный рядъ лакеевъ, въ пурпуровыхъ ливреяхъ съ серебряными галунами, городская стража, отрядъ кавалеріи, наконецъ, экипажи посольской свиты, бургомистровъ и другихъ чиновныхъ лицъ.

Высокомочные штаты, въ надеждѣ увеличить выгоды торговыхъ сношеній съ Россіей, не пощадили ничего для пышности пріема посольства, ассигновавъ на содержаніе его сверхъ опредѣленной для такихъ случаевъ суммы еще сто тысячъ гульденовъ.

На другой день въѣзда пословъ, вмѣстѣ съ ними, Петръ, сопровождаемый бургомистрами, осматривалъ ратушу, — главное украшеніе Амстердама,—а вечеромъ посѣтилъ театръ. Въ слѣдующій день царь обозрѣвалъ адмиралтейство, корабельныя верфи и магазины, а послѣ обозрѣнія — бургомистры пригласили его со всею свитой на великолѣпный обѣдъ, съ блестящимъ фейерверкомъ на Амстелѣ. Примѣрное морское сраженіе въ заливѣ Эй, подъ распоряженіемъ заслуженнаго адмирала Схея, заключило празднество, данное городомъ Амстердамомъ въ честь русскаго государя. Всѣ парусныя суда, которыя можно было собрать, выстроились въ двѣ боевыя линіи при входѣ въ заливъ. Петръ, вмѣстѣ съ послами и бургомистрами, пріѣхалъ на богато-убранной яхтѣ. Флотъ привѣтствовалъ его залпомъ изъ всѣхъ орудій, и вслѣдъ за тѣмъ начался бой, продолжавшійся отъ ранняго утра далеко за полдень. Непрерывная пальба съ судовъ и береговыхъ батарей, по словамъ очевидца, закрыла солнце облаками дыма и производила такой громъ, что ничего нельзя было разслышать. Царь не захотѣлъ оставаться празднымъ зрителемъ, перешелъ съ своей яхты на военный корабль и направлялъ его туда, гдѣ огонь былъ сильнѣе.

По окончаніи празднества, Петръ снова принялся за работу. Онъ обратился къ бургомистру Витзену съ просьбой доставить ему возможность заняться кораблестроеніемъ на амстердамскихъ верфяхъ. Витзенъ опредѣлилъ его плотникомъ къ мастеру Герриту Классу Полю на верфи Остъ-индской компаніи, которая любезно вызвалась нарочно заложить для царя новый фрегатъ. Узнавъ объ этомъ, Петръ ночью поѣхалъ въ Заандамъ, забралъ тамъ свои плотничьи инструменты, къ утру вернулся въ Амстердамъ и немедленно приступилъ къ дѣлу.

На Остъ-индской верфи царь трудился четыре мѣсяца съ половиной. Такимъ образомъ, не въ Заандамѣ, гдѣ пребываніе его ограничилось только одною недѣлею, а въ Остенбургѣ, на славнѣйшей изъ голландскихъ верфей, изучалъ онъ кораблестроительное искусство. Не желая ничѣмъ отличаться отъ простыхъ плотниковъ, Петръ послушно исполнялъ всѣ приказанія своего мастера. Какъ-то разъ, верфи посѣтилъ знатный англичанинъ, нарочно пріѣхавшій въ Амстердамъ посмотрѣть на русскаго государя. Въ это время рабочіе переносили тяжелое бревно. Чтобъ указать посѣтителю на державнаго плотника, мастеръ крикнулъ царю: «Петръ, Тиммерманъ Заандамскій! Что же ты не пособишь товарищамъ?» Петръ безпрекословно подставилъ свое плечо подъ бревно и помогъ перетащить его въ назначенное мѣсто. Долго впослѣдствіи разсказывали голландцы своимъ дѣтямъ и внукамъ, передавая преданіе изъ рода въ родъ о томъ, какъ они видали царя, работавшаго на верфи,—какъ, утомленный трудомъ, отирая потъ съ своего чела, садился онъ на обрубокъ дерева и, опустивъ топоръ между ногъ, дружелюбно бесѣдовалъ со своими товарищами. Охотно разговаривалъ онъ и съ посторонними посѣтителями, если только называли его просто: «Петръ плотникъ»; если же его привѣтствовали словами: «государь» или «ваше величество», то отвертывался и не отвѣчалъ.

Но не однимъ лишь кораблестроеніемъ занимался Петръ въ Голландіи. Онъ совершалъ иногда поѣздки въ Лейденъ, Утрехтъ (гдѣ видѣлся съ штатгальтеромъ и королемъ англійскимъ, знаменитымъ Вильгельмомъ Оранскимъ) и другіе замѣчательные города штатовъ. Витзенъ долженъ былъ водить его всюду, все ему показывать, — китовый флотъ, госпитали, воспитательные дома, фабрики, мастерскія и т. д. Особенно понравился царю анатомическій кабинетъ профессора Рюйша; онъ познакомился съ этимъ ученымъ, слушалъ его лекціи и ходилъ съ нимъ въ госпиталь смотрѣть производство различныхъ операцій. Въ кабинетѣ Рюйша Петръ однажды такъ увлекся, что поцѣловалъ отлично приготовленный трупъ ребенка, который улыбался, какъ живой. Петръ

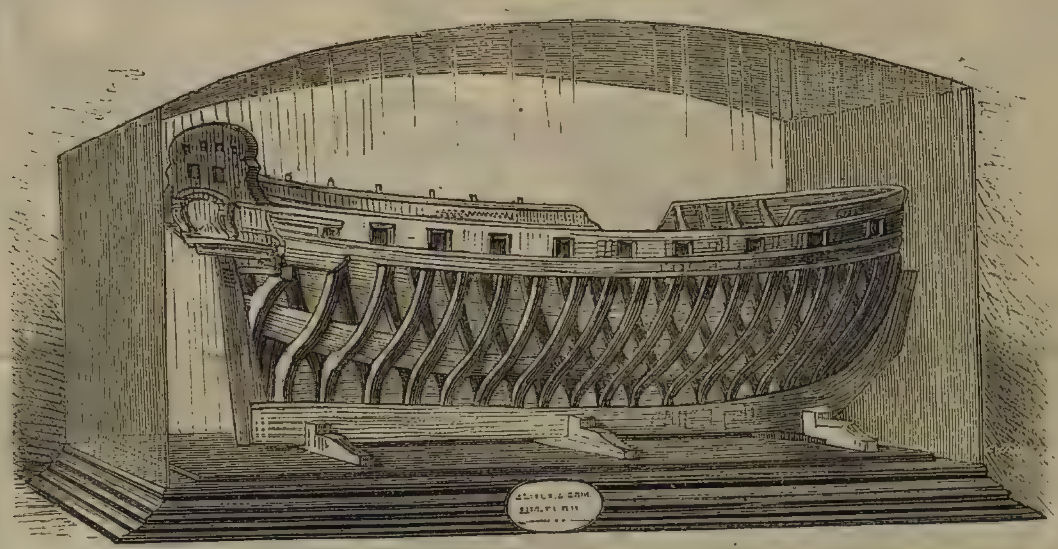

Петръ Великій въ Голландіи.

умѣлъ соблюдать большую экономію во времени: такъ, въ поѣздку свою въ Лейденъ въ теченіе цѣлаго дня онъ занимался съ натуралистомъ Левенгукомъ, показывавшимъ ему свои лучшіе аппараты и микроскопъ. Ненасытимая жажда все знать и видѣть приводила въ отчаяніе голландскихъ провожатыхъ. Имъ не помогали никакія отговорки: Петръ отвѣчалъ только—«это я долженъ видѣть!», и его нужно было вести, несмотря ни на какія затрудненія. Кромѣ того, царь успѣвалъ дѣлать множество и другихъ дѣлъ: каждая почта приносила ему груду бумагъ изъ Москвы; бояре-правители, ближніе люди, корабельщики, извѣщали его о важныхъ и не важныхъ происшествіяхъ, испрашивали разрѣшенія по разнымъ предметамъ, иногда писали одни привѣтствія, нерѣдко увѣдомляли лишь о своемъ здоровьѣ, или въ шутливомъ тонѣ разсказывали о своихъ пирушкахъ и попойкахъ. Петръ не только находилъ время отвѣчать всѣмъ, но даже, между дѣломъ, въ немногія свободныя минуты, учился гравированію, о чемъ свидѣтельствуетъ оставшаяся послѣ него гравюра, изображающая торжество христіанской религіи надъ мусульманскою, — въ видѣ ангела, который съ крестомъ и пальмою въ рукахъ попираетъ полулуніе и турецкіе бунчуки.

Наконецъ, фрегатъ, строившійся при участіи Петра на Остъ-индской верфи, былъ оконченъ и спущенъ на воду. Узнавъ все, что можно было узнать въ Голландіи, и при томъ разочаровавшись совершенно въ голландскихъ корабельныхъ мастерахъ, царь рѣшилъ отправиться въ Англію, куда его любезно приглашалъ король, приславшій ему въ подарокъ великолѣпную яхту. Не одно простое любопытство побуждало Петра ѣхать въ эту страну. Онъ надѣялся пріобрѣсти здѣсь точныя и положительныя теоретическія познанія въ искусствѣ кораблестроенія, которыхъ тщетно добивался въ Амстердамѣ.

Петръ оставилъ Амстердамъ 7 января 1698 г. и послѣ пятидневнаго благополучнаго плаванія прибылъ въ Лондонъ. Повидавшись съ королемъ и подробно осмотрѣвъ всѣ достопримѣчательности столицы, онъ перебрался въ городокъ Дептфортъ, лежащій вь трехъ миляхъ отъ Лондона, на правомъ берегу Темзы, гдѣ находилась главная королевская верфь. Здѣсь Петръ нанялъ у мистера Эвелена домъ, прилегавшій заднимъ фасомъ къ самой верфи, такъ что царь могъ проходить прямо на работу, никѣмъ незамѣчаемый. Подъ руководствомъ знающихъ и опытныхъ наставниковъ, занявшись неутомимо изученіемъ научныхъ правилъ корабельнаго искусства, Петръ провелъ въ Дептфортѣ два съ половиною мѣсяца, совершая иногда, въ видѣ отдыха, поѣздки въ Вуличъ, извѣстный своимъ литейнымъ заводомъ и общирнѣйшимъ въ мірѣ арсеналомъ. Въ теченіе этого времени царь успѣлъ приговорить на русскую службу 60 человѣкъ разныхъ мастеровъ, инженеровъ и артиллеристовъ. Въ Дептфортѣ же Петръ заключилъ условіе и съ лордомъ Кармартеномъ объ отдачѣ ему на откупъ торговли табакомъ въ Россіи за 48.000 рублей въ годъ.

Модель корабля, сдѣланная Петромъ Великимъ, находится въ Морскомъ музеѣ, въ С.-Петербургѣ.

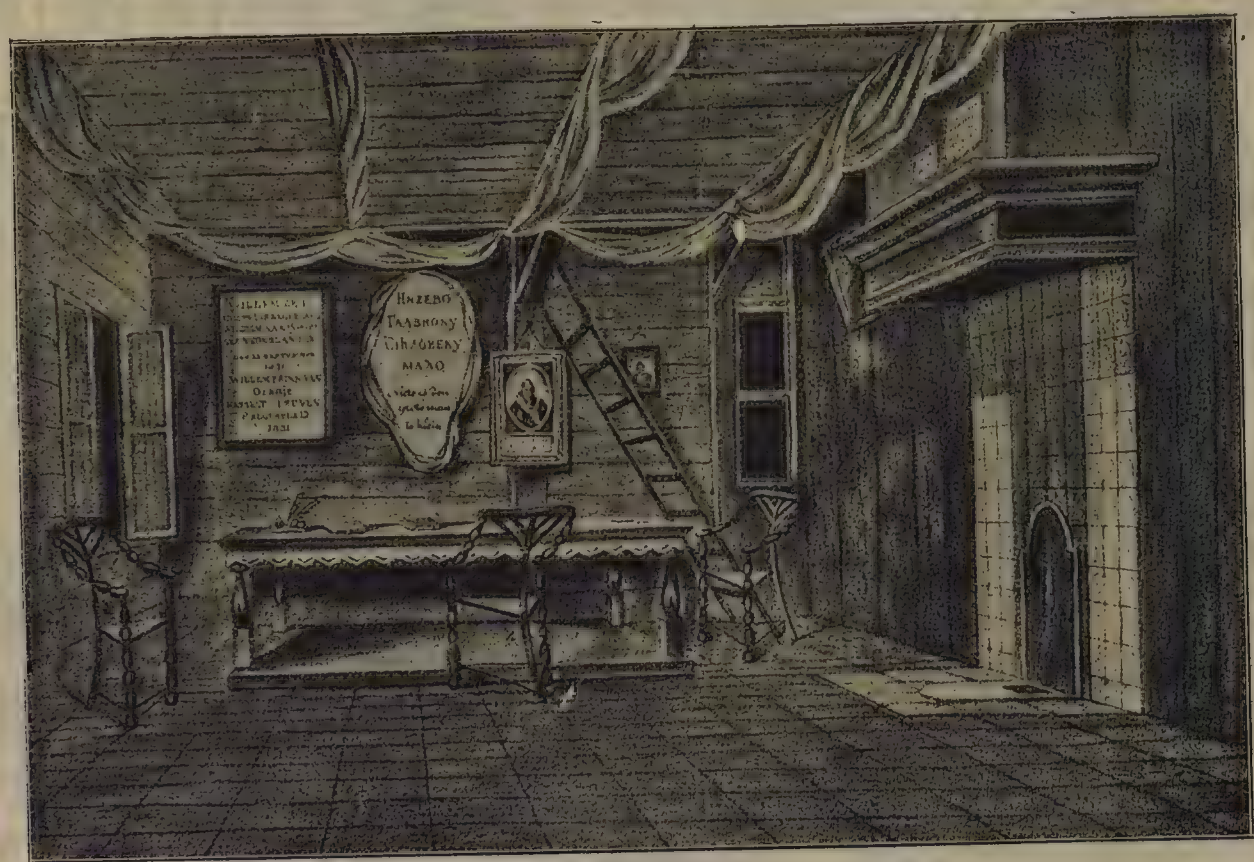

Петръ Великій въ Вѣнѣ у императора Леопольда въ 1698 г. *(Рис. Н. Д. Дмитріева-Оренбургскаго).*

Пріѣхавъ въ Англію уже съ опытностью корабельнаго плотника, царь въ три мѣсяца постояннаго труда ознакомился съ англійской системой постройки судовъ: узналъ размѣры линейныхъ кораблей и фрегатовъ; пріобрѣлъ всѣ необходимыя свѣдѣнія для учрежденія верфей и вникнулъ въ порядокъ морской службы. Но ни въ Англіи, ни въ Голландіи— онъ не могъ изучить устройства галернаго флота, который существовалъ исключительно лишь въ южныхъ государствахъ Европы. Вслѣдствіе этого Петръ рѣшился отправиться чрезъ Вѣну въ Венецію, чтобы на берегахъ Адріатическаго моря довершить вполнѣ свое образованіе въ морскихъ наукахъ.

21 апрѣля Петръ покинулъ Англію, унося чувство глубокаго уваженія къ ея народу. «Навсегда остался бы я только плотникомъ,— говорилъ онъ впослѣдствіи, — если бы не поучился у англичанъ».

Посѣтивъ еще разъ Заандамъ и Амстердамъ. Петръ направился въ маѣ мѣсяцѣ въ Вѣну, чтобы склонить императора Леопольда дѣятельно продолжать войну съ Турціей. Императоръ Леопольдъ принялъ русское посольство съ почетомъ, но, несмотря на всѣ убѣжденія царя, выразилъ рѣшительное намѣреніе свое заключить съ турками миръ. Петру, не надѣявшемуся успѣшно окончить войну безъ союзниковъ, удалось только уговорить императора вести переговоры съ турками сообща и не подписывать мирнаго трактата отдѣльно отъ Россіи. Оставивъ въ Вѣнѣ одного изъ пословъ, — Возницына, для присутствованія на предполагавшемся конгрессѣ въ Карловичахъ, царь уже собирался ѣхать далѣе въ Венецію, какъ вдругъ получилъ изъ Москвы извѣстіе о бунтѣ стрѣльцовъ. Вмѣсто Италіи Петръ, 19 іюля, поспѣшно отправился въ Россію.

Внутренность домика Петра I въ Заандамѣ. (*Съ литографіи 1840 года*).

VII.

ПЕРЕДЪ ВОЙНОЙ.

(1698—1700).

По пріѣздѣ въ Москву Государь остался недоволенъ слѣдствіемъ, произведеннымъ боярами, и самъ принялся за разслѣдованіе стрѣлецкаго возмущенія, предполагая въ немъ участіе царевны Софьи. «Я допрошу ихъ построже вашего», — сказалъ Петръ Гордону и приказалъ содержавшихся въ монастыряхъ стрѣльцовъ вернуть въ московскія тюрьмы. Въ половинѣ сентября собрано было 1.714 человѣкъ; слѣдователи, въ числѣ четырнадцати [1]), приступили къ допросамъ заключенныхъ, и въ три недѣли переспросили слишкомъ тысячу человѣкъ, употребляя противъ упорныхъ пытку огнемъ. Важнѣйшихъ преступниковъ допрашивалъ самъ царь. Розыски начались со священниковъ, бывшихъ со стрѣльцами при Воскресенскомъ монастырѣ. Собственноручное показаніе, данное безъ пытки сотеннымъ Артеміемъ Масловымъ, обнаружило письмо царевны Софьи, призывавшей стрѣльцовъ къ Москвѣ съ тѣмъ, чтобы объявить ее правительницею. Это письмо, которое привезъ въ Великіе Луки стрѣлецъ Тума, и прельстило стрѣльцовъ до забвенія долга, побудивъ ихъ, вмѣсто похода по назначенію, итти къ столицѣ. Допросъ же прислужницъ царевны Софьи открылъ несомнѣнное участіе и царевны Марфы Алексѣевны въ замыслахъ сестры. Между тѣмъ, у всѣхъ воротъ вокругъ Бѣлаго города построили висѣлицы. 27 сентября Петръ самъ допрашивалъ виновницу смуты, царевну Софью. Она заперлась во всемъ, хотя была уличаема стрѣльцами на очной ставкѣ. Новый допросъ постельницъ открылъ соучастіе всѣхъ царевенъ, кромѣ лишь одной родной сестры Петра; всѣ онѣ отправляли къ Софьѣ вѣсти «въ стряпнѣ» съ карлицею Екатерины Алексѣевны. Поэтому царь запретилъ имъ выѣзжать изъ села Покровскаго, и въ продолженіе стрѣлецкаго розыска лишилъ ихъ даже возможности сноситься съ кѣмъ бы то ни было.

Сентября 30 совершена была казнь 200 стрѣльцовъ. Царь самъ явился у Покровскихъ воротъ, окруженный свитою, при себѣ велѣлъ читать приговоръ и исполнить его. Послѣ казни онъ поѣхалъ въ Троицкую лавру встрѣчать вице-адмирала Крюйса, нанятаго въ Амстердамѣ и посылавшагося въ Воронежъ. Государь хотѣлъ скорѣе видѣть самъ и показать ему флотъ, строенный на счетъ земства «кумпанствами», но новыя данныя, раскрытыя слѣдствіемъ, задержали его на два мѣсяца. При допросахъ стрѣльчихъ открылось, что главной передатчицей царевнѣ Софьѣ вѣстей и распространительницей въ стрѣлецкихъ слободахъ внушаемыхъ ею слуховъ, была царевна Марфа Алексѣевна. Петръ допросилъ ее 8 октября, но она отперлась, несмотря на то, что была уличаема своими женщинами. Начались новыя казни, и съ 3 по 18 октября осуждены на смерть еще 865 ч. Петръ помиловалъ 95 ч. молодыхъ; изъ числа же казненныхъ 195 стрѣльцовъ повѣшены передъ окнами царевны Софьи подъ Дѣвичьимъ монастыремъ съ челобитными въ рукахъ. Софья и Марфа Алексѣевны пострижены: первая съ именемъ Сусанны, вторая—Маргариты. Она послана въ Александровскую слободу, въ Успенскій монастырь. Софья же оставлена въ Новодѣвичьемъ, но караулъ при ея кельяхъ былъ усиленъ до 100 чело-

---

[1]) Князья: Прозоровскій, двое Ромодановскихъ, Черкасскій, Долгорукій, Голицынъ, Троекуровъ, Щербатовъ и Львовъ; Шеинъ, Стрѣшневъ, Головинъ, Языковъ и Зотовъ.

вѣкъ, при чемъ князю Ѳ. Ю. Ромодановскому Петръ далъ собственноручную инструкцію, которою запрещалось впускать къ ней сестеръ, кромѣ святой недѣли, монастырскаго праздника. «А въ праздники бывъ — не оставаться; а если останется, до другого праздника не выѣзжать и не пускать».

Вмѣстѣ съ постриженіемъ сестеръ, увезена въ Суздаль и тамъ въ слѣдующемъ году, пострижена, съ именемъ Елены, супруга Петра I, Евдокія Ѳедоровна. Женившись по выбору своей матери, царицы Натальи Кирилловны, Петръ очень скоро охладѣлъ къ женѣ. Воспитанная въ правилахъ «Домостроя», набожная, безгласная, привязанная къ старинѣ, она не подходила для него ни въ какомъ отношеніи. Связь Петра съ иноземной Анной Монсъ и участіе родныхъ Евдокіи въ заговорѣ Циклера и Соковнина повели къ окончательному разрыву между супругами. Еще находясь за границей, онъ писалъ Л. К. Нарышкину, Т. Н. Стрѣшневу и духовнику Евдокіи, просилъ ихъ уговорить царицу добровольно постричься; но старанія ихъ не увѣнчались успѣхомъ. Петръ пробовалъ лично склонить ее къ этому и, встрѣтивъ упорное сопротивленіе, рѣшилъ насильственно привести въ исполненіе свое требованіе.

Подавивъ бунтъ стрѣльцовъ и избавившись отъ всѣхъ, кто противился введенію новыхъ порядковъ въ московскій общественный и государственный бытъ, Петръ съ лихорадочной дѣятельностью принялся за реформы. Перемѣны, давшія всему новый видъ, быстро слѣдовали одна за другой, болѣзненно поражая современныхъ консерваторовъ.

Первымъ и самымъ тяжкимъ ударомъ для нихъ было бритье бороды. Петръ сперва, какъ бы шутя, отхватилъ у нѣсколькихъ бояръ бороды, когда они пришли поздравлять его въ день именинъ сестры государя (отъ одной съ нимъ матери) — царевны Натальи Алексѣевны. Собственноручно Петръ обстригъ генералиссимуса Шеина, князя-кесаря Ромодановскаго и многихъ другихъ, такъ что, въ тогдашній новый годъ (1 сентября), когда Шеинъ давалъ въ честь государя пиръ, къ нему явилось уже много безбородыхъ придворныхъ, кромѣ служилыхъ дворянъ, бывшихъ за границею. Царь былъ веселъ, шутилъ и предлагалъ тосты, при громѣ орудій. Вдругъ явился съ ножницами шутъ Яковъ Тургеневъ и сталъ обрѣзывать бороды при общемъ хохотѣ. На вечеръ къ Лефорту, дня три спустя, явилось еще больше гостей. Вся Нѣмецкая слобода — въ лицѣ не только кавалеровъ, но и дамъ — была въ полномъ сборѣ. Число гостей превышало 500 человѣкъ, а съ бородой уже не было никого. Для отрѣкавшихся бриться была установлена, какъ понудительная мѣра, высокая пошлина [1]). Вмѣсто квитанціи объ уплатѣ въ земскомъ приказѣ пени за бороду выдавался особый мѣдный знакъ, перемѣняемый каждый годъ, съ годомъ и подписью «деньги взяты». Его должны были носить на себѣ заплатившіе пеню, подъ опасеніемъ обритія. Существуетъ бородовой знакъ съ 6207 (1698—9 г.), годомъ, такъ что не остается сомнѣнія, что и пошлина и знакъ учреждены тотчасъ по возвращеніи Петра изъ перваго путешествія. Всего пять-шесть мѣсяцевъ тому назадъ Ромодановскій, по поводу извѣстія, что Головинъ ходитъ безъ бороды за границею, выразился — «не хочу вѣрить, чтобы дошелъ онъ до такого безумія!» а теперь самъ увидѣлъ себя безбородымъ, убѣдившись, что вооружаться противъ бритья было невозможно. Иное дѣло духовенство съ патріархомъ во главѣ! Но и святитель, хотя въ словѣ своемъ противъ брадобрійцевъ и вопіялъ: «Люди православные! Не пріемлите сего злодѣйскаго знаменія, но гнушайтеся имъ, какъ нѣкоею мерзостію, ибо нераскаявшимся брадобрійцамъ, по опредѣленію соборному, входъ въ церковь возбраненъ и причастія св. тайнъ они лишены!» — но привести угрозу въ исполненіе ни надъ кѣмъ не отважился.

Одновременно съ указомъ о бритьѣ бороды, царь приказалъ и о перемѣнѣ древнерусской одежды на заграничную, болѣе удобную, не стѣсняющую движенія. Цѣнныхъ украшеній на одеждѣ Петръ никогда не любилъ и съ дѣтства въ костюмѣ своемъ соблюдалъ всегда крайнюю простоту. Темносѣрый, либо черный кафтанъ толстаго сукна съ волосяными пуговицами, либо *бострогъ* (короткая блуза или куртка

---

1) Съ гостиной сотни по 100 рублей; съ царедворцевъ, приказныхъ, служилыхъ людей и торговыхъ 2-ой статьи по 60 рублей, а съ посадскихъ сословій и ямщиковъ, включительно до церковныхъ причетниковъ — 30 р. въ годъ.

Бояре возвращаются отъ царя Петра, остригшаго имъ бороды.

голландскаго рабочаго) съ металлическими пуговицами, да суконные штаны (въ праздники — саржевые), — вотъ обычный нарядъ нашего перваго императора. Черный бархатъ и кружева надѣвалъ онъ въ самые торжественные случаи, хотя у голландскихъ аристократовъ, съ которыхъ взятъ въ этомъ случаѣ примѣръ, то и другое входило въ обыкновенный костюмъ, надѣваемый въ общество. Найдя удобнымъ и полюбивъ саксонскіе и французскіе кафтаны для выхода въ публику и голландскій простонародный для работы, Петръ сперва обрѣзывалъ на пирахъ длинные рукава стариннаго платья царедворцевъ, а потомъ указомъ (въ началѣ 1700 г.) предписалъ носить саксонскіе кафтаны всѣмъ классамъ городскихъ обывателей, кромѣ священнослужителей. Даже крестьяне при въѣздѣ въ городъ съ товарами на рынокъ должны были платить за свою народную одежду по 2 деньги съ человѣка; иначе ихъ не впускали въ городъ.

Эта ввозная пошлина увеличивала однакожъ итоги сборовъ, а, задумавъ нововведенія, царь крѣпко нуждался въ усиленіи государственныхъ доходовъ. Услуги разныхъ прожектеровъ, людей практическихъ и смѣтливыхъ, пущены были поэтому тоже въ ходъ не безъ успѣха. Однимъ изъ первыхъ прожектеровъ или, какъ тогда называли, *прибыльщиковъ* оказался дворецкій Б. П. Шереметева, А. А. Курбатовъ. Побывавъ за границею съ бариномъ, онъ присмотрѣлся къ разнымъ иностраннымъ порядкамъ и подалъ государю, въ формѣ извѣта, письмо съ изложеніемъ проекта *о гербовой* «орленой» *бумагѣ*. Мысль понравилась, и указомъ 23 января 1699 года было предписано ввести въ употребленіе *съ 1 марта* гербовую бумагу трехъ видовъ: для актовъ, цѣнностью свыше 50 р. — въ 10 коп., для документовъ на право владѣнія и челобитень (по договорамъ) на сумму ниже 50 р. — въ 1 коп. а для просьбъ, выписей и проч. низшаго разбора по ½ коп. за листъ. Изобрѣтатель же продажи орленой бумаги сдѣланъ дьякомъ оружейной палаты.

Въ то же время преобразована и система сборовъ податей и всякаго рода пошлинъ. Взносы ихъ съ городовъ вѣдались въ московскихъ приказахъ, гдѣ проволочка отъ приказныхъ, съ цѣлью полученія взятокъ, вошла даже въ пословицу, получивъ историческое прозваніе «московской волокиты». Торговые люди разорялись; государство терпѣло недоимки, и все это въ угодность одному классу народа, которому предоставлено было «кормиться отъ дѣлъ». Петръ въ Голландіи оцѣнилъ наглядно всю выгоду созданія богатаго класса людей промышленныхъ и съ этой цѣлью придумалъ освободить городскихъ обывателей изъ подъ вѣдѣнія воеводъ. Всякія городскія общественныя дѣла, раскладку государственныхъ повинностей, управленіе сборами вообще и городской гражданскій судъ онъ возложилъ при этомъ на небывалое до него учрежденіе въ Москвѣ — «бурмистерскую палату». Въ ней предсѣдательствовали выбираемые каждый годъ городомъ изъ сословія обывателей бурмистры, въ числѣ 12-ти, такъ что каждый изъ нихъ былъ президентомъ одинъ мѣсяцъ. Городскимъ обывателямъ пришлось платить вдвое противъ прежняго, но никто не жаловался, получивъ возможность судиться легкимъ и простымъ судомъ и находить законную защиту въ своемъ сословіи.

Устраивая дѣло общины, Петръ спѣшилъ довести до конца и дѣло флота; объ общихъ распоряженіяхъ для сооруженія его всѣми сословіями землевладѣльцевъ мы уже говорили при изложеніи приготовленій ко взятію Азова.

Стрѣлецкій розыскъ и страшная эпоха казней не дали возможности предпріимчивому монарху ѣхать въ Воронежъ для работъ ранѣе Великаго поста 1699 года. Отпраздновавъ въ столицѣ послѣдній день масленицы фейерверкомъ (19 февраля), Петръ поѣхалъ готовить къ веснѣ «морской караванъ». Послы иностранныхъ державъ, съ недовѣріемъ слушая разсказы о начатомъ на Воронежѣ исполинскомъ кораблестроеніи, считали все это преувеличеннымъ; датскій посолъ Гейнсъ и бранденбургскій фонъ-Принтцъ просили и получили позволеніе посѣтить Воронежъ. Угощая ихъ предъ отправленіемъ туда, Лефортъ вздумалъ въ февралѣ пировать подъ открытымъ небомъ. И это его погубило. На другой же день у ней открылась гнилая горячка, 2 марта уложившая въ гробъ любимца царскаго, имѣвшаго всего 46 лѣтъ отъ роду.

Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ увѣдомилъ Петра письмомъ о потерѣ друга.

Боярская одежда XVII вѣка.

Бросивъ все, царь прискакалъ въ Москву хоронить Лефорта. На торжественномъ погребеніи грустный и сосредоточенный царь шелъ въ строю при первой ротѣ Преображенскаго полка до реформатской церкви, гдѣ пасторъ Стумпфіусъ произнесъ краснорѣчивое надгробное слово. Въ немъ особенно замѣчательно для насъ выраженіе: «Всѣ мы знаемъ, что его царское Величество былъ ему свѣтъ, жизнь, щитъ, радость и на земли сей небо. Но о семъ преставившемся господинѣ справедливо можно сказать, что солнце жизни его померкло въ самый полдень славы; лучи же царской милости провожаютъ его до могилы». Петръ горько плакалъ, прощаясь съ тѣломъ Лефорта. Прахъ его былъ опущенъ въ могилу при пальбѣ 46 орудій и бѣгломъ огнѣ 3 полковъ. Чрезъ день послѣ погребенія, Петръ поспѣшилъ въ Воронежъ. Настала необходимость вступить въ борьбу съ турками и заставить ихъ заключить прочный миръ на болѣе продолжительный срокъ, чѣмъ двухлѣтнее перемиріе, котораго добился на Карловицкомъ конгрессѣ умный Возницынъ.

Дипломатъ этотъ, увѣдомляя царя о результатѣ конгресса, отъ 18 февраля, между прочимъ, писалъ Петру: «Если изволишь съ турками примириться съ уступкою, по примѣру другихъ союзниковъ, надобно устранить всѣ поводы къ новымъ несогласіямъ и, не откладывая вдаль, послать къ нимъ, хотя не гораздо знатнаго, только *умнаго человѣка* съ объявленіемъ... Если же они покажутъ какое упрямство и станутъ дѣлать непристойные запросы, онъ скажетъ имъ, что за такими тягостями едва ли миръ состоится. Съ ними *надобно поступать смѣло и дѣльно* а *смиреннымъ отнюдь себя не казать*»...

Петръ для выполненія столь щекотливаго порученія выбралъ самаго опытнаго дѣльца—думнаго дьяка посольскаго приказа Емельяна Игнатьевича Украинцева и велѣлъ ему отправиться на военномъ кораблѣ, а капитану корабля приказано бросить якорь подъ самыми стѣнами Сераля, при пальбѣ съ обоихъ бортовъ.

Къ веснѣ 1699 г. на воронежской верфи было готово 18 кораблей, по 20 галеръ и бригатинъ, 12 скампавей, 10 ботовъ корабельныхъ, 4 галеры (64 весельныхъ), 2 яхты и до 500 струговъ съ провіантомъ. Начальники судовъ были большею частью иностранцы; экипажъ тоже больше наемный, а морскіе солдаты — изъ Преображенцевъ и Семеновцевъ. Крюйсъ и Шаутбенахтъ Реэсъ формировали эскадру, начальникомъ которой назначенъ Головинъ, по смерти Лефорта возведенный въ генералъ-адмиралы. Царь принялъ на себя званіе командира корабля «Апостолъ Петръ» (44 пушки). Апрѣля 9 сказанъ указъ Украинцеву, а 27 числа того же мѣсяца эскадра уже начала двигаться отъ Воронежа. Съ выходомъ въ Донъ, суда построились и 30 апрѣля увидѣли сигналъ плыть къ Азову. Въ первую недѣлю (до Коротояка) прошли, однако, всего 100 верстъ съ небольшимъ, а далѣе стали двигаться по сту верстъ въ день, такъ что къ Паншину пришли 17 мая и простояли два дня. Въ это время царь, узнавъ, что не вдалекѣ тысячи калмыковъ съ казаками затѣяли кончить взаимное неудовольствіе оружіемъ, успѣлъ остановить этотъ поединокъ, уговоривъ обѣ стороны къ миру.

Черезъ 8 дней воронежскій флотъ сталъ передъ Азовомъ, сильныя укрѣпленія котораго могли противостоять всякому враждебному покушенію.

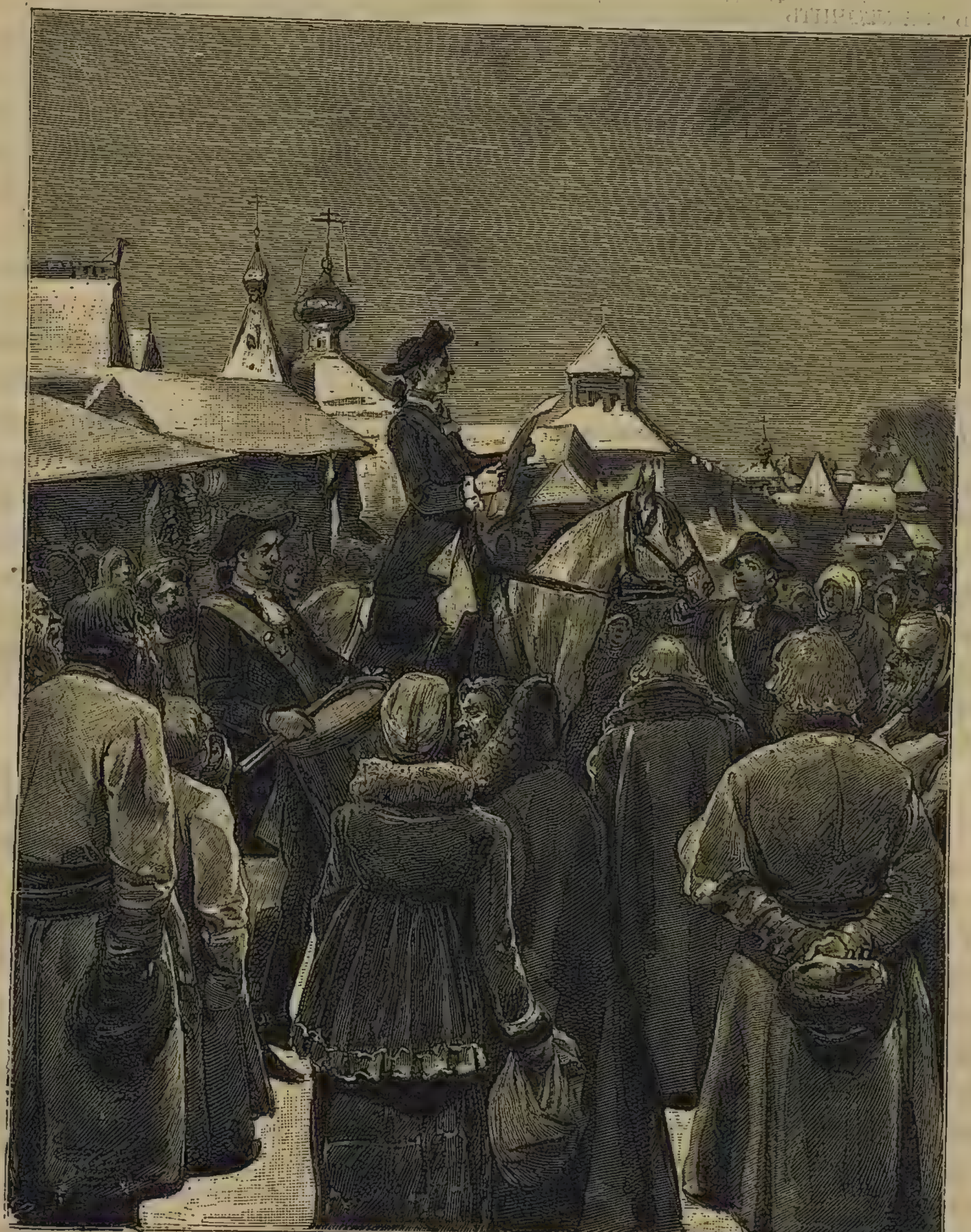
Іюня третьяго 44 вымпела пришли въ Таганрогъ, а 5 ѣздилъ Петръ къ Павловской крѣпости, заложенной Де-Лявалемъ, но безполезной и теперь оставленной. А воды, достаточной наполнить на столько донскія гирла, чтобы пропустить всѣ суда въ Азовское море, пришлось ждать еще до 25 іюня. Тогда только крѣпкимъ западнымъ вѣтромъ нагнало ее столько, что Кутюрьмою прошелъ и корабль «Апостолъ Петръ».

За нимъ миновалъ отмели корабль Крюйса: а въ день именинъ Петра и весь флотъ перебрался въ море, выстроившись на таганрогскомъ рейдѣ. Здѣсь, пируя, радостный царь зажегъ вечеромъ фейерверкъ, на главномъ щитѣ котораго изображенъ былъ апостолъ Петръ, съ надписями: «Что Богъ изволитъ, то и будетъ» — вверху и «Богъ даетъ избранному» — внизу.

Съ 3 по 15 іюля приготовляли суда по назначенію, къ морскому походу. Петръ самъ работалъ «надъ починкою, конопаткою и смоленьемъ своего корабля, прилежнѣе и исправнѣе стараго хорошо обученнаго плотника», — отмѣчаетъ Крюйсъ въ своемъ журналѣ.

Здѣсь же былъ наказъ Украинцеву, гдѣ предлагалось султану заключить миръ на 25 лѣтъ «чтобы не было никакого подозрѣнія», но безъ отдачи Азова и Кази-Керменя, а если не захотятъ, то съѣхаться на общую комиссію въ 1701 году, на Днѣпрѣ. Сверхъ того, послу велѣно добиваться у турокъ заведенія взаимной торговли Россіи съ Турціею и отдачи грекамъ гроба Господня въ Іерусалимѣ.

Перевезти Украинцева въ Константинополь долженъ былъ капитанъ Петръ Памбургъ на 46-ти пушечномъ кораблѣ «Крѣпость», и о томъ, что посолъ поѣдетъ моремъ, керченскому пашѣ дано знать заблаговременно. Но для того, чтобы паша не заупрямился, царь прибылъ къ Керчи со всѣмъ флотомъ провожать посла. На самомъ дѣлѣ Петру хотѣлось показать туркамъ свою морскую силу, которой они не совсѣмъ вѣрили изъ разсказовъ, а если и вѣрили о стройкѣ кораблей, то не думали, чтобы Дономъ можно было вывести корабли эти въ море. Эскадра изъ 10 кораблей, 2 галеръ и гальота, бригантины и яхты съ 4 стругами 14 августа вышла вторично изъ Таганрога, въ первый разъ выдержала бурю, произвела примѣрное сраженіе (7 августа) и 17 бросила якорь подъ Керчью.

Объявленіе указа Петра Великаго (1699 г.) считать «новый годъ» съ 1-го января.

Догадка о задержкѣ посла турками въ проходѣ моремъ, — безъ острастки эскадрою, — оправдалась. Паша согласился на это только тогда, когда русскій адмиралъ рѣшительно заявилъ, что самъ пойдетъ провожать посла. Уступивъ необходимости, турки, однако, еще медлили, но настойчивость Украинцева помогла ему переселить ихъ упорство. Августа 28-го его, наконецъ, отпустили. Три дня шелъ Памбургъ въ виду крымскаго берега съ турецкими кораблями, но 31, пользуясь вѣтромъ, наставилъ всѣ паруса и скоро ушелъ изъ виду отъ турецкаго конвоя.

Сентября 2 русскій корабль безъ лоцмана вступилъ въ Дарданелы, и остановился за три мили отъ столицы ожидать своего конвоя, на полтора дня отставшаго. Султанъ выслалъ мелкія суда для перевезенія въ Константинополь нашего посла, но онъ согласился ѣхать не иначе, какъ съ условіемъ, чтобъ впереди шелъ нашъ корабль, остановившійся за штилемъ въ 1 мили отъ султанской столицы. На утро же, когда подулъ вѣтеръ, Памбургъ подошелъ къ стѣнамъ Сераля и отдалъ салютъ, исполнивъ царскій приказъ буквально.

Прибытіе русскаго корабля въ Константинополь подняло сильно значеніе русскаго царя въ глазахъ правовѣрныхъ министровъ султана. Падишахъ, хотя и гнѣвался, что грубый голландецъ пальбою своею такъ напугалъ его женъ, что одна преждевременно разрѣшилась отъ бремени, но, въ концѣ концовъ, приказалъ заключить миръ съ царемъ въ ту именно пору, когда Петру былъ онъ всего нужнѣе.

Этотъ памятный годъ удачи Петровой политики въ исторіи Россіи оставилъ сверхъ того крупныя воспоминанія нововведеніями, слѣдствія которыхъ дали рѣшительный перевѣсъ нашему оружію въ двадцатилѣтней борьбѣ съ державою, отличавшейся лучшимъ устройствомъ своего войска. Мы разумѣемъ учрежденіе правильнаго войска, перемѣну лѣтосчисленія и новую монету.

Въ іюнѣ 1699 г. были распущены стрѣльцы съ обязанностью приписки въ городскія сословія, а 8 ноября того же года изданъ указъ о сборѣ даточныхъ людей со всего государства въ *солдаты*. Съ имѣній владѣльцевъ духовныхъ отъ 25 дворовъ по человѣку а съ свѣтскихъ отъ 30—50. Срокомъ набора для ближнихъ мѣстъ къ Москвѣ назначено 1 декабря, для дальнихъ же — конецъ января.

Въ Москвѣ, кромѣ того, сдѣлали кличъ, приглашавшій желающихъ итти въ солдаты за жалованье 11 руб. въ годъ, кромѣ провіанта, одежды и водки въ походѣ. Боярская дворня съ радостью бросилась на этотъ призывъ въ Преображенское, гдѣ съ января Артомонъ Головинъ и Адамъ Вейде принялись учить новобранцевъ ружейнымъ пріемамъ. За смертію Гордона, на нихъ легла эта тяжелая обязанность, и они да князь Репнинъ (впослѣдствіи фельдмаршалъ, а тогда еще подполковникъ) исполнили удачно царское порученіе. Государь, если вѣрить показанію австрійскаго резидента Плейера, послѣ этого говаривалъ даже:

— Къ чему мнѣ тратить деньги на иностранцевъ, когда мои подданные сумѣютъ то же сдѣлать, что и они?

Всего сформировано 29 полковъ, до 32.000 человѣкъ въ три мѣсяца. Сила эта раздѣлена была на три дивизіи и отдана подъ начальство Головину, Вейде и Репнину. Обмундировано войско было на нѣмецкій манеръ: въ суконные темно-зеленые кафтаны, съ низкими треугольными шляпами, — а вооружены полки были ружьями и тесаками.

Декабря 10-го 1699 г. изданъ указъ о счисленіи годовъ съ января 1-го, которое должно было наступить чрезъ нѣсколько дней и начать собою осьмнадцатое столѣтіе отъ Рождества Христова. Перемѣна лѣтосчисленія отпразднована фейерверкомъ на Красной площади, освѣщеніемъ по домамъ, разрѣшеніемъ стрѣльбы изъ ружей, въ знакъ радости, и обязательнымъ украшеніемъ изъ ельника воротъ «при домахъ». Указомъ же предписывалось поздравлять при встрѣчѣ другъ друга «съ новымъ годомъ» и держать украшенія до дня крещенія.

Въ этотъ праздникъ Петръ вывелъ торжественно въ строю, на Іорданъ, своихъ гвардейцевъ, и каждый годъ бывалъ потомъ на этомъ церковномъ парадѣ, самъ приводя и разводя войска по домамъ.

Совершенство англійской монеты, поражавшее государя на лондонскомъ монетномъ дворѣ, не давало тоже покоя Петру. Марта 11-го 1700 г. имъ назначенъ былъ единообразный вѣсъ мелкой размѣнной монеты, а за мѣсяцъ раньше, 18-го февраля, наряжена царемъ комиссія по пересмотру уложенія.

Благому дѣлу улучшенія законодательства надолго, однако, помѣшала жестокая война.

VIII.

НАЧАЛО СѢВЕРНОЙ ВОЙНЫ. — ПЕРВАЯ НЕУДАЧА. — ПЕРВАЯ ПОБѢДА. — ТОРЖЕСТВО. — КАМПАНІЯ ВЪ ИНГЕРМАНЛАНДІИ. — ОСАДА И ВЗЯТІЕ НОТЕБУРГА.

Раздираемая постоянно смутами и безначаліемъ Польша и недоброжелательная намъ Швеція, завладѣвшая берегами Балтійскаго моря (Ингерманландіей, Лифляндіей и Эстляндіей), отдѣляли Россію отъ всѣхъ образованныхъ державъ Европы. Потому стремленія Петра преобразовать Россію поевропейски и сблизить ее съ Западомъ, встрѣчали сильныя препятствія не въ однихъ только народныхъ предразсудкахъ, но и въ такомъ невыгодномъ положеніи государства. Петръ рѣшился отнять у шведовъ прибалтійскія области, чтобы чрезъ Балтійское море открыть путь въ Европу. Съ этою цѣлью онъ вступилъ въ союзъ противъ Швеціи съ королемъ датскимъ и курфюрстомъ саксонскимъ, Августомъ II, только что избраннымъ тогда въ короли польскіе. Союзъ этотъ, переговоры о которомъ начались еще въ бытность царя за границей, былъ окончательно заключенъ въ Москвѣ, въ 1699 году. Однакожъ, продолжавшіеся въ то время переговоры о мирѣ съ Турціей, не позволяли Петру открыть военныя дѣйствія, вмѣстѣ съ союзниками. Только 18-го августа 1700 г. было получено нетерпѣливо ожидаемое имъ извѣстіе о подписаніи въ Константинополѣ тридцатилѣтняго мира съ турками, и на другой же день обнародовано объявленіе войны Швеціи. Главнымъ предлогомъ къ войнѣ послужило оскорбленіе, нанесенное въ 1697 году губернаторомъ города Риги царю и русскому посольству.

По плану кампаніи, составленному самимъ Петромъ, было предположено устремиться съ главными силами на Ингерманландію, избравъ первоначально цѣлью дѣйствій, отлично укрѣпленный шведами, городъ Нарву. Планъ этотъ нельзя не признать вполнѣ раціональнымъ и сообразнымъ съ тогдашними обстоятельствами. Завладѣніе Ингерманландіей было для Россіи въ политическомъ и торговомъ отношеніяхъ гораздо важнѣе, нежели занятіе Лифляндіи или Эстляндіи, потому что Ингерманландія, окруженная съ двухъ сторонъ русскими провинціями, находилась ближе къ центру государства, что, разумѣется, значительно облегчало и скорѣйшее ея завоеваніе. Сверхъ того, съ занятіемъ Ингерманландіи пріобрѣталась возможность пресѣчь сообщеніе между Финляндіей и Эстляндіей и, такимъ образомъ, какъ бы отрѣзать отъ Швеціи часть ея владѣній. Что касается самой Нарвы, то она была тогда сильнѣйшей крѣпостью и важнѣйшимъ пунктомъ Ингерманландіи, какъ по положенію своему, (здѣсь берегъ моря наиболѣе приближался къ нашимъ границамъ), такъ и потому, что крѣпость эта имѣла портъ, а жители ея производили довольно обширную торговлю. Взятіе Нарвы доставило бы нашимъ войскамъ твердый опорный базисъ для дальнѣйшихъ дѣйствій. Наконецъ, однимъ изъ самыхъ благопріятныхъ условій, дававшимъ надежду на успѣшное исполненіе плана кампаніи, было то обстоятельство, что противникъ Петра, король шведскій Карлъ XII, находился въ это время съ главными силами своими въ Даніи и имѣлъ въ Ингерманландіи, Лифляндіи и Эстляндіи не болѣе двѣнадцати или пятнадцати тысячъ войска, разсѣяннаго гарнизономъ по разнымъ крѣпостямъ.

Тотчасъ, по объявленіи войны, русская армія, заблаговременно сосредоточенная въ Новгородѣ, выступила къ Нарвѣ подъ начальствомъ фельдмаршала и адмирала Ѳ. А. Головина. Она состояла изъ тридцати пяти тысячъ человѣкъ, большею частію рекрутъ, неопытныхъ и плохо обученныхъ, да конныхъ ополченій, набранныхъ изъ дворянъ московскихъ, новгородскихъ и смоленскихъ.

Нарва, выстроенная на лѣвомъ берегу рѣки Наровы, въ двѣнадцати верстахъ отъ впаденія ея въ Финскій заливъ, была занята двухтысячнымъ шведскимъ гарнизономъ, подъ командой храбраго полковника Горна и снабжена продовольствіемъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Укрѣпленія ея заключались въ девяти толстыхъ каменныхъ бастіонахъ, обнесенныхъ рвами и вооруженныхъ 400 пушками. Противъ крѣпости, на правомъ берегу Наровы, лежалъ ста-

ринный укрѣпленный замокъ Ивань-городъ, воздвигнутый русскими въ 1492 году, но уступленный шведамъ при царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ. Замокъ этотъ служилъ крѣпости предмостнымъ укрѣпленіемъ, обезпечивавшимъ свободное сообщеніе между обоими берегами.

Войска наши, двигавшіяся эшелонами, по мѣрѣ приближенія къ Нарвѣ, располагались лагеремъ, на лѣвомъ берегу Наровы, въ одну линію, которая, простираясь на семь верстъ, въ видѣ полукруга охватывала крѣпость и примыкала флангами къ рѣкѣ.

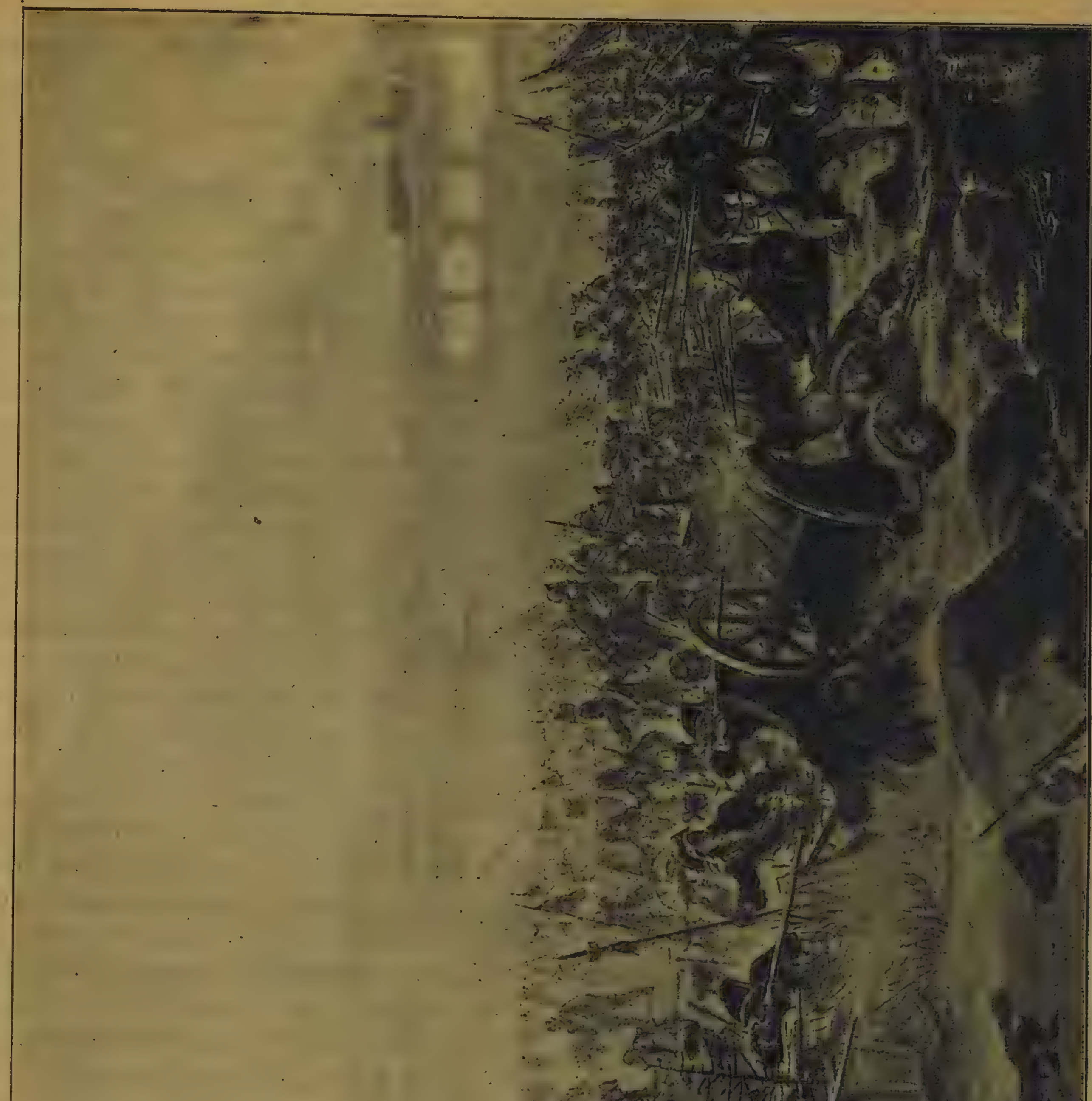
Петръ пріѣхалъ къ арміи въ концѣ сентября и привезъ съ собой герцога де-Крои, рекомендованнаго ему королемъ польскимъ и слывшаго за опытнаго и способнаго военачальника. Вслѣдъ за тѣмъ, въ нашу армію явились: инженерный генералъ Аллартъ и нѣсколько инженерныхъ и артиллерійскихъ офицеровъ, присланныхъ также Августомъ II. Государь поручилъ имъ управленіе осадными работами.

Уже съ самаго начала осады, Петръ увидѣлъ ненадежность навязанныхъ ему иностранныхъ руководителей. Ничего не дѣлая, они только критиковали распоряженія другихъ, и государь самъ долженъ былъ, подъ выстрѣлами съ крѣпости, разбивать кольями батареи и подступы. Въ началѣ октября привезли изъ Пскова и Новгорода тяжелую артиллерію и снаряды. Петръ лично присутствовалъ при сооруженіи батарей и управлялъ ихъ дѣйствіями; но стрѣльба оказалась безуспѣшною, и осада подвигалась медленно. Привезенная артиллерія была въ самомъ жалкомъ положеніи: лафеты и колеса безпрестанно ломались, изъ мортиръ можно было стрѣлять только камнями, потому что бомбы не соотвѣтствовали калибру орудій, наконецъ, вскорѣ обнаружился недостатокъ въ порохѣ и снарядахъ. Надежда на успѣхъ исчезала съ каждымъ днемъ. Комендантъ, на всѣ предложенія о сдачѣ, отвѣчалъ насмѣшками. Многочисленность осаждавшихъ не устрашала его. Надѣясь на храбрость гарнизона, на силу укрѣпленій и на неискусство русскихъ, онъ рѣшился защищаться до послѣдней крайности, тѣмъ болѣе, что получилъ извѣстіе о скоромъ прибытіи Карла XII со вспомогательнымъ войскомъ. Между тѣмъ, отъ осенней распутицы испортились дороги, прекратился подвозъ продовольствія и военныхъ запасовъ, и въ нашей арміи открылись болѣзни.

Въ концѣ октября мѣсяца король шведскій появился съ значительнымъ войскомъ въ Лифляндіи. Карлъ XII, смѣлымъ и рѣшительнымъ движеніемъ на Копенгагенъ, принудивъ короля датскаго заключить съ нимъ миръ, направилъ свои силы на остальныхъ противниковъ. Высадившись въ Пернау, онъ намѣревался сперва итти къ Ригѣ, осажденной Августомъ II, но узнавъ, что послѣдній поспѣшно снялъ осаду этой крѣпости, двинулся чрезъ Ревель прямо къ Нарвѣ.

Ноября 18-го, бояринъ Б. П. Шереметевъ, посланный государемъ съ конницей къ Везенбергу развѣдать о непріятелѣ, возвратился къ Нарвѣ съ вѣстью о приближеніи шведовъ. Наканунѣ же, Петръ, поручивъ главное начальство надъ русскимъ войскомъ герцогу де-Крои, оставилъ лагерь и уѣхалъ въ Новгородъ. Причина внезапнаго отъѣзда государя изъ арміи въ столь критическую минуту остается до сихъ поръ не разъясненной. По словамъ самого Петра, онъ покинулъ лагерь, чтобы ускорить прибытіе ожидавшихся подкрѣпленій и, главное, увидаться съ Августомъ II и договориться съ нимъ насчетъ дальнѣйшихъ дѣйствій. По объясненіямъ же цесарскаго резидента, Плейера, царь «рѣшился удалиться отъ могущей встрѣтиться опасности, вслѣдствіе настоятельнаго и разумнаго убѣжденія близкихъ особъ». Но Петръ и прежде и послѣ доказывалъ не разъ, что не трусилъ при встрѣчѣ съ непріятелемъ, хотя безразсудная удаль, стремленіе подвергаться безполезной опасности — были не въ его характерѣ. Онъ менѣе всего способенъ былъ руководиться ложнымъ стыдомъ. Въ дѣлѣ военнаго искусства царь смотрѣлъ на себя и на своихъ, какъ на новичковъ, только что начавшихъ учиться. Теперь этимъ новичкамъ предстояло помѣряться съ мастерами. Неудача была весьма вѣроятна, и если бъ Петръ попался въ плѣнъ или былъ убитъ, то что сдѣлалось бы тогда съ Россіей!

Черезъ день послѣ отъѣзда царя, Карлъ XII неожиданно напалъ на русскій лагерь, съ войскомъ, втрое слабѣйшимъ числомъ, но сильнымъ своимъ устройствомъ, дисциплиной и опытностью. Предводимые самимъ королемъ, шведы стремительно атаковали наши окопы, ворвались въ нихъ, овладѣли лагеремъ и произвели въ немъ страшное смятеніе. Ошело-

Сраженіе подъ Нарвой въ 1700 г.

мленные и опрокинутые, русскіе въ безпорядкѣ бросились къ Наровѣ, но, несмотря на совершенное разстройство, гвардейскіе полки защищались отчаянно до глубокой ночи и положили оружіе только тогда, когда Карлъ XII обѣщалъ имъ безпрепятственный пропускъ на родину. Впрочемъ, обѣщаніе не было исполнено. Шведы удержали въ плѣну всѣхъ генераловъ и около семидесяти офицеровъ. Въ этомъ несчастномъ сраженіи русская армія лишилась болѣе 7.000 человѣкъ и всей артиллеріи, состоявшей изъ 170 орудій. Разбитые, обезоруженные и ограбленные непріятелемъ, полки наши, почти вразбродъ, потянулись къ Новгороду. Не имѣя на пути ни квартиръ, въ которыхъ могли бы укрыться отъ суровой зимней непогоды, ни продовольствія, они потеряли множество людей отъ стужи и голода.

Вѣсть о Нарвской битвѣ поразила Россію и произвела въ народѣ, считавшемъ ее Божіимъ наказаніемъ за нововведенія царя, общее уныніе. Самъ Петръ былъ глубоко огорченъ, увидя свою армію разбитою наголову, безъ артиллеріи, знаменъ, оружія и начальниковъ. Но несчастіе не только не поколебало въ немъ твердости духа и энергіи, а, напротивъ того, усилило ихъ. Всѣ мѣры, какія можно было принять для отстраненія слѣдствій понесеннаго пораженія, были приняты имъ немедленно. Вокругъ Новгорода, Пскова и Печоръ закипѣли работы. Разбитые полки приводились въ порядокъ, снабжались оружіемъ и аммуниціей. Для усиленія арміи объявленъ былъ новый наборъ и приступлено къ формированію въ Москвѣ новыхъ десяти драгунскихъ полковъ. На всѣхъ литейняхъ спѣшно отливались орудія, для полученія же металла отобраны были лишніе церковные колокола.

Между тѣмъ, Карлъ XII безплодно терялъ время въ Лифляндіи. Сперва онъ хотѣлъ воспользоваться плодами побѣды и итти на Новгородъ и Москву, но потомъ, по совѣту своихъ генераловъ, оставилъ этотъ планъ. Карлъ не угадалъ, кто былъ его главный противникъ. Въ увѣренности, что Петръ не скоро оправится послѣ нанесеннаго ему удара, онъ рѣшился обратиться противъ Августа II, котораго считалъ болѣе опаснымъ. Ошибка эта оказала важное вліяніе на исходъ борьбы Россіи съ Швеціей.

Петръ сумѣлъ превосходно воспользоваться тяжелымъ урокомъ, даннымъ ему подъ Нарвою. Устранивъ, насколько было возможно, матеріальный вредъ, причиненный пораженіемъ, онъ прежде всего принялся за самую трудную задачу — пересозданіе арміи и перевоспитаніе ея въ нравственномъ отношеніи. Нарвская катастрофа произвела столь потрясающее впечатлѣніе на наши войска, что они готовы были видѣть въ шведахъ какихъ-то чародѣевъ, противъ которыхъ безсильно оружіе. Понявъ очень хорошо, что лишь рядъ успѣховъ надъ шведами можетъ возстановить нравственныя силы нашихъ войскъ и уничтожить вѣру въ непобѣдимость врага, Петръ, пользуясь тѣмъ, что Карлъ II двинулся изъ подъ Нарвы въ Курляндію и Польшу, оставивъ для защиты Лифляндіи и Ингерманландіи только 15.000 человѣкъ, предписалъ своему воеводѣ итти въ Лифляндію съ цѣлью опустошенія непріятельской страны, не уклоняясь отъ встрѣчи съ непріятелемъ. Мало того, царь вмѣнилъ ему въ обязанность искать ея, требуя, однако, возможно полнаго обезпеченія успѣха экспедицій въ матеріальномъ отношеніи, т.-е., чтобы онѣ производились силами, значительно превосходящими численность шведовъ. Такой образъ дѣйствій, кромѣ обезпеченія успѣха, представлялъ еще ту выгоду, что, въ случаѣ одержанія побѣды, она должна была произвести на войска самое благотворное вліяніе.

Основательность расчетовъ Петра не замедлила оправдаться на дѣлѣ.

Въ декабрѣ 1701 г., Шереметевъ, двинувшись изъ Пскова въ Лифляндію съ 8.000 пѣхоты и драгунъ, и 4.000 казаковъ, калмыковъ и татаръ, встрѣтилъ при мызѣ Эрестферъ, въ 40 верстахъ отъ Дерпта, семитысячный корпусъ шведскаго генерала Шлиппенбаха. Кавалерія авангарда ударила на непріятеля, но была опрокинута «съ большой конфузіей». Шереметевъ поспѣшилъ къ ней на выручку съ главными силами. Послѣ четырехчасового, весьма упорнаго боя, непріятель, истративъ всѣ свои заряды, началъ въ безпорядкѣ отступать. Русскіе преслѣдовали его на разстояніи тридцати верстъ, захвативъ при этомъ 350 плѣнныхъ, 6 орудій и 8 знаменъ. Шведы потеряли одними убитыми около 3.000 чел., наши же войска лишились не болѣе 1.000.

Эта первая побѣда надъ шведами несказанно обрадовала Петра.

— Слава Богу, — воскликнулъ онъ, — мы можемъ, наконецъ, бить шведовъ!

Государь тотчасъ же возвелъ Шереметева въ генералъ-фельдмаршалы и пожаловалъ ему орденъ св. Андрея Первозваннаго, съ своимъ портретомъ, осыпаннымъ бриллiантами. Всѣ офицеры получили награды, а солдатамъ послано по рублю изъ вновь вычеканеннаго серебра.

Побѣда при Эрестферѣ была отпразднована въ Москвѣ съ большимъ торжествомъ. Въ Успенскомъ соборѣ отслуженъ благодарственный молебенъ при громѣ ста орудій; пушечная пальба и колокольный звонъ во всѣхъ церквахъ не умолкали цѣлый день; знамена, взятыя у шведовъ, развѣвались на кремлевскихъ башняхъ; народъ былъ угощаемъ на площадяхъ виномъ, медомъ и пивомъ, а вечеромъ сожженъ великолѣпный фейерверкъ.

Послѣ побѣды, новый фельдмаршалъ, разоривъ весь Дерптскій уѣздъ, вернулся съ богатой добычей въ Псковъ и намѣревался отдохнуть; но Петръ не любилъ давать отдыха ни себѣ ни другимъ, особенно въ такое время, когда нельзя было ни на минуту ослабить напряженія силъ. Дозволивъ Шереметеву пріѣхать на двѣ недѣли въ Москву, государь, съ наступленіемъ весны 1702 г., началъ торопить его къ возобновленію военныхъ дѣйствій.

«Есть вѣдомость, — писалъ ему Петръ, — что непріятель готовитъ (послать) въ Лифляндію транспортъ изъ Помераніи въ 10.000 человѣкъ. Теперь истинный часъ, прося у Господа силъ помощи, пока транспортъ не учиненъ, поискомъ предварить».

Въ іюнѣ Шереметевъ выступилъ изъ Пскова съ тридцатитысячною арміею и 18 іюля при мызѣ Гуммельсгофъ снова встрѣтился съ Шлиппенбахомъ, у котораго было 8.000 войска. Окруживъ шведовъ, Шереметевъ атаковалъ ихъ съ фронта и съ фланговъ и разбилъ на голову. Вся непріятельская пѣхота легла на мѣстѣ,—самъ Шлиппенбахъ едва успѣлъ пробиться и уйти съ конницей къ Пернау. Потеря шведовъ была огромна: до 5.500 труповъ найдено на полѣ битвы; кромѣ того, русскіе взяли 300 плѣнныхъ, 15 пушекъ и 16 знаменъ. Нашъ уронъ не превышалъ 400 человѣкъ убитыми.

По уничтоженіи корпуса Шлиппенбаха, вся Лифляндія, за исключеніемъ лишь Риги, Дерпта и Пернау, занятыхъ довольно значительными гарнизонами, осталась безъ защиты. Исполняя приказаніе царя, «разорить непріятельскую землю», Шереметевъ безпрепятственно ходилъ съ своей арміей по Лифляндіи, все разоряя, предавая огню, разрушая и опустошая. Лифляндцы, чухны, латыши погибали тысячами или были отводимы съ женами и дѣтьми въ неволю: въ Москву, въ Азовъ, въ Малороссію. Города Вольмаръ, Маріенбургъ, многія богатыя мѣстечки и замки дымились въ развалинахъ. Долго потомъ не могла оправиться Лифляндія отъ такого ужаснаго погрома.

Въ то время, какъ Шереметевъ гулялъ по Лифляндіи, окольничій Апраксинъ подобнымъ же образомъ разорялъ Ингрію. Встрѣтившись на рѣкѣ Ижорѣ съ шведскимъ корпусомъ генерала Кроніорта, Апраксинъ имѣлъ съ нимъ весьма удачное дѣло и принудилъ его отступить въ Финляндію, съ потерей 600 человѣкъ. Государь, находившійся съ мая мѣсяца въ Архангельскѣ, для защиты этого города отъ ожидавшагося нападенія шведскаго флота, благодарилъ Апраксина за пораженіе Кроніорта, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлалъ ему строгій выговоръ за опустошеніе страны, которую царь считалъ русскою.

Петръ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1702 г. пріѣхалъ въ Ладогу, чтобы лично руководить военными дѣйствіями. Вѣрный однажды принятому правилу—не нападать на шведовъ иначе, какъ съ значительнымъ превосходствомъ въ силахъ, царь сосредоточилъ около Ладоги армію Шереметева, и корпусъ Апраксина, всего около 14 полковъ, да дворянъ, съ многочисленной артиллеріей.

Крѣпость Нотеборгъ, древній новгородскій Орѣшекъ, выстроенная у истока Невы, совершенно запирала входъ въ нее изъ Ладожскаго озера. Гарнизонъ крѣпости состоялъ всего изъ 500 или 600 человѣкъ, но она имѣла 140 орудій и, находясь на островѣ, была совершенно обезпечена отъ атаки открытою силою.

25 сентября, сдѣлавъ на берегахъ рѣки Назіи смотръ войскамъ и назначивъ главнымъ начальникомъ Шереметева, Петръ двинулся къ Нотеборгу.

28 числа, рано утромъ, русская армія подошла къ крѣпости и расположилась въ двухъ верстахъ отъ нея, на мысу, на лѣвомъ берегу Невы. Въ тотъ же день были начаты осадныя работы, которыя велись съ такой быстротой, что черезъ двое сутокъ наши апроши уже приблизились къ самому берегу противъ крѣпости.

Чтобы обложить Нотеборгъ со всѣхъ сторонъ и прервать ему сообщеніе по Невѣ, государь заблаговременно распорядился собрать на Ладожскомъ озерѣ множество мелкихъ судовъ. Провести ихъ изъ озера въ рѣку водою было невозможно, такъ какъ имъ приходилось бы плыть подъ самыми пушками крѣпости, а потому царь приказалъ перетащить суда берегомъ, по сдѣланной въ лѣсу просѣкѣ. Предпріятіе было нелегкое. Петръ самъ ободрялъ солдатъ, трудился съ ними какъ простой работникъ и въ одну ночь, къ великому изумленію шведовъ, около 50-ти лодокъ появились ниже крѣпости, близъ русскаго лагеря.

На другой день, два гвардейскихъ баталіона, подъ личнымъ предводительствомъ государя, переправились на судахъ на правый берегъ Невы, овладѣли непріятельскимъ шанцемъ и сильно укрѣпились въ немъ.

Обложивъ Нотеборгъ съ обоихъ береговъ, фельдмаршалъ послалъ коменданту предложеніе сдать крѣпость на договоръ. Комендантъ отвѣчалъ весьма уклончиво, вслѣдствіе чего наши батареи открыли по крѣпости сильный и частый огонь, продолжавшійся безъ перерывовъ полторы недѣли. Петръ, въ званіи бомбардирскаго капитана, управлялъ мортирами на лѣвомъ флангѣ и безотлучно находился на мысу.

Октября 2-го, на правомъ берегу Невы, недалеко отъ взятаго нами шанца, показался непріятельскій отрядъ изъ 400 чел. пѣхоты и одной драгунской роты. Шведы стремительно атаковали шанецъ, но наши войска, получивъ во-время подкрѣпленіе, отразили непріятеля и отняли у него три пушки.

На третій день бомбардировки, жена нотеборгскаго коменданта, отъ имени своего и офицерскихъ женъ, прислала къ фельдмаршалу съ барабанщикомъ письмо, прося дозволить имъ выйти изъ крѣпости, «гдѣ невозможно оставаться отъ великаго огня и дыму». Письмо было принято на батареѣ «бомбардирскимъ капитаномъ». Не желая тратить времени на пересылку къ главнокомандующему въ лагерь, Петръ отвѣчалъ письменно шведскимъ дамамъ: «что фельдмаршалъ ихъ опечалить не изволитъ, а если изволятъ выѣхать, то изволили бъ и любезныхъ супружниковъ своихъ вывесть купно съ собою». Непріятель, раздосадованный насмѣшкою, открылъ жестокій, хотя и безвредный огонь противъ царской батареи.

На собранномъ царемъ военномъ совѣтѣ было рѣшено штурмовать крѣпость 11 октября. Наканунѣ этого дня вызвали охотниковъ, которыхъ явилось множество. Ихъ распредѣлили на суда въ полной готовности двинуться по первому сигналу. Ночью въ крѣпости произошелъ большой пожаръ. Пользуясь такимъ благопріятнымъ для успѣха обстоятельствомъ, на разсвѣтѣ, по тремъ сигнальнымъ выстрѣламъ съ царской батареи, всѣ суда устремились къ Нотеборгу. Гарнизонъ, уменьшившійся уже до 300 человѣкъ, мужественно встрѣтилъ и отбилъ первое нападеніе; но оно было тотчасъ возобновлено гвардейскими отрядами, подъ начальствомъ подполковника князя М. М. Голицына и маіора Карпова. Осыпаемые градомъ ядеръ, картечи и ручныхъ гранатъ, гвардейцы пристали къ острову и бросились съ штурмовыми лѣстницами къ крѣпостнымъ проломамъ. Лѣстницы оказались короткими на полторы сажени и наши солдаты, стѣсненные между проломами и рѣкой, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ выдерживали ужасный огонь гарнизона, тщетно напрягая усилія взойти на стѣны.

Видя огромныя потери нашихъ войскъ и отчаявшись въ успѣхѣ, государь послалъ къ князю Голицыну офицера съ приказаніемъ отступить; но офицеръ въ тѣснотѣ не могъ его отыскать. Между тѣмъ, нѣкоторые солдаты, устрашенные кровопролитіемъ, стали пробираться къ лодкамъ, съ намѣреніемъ бѣжать. Голицынъ, замѣтивъ это, велѣлъ оттолкнуть отъ острова всѣ порожнія суда и, такимъ образомъ, поставилъ свой отрядъ въ необходимость выбирать смерть или побѣду. Воодушевляя гвардейцевъ личнымъ примѣромъ, онъ снова повелъ ихъ на приступъ. Въ эту минуту на помощь къ нему подоспѣлъ Меншиковъ съ свѣжими силами. Несмотря на то, что большая часть гарнизона уже выбыла изъ строя, комендантъ все еще не хотѣлъ сдаваться; но

Штурмъ крѣпости Нотеборга.

оставшіеся въ живыхъ шведы, совершенно истощенные тринадцатичасовымъ боемъ, принудили его, наконецъ, ударить сдачу. Во вниманіе къ храбрости гарнизона, государь разрѣшилъ ему выйти изъ крѣпости съ оружіемъ, распущенными знаменами и 4 пушками.

14 числа шведы, которыхъ уцѣлѣло только 240 человѣкъ, почти всѣ раненые, очистили крѣпость и на нашихъ судахъ отправились въ Ніеншанцъ. Въ 12-й день октября фельдмаршалъ Шереметевъ со всѣмъ генералитетомъ вступилъ въ Нотеборгъ. Послѣ благодарственнаго молебна, при троекратной пушечной и ружейной пальбѣ, крѣпость была переименована въ Шлиссельбургъ (ключъ-городъ). На западной башнѣ ея государь приказалъ прибить поднесенный ему комендантомъ ключъ, въ ознаменованіе того, что взятіемъ Нотеборга отворились ворота въ непріятельскую землю.

Войска наши потеряли при штурмѣ 540 человѣкъ убитыми и около 1000 ранеными. Герой этого дня, князь М. М. Голицынъ, былъ пожалованъ чиномъ полковника и деревнями. Всѣ офицеры и рядовые получили также награды. Солдаты же, покушавшіеся бѣжать во время приступа, въ числѣ 12 человѣкъ, были прогнаны сквозь строй и потомъ повѣшены. Губернаторомъ Нотеборга государь назначилъ своего любимца — Меншикова.

IX.

НАЧАЛО ПЕТЕРБУРГА

Наградивъ отличившихся при взятіи Нотеборга, Петръ устроилъ еще тріумфальный входъ войскъ въ Москву (4 декабря), и въ древней же столицѣ встрѣтилъ новый годъ съ обычнымъ торжествомъ. Царь, однако, былъ сильно озабоченъ непріязненностью турокъ; положеніе дѣлъ до того казалось серіознымъ, что еще въ январѣ оно заставило Петра ѣхать въ Воронежъ: сдѣлать приготовленія на случай разрыва, казавшагося весьма вѣроятнымъ. Но въ Воронежѣ царь получилъ успокоительныя вѣсти изъ Константинополя: турки смѣнили крымскаго хана намъ въ угоду. Пославъ прежде Меншикова въ Шлиссельбургъ съ наказомъ: дѣлать приготовленія къ весенней кампаніи, да спѣшить стройкою судовъ на Сяси,— Петръ и самъ отправился изъ Москвы на берега Невы 15 марта, отпустивъ нѣсколько ранѣе туда же царевича Алексѣя Петровича. Меншиковъ началъ дѣйствовать уже въ февралѣ. Приступилъ къ стройкѣ 10 паузковъ (транспортныхъ судовъ), да поѣхалъ въ Олонецъ наблюдать за приготовленіемъ лѣса и за наборомъ рабочихъ. На олонецкой верфи Меншиковъ заложилъ въ мартѣ корабль, 4 буера да 2 шмака. На Сяси и въ Ладогѣ началась тоже стройка фрегатовъ, для дѣйствія противъ морской силы непріятеля; но, какъ извѣстно, къ этой навигаціи они не поспѣли.

Кромѣ стройки судовъ, Меншиковъ продолжалъ разсылать развѣдочныя партіи въ мѣста, занятыя шведами. Одна изъ этихъ партій, доѣхавъ до Ніеншанца, сняла непріятельскій караулъ и произвела сильный переполохъ въ самой крѣпости. Ніеншанцъ стоялъ при впаденіи р. Охты въ Неву, на мѣстѣ охтенской верфи, а противъ, на лѣвомъ берегу, на мѣстѣ Смольнаго монастыря, возведенъ былъ земляной редутъ — «спасскій шанецъ».

Петръ, по прибытіи въ Шлиссельбургъ, замѣтилъ съ неудовольствіемъ медленное доставленіе изъ Москвы провіанта и снарядовъ артиллерійскихъ, снабженіе которыми лежало на думномъ дьякѣ Виніусѣ. Гнѣвъ государя обратился на этого дѣльца, и въ наказѣ суровому князю-кесарю своему Петръ велѣлъ спросить у виноватаго «для чего дѣлаетъ съ такимъ небреженіемъ главное дѣло, которое тысячи головъ, какъ его, дороже?» Затѣмъ возникли затрудненія по переправѣ войска Шереметева къ Невѣ, такъ что, бывъ уже въ Новгородѣ 28 марта, фельдмаршалъ явился въ Шлиссельбургъ только 13 апрѣля, да десять

дней еще прошли, пока собрались всѣ регулярные полки, назначенные въ походъ къ Ніеншанцу.

Апрѣля 23 двинулъ, наконецъ, Петръ свои силы къ шведскому укрѣпленію на Невѣ, правымъ берегомъ ея и чрезъ д. Кельтуши,—лѣсомъ. Весь корпусъ состоялъ изъ 14 полковъ арміи и двухъ гвардейскихъ. Не доходя 15 верстъ до Ніеншанца, Шереметевъ послалъ безъ осады еще до прихода арміи. Неподдержанный другими частями авангарда, Глѣбовскій отступилъ, но къ вечеру 25 апрѣля всѣ полки окружили шведскую крѣпость полукругомъ, по обѣимъ сторонамъ рѣки Охты. Осаждающіе протянули линію своего расположенія съ сѣвера дальше, чѣмъ на южномъ берегу Охты, гдѣ, острымъ угломъ отъ Невы, стояли гвардейскіе полки, да у самой Охты три армей-

Видъ мѣстности, гдѣ основанъ Петербургъ.

впередъ 2.000 человѣкъ занять мѣста у крѣпости. Ночью на 25 апрѣля авангардъ этотъ пришелъ на мѣсто, и одна его партія, подъ начальствомъ маіора Преображенскаго полка Панкратія Глѣбовскаго, напавъ на шведовъ — въ числѣ 500 человѣкъ, защищавшихъ недоконченный (на юго-западѣ отъ укрѣпленія) ровъ, — прогнала непріятеля, и за нимъ взбѣжала на валъ бастіона. И если бы товарищъ Глѣбовскаго, нѣкто Нейдгардъ, во-время оказалъ ему содѣйствіе, то Ніеншанцъ взятъ бы былъ и скихъ. Одиннадцать же полковъ расположены были на нынѣшней Большой Охтѣ съ Матросской слободою — тогда предмѣстьѣ торговаго Ніеншанца, главная часть построекъ котораго тянулась по теченію Невы, противъ Смольнаго. Основанный въ началѣ XVII вѣка, Ніеншанцъ получилъ отъ королевы Христины городскія права, и въ 1670 годахъ содержалъ торговый флотъ свой, простиравшійся до 50 кораблей, ведя съ большою для себя выгодою значительную коммерцію съ Европою и сопер-

Первая морская побѣда.

Взятіе шведскихъ галеръ въ устьяхъ Невы.

ничая съ Выборгомъ да Нарвою, перебивая у нихъ даже русскую торговлю. Послѣдніе годы передъ Сѣверною войною Ніеншанцъ уже потерялъ много и отъ пожаровъ и отъ явнаго притѣсненія своего правительства, наровившаго предоставить большія выгоды Выборгу, такъ что жители невскаго города уже бѣднѣли и разорялись, Кроніортъ же, своими распоряженіями объ очищеніи предмѣстья, приводя крѣпость въ оборонительное положеніе, доконалъ городскихъ обывателей, съ которыми коменданты укрѣпленія всегда жили не въ ладу.

Въ полуразрушенныхъ домахъ бывшаго посада Ніеншанцкаго расположились русскіе полки. Прервавъ всѣ сообщенія крѣпости, начальникъ нашихъ инженеровъ, генералъ Ламбертъ, повелъ земляныя работы къ самому валу шведскому, а за р. Охтою поставилъ кетеля для 16 трехпудовыхъ мортиръ, на самомъ берегу — въ 30 саженяхъ отъ укрѣпленія. Орудія, тоже большого калибра, отъ 12 до 26 фунтовъ, поставлены были на батареи и съ южной стороны, а спасскій шанецъ занятъ Шереметевымъ на другую же ночь по прибытіи. Царь пріѣхалъ къ Ніеншанцу 26 апрѣля и, осмотрѣвъ крѣпость, нашелъ ее «больше, какъ говорили», что «новый валъ выведенъ изрядною фортификаціею» [1]) и «стрѣльба зѣло рѣдка» съ непріятельской стороны.

Пользуясь этою рѣдкостью выстрѣловъ, Петръ подъ огнемъ крѣпости проплылъ 28 апрѣля къ устью Невы: осматривать мѣстность. Взятые государемъ съ собою семь ротъ обоихъ гвардейскихъ полковъ размѣщены были въ 60 лодкахъ и часть ихъ оставлена на взморьѣ для наблюденій, подъ начальствомъ М. И. Щепотева. Къ возврату Петра изъ этой экспедиціи земляныя работы были уже готовы и батареи, вооруженныя 19-ю пушками и 13-ю мортирами, открыли бомбардировку по крѣпости — вечеромъ, 30 апрѣля, по полученіи отказа коменданта, сдаться. Бомбы сдѣлали его сговорчивымъ, и утромъ 1 мая онъ приказалъ бить барабанъ къ сдачѣ. Высланы были отъ насъ тотчасъ же офицеры, для составленія договора. Петръ, по полученіи вчернѣ условій отъ коменданта Опалева, написалъ самъ, что гарнизонъ выпуститъ съ 2 пушками и всѣмъ имуществомъ, даже дастъ суда до Нарвы, а провіанту на мѣсяцъ, съ удержаніемъ, до возврата нашихъ провожатыхъ, того же числа шведовъ. Къ вечеру договоръ подписанъ, и гвардейскіе полки вступили въ обладаніе крѣпостью, жители изъ которой выведены за палисады; до 8 мая имъ дозволено было сбирать свои пожитки. Утромъ же 2 мая, въ воскресенье, фельдмаршалъ Шереметевъ вступилъ торжественно въ Ніеншанцъ, передъ войскомъ былъ отправленъ благодарственный молебенъ за пріобрѣтеніе не только крѣпости, но и «желаемой морской пристани».

Вотъ цѣль стремленій и усилій Петра, для которой началъ онъ со шведами войну! Но одно овладѣніе Невою, на всемъ протяженіи ея, было, какъ увидѣлъ теперь же государь,— недостаточно для прохода въ море; его могъ запереть, по произволу, шведскій флотъ. И въ самый день торжества о взятіи Ніеншанца, которое велѣлъ царь въ Москвѣ «отправить хорошенько, чтобъ послѣ соборнаго молебна изъ пушекъ на площади было стрѣляно!»— получено съ возморья извѣстіе, что показалась шведская эскадра, не подозрѣвавшая, что мы уже владѣемъ крѣпостью.

Войдя въ невскія устья, эскадра дала о себѣ знать двумя пушечными выстрѣлами, на которые наши отвѣчали съ крѣпости тѣмъ же числомъ. Введенные отвѣтомъ въ заблужденіе шведы отправили съ адмиральскаго корабля берегъ ботъ за мѣстными лоцманами, безъ помощи которыхъ опасно было пройти между мелями въ самую рѣку. Гвардейцы наши, сидя въ лѣсу, все это видѣли, и когда причалилъ ботъ да вступили на берегъ посланные искать лоцмановъ, — напали на нихъ, но успѣли захватить только одного, сказавшаго, что начальствуетъ эскадрою вице адмиралъ Нуммерсъ, у котораго 9 кораблей.

Нужда потребовала, однакожъ, проникнуть въ рѣку и для того, 8 мая передъ вечеромъ отъ эскадры отдѣлилась 8 пушечная шнява «Астрильдъ» да адмиральскій ботъ «Геданъ» въ 10 пушекъ. На ночь суда эти стали на якорь въ самой срединѣ Невы, между концомъ Васильевскаго острова и Канонерскимъ островомъ. Щепотевъ далъ знать о томъ го-

---

[1]) Онъ давалъ крѣпости видъ неправильнаго семиугольника, по случаю прибавленныхъ выступовъ на Неву и на Малую Охту, по другую сторону входныхъ воротъ.

Выборъ мѣста для закладки Петропавловскаго собора.

сударю, и Петръ рѣшился взять оба судна— *своими лодками*. Три десятка ихъ въ ту же ночь прибыли съ государемъ. Около полуночи, когда стемнѣло отъ нашедшихъ тучъ и пошелъ дождь, Петръ, раздѣливъ на двѣ части свою флотилію, ввѣрилъ половину ея въ команду поручика А. Д. Меншикова и поставилъ его за Гутуевскимъ островомъ. Самъ же, подъ защитою лѣса, покрывавшаго Васильевскій островъ, пошелъ со своими пятнадцатью лодками въ обходъ, съ сѣвера, по Невкѣ, мимо Вольныхъ островов. На разсвѣтѣ, когда лодки царя показались лѣвѣе, шведскіе шнява и ботъ поставили было паруса, но за мелководьемъ не могли скоро отойти и должны были принять бой, при которомъ артиллерія ихъ не могла нанести вреда такъ близко подошедшимъ врагамъ. Рукопашный бой рѣшилъ дѣло въ нашу пользу, хотя шведы отчаянно защищались и изъ 77 человѣкъ экипажа отдались въ плѣнъ только 13—раненыхъ. Царь первый, съ гранатою въ одной рукѣ и шпагою въ другой, подплылъ къ боту, и, очистивъ палубу ружейнымъ огнемъ, взошелъ на непріятельское судно, своимъ примѣромъ вдохнувъ безтрепетное мужество въ своихъ гвардейцахъ. По справедливости, вся честь этой, «никогда не бывшей морской побѣды», принадлежитъ ему одному да Меншикову, «понеже иныхъ, на морѣ знающихъ, никого не было». Герои дня привели взятыя суда къ лагерю при Шлотбургѣ, какъ названа была взятая крѣпость Ніеншанцъ, въ полдень 8 мая. За этотъ подвигъ, 10 мая, послѣ молебствія, на Петра и Меншикова «наложены знаки ордена Св. Андрея, чрезъ адмирала Головина (какъ перваго того ордена кавалера) и фельдмаршала Шереметева», при троекратныхъ залпахъ изъ пушекъ и ружей «всего войска».

Промѣры глубины невскихъ притоковъ убѣдили государя, что, построивъ крѣпость на Заячьемъ островѣ (Іени-саари), между Малою Невою и Невкою, можно будетъ защищать надежно входъ въ рѣку, съ которой бы стороны врагъ ни вздумалъ прорваться. Эти соображенія и рѣшили выборъ мѣста для крѣпости, заложенной царемъ торжественно 16 мая 1703 года и названной «въ свое государево имя»—*Санктъ-Петербургомъ*. Одновременно съ закладкою шестибастіоннаго земляного укрѣпленія Петръ положилъ въ немъ основаніе храма во имя первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла. Крѣпость, основанная Петромъ I, до нашего времени называется Петропавловскою.

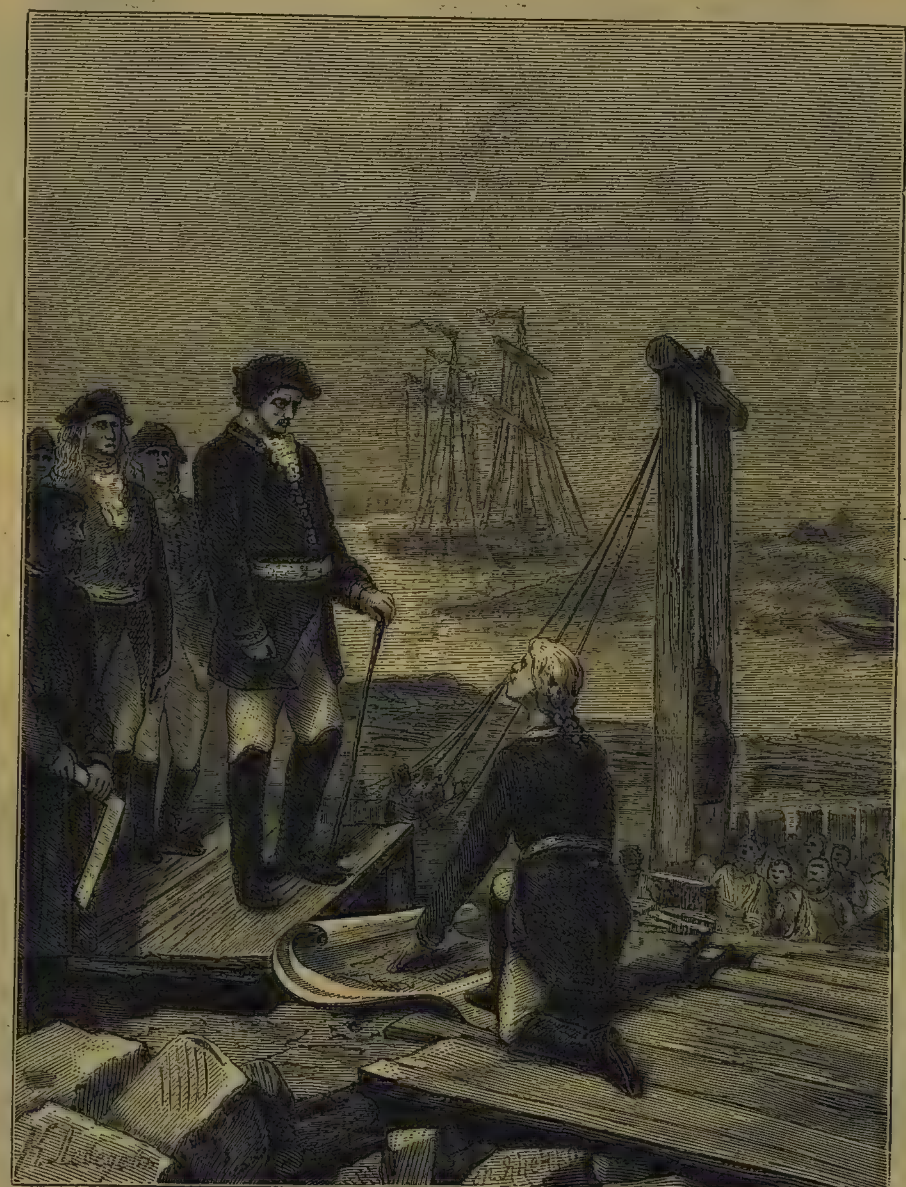
Этотъ день закладки храма и крѣпости отпраздновалъ государь съ особенною, по средствамъ и мѣстнымъ обстоятельствамъ, торжественностью. Во временной, наскоро построенной залѣ данъ былъ пиръ для всѣхъ чиновныхъ людей, бывшихъ налицо; сдѣлано приличное угощеніе и для землекоповъ, принявшихся рыть рвы, а землею, изъ нихъ вынутою, поднимать валы. При тостахъ раздавались пушечные выстрѣлы, гулъ отъ которыхъ отдавало прибрежное эхо въ сосѣднихъ лѣсахъ, обильно покрывавшихъ тогда еще всѣ острова невскаго устья.

Пированье Петра не могъ не слышать и самъ шведскій главнокомандующій въ Ингерманландіи, генералъ Кроніортъ, притаившійся въ окрестностяхъ Невы, выжидая удобнаго случая напасть на насъ и уничтожить предпринятыя работы. Петръ зналъ его затѣи и если не замѣчалъ, какъ бы, его присутствія, то дѣлалъ это, какъ кажется, сперва въ ожиданіи, «что у Ямъ добраго сдѣлается»; а затѣмъ, увлекаясь скорѣйшею разбивкою предположенной крѣпости. Теперь же, когда начались работы по возведенію ея, терпѣть дольше близость завѣдомаго врага было бы ошибкою; потому Петръ и прогналъ его.

Въ ночь на 7 іюля, взявъ всѣ шесть полковъ, послѣ ухода Шереметева къ Ямбургу, подъ начальствомъ генералъ-маіора И. И. Чамберса, расположенныхъ на теперешней Выборгской сторонѣ, около бывшей шведской лабораторіи, Петръ повелъ ихъ къ р. Сестрѣ. Тамъ уже укрѣпился генералъ Кроніортъ, занявъ на высокомъ, крутомъ берегу выгодную позицію передъ мостомъ, обстрѣливаемымъ 13 орудіями. Передовымъ шелъ со своимъ полкомъ драгунскій полковникъ Ренъ. Приблизясь къ мосту, Петръ велѣлъ Рену взять мостъ драгунскою атакою. Кроніортъ былъ изумленъ этимъ маневромъ, не защищая уже настолько важной переправы, спѣшилъ только отвезти орудія, могшія нанесть страшный вредъ и остановить пылъ наступавшихъ. Отведя орудія, и самъ генералъ началъ отступленіе до горы, къ которой вела узкая тропа. Драгуны должны были спѣшиться и итти по одиночкѣ. Кроніортъ

полагалъ, что это подъѣздъ кавалеріи, и построилъ свою пѣхоту по скату горы, съ которой драгунамъ сбить шведовъ было невозможно. Между тѣмъ, изъ-за драгунъ, начавшихъ наступленіе, показалась гвардейская пѣхота наша, усмотрѣвъ которую, шведы начали безпорядочное отступленіе въ лѣсъ. И здѣсь-то, говоря словами Петра, «шведовъ зѣло много порубили, понеже солдаты брать живьемъ не хотѣли». Число нашего войска въ глазахъ шведовъ, недавнихъ учителей нашихъ, чуть не десятирилось, потому что Кроніортъ, въ донесеніи своему королю, оправдывалъ свое пораженіе неравностью силъ, насчитывая у русскихъ до 25.000 человѣкъ, тогда какъ бились съ его 4.000 тоже 4.000 человѣкъ. Шведы потеряли $^1/_{10}$ всего своего отряда. Наша же потеря, по словамъ Петра,— убитыми и ранеными — не доходитъ до 80 человѣкъ.

Отбивъ Кроніорта и угнавъ его къ Выборгу, откуда онъ въ этомъ году не показывался, Петръ уѣхалъ въ Лодейное Поле и тамъ провелъ два слишкомъ мѣсяца въ спускѣ судовъ да формированія первой невской флотиліи. Безъ царя всѣ шесть земляныхъ бастіоновъ къ осени были готовы, а 1 октября, за раннимъ появленіемъ льда на Невѣ, въ этотъ годъ ушелъ въ море и шведскій вицеадмиралъ Нуммерсъ, безплодно простоявъ по сю сторону острова Котлина во всю навигацію. Посланный отъ Меншикова съ увѣдомленіемъ

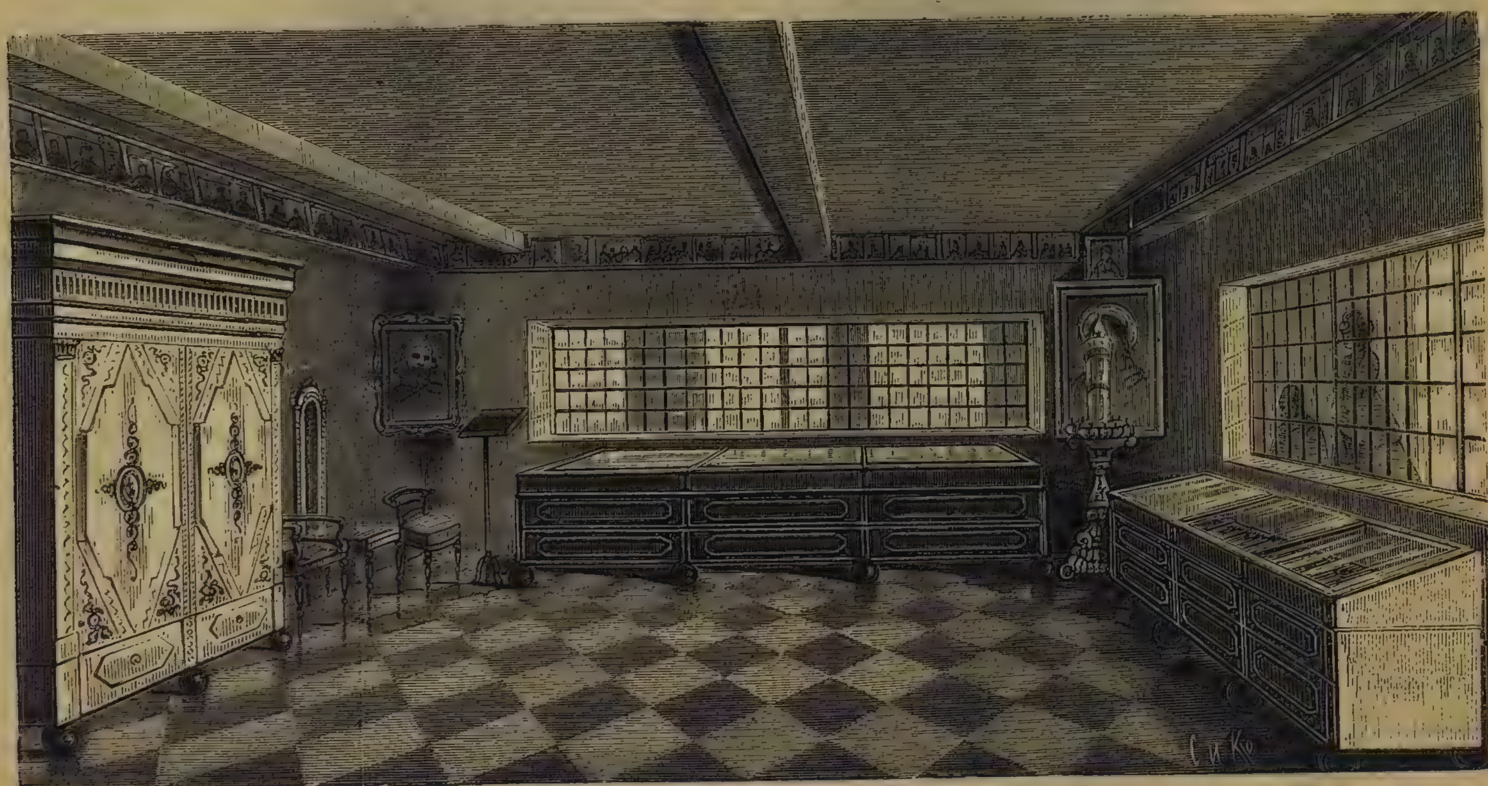

Петръ Великій наблюдаетъ за работами по постройкѣ Петербурга.

Наружный видъ домика Петра I въ С.-Петербургѣ.

объ удаленіи шведской эскадры нашелъ царя на Ладожскомъ озерѣ, плывшаго уже съ первою флотиліею своею, поднявъ флагъ на 24 пушечномъ фрегатѣ «Штандартъ». Въ

Внутренность домика Петра I въ настоящемъ ея видѣ.

первые же дни по прибытіи къ Петербургу дорожа послѣдними, такъ сказать, мгновеніями осени, Петръ предпринялъ поѣздку къ острову Котлину, съ трудомъ пробираясь между льдинами и попавъ туда по вторичной только попыткѣ. Выйдя на берегъ и осмотрѣвъ положеніе острова, Петръ тутъ же принялся самъ дѣлать промѣры глубины фарватеровъ вокругъ всего острова. Незначительная глубина на взморьѣ съ сѣверной стороны и единственный проходъ между островомъ и мелью отъ южнаго берега, дали Петру мысль построить

на самомъ южномъ фарватерѣ замокъ, который бы мѣшалъ здѣсь прорваться. У предпріимчиваго пылкаго Петра отъ первой идеи до исполненія бывало не много времени. Въ Воронежѣ, зимою же, царь собственноручно сдѣлалъ уже и модель предположеннаго замка, казавшагося ему достаточнымъ.

Уже съ идеею о немъ оставилъ Петръ Петербургъ свой—для ввода въ Москву войскъ, нашихъ, яже отъ врагъ нашихъ въ нѣкое время неправедно удержася. Мы... время имуще воспріяхомъ». Здѣсь, съ духовенствомъ встрѣтилъ Петра I митрополитъ рязанскій Стефанъ и произнесъ краткое привѣтствіе.

Въ новый годъ на пышномъ фейерверкѣ играло первую роль тоже представленіе (на среднемъ колоссальномъ фонарѣ) государ-

Колоссальный фонарь на иллюминаціи въ Москвѣ въ 1703 году.

приказавъ построить Тріумфальныя ворота. *Тріумфъ* этотъ происходилъ 11 ноября 1703 года. Въ общихъ приготовленіяхъ для встрѣчи государя приняло участіе и духовенство. Оно соорудило *вторыя*—изъ трехъ,—тріумфальныя ворота, въ Китай-городѣ, близъ Ильинскихъ воротъ. На нихъ начерчена была карта Ижорской земли—шведской Ингерманландіи съ подписью изъ 2-ой книги маккавейской «ниже чуждую землю пріяхомъ, ниже чуждая одержахомъ, но наслѣдіе отецъ

ственнаго русскаго орла, держащаго въ когтяхъ *четыре* моря: «яко русское, т. е. Бѣлое въ сѣверѣ, Азовское въ югѣ, Хвалынское (Каспійское) въ востокѣ, Балтійское въ западѣ». На двухъ большихъ такихъ же фонаряхъ, какъ и средній, представлены были съ фигурами *времени* и *счастія*—«*штурмъ Шлиссельбурга*», съ фигурами Марса и Минервы, да планъ осады Ніеншанца—«идѣ же видимо какъ крѣпость силою и бомбами приведена, ключи вратные предати». Послѣднія слова относились къ

Памятникъ Петру Великому въ г. Кронштадтѣ.

верхней аллегорической картинѣ, гдѣ Юпитеръ молніею принуждаетъ Цибеллу поднести ему ключи крѣпости.

Изъ Воронежа Петръ прибылъ въ мартѣ же мѣсяцѣ 1704 г. въ Петербургъ и 1 апрѣля освятилъ готовый совсѣмъ Петропавловскій соборъ въ крѣпости, недалеко отъ временной резиденціи его,—того маленькаго домика, который праправнукомъ Великаго Преобразователя нашего покрытъ каменнымъ футляромъ.

Домикъ этотъ заключаетъ всего три комнатки, изъ которыхъ всѣмъ петровскимъ людямъ хорошо была извѣстна царская токарня—кабинетъ и мастерская вмѣстѣ, съ четырьмя, почти квадратными, окошками изъ мелкихъ стеколъ.

Освятивъ 7 мая срубленный на льду изъ бревенъ, на ящикахъ съ булыжникомъ осьмиугольный замокъ,—еще съ открытіемъ водъ опущенный у южнаго берега Котлина, Петръ самъ вооружилъ его и назвалъ Кроншлотомъ *(коронный замокъ, или замокъ вѣнецъ)*, считая дѣло обладанія Невою оконченнымъ съ его сооруженіемъ. Дѣйствительно, въ отсутствіе царя, въ это лѣто шведскій вице-адмиралъ Депроу съ 13-ю вымпелами подходилъ къ Котлину, но прорваться не рѣшился, побоявшись Кроншлота — до того миніатюрной твердыни, что и ядра въ нее не попадали. Въ это же время генералъ-поручикъ Майдель пытался напасть на Петербургъ съ сухопутья, но Брюсомъ, первымъ оберъ-комендантомъ петербургскимъ, онъ былъ отбитъ съ урономъ.

Первый петербургскій оберъ-комендантъ Брюсъ.

Видъ Петербурга и его окрестностей при Петрѣ Великомъ.

Монастырь Св. Александра Невскаго.— Лѣтній дворецъ.— Домъ свѣтлѣйшаго князя Меншикова.— Екатерингофъ.— Петергофъ.— Гостиный дворъ.— Зимній дворецъ.— Адмиралтейство.— Ораніенбаумъ.— Котлинъ островъ.— Кроншлотъ.

X.

ОСАДА И ВЗЯТІЕ ДЕРПТА И НАРВЫ.

(1704).

Обезпечивъ по возможности свою новую столицу отъ внезапныхъ нападеній съ суши и моря, Петръ, весной 1704 г., рѣшился дѣятельно продолжать наступательную войну. Шведы еще твердо держались въ Ливоніи и Эстоніи, владѣя тамъ двумя сильными крѣпостями — Дерптомъ и Нарвой. Покореніе этихъ крѣпостей было необходимо для Россіи на случай, если бъ Карлъ XII вздумалъ обратить противъ нея свои главныя силы. Петръ спѣшилъ пользоваться временемъ пока, по его собственному выраженію, «шведъ увязъ въ Польшѣ» и въ концѣ апрѣля уже приказывалъ Шереметеву двинуться изъ Пскова для осады Дерпта. Шереметевъ началъ собираться; но по обыкновенію сборы его шли весьма медленно.

— Извольте немедленно осаждать Дерптъ,— торопилъ царь фельдмаршала,— и зачѣмъ мѣшкаете, — не знаю. Еще повторяя, пишу, не извольте медлить.

— Истинно, государь, какъ могу, собираюсь, — оправдывался Шереметевъ, — ни отъ кого помощи не имѣю: легко мнѣ было жить при тебѣ, да при Данилычѣ (Меншиковѣ); ничего я за милостью вашей не зналъ, не только въ управленіи, въ самыхъ главныхъ дѣлахъ, вы своею особою, да отвагою; а здѣсь я, ей-сй, одинъ; къ тому же не по-старому здоровъ сталъ.

24 мая фельдмаршалъ выступилъ, наконецъ, изъ Пскова съ 23.000 войска и 46 орудіями, и 9 іюня расположился съ главными силами въ двухъ верстахъ отъ Дерпта, поручивъ генералъ-маіору фонъ-Вердену съ отрядомъ отрѣзать городъ со стороны рѣки Эмбахъ.

Дерптъ былъ хорошо укрѣпленъ шведами съ поля; но отъ рѣки Эмбаха прикрывался только каменною стѣной. Въ немъ находилось 133 орудія и около 5.000 человѣкъ гарнизона.

Іюня 10-го фельдмаршалъ повелъ траншеи разомъ противъ трехъ самыхъ крѣпкихъ бастіоновъ города; слабая же сторона укрѣпленій при Эмбахѣ была оставлена имъ безъ вниманія. Черезъ три дня наши батареи открыли огонь. Бомбардированіе продолжалось восемнадцать дней; было брошено до 2.000 бомбъ и каленыхъ ядеръ, которыя повредили и разрушили множество городскихъ зданій и производили частые пожары; но комендантъ не думалъ о сдачѣ и удачными вылазками замедлялъ наши осадныя работы

Въ то время, какъ Шереметевъ пошелъ осаждать Дерптъ, самъ царь, съ арміей въ 22.000 человѣкъ, двинулся изъ Петербурга къ Нарвѣ. 30 мая войска наши переправились на лѣвый берегъ Наровы и стали лагеремъ передъ крѣпостью, почти на тѣхъ же мѣстахъ, которыя занимали въ 1700 году.

Въ четыре года, протекшіе со времени первой осады, шведы успѣли значительно усилить укрѣпленія города и увеличили гарнизонъ его до 4.500 человѣкъ.

Наши войска должны были сперва ограничиться одной блокадой крѣпости, потому что не имѣли съ собой достаточнаго количества артиллеріи. Она везлась съ большимъ трудомъ и крайне медленно изъ Шлиссельбурга и Петербурга.

Узнавъ, что комендантъ ожидаетъ со дня на день помощи отъ генерала Шлиппенбаха, Петръ придумалъ особаго рода военную хитрость. 8 іюня два пѣхотныхъ и два драгунскихъ полка, наряженные въ шведскіе мундиры и япанчи, въ шляпахъ съ бѣлою обшивкою, съ желтыми и бѣлыми знаменами, были заведены лѣсомъ, верстъ за восемь на Везенбергскую дорогу и оттуда двинулись, предводимые самимъ царемъ, къ Нарвѣ, подъ видомъ корпуса Шлиппенбаха. Противъ нихъ выступилъ изъ лагеря съ войскомъ Меншиковъ; между тѣмъ, ночью, подъ самою Нарвою, въ садахъ и лѣсу, притаился полковникъ Ренне съ преображенскимъ полкомъ и конницей. Мнимые противники сразились, и послѣ притворнаго боя Меншиковъ началъ отступать въ безпорядкѣ, горячо преслѣдуемый царемъ. Комендантъ, введенный въ заблужденіе, воображая, что Шлиппенбахъ дѣйствительно явился къ нему на выручку и поражаетъ русскихъ, приказалъ полковнику Лоде выступить изъ города съ 1.000 чел. пѣхоты и 150 драгунами. Пока пѣхота собиралась, подполков-

никъ Марквартъ выѣхалъ впередъ съ драгунами; за нимъ слѣдовали въ надеждѣ добычи многіе нарвскіе жители. На встрѣчу Маркварту, изъ отряда царя отдѣлился съ конницей польскій посланникъ Арнштедтъ, бывшій въ русскомъ лагерѣ. Марквартъ привѣтствовалъ его и благодарилъ за прибытіе. Арнштедтъ, поздравляя съ своей стороны, обнялъ Маркварта и въ ту же минуту схватилъ за шпагу и обезоружилъ. Мнимые шведы надѣялись выманить изъ города весь гарнизонъ, но пьяный шведскій офицеръ, у котораго не успѣли скоро отнять оружія, застрѣлился и этимъ обнаружилъ передъ своими обманъ. Шведы бросились назадъ въ городъ. Русскіе, видя, что скрываться болѣе нечего, кинулись за ними. Подъ самою Нарвою произошла свалка, въ которой непріятель потерялъ до 350 человѣкъ убитыми и плѣнными. Царь былъ очень доволенъ этимъ маскарадомъ, тѣмъ болѣе, что онъ стоилъ намъ только четырехъ драгунъ. Черезъ нѣсколько дней получено было извѣстіе, что Шлиппенбахъ въ самомъ дѣлѣ находится на дорогѣ изъ Ревеля къ Нарвѣ. Царь отправилъ противъ него полковника Ренне съ 8.000 чел., преимущественно конницы. Ренне встрѣтился съ Шлиппенбахомъ у деревни Лезна и почти совершенно уничтожилъ его отрядъ.

20 іюня въ русскій лагерь прибылъ фельдмаршалъ-лейтенантъ Огильви, приглашенный въ Вѣнѣ въ нашу службу на три года. 27 числа, царь сдалъ ему команду надъ всѣми войсками, сосредоточенными подъ Нарвой, а самъ отправился къ Дерпту, чтобъ ускорить осаду этого города.

По пріѣздѣ въ лагерь Шереметева, государь тотчасъ осмотрѣлъ осадныя работы и, найдя, что онѣ ведены неправильно, велѣлъ ихъ прекратить. По его указаніямъ, батареи были перемѣщены за рѣку Эмбахъ, противъ такъ называемыхъ «Русскихъ воротъ», а новыя апроши поведены противъ башни «Пейнтурмъ» — самаго слабаго мѣста крѣпости.

11 іюля, наши батареи, послѣ семидневной жестокой пальбы, не прекращавшейся ни днемъ ни ночью, пробили въ непріятельскихъ укрѣпленіяхъ три бреши. На слѣдующій день, 2.000 русскихъ солдатъ, перейдя Эмбахъ по наведенному мосту, заняли къ ночи мѣста у самаго городского палисада. Шведы тщетно старались вытѣснить ихъ изъ этой позиціи. Упорная битва продолжалась всю ночь до разсвѣта; наконецъ, русскіе обратили непріятеля въ бѣгство, ворвались за палисадъ, взяли равелинъ противъ «Русскихъ воротъ» и, подвигаясь впередъ, подъ убійственнымъ картечнымъ огнемъ шведовъ, овладѣли башней «Пейнтурмъ». Комендантъ, видя, что русскія войска готовы ворваться въ самый городъ, велѣлъ бить сдачу; но озлобленные солдаты наши застрѣлили, одного за другимъ, двухъ барабанщиковъ. Тогда комендантъ велѣлъ трубить трубачу. Фельдмаршалъ, услышавъ трубный звукъ, съ большимъ трудомъ остановилъ кровопролитіе.

13 іюля русское войско торжественно вступило въ Дерптъ. Непріятельскій гарнизонъ былъ отпущенъ въ Ревель.

Приказавъ Шереметеву занять Дерптъ сильнымъ отрядомъ, а съ остальными войсками идти безъ дневокъ къ Нарвѣ, царь поспѣшилъ возвратиться въ лагерь на берега Наровы.

Здѣсь, въ его отсутствіе, осадныя работы, начатыя 16 іюня, велись столь дѣятельно, что черезъ мѣсяцъ наши апроши приблизились къ самому гласису крѣпости. Въ концѣ іюля подошла армія Шереметева и были привезены, наконецъ, осадныя орудія. Ихъ тотчасъ же размѣстили на заранѣе приготовленныхъ батареяхъ, и 30 числа началось бомбардированіе Нарвы и Иванъ-города изъ 40 пушекъ и 24 мортиръ. Канонада продолжалась непрерывно десять сутокъ. Городъ горѣлъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Одинъ изъ крѣпостныхъ бастіоновъ, называвшійся «Гоноръ», былъ совершенно разрушенъ, а въ другомъ, «Викторія», оказался большой проломъ. Фельдмаршалъ Огильви, по приказанію царя, послалъ полковника Похвиснева къ коменданту Горну, уговорить его сдаться на капитуляцію, не ожидая приступа. «Самъ Господь Богъ разрушилъ бастіонъ Гоноръ, — писалъ Огильви, — путь къ крѣпости открытъ и гарнизону нѣтъ никакой надежды на сикурсъ. Государь обѣщаетъ милость и честный аккордъ; если же дѣло дойдетъ до штурма, Нарвѣ не будетъ пощады». Горнъ отвѣчалъ, что безъ королевскаго повелѣнія не можетъ сдать крѣпости.

Въ русскомъ лагерѣ собралась воинская дума: рѣшено — штурмовать Нарву 9 августа. Главное начальство вручено фельдмаршалу-лейтенанту Огильви. Онъ назначилъ три штурмовыя колонны: генералъ-поручику Шенбеку

Взятіе Нарвы.

было велѣно ворваться въ бастіонъ «Викторія»; генералъ-маіору Чамберсу двинуться къ обвалившемуся бастіону «Гоноръ», а генералъ-маіору Шарфу къ равелину противъ третьяго бастіона «Глорія». Нести и ставить штурмовыя лѣстницы приказано тѣмъ изъ солдатъ, которые были осуждены за побѣгъ. Опасное порученіе это доставляло имъ случай заслужить помилованіе. Въ полдень, 9 числа, данъ былъ сигналъ къ атакѣ пятью пушечными выстрѣлами. Колонны стремительно бросились къ проломамъ. Ни отчаянная оборона гарнизона, ни взорванный имъ подкопъ, истребившій часть отряда Шенбека, ни штурмовыя бочки, скатываемыя съ вершины вала, ничто не могло удержать нашихъ солдатъ. Черезъ три четверти часа русское знамя развѣвалось на бастіонѣ «Гоноръ», а вскорѣ затѣмъ и на другихъ пунктахъ крѣпостной ограды Шведы заперлись въ цитадели; комендантъ, видя, что дѣло проиграно, приказалъ барабанщикамъ бить сдачу, въ надеждѣ на капитуляцію; но русскіе ничего слышать не хотѣли; они кололи, рубили и грабили все попадавшееся имъ на пути. Кровопролитіе произошло страшное; не было пощады ни женамъ ни дѣтямъ. Изъ 4.500 чел. шведскаго гарнизона едва уцѣлѣло 1.800 чел.; остальные погибли въ этой ужасной сѣчѣ.

Замокъ Иванъ-городъ

Два часа спустя послѣ начала штурма, Петръ, въ сопровожденіи фельдмаршала-лейтенанта Огильви и генералитета, въѣхалъ верхомъ въ опустошаемый городъ, приказалъ трубить по всѣмъ улицамъ, чтобы прекратился грабежъ, немедленно разставилъ караулы при уцѣлѣвшихъ домахъ, и одного солдата, не послушавшагося царскаго повелѣнія, самъ закололъ шпагою. Адлерфельдъ — біографъ Карла XII (не бывшій въ Нарвѣ) — говоритъ, что, войдя въ ратушу и увидя тамъ взятаго въ плѣнъ коменданта, Петръ не могъ удержаться отъ гнѣва, — далъ ему пощечину и, бросивъ на столъ свою окровавленную шпагу, сказалъ: «Смотри, это не шведская, а русская кровь, пролитая мною для спасенія несчастныхъ жителей, которыхъ твое безразсудное упорство подвергло конечной гибели!»

По взятіи Нарвы, комендантъ Иванъ-города счелъ дальнѣйшее сопротивленіе безполезнымъ и сдался на капитуляцію. Военная добыча, полученная русскими въ этихъ двухъ крѣпостяхъ, заключалась въ 460 орудіяхъ, 11.000 ружьяхъ, 1.500 парахъ пистолетовъ да множествѣ военныхъ снарядовъ и продовольствія. Потеря наша простиралась до 3.000 челов. убитыми и ранеными.

Изъ Петербурга, до отъѣзда подъ Нарву, Петръ намѣревался двинуться въ Финляндію, но потомъ измѣнилъ свой планъ. Ходъ событій заставилъ Польшу заключить съ нами (19 августа 1704 г.) новый оборонительный союзъ противъ шведскаго короля, «общаго непріятеля, разорившаго въ конецъ рѣчь посполитую». Союзъ этотъ поставилъ Петра въ обязанность отдать подъ команду польскаго короля, до окончанія войны, 12.000 своего войска и на содержаніе 48.000 польскаго — выдавать въ годъ 200.000 русскихъ серебряныхъ рублей. Посолъ Дзялынскій выпросилъ тогда же, чтобы 12 полковъ пошли съ Наровы къ Друѣ и Полоцку. Сентября 25-го повелъ это войско къ королю Августу генералъ кн. А. И. Репнинъ, будущій фельдмаршалъ.

XI.

ПЕТЕРБУРГЪ И ШВЕДЫ.

(1704—1706 гг.).

Взявъ Нарву, Петръ уѣхалъ въ Дерптъ, а оттуда, черезъ Псковъ и Новгородъ, на Лодейное поле, гдѣ такъ же, какъ и на Сяси, спѣшно строились мореходныя суда, необходимыя въ новозаводимомъ приморскомъ укрѣпленномъ пунктѣ, какимъ былъ Петербургъ. На Олонецкой верфи дѣйствовалъ шаутбенахтъ гребного флота, грекъ изъ Кефалоніи, графъ Иванъ Ѳедосеевичъ Боцисъ, приготовляя галерную эскадру. Пять кораблестроителей готовили 7 фрегатовъ да 4 шнявы. Восемь изъ этихъ судовъ были готовы къ пріѣзду Петра. Пробывъ недѣлю на Олонцѣ, октября 2-го государь повелъ готовую эскадру въ 25 вымпеловъ изъ Свири, черезъ Ладожское озеро, на Неву. Въ озеро вошли суда при полномъ штилѣ, но скоро разыгралась буря и въ теченіе пяти дней не дала возможности двинуться съ мѣста, къ Шлиссельбургу. Немного было отдало; флотиліи оставалось до Невы всего 40 верстъ, какъ вторичный штормъ разметалъ эскадру и далъ возможность одному Петру притти на праздникъ взятія Нотеборга. Прочія суда эскадры стали показываться только 15 октября. Еще черезъ день добралась первая балтійская военная эскадра до бывшаго Ніэншанца (Шлотбурга) и 18-го, наконецъ, послѣ $2^1/_2$ недѣль опасностей, дошла до крѣпости Петербургской — цѣли стремленій и мѣста постоянной, будущей стоянки своей, на зимній отдыхъ.

Видъ Адмиралтейства и Исакіевскаго собора при Петрѣ Великомъ

Его не зналъ одинъ Петръ. Озадаченный затрудненіями, встрѣченными на бурной Ладогѣ и могшими во всякое время разрушать его расчеты, царь рѣшилъ уже верфь для стройки балтійскаго флота завести по сю сторону озера. Взявъ двѣ бригантины да буеръ для сопровожденія своей яхты,

Петръ съ Меншиковымъ отправился на этой флотиліи искать удобнаго мѣста для будущей верфи. Они объѣхали и осмотрѣли въ шесть дней всю Неву съ притоками, были даже на Котлинѣ, но удобнѣе острова, образованнаго природою противъ крѣпости, теченіемъ нынѣшнихъ Фонтанки и Мойки, не нашли. Здѣсь, въ воскресенье, 5 ноября 1704 года, Петръ и положилъ основаніе адмиралтейскому дому, отъ котораго весь островъ получилъ названіе Адмиралтейскаго. Новая верфь заложена была на Невѣ, длиною въ 200 саженъ и шириною въ 100 саженъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ возвышается зданіе, упраздненнаго нынѣ, главнаго адмиралтейства. Закладка его отпразднована царемъ Петромъ въ австеріи, единственной тогда въ Петербургѣ, у Ивана Фельтена. Спустя же пять дней, Петръ оставилъ берега Невы, чтобы покончить не менѣе нужное дѣло: успокоить и ублаготворить турецкаго посла Мустафу-Агу, присланнаго новымъ султаномъ съ извѣщеніемъ о своемъ воцареніи еще въ февралѣ, но оставленнаго въ Новгородѣ безъ отвѣта, по случаю неумѣренныхъ требованій, отказать въ которыхъ прямо царю не хотѣлось, чтобъ не возбудить турокъ къ непріязни. Теперь, слыша жалобы упорнаго турка на задержаніе и неласковый пріемъ, царь захотѣлъ его приласкать и вмѣстѣ показать свои дѣла въ выгоднѣйшемъ свѣтѣ, чтобы сдержать заносчивость турокъ, на которыхъ слухъ о побѣдахъ сосѣда производилъ большее уваженіе къ нему, — какъ свидѣтельство могущества. Въ этихъ расчетахъ, Петръ велѣлъ Мустафу привезти въ новозавоеванную Нарву, куда и пріѣхалъ видѣться съ нимъ 12 ноября. Мустафа явился на слѣдующій день, а 23 ноября былъ участникомъ пира въ домѣ именинника А. Д. Меншикова, гдѣ царь съ нимъ ласково говорилъ и показалъ устроенную на этотъ случай пышную иллюминацію, объяснивъ содержаніе аллегорическихъ транспарантовъ, темою которыхъ были наши побѣды въ Лифляндіи.

Турецкій посолъ былъ пораженъ всѣмъ видѣннымъ. Онъ пересталъ жаловаться, и дѣла съ турками устроились самымъ лучшимъ образомъ, безъ всякой уступки съ нашей стороны. Проводивъ посла, царь уѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ получилъ пріятную вѣсть о второй побѣдѣ своего союзника, Августа II, надъ шведами подъ Познанью. До того, въ сентябрѣ, саксонцы взяли шведскаго генерала Мейерфельдта. Успѣхи эти, хотя и небольшіе, все-таки были облегченіемъ для насъ въ качествѣ вреда общему врагу. Встрѣча государемъ вступившихъ въ столицу войскъ (19 декабря), — при чемъ у каждыхъ тріумфальныхъ воротъ государь получалъ особое поздравленіе, — была послѣднимъ событіемъ этого второго года нашихъ успѣховъ.

Шведы же, съ своей стороны, напрасно теперь силились повредить начинавшемуся городу на Невѣ. Приходъ ихъ и зимою былъ такъ же безуспѣшенъ, какъ и лѣтомъ. Полки, расположенные въ Ингріи на зимнихъ квартирахъ, не стояли оплошно и незваныхъ гостей отбили на Котлинѣ, мстя за осенній набѣгъ на Олонецкій край. П. М. Апраксинъ ходилъ со Свири къ Сердоболю и, по своему обычаю, произвелъ исправное опустошеніе посѣщенной мѣстности. Намѣренія овладѣть снова устьями Невы шведы, между тѣмъ, не оставляли. Къ навигаціи 1705 года въ Карлскронѣ снаряженъ былъ сильный флотъ, да усиленъ и финляндскій корпусъ Мейделя, насколько позволяли средства. Слухи объ укрѣпленіяхъ Котлина и Петербурга доходили до Стокгольма съ преувеличеніями, а шведскіе начальники сухопутныхъ и морскихъ силъ сами даже поддерживали ихъ, чтобы оправдать свои неудачи. Шведскому сенату мерещился уже сильный русскій флотъ, который можетъ выйти въ Финскій заливъ и опустошить берега. Чтобы предупредить такую опасность, адмиралъ Анкерштерна съ вице-адмираломъ Депроу явились къ Котлину при открытіи навигаціи съ сильною эскадрою. Но восемь кораблей, 6 фрегатовъ да семь другихъ военныхъ судовъ съ достаточнымъ вооруженіемъ и 2.340 чел. экипажа—были силы, черезчуръ уже несоразмѣрныя съ крошечнымъ Кроншлотомъ и нашимъ флотомъ, состоявшимъ изъ 8 фрегатовъ, 2 брандеровъ и 7 большихъ галеръ, подъ начальствомъ Бодиса. Не удивительно, что вступившій въ управленіе Котлинскою эскадрою, опытный морякъ, вице-адмиралъ Крюйсъ счелъ за благо закрыться пловучими рогатками, не выходя изъ-за нихъ для неразумнаго боя, грозившаго несомнѣнною гибелью. На случай же

высадки непріятелей на Котлинѣ были всего два полка морскихъ солдатъ, посаженые въ окопы на западной сторонѣ острова, на которомъ находилось только 45 орудій.

Въ Петербургѣ было, подъ начальствомъ оберъ-коменданта Брюса, шесть полковъ пѣхотныхъ да полкъ конницы (Ингерманландскій драгунскій), да еще одинъ полкъ (Сильса) присланъ былъ отъ Нарвы — при извѣстіи о приходѣ шведовъ, на этотъ разъ, какъ видно, условившихся для единовременнаго нападенія съ моря и съ сухопутья. Но вышло не такъ. наши открыли огонь и многихъ перебили, а остальныхъ заставили уйти.

Второй десантъ 5 іюля тоже былъ отбитъ. Черезъ шесть дней (10 іюля), упорный Анкерштерна въ третій разъ произвелъ нападеніе на Котлинъ, но 400 тѣлъ, оставшихся на берегу, были хорошимъ урокомъ настойчивости шведовъ. Не поддержанный дѣйствіями Мейделя, генералъ-поручикъ началъ опять съ отправки письма Брюсу, такъ медленно подвигаясь самъ къ берегу Невы, что въ день третьяго десанта на Котлинъ показались только передніе полки его, своимъ прибы-

Видъ на Петербургъ отъ Кронштадта въ началѣ XVIII ст.

Напрасно ожидая конницы, когда Мейдель, вѣрно разсчитывавшій на побѣду, не торопился къ Петербургу съ Выборгской стороны, Анкерштерна, стоявшій съ мая уже въ виду Котлина, рѣшился одинъ сдѣлать нападеніе на островъ. Рано утромъ флотъ подошелъ на ближайшую дистанцію и, ставъ въ боевой порядокъ, отдѣлилъ четыре корабля для дѣйствій противъ Кроншлота, открывъ сильный огонь по укрѣпленіямъ острова, но вреда имъ не могъ нанести. Не зная этого и думая, что бомбы произвели страшное опустошеніе и перебили защитниковъ, шведскій адмиралъ, въ 11 часовъ утра послалъ десантъ на мелкихъ судахъ, въ числѣ 2.000 человѣкъ. Подпустивъ ихъ на разстояніе ближе выстрѣла, тіемъ только усиливая бдительность защитниковъ Петербурга, укрѣпившихъ противоположный невскій берегъ.

Только 28 іюня Мейдель переправился на Каменный островъ и съ него сталъ было, въ ночь на Ивановъ день, переправляться на теперешній Аптекарскій островъ, но батареи наши отбили шведовъ и, прогнавъ ихъ, перешли въ наступленіе сами, выбивъ съ Каменнаго острова непріятеля, ушедшаго на Выборгскую сторону. Недѣлю спустя, съ цѣлью вызвать русскихъ на линію укрѣпленій, Мейдель прошелъ на Охту и, оставивъ здѣсь часть войска, двинулся къ Шлиссельбургу, не дойдя до котораго 12 верстъ, шведы переправились черезъ Неву. Помощникъ коменданта Бах-

Видъ Петербурга при Петрѣ Великомъ. Набережная р. Невы отъ Зимняго дворца до Лѣтняго сада.

метьевъ отправился за ними. Выждавъ его удаленіе, шведы стремительно ударили на стоявшихъ на Охтѣ запорожскихъ казаковъ и принудили ихъ переправиться черезъ Неву. Двѣ шнявы, стоявшія на этой рѣкѣ, подошли къ Охтѣ и огнемъ орудій своихъ отбили показавшихся непріятелей, отбитыхъ и у Тосны. Тамъ помогли прибывшіе на галерахъ люди изъ эскадры Боциса, спустившись отъ Ладожскаго озера, такъ что отбитый вездѣ Мейдель поспѣшно ушелъ къ Выборгу.

Адмиралъ Анкерштерна, не вразумившись тремя неудачными попытками, съ приходомъ подкрѣпленій изъ Пернова и Ревеля, рѣшился снова сдѣлать наступленіе на Котлинъ съ бо̀льшими силами. Построивъ передъ Котлиномъ свою эскадру полукругомъ, южная дуга котораго (4 большихъ корабля) находилась отъ земли въ самомъ близкомъ разстояніи, адмиралъ открылъ рано поутру канонаду изо всѣхъ своихъ пушекъ по острову и косѣ, гдѣ построены были наши батареи. Крюйсъ, чтобы сберечь людей, заранѣе далъ приказъ, при открытіи огня съ кораблей, лечь на землю, и эта предусмотрительность спасла полки Островскаго и Толбухина, не сдѣлавшіе ни одного выстрѣла. Пятичасовая канонада показалась Анкерштернѣ достаточною, и, прекративъ ее, онъ выслалъ десантныя партіи, на половинномъ разстояніи между флотомъ и островомъ встрѣченныя убійственнымъ огнемъ нашихъ 15 орудій.

Шведы продолжали приближаться, но на ружейный выстрѣлъ отъ берега встрѣтили перекатъ, черезъ который гребнымъ судамъ перейти не было возможности. Самые отважные пошли въ бродъ, но глубина воды увеличивалась, такъ что стала покрывать человѣка. Многіе перетонули; остальные выбрались на берегъ и взяты нашими. Адмиралъ, самъ на одномъ изъ гребныхъ судовъ ведя десантъ, получилъ тяжелую рану во время смятенія у переката. Съ тяжелою потерею, шведы на другой же день ушли изъ вида Котлина, и больше въ эту навигацію близко не показывались. Крюйсу и Толбухину принадлежитъ вся честь отбитія шведской армады, болѣе не приступавшей съ такою отвагою къ негостепріимному берегу Котлина. Совокупныхъ на-

паденій флота и войска сухопутнаго къ начатому застройкою Петербургу враги тоже не дѣлали до 1708 года.

Петръ I, встрѣтивъ новый 1705 годъ въ Москвѣ, 19 февраля уѣхалъ на два мѣсяца въ Воронежъ строить корабли, отправивъ Меншикова съ полками на помощь Августу II къ Полоцку. Бывшій первый петербургскій комендантъ Ренъ, съ осени находившійся вмѣстѣ съ Репнинымъ въ Литвѣ, громилъ отряды Сапѣги. Воротясь изъ Воронежа въ Москву, Петръ въ маѣ удержанъ былъ болѣзнью въ столицѣ и только въ іюнѣ явился въ Полоцкъ, гдѣ соединены были всѣ наши силы. На военномъ совѣтѣ положено было часть войска отправить въ Курляндію, противъ Левенгаупта, и туда отряжено съ фельдмаршаломъ 8 пѣхотныхъ да 5 драгунскихъ полковъ. Остальныя же силы и царь съ ними пошли къ Вильнѣ, гдѣ Петръ получилъ непріятное извѣстіе о пораженіи Левенгауптомъ Шереметева при мызѣ Муръ (19 іюля). Тамъ потеряли мы артиллерію, и одновременно почти (31 іюля) шведы разбили саксонскаго генерала Паткуля подъ Варшавой. Положеніе дѣлъ требовало мѣръ, быстрыхъ и рѣшительныхъ, и самъ Петръ повелъ новыя войска на помощь Шереметеву, чтобы не оставлять въ покоѣ Левенгаупта. Левенгауптъ, между тѣмъ, ушелъ въ Ригу, оставивъ въ Литовскомъ замкѣ шведскій гарнизонъ. Репнинъ осадилъ его здѣсь и принудилъ, наконецъ (4 сентября), сдаться.

Празднуя здѣсь побѣду, Петръ получилъ непріятную вѣсть о бунтѣ стрѣльцовъ въ Астрахани. Онъ приказалъ итти для усмиренія ихъ Шереметеву, а съ нимъ велѣлъ отправить три полка изъ гарнизоновъ петербургскаго, смоленскаго и казанскаго (по одному полку изъ каждаго города). Самъ государь затѣмъ отъ Митавы повелъ войска въ Ковну, а Огильви велѣлъ изъ Вильны итти въ Гродну. Въ окрестностяхъ этого города, располагая войско на зимнія квартиры, государь узналъ о коронованіи польскою короною Станислава Лещинскаго, поставленнаго Карломъ XII, несмотря на сопротивленіе польскаго сейма. Августъ II находился въ это время въ Тыкоцинѣ, гдѣ оставлено было русское войско подъ командою Меншикова,

Видъ Петербурга при Петрѣ Великомъ. Набережная р. Невы отъ Зимняго дворца до дома графа Апраксина.

отрядившаго въ началѣ октября полковника Горбова къ Варшавѣ, гдѣ стали таборы приверженцевъ Сапѣги—у предмѣстья Праги. Горбовъ разбилъ ихъ, захвативъ провіантъ и скотъ, и подкрѣпленный отрядомъ Шомбурга и конницею бывшаго на нашей сторонѣ гетмана литовскаго, Вишневецкаго, вторично отважился биться въ Прагѣ съ самою гвардіею короля Станислава. Этотъ успѣхъ вполнѣ явился залогомъ перевѣса въ пользу нашего оружія. Поэтому, проведя съ Августомъ въ Тыкоцинѣ и Гроднѣ 2½ мѣсяца, Петръ, совсѣмъ успокоенный, оставилъ здѣсь Огильви съ войскомъ и уѣхалъ 5 декабря въ Москву. Трофеи, взятыя въ Литовскомъ замкѣ, украсили тріумфальное вшествіе царя въ столицу, 19 декабря. Здѣсь провелъ Петръ весело и праздники, не чуя непріятностей, разразившихся въ это время надъ главными нашими силами въ Гроднѣ.

Получивъ извѣстіе, что король шведскій идетъ изъ Польши въ Литву, Петръ поспѣшилъ въ Смоленскъ, но, проѣхавъ его, въ Дубровнѣ встрѣтилъ Меншикова съ грозною вѣстью, что Огильви запертъ шведами въ Гроднѣ, а король Августъ II, захвативъ наши лучшіе 4 полка конницы, ускакалъ въ свою Саксонію.

Положеніе казалось безвыходнымъ: плѣненіе всѣхъ силъ нашихъ явилось до того неожиданнымъ, что Петръ, не оставляя намѣренія всѣми мѣрами войти въ сообщеніе съ Огильви, началъ, не теряя времени, формировать изъ остатковъ разныхъ отрядовъ кое-какіе полки, самъ обучая рекрутъ въ Оршѣ, гдѣ завелъ свою временную квартиру. Весь февраль мѣсяцъ и первую половину марта геніальный царь томился въ этомъ тревожномъ состояніи. И тутъ-то, какъ послѣ нарвскаго дѣла, выказалась снова въ Петрѣ та несокрушимая энергія, которою отличался онъ отъ своего соперника Карла XII, всюду проявлявшаго, правда, личную стойкость и упорство, но быстроты въ изобрѣтеніи надежныхъ средствъ въ опасную минуту нигдѣ настолько не выказывавшаго. По крайней мѣрѣ, способный на отчаянныя предпріятія герой шведскій глубины и всеобъемлемости мысли Петра—ни на дѣлѣ ни въ планахъ не показалъ. И это, по нашему мнѣнію, самое характерное отличіе соперниковъ, государей - воителей, проводитъ между ними до того рѣзкую грань, что, примѣняя вытекавшія изъ нея положенія къ обстоятельствамъ и случаямъ, самый пристрастный наблюдатель могъ бы увидать — кого, рано или поздно, должна была увѣнчать побѣда, во всякомъ случаѣ зависящая настолько же отъ предусмотрительности, насколько и отъ отваги.

Петръ въ горькую пору, какъ мы видѣли теперь, не терялъ головы, и счастіе обратилось, наконецъ, къ нему лицомъ. Съ наступленіемъ морозовъ сообщеніе съ Гродной возстановилось, потому что Карлъ отошелъ нѣсколько въ сторону и отложилъ намѣреніе приступать къ городу, занятому нашей арміею. Между тѣмъ, саксонскаго генерала Шуленбурга, шведскій фельдмаршалъ Рейншильдъ разбилъ на голову при Фрауштадтѣ (2 февраля), гдѣ погибло много и изъ нашихъ полковъ, а остальные, въ числѣ 1.600 человѣкъ, ушли въ Саксонію, въ которой собравъ ихъ, въ слѣдующемъ уже году полковникъ Ренцель привелъ къ нашему войску черезъ Бранденбургъ, въ Люблинъ.

Вѣсть о потерѣ нашей тоже не могла не тронуть Петра, въ половинѣ марта пришедшаго къ Минску, съ обученными 6.000 человѣкъ. Но въ это время уже установились сообщенія съ Огильви. Поэтому, чувствуя себя изнемогающимъ отъ тревогъ, когда дѣло уже поправлялось, Петръ отдалъ войско въ начальство Меншикову, а самъ, черезъ Торопецъ, поѣхалъ отдыхать отъ испытаннаго въ свой невскій *рай*—какъ называлъ онъ Петербургъ.

Встрѣтивъ пасху въ Нарвѣ, царь дѣйствительно отдохнулъ, проведя апрѣль и май въ своемъ невскомъ городѣ, гдѣ теперь (3 мая) заложилъ первый каменный бастіонъ крѣпости, послѣдовательно получая пріятныя вѣсти.

Огильви вывелъ изъ Гродны арміи въ первый день пасхи и довелъ ихъ до Тыкоцина, когда Карлъ XII, узнавъ, что эта вѣрная добыча отъ него уходила, пустился въ погоню за ними, но, раздѣляемый разлившеюся Припетью, оставивъ безполезное преслѣдованіе, отъ Дубны двинулся на Волынь. Получивъ о томъ извѣщеніе отъ Меншикова, Петръ, въ іюнѣ, черезъ Нарву, Псковъ и Великія Луки, поѣхалъ на Смоленскъ, Могилевъ и Черниговъ, къ Кіеву, укрѣплять его, по случаю приближенія шведовъ съ юго-запада. Въ

стройкѣ Печерской крѣпости, проведя цѣлые полтора мѣсяца (съ 4 іюля по 20 августа) въ Кіевѣ, Петръ узналъ о поворотѣ Карла XII изъ Волыни въ Саксонію и тотчасъ же самъ вторично поѣхалъ въ Петербургъ. Шведскій же король, уходя въ наслѣдственныя земли Августа II, оставилъ въ великой Польшѣ 6.000 шведовъ да 8.000—9.000 поляковъ партіи Станислава и своего генерала Мардефельда. И его, противъ воли короля Августа, разбилъ при Калишѣ (18 октября) Меншиковъ, находившійся вмѣстѣ съ саксонскою арміей въ то именно время, когда, видя опустошеніе своей земли, король — курфюрстъ саксонскій входилъ съ шведскимъ королемъ въ соглашеніе о мирѣ. Въ Петербургѣ, Петръ въ октябрѣ предпринялъ походъ къ Выборгу, но существеннаго, за неимѣніемъ осадной артиллеріи и морскихъ судовъ, кромѣ пожаровъ, ничего сдѣлать не могъ. Воротясь на берега Невы, и празднуя побѣду Меншикова трехдневными пирами и иллюминаціей, царь, вслѣдъ за тѣмъ, получилъ вѣрное извѣстіе о предательствѣ Августа.

Видъ Петербурга при Петрѣ Великомъ. Видъ на Васильевскій островъ.

Видъ Петербурга при Петрѣ Великомъ. Видъ Петербургской стороны.

XII.

КАРЛЪ XII ВЪ РОССІИ.

(1708—1709).

Миръ Августа II съ Швеціей въ Альштрандтѣ далъ возможность Карлу XII обратить всѣ свои силы противъ единственнаго, остававшагося у него тогда, соперника — Петра Великаго. Съ этой цѣлью, пополнивъ свою армію наборами, произведенными въ Саксоніи и Помераніи, и подкрѣпленіями изъ Швеціи, онъ двинулся въ августѣ 1707 года изъ владѣній курфюрста саксонскаго, черезъ Польшу, въ Литву и остался здѣсь зимовать, предполагая съ наступленіемъ весны вторгнуться въ русскіе предѣлы.

Россіи предстояло выдержать трудную борьбу. Ей грозилъ врагъ опасный, прославившійся своими побѣдами, искусствомъ и мужествомъ, уже давшій намъ почувствовать тяжесть своихъ ударовъ. Петръ Великій, сознавая очень хорошо всю важность наступавшей минуты, готовился къ ней съ необыкновенной дѣятельностью. Онъ спѣшилъ умножить войско и оборонительныя средства страны, приказалъ усилить укрѣпленія Смоленска, Пскова; подѣлать засѣки и перекопать дороги по западной границѣ нашей, со стороны Литвы и Ливоніи; укрѣпить Копысъ и Великія Луки и даже — на случай неблагопріятнаго оборота войны — Москву. Трудность борьбы со страшнымъ врагомъ увеличилась еще внутренними смятеніями, волновавшими въ то время Россію. Едва былъ усмиренъ бунтъ астраханцевъ, какъ вспыхнулъ мятежъ на Дону. Вмѣстѣ съ тѣмъ, до государя начали доходить слухи и доносы объ измѣнѣ малороссійскаго гетмана Мазепы; хотя Петръ и не хотѣлъ вѣрить имъ, но, къ сожалѣнію, они были справедливы. Престарѣлый гетманъ, побуждаемый чрезмѣрнымъ честолюбіемъ, дѣйствительно вступилъ въ сношенія съ Карломъ XII и звалъ его въ Украйну, обѣщаясь присоединиться къ нему со всѣми казаками и заготовить для шведской арміи обильные запасы продовольствія въ малороссійскихъ крѣпостяхъ.

Петръ, искренно желая избавить свое государство отъ опустошенія, сопряженнаго съ непріятельскимъ нашествіемъ, рѣшился было даже предложить Карлу XII миръ, соглашаясь возвратить всѣ свои завоеванія, за исключеніемъ лишь одной Ингріи. Но Карлъ XII отвергнулъ это предложеніе со свойственнымъ ему высокомѣріемъ и заносчивостью. Онъ отвѣчалъ, что будетъ говорить о мирѣ только въ Москвѣ и, какъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ, тогда же назначилъ генерала Шпарре московскимъ комендантомъ. Такимъ образомъ, рѣшительная борьба между двумя могущественными соперниками сдѣлалась неизбѣжною.

Армія, съ которой Карлъ XII располагалъ вторгнуться въ Россію и которая была сосредоточена въ окрестностяхъ Минска, простиралась до 35.000 человѣкъ. Около 15.000, подъ начальствомъ генерала Левенгаупта, находились въ Ригѣ; 15.000, подъ начальствомъ генерала Либекера, были собраны въ Финляндіи для дѣйствій противъ Петербурга; 8.000 оставались въ Польшѣ и до 25.000 занимали гарнизоны въ крѣпостяхъ Лифляндіи и Помераніи. Сверхъ того, въ самой Швеціи готовилось еще 20.000 резервовъ, такъ что общая численность шведскихъ войскъ доходила до 120.000 человѣкъ.

Въ семилѣтній періодъ времени отъ несчастной битвы подъ Нарвой, Петръ Великій не только завоевалъ и упрочилъ за собой область, для пріобрѣтенія которой началъ войну, но успѣлъ, несмотря на всевозможныя препятствія и трудности, создать регулярную армію, сильную уже не однимъ числомъ, но и устройствомъ, образовалъ для командованія ею, какъ мы можемъ судить по фактамъ, уже искусныхъ генераловъ, обучилъ и скрѣпилъ ее самой строгой дисциплиной, поднялъ ея духъ, вселилъ въ ней увѣренность и пріучилъ побѣждать врага, считавшагося до тѣхъ поръ непобѣдимымъ.

Но, во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ по устройству арміи, какъ и во всей своей военной дѣятельности, Петръ не былъ подражателемъ чужого. Его самобытный, геніальный умъ не подчинялся мелочнымъ правиламъ, ко-

Петръ Великій въ годъ Полтавской битвы.

торыми тогда было оковано военное искусство въ Европѣ. Въ стратегіи, тактикѣ, въ инженерномъ дѣлѣ, въ артиллеріи, въ администраціи — онъ былъ, въ полномъ смыслѣ слова, творцомъ, шелъ постоянно впереди своего времени, все самъ придумывалъ и почти все самъ исполнялъ. Великій полководецъ и великій администраторъ, Петръ положилъ незыблемое основаніе военному могуществу Россіи, — съ него начинается лѣтопись нашей военной славы, и величіе этой славы еще болѣе должно поразить насъ, когда открывается бѣдность средствъ, бывшихъ у Петра въ распоряженіи.

Силы, которыя Россія могла выставить противъ непріятеля, не превышали 90.000 человѣкъ. Изъ нихъ 60.000, составлявшіе главную армію, подъ начальствомъ фельдмаршала Шереметева, занимали квартиры на лѣвомъ берегу Двины, отъ Чашниковъ до Лукомля, имѣя въ Борисовѣ на Березинѣ, для наблюденія за шведами, передовой отрядъ генерала Гольца. Около 20.000 находились въ Ингерманландіи для защиты завоеванныхъ прибалтійскихъ провинцій и 10.000 занимали гарнизоны въ Новгородѣ, Псковѣ, Смоленскѣ и Азовѣ.

Мѣсто, избранное Петромъ для расположенія нашей главной арміи, было весьма удачно. Находясь въ серединѣ между двумя путями, удобнѣйшими для наступленія Карла XII — къ рѣкѣ Березинѣ и къ нижней Двинѣ, русская армія, въ случаѣ направленія шведовъ къ Березинѣ, могла предупредить ихъ фланговымъ движеніемъ влѣво въ окрестностяхъ Копыса; а въ случаѣ направленія къ Двинѣ, фланговымъ же движеніемъ — вправо, черезъ Полоцкъ.

7 іюня 1708 года, Карлъ XII, дождавшись появленія подножныхъ кормовъ и захвативъ съ собою огромные обозы, двинулся изъ Минска къ Березинѣ, направляясь, повидимому, въ центръ Россіи. Въ то же время Левенгаупту было приказано итти на соединеніе съ королевскою арміею и взять съ собою всѣ военные запасы, присланные изъ Швеціи въ большомъ количествѣ, и, кромѣ того, столько провіанта, сколько можно будетъ собрать въ Лифляндіи и Курляндіи.

Такъ какъ переправа черезъ Березину у Борисова была защищена отрядомъ Гольца, то Карлъ XII повернулъ къ мѣстечку Березино и перешелъ здѣсь черезъ рѣку безъ препятствій. Главная армія наша, извѣщенная о движеніи непріятеля, поспѣшно направилась къ Копысу, и оттуда навстрѣчу шведамъ, къ мѣстечку Головчину. Прибывъ сюда, русскіе генералы, Шереметевъ и Репнинъ, заняли позицію, которая имѣла съ фронта болотистую рѣчку, а съ тылу лѣсъ. Мѣстность представляла такъ мало простора, что едва была достаточна для одного только расположенія войскъ фронтомъ къ рѣкѣ, стѣсняя ихъ чрезвычайно и дѣлая даже совершенно невозможнымъ всякое движеніе. Тѣмъ не менѣе, наши генералы остались въ этой позиціи, несмотря на приближеніе шведской арміи, питая неосновательную надежду, что болота передъ фронтомъ непроходимы въ бродъ. Карлъ XII, обрадованный возможностью вступить въ сраженіе съ главными русскими силами, 3 іюля, на разсвѣтѣ, перешелъ съ пѣхотой, подъ покровительствомъ сильныхъ батарей, болото, прямо противъ промежутка между войсками Шереметева и Репнина, и стремительно ударилъ на правый флангъ послѣдняго. Поражаемые съ фронта артиллеріей и атакованные съ фланга, войска Репнина были опрокинуты въ лѣсъ, находившійся въ тылу ихъ и при этомъ потеряли до 1.500 человѣкъ. Войска же Шереметева, по тѣснотѣ мѣстности и вмѣстѣ съ тѣмъ по недостатку искусства маневрировать, не могли принять участія въ дѣлѣ и также отступили. Къ счастью, лѣсистая мѣстность препятствовала Карлу XII преслѣдовать нашу армію, и она безъ дальнѣйшихъ потерь отошла за Днѣпръ.

Пораженіе при Головчинѣ побудило Петра, находившагося въ Петербургѣ, поспѣшить къ арміи. Съ пріѣздомъ его образъ веденія войны измѣнился. Онъ приказалъ русскимъ генераламъ избѣгать рѣшительнаго боя со шведами, но стараться удерживать ихъ на переправахъ и крѣпкихъ позиціяхъ. А тамъ, гдѣ представится вѣрный случай, нападать съ превосходными силами на части шведской арміи, которыя будутъ удалены отъ главныхъ силъ; окружать непріятеля съ боковъ и тыла легкими отрядами и, ведя дѣятельную партизанскую войну, не только ослаблять и утомлять противника, но въ особенности затруднять способы продовольствія его войска; жителямъ же

мѣстностей, лежавшихъ на пути наступленія шведовъ, было велѣно, съ приближеніемъ ихъ, уходить въ лѣса со всѣми стадами и запасами, зарывъ въ землю все, что не будутъ въ силахъ они взять съ собою.

Такой способъ дѣйствій въ тогдашнихъ обстоятельствахъ былъ, можетъ-быть, самымъ вѣрнымъ и единственнымъ средствомъ къ успѣху. Онъ согласовался и съ военнымъ образованіемъ нашей арміи, еще далеко уступавшей шведамъ въ тактическомъ отношеніи, но уже привыкшей къ малой войнѣ, такъ же, какъ со свойствами театра борьбы — лѣсистаго и малонаселеннаго. Эта тактика, прибавимъ, наконецъ, представлялась особенно выгодною, вслѣдствіе той системы наступленія, которой держался шведскій король. Избалованный счастіемъ, увѣренный въ превосходствѣ своихъ войскъ, Карлъ XII весь успѣхъ войны основывалъ на выигрышѣ сраженій, да на отважности и внезапности предпріятій. Онъ не устраивалъ никогда въ тылу арміи ни базиса ни магазиновъ, не обезпечивалъ сообщеній съ пройденнымъ краемъ, и потому при образѣ дѣйствій, принятомъ Петромъ, затрудненія въ продовольствіи шведской арміи не только увеличивались съ каждымъ переходомъ, но должны были неминуемо довести ее до крайняго недостатка въ провіантскихъ и военныхъ припасахъ.

Послѣ дѣла при Головчинѣ, Карлъ XII занялъ Могилевъ и, простоявъ тамъ около трехъ недѣль въ нетерпѣливомъ ожиданіи Левенгаупта, рѣшился продолжать наступленіе. Переправившись черезъ Днѣпръ, онъ двинулся сперва къ рѣкѣ Сожу, а потомъ вверхъ, по лѣвому ея берегу къ Смоленску.

Битва при деревнѣ Лѣсной 28 октября 1707 года.

Во время этого движенія наши кавалерійскіе отряды, согласно приказаніямъ Петра, постоянно тревожили непріятеля съ фланговъ, а главная армія, отступая, портила дороги, уничтожала мосты и опустошала край. Уклоняясь такимъ образомъ отъ рѣшительнаго сраженія, она не упускала, однакожъ, случая къ выгодному переходу во временное наступленіе. Подобный случай представился при селѣ Добромъ, гдѣ Карлъ XII занялъ растянутую позицію, такъ что часть его войска, подъ начальствомъ генерала Росса, находилась на значительномъ разстояніи отъ главныхъ силъ. Петръ Великій не замедлилъ извлечь

пользу изъ неосторожности непріятеля. Онъ поручилъ князю Голицыну сдѣлать нечаянное нападеніе на отрядъ Росса. Выступивъ изъ лагеря ночью, Голицынъ скрытно перебрался черезъ болото и на разсвѣтѣ неожиданно атаковалъ шведовъ. Послѣ упорнаго боя, войска Росса были опрокинуты съ большимъ урономъ, и только прибытіе самого короля съ подкрѣпленіемъ спасло ихъ отъ совершеннаго пораженія.

Эта одержанная надъ непріятелемъ побѣда изгладила впечатлѣніе неудачнаго Головчинскаго боя, но не измѣнила общаго хода дѣйствій. Главныя силы нашей арміи продолжали попрежнему итти вслѣдъ за Карломъ XII, который 9 сентября переправился черезъ рѣку Сожъ и рѣшительно поворотилъ въ Украйну и Малороссію. Положеніе его становилось весьма затруднительнымъ. Настигнуть и разбить Петра не предвидѣлось надежды; Левенгауптъ не давалъ о себѣ никакихъ извѣстій; запасы, которые съ такимъ трудомъ везла шведская армія, приходили къ концу; край былъ совершенно опустошенъ. Движеніе далѣе къ Смоленску не представляло королю выгодъ, но, напротивъ, поставило бы его армію еще въ большее затрудненіе. Между тѣмъ, Мазепа, тревожимый опасеніемъ, что Петръ скоро можетъ узнать о его преступныхъ замыслахъ, упрашивалъ Карла XII поспѣшить въ Малороссію. Въ такомъ крайнемъ положеніи шведскіе генералы убѣждали короля отступить къ Могилеву, дождаться тамъ Левенгаупта и потомъ уже итти со всѣми силами въ Малороссію. Это казалось тѣмъ необходимѣе, что не только продовольствія, но и боевыхъ запасовъ уже оставалось въ шведской арміи немного, а пополнить ихъ въ Украйнѣ было нельзя; одинъ Левенгауптъ могъ ихъ доставить. Неизвѣстно почему Карлъ XII не послѣдовалъ совѣту своихъ генераловъ. Простоявъ пять дней въ Старишахъ, онъ обратился къ югу, перешелъ въ Кричевѣ черезъ рѣку Сожъ и двинулся въ Украйну, не ожидая присоединенія Левенгаупта. Семь дней сряду шла армія Карла XII по дремучимъ лѣсамъ, на протяженіи восьмидесяти верстъ, претерпѣвая величайшія лишенія. Запасы истощились совершенно: солдаты питались только мясомъ, безъ хлѣба и соли; даже для питья не находили они годной воды, а доставали ее изъ болотъ и мховъ. Несмотря на желѣзную дисциплину и геройское самоотверженіе шведской арміи, она, тѣмъ не менѣе, страдала и приходила въ разстройство отъ этихъ трудовъ и лишеній. Достигнувъ рѣки Ипути, Карлъ XII остановился въ мѣстечкѣ Костеничахъ. Онъ все еще поджидалъ Левенгаупта.

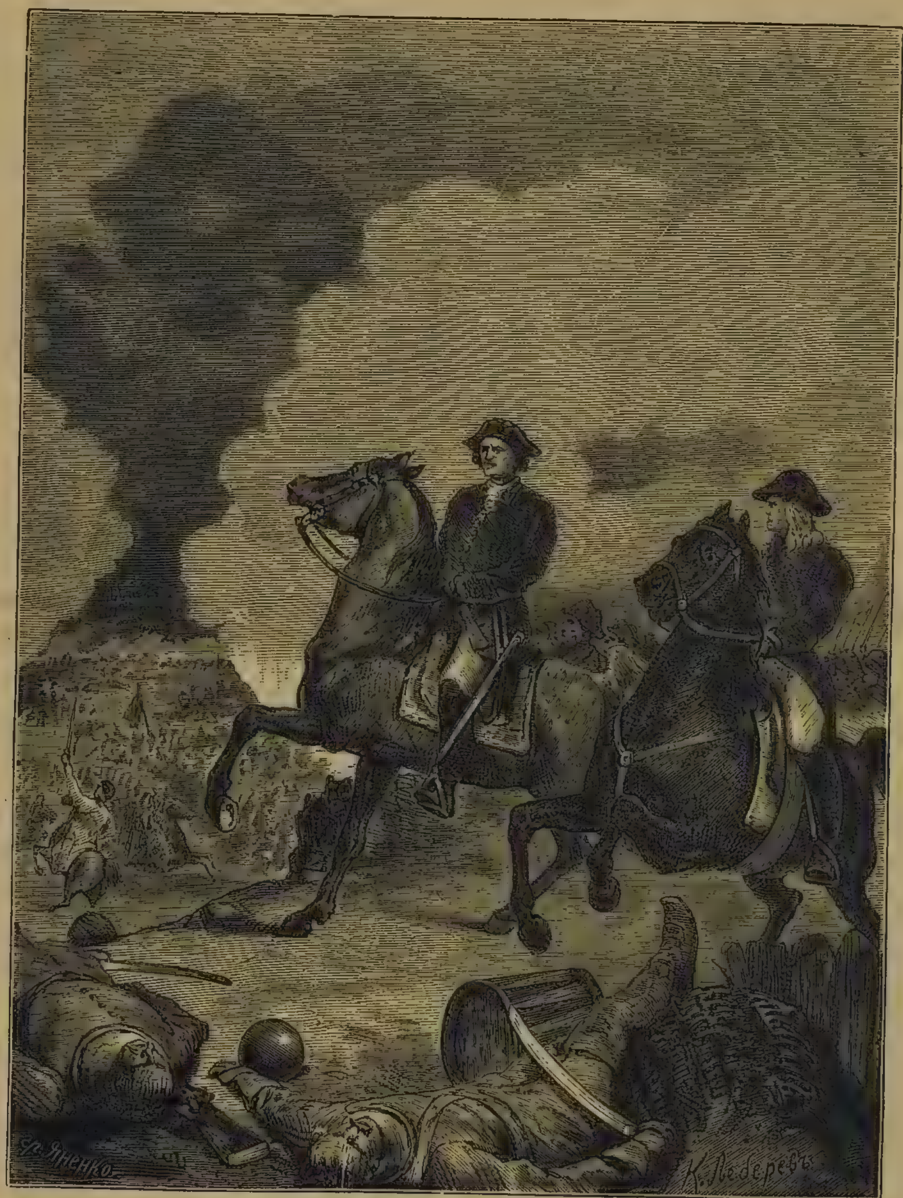
Но геніальный противникъ шведскаго короля уже постигъ его ошибку и готовилъ ему неотразимый ударъ. Какъ только Петръ убѣдился, что Карлъ XII дѣйствительно направляется въ Украйну, тотчасъ же приказалъ генералу Инфланду съ отрядомъ драгуновъ опередить шведовъ и, предупреждая ихъ на всѣхъ пунктахъ, уничтожать всѣ средства къ продовольствію и замедлять ихъ движеніе. Генералу же Боуру съ 5.000 конницы приказано слѣдовать въ тылу за непріятельскою арміей, а фельдмаршалу Шереметеву съ главными силами итти лѣвѣе ея, прикрывая предѣлы Россіи.

Дѣйствуя противъ главныхъ силъ Карла по прежней системѣ, Петръ Великій въ то же время предпринялъ самыя рѣшительныя мѣры относительно Левенгаупта, о приближеніи котораго къ Днѣпру онъ получилъ тогда положительныя извѣстія. Царь понималъ, что разбитіе Левенгаупта и уничтоженіе транспортовъ, которые онъ везъ, будутъ для шведской арміи ударомъ не менѣе чувствительнымъ, какъ и пораженіе въ генеральномъ сраженіи. А между тѣмъ, дѣйствія противъ Левенгаупта, безъ всякаго сравненія, были легче, чѣмъ противъ самого короля, и обѣщали вѣрный успѣхъ. У Карла находилось еще 30.000 человѣкъ подъ ружьемъ, а корпусъ Левенгаупта заключалъ только 15.000. По имѣвшимся же тогда свѣдѣніямъ царь считалъ его даже не сильнѣе 8.000.

Предпріятіе противъ Левенгаупта было такъ важно, что исполненіе его Петръ принялъ на себя и, взявъ 10 баталіоновъ и 10 драгунскихъ полковъ (около 5.000 пѣхоты и 7.000 кавалеріи), выступилъ 15 сентября изъ Соболева, гдѣ тогда стояла главная русская армія. Для облегченія и ускоренія марша войска этого отряда пошли безъ обозовъ, съ одними вьюками, а вся пѣхота была посажена на лошадей.

Въ то время, когда Петръ Великій двинулся изъ Соболева, Левенгауптъ съ своимъ корпусомъ и съ транспортомъ изъ 7.000 повозокъ выступилъ изъ Череи. Имѣя приказаніе Карла XII итти на Пропойскъ, онъ направился къ

Шклову и 22-го числа перешелъ тамъ Днѣпръ. Чтобъ избѣжать встрѣчи съ Петромъ, Левенгауптъ подослалъ къ нему ложнаго проводника, который увѣрилъ государя, что шведскій генералъ еще далеко за Днѣпромъ, и повелъ русскій отрядъ на Оршу. Къ счастію, Петръ рамъ, принятымъ Петромъ, войска наши дѣлали эти переходы нисколько не утомляясь, тогда какъ Левенгауптъ, затрудненный обозами, шелъ весьма медленно; 25 сентября шведскій арьергардъ уже былъ настигнутъ нашими передовыми войсками. Только теперь узналъ

Петръ на полѣ сраженія.

Великій встрѣтилъ на пути шляхтича, бывшаго личнымъ свидѣтелемъ переправы шведскаго корпуса и положительно знавшаго, что Левенгауптъ направляется къ Пропойску. Государь приказалъ повѣсить подосланнаго непріятелемъ проводника и форсированными переходами устремился за Левенгауптомъ. Благодаря мѣ-

Петръ Великій, что противникъ его имѣлъ подъ ружьемъ не восемь, а пятнадцать тысячъ человѣкъ и что, слѣдовательно, нельзя уже разсчитывать на несомнѣнность успѣха надъ нимъ. Поэтому государь призналъ за лучшее отложить нападеніе, чтобы имѣть время усилить свой отрядъ. Ближе всѣхъ къ нему на-

ходился тогда Боуръ, назначенный, какъ уже сказано, преслѣдовать Карла XII съ тылу. Петръ послалъ Боуру приказаніе немедленно итти съ восемью драгунскими полками на соединеніе съ нимъ, а остальную кавалерію, подъ начальствомъ бригадира Фастмана, направить къ Пропойску, по лѣвому берегу рѣки Сожа, чтобы на переправѣ отрѣзать непріятелю отступленіе. На собранномъ государемъ военномъ совѣтѣ было опредѣлено: ожидать Боура два дня; если же онъ не подойдетъ по истеченіи этого времени, то, несмотря на неравенство силъ, атаковать непріятеля, чтобъ не перепустить его черезъ р. Сожъ. Назначенные два дня прошли. Между тѣмъ, Левенгауптъ, задерживая своимъ арьергардомъ наши войска, успѣлъ отступить до деревни Лѣсной, а авангардъ его уже достигъ Пропойска. О Боурѣ государь еще не имѣлъ извѣстій, но, согласно предположенію, состоявшемуся на военномъ совѣтѣ, рѣшился атаковать непріятеля. Рѣшимость эта была основана на вѣрномъ расчетѣ. Отложивъ нападеніе, Петръ могъ дать непріятелю возможность переправить обозы черезъ Сожъ и уйти на соединеніе съ Карломъ XII; атакуя же его тотчасъ, въ случаѣ успѣха, государь достигалъ цѣли необыкновенно важной, а въ случаѣ неудачи не подвергался большому пораженію, потому что Левенгауптъ, связанный обозами, не могъ бы его преслѣдовать и, отбивъ атаку, долженъ былъ бы продолжать движеніе къ Пропойску.

Рано утромъ 28 сентября Петръ Великій повелъ свой отрядъ къ деревнѣ Лѣсной. Войска наши шли въ двухъ колоннахъ по узкимъ дорогамъ, во многихъ мѣстахъ перерѣзаннымъ болотистыми ручьями.

Между тѣмъ, Левенгауптъ въ эту же ночь получилъ извѣстіе отъ своего авангарда, что мостъ въ Пропойскѣ уничтоженъ и что на противоположномъ берегу Сожа видны значительныя силы русскихъ, — то былъ отрядъ Фастмана. Шведскій генералъ тотчасъ же отрядилъ часть войска для подкрѣпленія своего авангарда и послалъ къ Пропойску половину транспорта. Замѣтивъ въ то же время наступленіе войскъ, предводимыхъ царемъ, онъ расположилъ остальныя повозки (около 3.000) вагенбургомъ впереди деревни Лѣсной, тыломъ къ рѣчкѣ Лѣснянкѣ, вывелъ войска изъ лагеря и занялъ частью ихъ лѣсъ, который находился передъ его позиціей, а остальныя поставилъ въ резервѣ позади лѣса.

Около полудня главные полки лѣвой колонны русскихъ войскъ, Ингерманландскій пѣхотный и Невскій драгунскій, приближаясь къ лѣсу, были встрѣчены непріятелемъ. Пользуясь численнымъ превосходствомъ, шведы, обогнувъ правый флангъ Ингерманландскаго полка, начали сильно тѣснить его; но государь самъ привелъ на подкрѣпленіе атакованныхъ правую колонну, во главѣ которой шли оба гвардейскіе полка. Подкрѣпивъ Ингерманландцевъ, они, въ свою очередь, ударили непріятелю во флангъ и въ безпорядкѣ прогнали его въ лѣсъ, овладѣвъ при этомъ двумя пушками. Левенгауптъ отступилъ на позицію, выбранную имъ на полѣ, впереди лагеря, а Петръ Великій, построивъ войска, снова повелъ ихъ въ атаку Упорный бой продолжался до трехъ часовъ; успѣхъ долго склонялся то на ту, то на другую сторону; наконецъ, шведы были опрокинуты и отступили въ свой лагерь, потерявъ еще восемь орудій. Въ это самое время Петръ Великій получилъ извѣстіе о приближеніи Боура и, до соединенія съ нимъ, остановилъ наступленіе. Шведы также ожидали подкрѣпленій. Левенгауптъ при самомъ началѣ сраженія послалъ приказаніе вернуться войскамъ, которыя утромъ были отправлены къ Пропойску.

Обѣ стороны, утомленныя боемъ, въ теченіе двухъ часовъ стояли одна противъ другой, на разстояніи пушечнаго выстрѣла, въ совершенномъ бездѣйствіи. Но въ пять часовъ пополудни прибылъ, наконецъ, Боуръ и выстроился на лѣвомъ флангѣ нашихъ войскъ. Тогда государь перевелъ два полка драгунъ для подкрѣпленія праваго своего фланга и возобновилъ атаку. Шведы сопротивлялись съ отчаяннымъ упорствомъ, но не могли отбить нападенія. Войска наши ударили въ штыки, и весь лѣвый флангъ шведовъ, на который Петръ преимущественно устремлялъ усилія, былъ опрокинутъ. Мостъ на Лѣснянкѣ и дорога въ Пропойскъ — единственный путь отступленія шведовъ — находился во власти нашихъ войскъ. Левенгауптъ ввелъ въ дѣло послѣдній резервъ, только что прибывшій изъ Пропойска. Съ помощью его онъ успѣлъ очистить дорогу, но уже былъ не въ силахъ возстановить сраженія. Разбитыя войска его

укрѣпились въ вагенбургѣ, уступивъ побѣдителямъ весь свой лагерь. Настала ночь, и пошелъ густой снѣгъ съ сильнымъ вѣтромъ, принудившимъ Петра прекратить преслѣдованіе въ лѣсу. Наши войска ночевали на полѣ битвы, гдѣ кому пришлось.

Съ разсвѣтомъ государь отправилъ генерала Флуга преслѣдовать шведовъ съ нѣсколькими полками. Не доходя до Пропойска, онъ настигъ и разбилъ непріятельскій арьергардъ, истребивъ до 500 человѣкъ.

Въ сраженіи при Лѣсномъ наши войска лишились около 1.100 человѣкъ убитыми и до 3.000 ранеными. Шведы потеряли въ самомъ сраженіи и при отступленіи болѣе 9.000 человѣкъ, всю артиллерію (17 орудій), множество знаменъ и штандартовъ и весь обозъ, потеря котораго имѣла пагубное вліяніе на всѣ дальнѣйшія дѣйствія Карла XII.

Но не въ одной разницѣ потерь заключалась важность побѣды, одержанной Петромъ Великимъ. Это было первое сраженіе, въ которомъ войска наши явились въ полной мѣрѣ заслуживающими названія регулярныхъ и производили, подъ непріятельскимъ огнемъ, движенія и маневры, сохраняя совершенный порядокъ. Наконецъ, подъ Лѣсной солдаты наши, въ первый разъ сражаясь со шведами въ равномъ числѣ, одолѣли ихъ. Успѣхъ этотъ вселилъ въ русскихъ войскахъ самоувѣренность, лишивъ непріятеля прежней самонадѣянности. Петръ Великій справедливо назвалъ битву подъ Лѣсной «матерью Полтавской побѣды». Онъ постановилъ ежегодно праздновать ея воспоминаніе и наградилъ всѣхъ участвовавшихъ въ сраженіи особыми медалями съ надписью: «достойному достойное».

Сраженіе при Полтавѣ. 1) Начало сраженія 27 іюня 1709 года.

Левенгауптъ съ остатками своего корпуса настигъ Карла XII на дорогѣ отъ Ипути къ Стародубу. Вмѣсто сильнаго подкрѣпленія и военныхъ припасовъ, которыхъ ожидалъ и въ которыхъ такъ нуждался шведскій король, Левенгауптъ привелъ съ собою не болѣе 6.000 человѣкъ, утомленныхъ трудами, изнуренныхъ голодомъ и упавшихъ духомъ.

Дальнѣйшее движеніе Карла XII въ Украйну было лишь продолженіемъ испытанныхъ имъ бѣдствій. Повѣривъ обѣщаніямъ Мазепы, онъ

надѣялся найти въ Малороссіи обильные запасы провіанта для войска и встрѣтить полное сочувствіе со стороны населенія; но жители Украйны, несмотря на внушенія гетмана, остались преданными русскому государю. Съ приближеніемъ шведовъ, они оставляли свои жилища, угоняя скотъ и увозя или уничтожая продовольственные запасы.

Поведеніе украинцевъ, пораженіе Левенгаупта и затруднительное положеніе главной шведской арміи показали Мазепѣ всю ошибочность его расчетовъ. Онъ началъ было колебаться въ своихъ намѣреніяхъ и думалъ даже отказаться отъ связей съ Карломъ XII; но, разсудивъ, что измѣнническіе замыслы его не могутъ уже быть скрыты отъ Петра Великаго и, рано или поздно, повлекутъ за собой заслуженное возмездіе, — рѣшился на послѣдній шагъ. Оставя въ Батуринѣ сильный гарнизонъ подъ начальствомъ преданныхъ ему людей, Мазепа съ 5.000 казаковъ двинулся навстрѣчу шведамъ и присоединился къ ихъ арміи.

Получивъ положительное извѣстіе объ измѣнѣ Мазепы въ с. Погребки, Петръ Великій тотчасъ, усмотрѣвъ важность занятія Батурина до прихода туда Карла XII, собралъ военный совѣтъ, на которомъ и рѣшено Меншикову съ сильнымъ отрядомъ поспѣшно итти къ Батурину и овладѣть имъ, во что бы то ни стало. Меншиковъ, подойдя къ Батурину, 2 ноября взялъ его приступомъ, сжегъ и разорилъ до основанія. Эти быстрыя и рѣшительныя дѣйствія доставили намъ значительныя выгоды. Взятіе Батурина лишило Карла XII важнаго опорнаго пункта, снабженнаго большими запасами провіанта, и удержало въ покорности нѣкоторыхъ украинскихъ полковниковъ, которые втайнѣ сочувствовали планамъ Мазепы.

Карлъ XII, приблизившись къ Батурину и найдя вмѣсто него однѣ дымившіяся развалины, былъ вынужденъ, по необходимости, углубиться еще далѣе въ южную Украйну. Въ исходѣ ноября онъ достигъ Роменъ и Гадяча и нашелъ здѣсь, наконецъ, магазины, заготовленные сообщниками Мазепы. Расположивъ армію на зимнія квартиры въ окрестностяхъ этихъ городовъ, король шведскій намѣревался дать своимъ утомленнымъ и изнуреннымъ войскамъ необходимый для нихъ отдыхъ. Но Петръ Великій, зорко слѣдившій за непріятелемъ, придвинулъ наши главныя силы къ Лебедяни и занялъ сильными отрядами Полтаву, Нѣжинъ и Миргородъ, такъ что шведы были съ трехъ сторонъ окружены нашими войсками, которыя безпрестанно тревожили ихъ внезапными нападеніями и не давали имъ покоя. Это принуждало шведовъ сосредоточиваться и производить движенія, большею частью, гибельныя для нихъ. Къ довершенію бѣдствій непріятеля, зима стояла необыкновенно жестокая. Даже наши войска, снабженныя теплою одеждою и всѣми запасами, терпѣли отъ стужи; для шведовъ же, нуждавшихся въ одеждѣ и обуви, она была невыносима и породила среди нихъ большую смертность.

Съ приближеніемъ весны 1709 г., Карлъ XII, опасаясь, чтобъ разлитіе рѣкъ не раздѣлило его армію, сосредоточилъ ее между Псломъ и Ворсклою. Трудный походъ 1708 года и суровая зима, проведенная въ безпрерывныхъ тревогахъ и передвиженіяхъ, значительно уменьшили силы шведской арміи. Надежды Карла XII на возмущеніе въ Малороссіи не сбылись; только запорожцы, увлеченные обѣщаніями Мазепы, присоединились къ шведамъ; но нестройныя и буйныя толпы ихъ не могли принести королю большой пользы. Притомъ же шведская армія нуждалась не въ однихъ людяхъ, — ей угрожалъ недостатокъ въ огнестрѣльныхъ и прочихъ военныхъ припасахъ, истощеніе которыхъ должно было вскорѣ лишить ее послѣдней возможности продолжать войну. Зимою Карлъ XII надѣялся еще на помощь Турціи, которую всячески побуждалъ къ объявленію войны Россіи, на прибытіе оставленныхъ имъ въ Польшѣ войскъ генерала Крассова и на содѣйствіе короля польскаго Станислава Лещинскаго. Но и эти надежды исчезали мало-по-малу. Турція не склонялась на происки шведскихъ эмиссаровъ, а Лещинскій и генералъ Крассовъ были удержаны въ Польшѣ внутренними смутами, волновавшими эту страну, и успѣшнымъ дѣйствіемъ посланнаго туда Петромъ съ особымъ отрядомъ, еще осенью 1708 года, фельдмаршала-лейтенанта Гольца, у Ледухова разбившаго Сапѣгу.

Карлу XII оставалось теперь только два способа улучшить, хоть временно, свое затруднительное положеніе: или побѣдить главную русскую армію въ рѣшительномъ сра-

Полтавскій бой.

Шведы сдаются на капитуляцію послѣ Полтавской битвы.

женіи, или, овладѣвъ какой-нибудь сильной крѣпостью въ Малороссіи,—которая могла бы служить выгоднымъ опорнымъ пунктомъ для шведскихъ войскъ, — держаться въ Украйнѣ до тѣхъ поръ, пока къ нему не явятся на помощь или турки или Станиславъ Лещинскій. Въ этихъ видахъ Карлъ рѣшился обратить всѣ усилія свои на находившуюся близъ мѣста расположенія шведской арміи крѣпость Полтаву. Можетъ-быть, онъ надѣялся осадою этого важнаго для русскихъ пункта заставить Петра принять генеральное сраженіе.

Полтава лежитъ на правомъ, высокомъ и крутомъ берегу рѣки Ворсклы, въ которую съ лѣвой стороны, противъ города, впадаетъ рѣчка Коломакъ. Обѣ рѣки, сливаясь, образуютъ множество рукавовъ, протекающихъ по широкой низменной долинѣ, покрытой непроходимыми болотами; вслѣдствіе чего сообщеніе крѣпости съ лѣвымъ берегомъ Ворсклы было весьма затруднительно. Укрѣпленія Полтавы, построенныя для защиты города отъ набѣговъ татаръ, заключались только въ земляномъ валу съ деревянною одеждою и палисадами. Впрочемъ, по приказанію Петра, они были наскоро исправлены и усилены наружными пристройками, какія оказалось возможнымъ сдѣлать въ теченіе зимы. Гарнизонъ крѣпости состоялъ изъ 5 баталіоновъ регулярныхъ войскъ и 2.500 вооруженныхъ гражданъ, подъ начальствомъ храбраго и распорядительнаго полковника Келлина (назначеннаго сюда комендантомъ въ ноябрѣ 1708 г.).

Въ исходѣ апрѣля 1709 года шведская армія начала стягиваться къ Полтавѣ и обложила ее съ праваго берега Ворсклы. Въ то же время на лѣвый берегъ рѣки прибылъ Меншиковъ съ частью нашей главной арміи. Онъ успѣлъ усилить гарнизонъ города, пославъ Алексѣя Алексѣевича Головина привести 900 человѣкъ въ Полтаву; но шведы, построивъ противъ переправы укрѣпленія, прервали всякое сообщеніе между осажденными и нашими полками.

Извѣстіе о средоточеніи шведской арміи подъ Полтавою было получено Петромъ Великимъ въ Троицкомъ портѣ на Азовскомъ морѣ, гдѣ онъ усиленно хлопоталъ надъ вооруженіемъ флота, на случай разрыва съ Турціей. Государь тотчасъ же послалъ прика-

заніе фельдмаршалу Шереметеву, стоявшему въ окрестностяхъ Миргорода, соединиться съ Меншиковымъ и употребить всѣ средства для спасенія Полтавы. Шереметевъ перешелъ чрезъ Пселъ и Ворсклу и въ первыхъ числахъ мая расположился съ главными силами лагеремъ у селенія Крутой Берегъ, въ виду Полтавы. Чтобы открыть сообщеніе съ крѣпостью, онъ распорядился устроить черезъ болота подступы изъ фашинъ и насыпной земли. Но работы шли очень медленно, а шведы, пользуясь временемъ, успѣли уже довести свои траншеи до контръ-эскарпа главнаго вала и нѣсколько разъ покушались штурмовать крѣпость.

Іюня 4-го къ арміи пріѣхалъ государь. Увидѣвъ опасное положеніе Полтавы, Петръ приказалъ ускорить начатыя на берегу Ворсклы работы и для ободренія осажденныхъ открылъ съ ними сношенія посредствомъ пустыхъ бомбъ, въ которыя вкладывались записки. Съ цѣлью отвлечь вниманіе непріятеля отъ крѣпости, были посланы на фланги и въ тылъ шведской арміи значительные отряды. Одинъ изъ нихъ столкнулся за Ворсклой съ шведскою конницей, предводимой самимъ королемъ. Въ завязавшейся при этомъ перестрѣлкѣ Карлъ XII получилъ тяжелую рану пулей въ ногу, лишившую его возможности руководить военными дѣйствіями съ прежней энергіей.

Однако, всѣ усилія государя достигнуть сообщенія съ Полтавой посредствомъ подступовъ оказались безуспѣшными. Непроходимыя топи и укрѣпленія, выстроенныя шведами, дѣлали наши полевыя работы напрасными. Между тѣмъ, положеніе осажденной крѣпости ухудшалось съ каждымъ днемъ; силы ея защитниковъ слабѣли и въ ней уже началъ чувствоваться недостатокъ въ порохѣ и снарядахъ.

Взятіе непріятелемъ Полтавы и истребленіе ея храбраго гарнизона въ виду всей русской арміи могло произвести самое невыгодное для насъ впечатлѣніе на умы населенія Малороссіи, вредно повліять на духъ войска и, кромѣ того, ободривъ шведовъ, давало бы имъ возможность надолго удержаться въ Украйнѣ. Спасти Полтаву было необходимо, и единственнымъ средствомъ для этого представлялось только генеральное сраженіе. Девять лѣтъ сряду Петръ Великій уклонялся отъ встрѣчи съ своимъ опаснымъ соперникомъ, но теперь

Сраженіе при Полтавѣ. 2) Окончательное пораженіе шведской арміи близъ Переволочны 30 іюня 1709 года.

рѣшился принять вызовъ. Рѣшеніе государя основывалось на вѣрномъ расчетѣ, всегда отличавшемъ его стратегическіе планы. Шведская армія была значительно ослаблена благоразумными дѣйствіями Петра въ предшествовавшую кампанію. Потерпѣвъ пораженіе въ нѣсколькихъ частныхъ битвахъ, изнуренная трудами, она уже лишилась той нравственной силы, которая одушевляла ее при началѣ войны съ Россіей. Напротивъ того, русская армія, совсѣмъ не превышавшая численностью шведскую, пріобрѣла, благодаря безпрерывнымъ удачамъ, самоувѣренность и стойкость и въ сраженіи при Лѣсной доказала уже, что можетъ состязаться съ противникомъ даже въ тактическомъ отношеніи. Такимъ образомъ, вѣроятность успѣха явно была на нашей сторонѣ. Однако, несмотря на это, Петръ Великій, отваживаясь на рѣшительную битву, готовился къ ней съ чрезвычайной осторожностью; обдумывалъ каждый шагъ свой и принималъ всѣ мѣры, чтобъ усилить себя еще болѣе. Съ этой цѣлью онъ послалъ приказаніе гетману Скоропадскому, находившемуся съ казаками за рѣкою Псломъ, присоединиться къ арміи и, сверхъ того, ожидалъ 30.000 калмыковъ, шедшихъ изъ приволжскихъ степей, вслѣдствіе договора, заключеннаго съ ихъ ханомъ Аюкою. Означенныя подкрѣпленія должны были подойти къ 29 іюня, — дню тезоименитства государя. Этотъ день Петръ и избралъ для рѣшительной битвы.

Извѣстивъ полтавскій гарнизонъ о своихъ намѣреніяхъ, государь перешелъ 20 іюня черезъ Ворсклу выше Полтавы, близъ Черняхова, и расположился въ укрѣпленномъ лагерѣ у деревни Семеновки, въ восьми верстахъ отъ крѣпости.

Переправа русскихъ войскъ черезъ Ворсклу, обнаружившая готовность Петра вступить въ генеральное сраженіе, обрадовала Карла XII. Онъ рѣшился самъ атаковать нашу армію, но прежде хотѣлъ овладѣть Полтавой. Въ теченіе двухъ дней, 22 и 23 чиселъ, шведы штурмовали городъ и нѣсколько разъ врывались въ него; но мужественный гарнизонъ и жители, истощая послѣднія усилія, отразили всѣ нападенія непріятеля и принудили его отступить съ большими потерями.

Петръ Великій, опасаясь, чтобъ шведы новымъ приступомъ не овладѣли крѣпостью, 25 іюня подвинулся еще на три версты ближе къ Полтавѣ, чѣмъ сдѣлалъ возобновленіе штурма невозможнымъ, или, по крайней мѣрѣ, весьма опаснымъ. Лагерь, въ которомъ теперь расположилась русская армія, былъ прислоненъ тыломъ къ крутому берегу рѣки Ворсклы: съ правой стороны его находилась глубокая лощина, а съ лѣвой — густой лѣсъ, перерѣзанный крутыми оврагами. Передъ фронтомъ лагеря, версты на двѣ, простиралась открытая долина; она оканчивалась отлогимъ спускомъ къ лѣсу, замыкавшему ее съ западной стороны; между этимъ лѣсомъ и тѣмъ, который находился на лѣвомъ флангѣ лагеря, оставался промежутокъ около версты шириною: тутъ пролегалъ путь къ Полтавѣ и непріятельскому стану. Петръ Великій приказалъ преградить это пространство шестью редутами, построенными въ разстояніи ружейнаго выстрѣла одинъ отъ другого. Редуты эти были заняты двумя баталіонами пѣхоты, а за ними расположились семнадцать полковъ конницы. Остальная пѣхота, въ числѣ пятидесяти шести баталіоновъ, заняла укрѣпленный лагерь. Все количество нашихъ войскъ простиралось до 46.500 человѣкъ, при 72 орудіяхъ.

Карлъ XII, узнавъ, что наша армія ожидаетъ сильныхъ подкрѣпленій, рѣшился предупредить ее сильнымъ нападеніемъ. Іюня 27-го, въ два часа утра, онъ двинулъ корпусъ въ 25.000 человѣкъ къ русскому лагерю. При шведскихъ войскахъ находилось всего только четыре пушки, а прочая артиллерія, по недостатку пороха, была оставлена въ траншеяхъ, занятыхъ запорожцами и двумя баталіонами шведской пѣхоты. Карлъ еще страдалъ отъ раны и не могъ сидѣть на лошади; его везли въ качалкѣ, запряженной двумя лошадьми. Спокойный, даже веселый, Карлъ объѣзжалъ свои войска, разговаривалъ съ офицерами и солдатами, напоминалъ имъ Нарву и шутя приглашалъ на пиръ въ шатры царя московскаго.

Между тѣмъ, и наша армія, извѣщенная о наступленіи непріятеля, стала подъ ружье. Петръ также объѣзжалъ полки, собиралъ офицеровъ, напоминалъ имъ долгъ ихъ и отдавалъ приказанія генераламъ. Солдатамъ былъ прочитанъ царскій приказъ, замѣчательный по глубинѣ чувствъ и торжественной простотѣ выраженія. «Воины, — говорилъ государь, — пришелъ часъ, который рѣшитъ

Торжественный въѣздъ Петра въ Москву послѣ полтавской побѣды.

Памятникъ Полтавской побѣды, сооруженный къ столѣтнему юбилею этого событія въ 1809 году.

судьбу отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но — за государство, Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за православную нашу вѣру и Церковь. Не должна васъ смущать слава непобѣдимости непріятеля, которой ложь вы доказали не разъ своими побѣдами. Имѣйте въ сраженіи передъ собою правду и Бога, Защитника вашего, а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога: жила бы только Россія въ славѣ и благоденствіи, для благосостоянія вашего».

Въ четыре часа утра шведскія колонны, приблизившись къ нашимъ передовымъ редутамъ, атаковали ихъ и расположенные за ними драгунскіе полки. Послѣ весьма упорнаго боя наша кавалерія отступила къ главному лагерю. Шведы, пройдя между редутами, стремительно бросились за нею, но встрѣченные сильнымъ картечнымъ огнемъ изо всѣхъ орудій, стоявшихъ на нашихъ редутахъ, должны были поспѣшно и въ разстройствѣ удалиться къ опушкѣ лѣса, лежавшаго передъ фронтомъ нашей позиціи. Здѣсь они начали строиться въ боевой порядокъ, готовясь возобновить нападеніе, но при поспѣшномъ отступленіи шведской арміи часть ея праваго фланга, состоявшая изъ шести баталіоновъ и десяти эскадроновъ, подъ начальствомъ генерала Росса, неизвѣстно по какимъ причинамъ, не послѣдовала за прочими войсками и осталась за редутами. Петръ Великій, замѣтивъ это, тотчасъ же приказалъ Меншикову и Ренцелю съ пятью баталіонами и пятью драгунскими полками атаковать Росса. Меншиковъ быстрою атакою почти совершенно уничтожилъ непріятельскій отрядъ; слабые остатки его искали спасенія въ полтавскомъ лагерѣ, но, настигнутые и здѣсь посланнымъ Меншиковымъ генераломъ Ренцелемъ съ пѣхотой, были принуждены положить оружіе.

Между тѣмъ, Петръ Великій, рѣшившись предупредить нападеніе шведской арміи, вывелъ свои войска изъ укрѣпленнаго лагеря и, построивъ ихъ въ двѣ линіи, двинулъ противъ непріятеля.

Въ девять часовъ обѣ арміи сошлись на дистанцію близкаго ружейнаго выстрѣла, и по всей линіи открылся убійственный огонь. Правый флангъ шведовъ, одушевленный присутствіемъ короля, яростно устремился на нашу пѣхоту лѣваго фланга, опрокинулъ первую линію и образовалъ въ ней промежутокъ. Явная опасность грозила этому пункту, но Петръ Великій явился на немъ съ баталіонами второй линіи, сомкнулъ разорванные ряды нашихъ войскъ и лично повелъ ихъ впередъ.

Памятникъ на мѣстѣ, гдѣ Императоръ Петръ I отдыхалъ послѣ Полтавской побѣды, 28 іюня и 10 іюля 1709 года.

Непріятельскія пули осыпали его: одна пробила шляпу, другая попала въ орчакъ сѣдла, третья ударила въ грудь царя; но, къ счастью, ее удержалъ надѣтый на немъ крестъ съ мощами. Карлъ XII также не щадилъ себя: всѣ драбанты, окружавшіе его качалку, за исключеніемъ только троихъ, были убиты или ранены. Около двухъ часовъ длилась упорная и безпощадная битва. Несмотря на геройскія усилія, шведы, разстроенные огнемъ артиллеріи и пѣхоты, охваченные съ фланговъ нашею конницей, были опрокинуты на всѣхъ пунктахъ. Въ одиннадцать часовъ шведская армія представляла уже одну нестройную толпу, которая, не думая о сопротивленіи, въ величайшемъ безпорядкѣ спѣшила къ лѣсу, изъ котораго начался бой. Но и здѣсь она нашла русскихъ. Когда началось смятеніе въ шведскихъ рядахъ, ядро разбило качалку Карла XII, и король упалъ безъ чувствъ. Его посадили въ безпамятствѣ на лошадь и поддерживали. Вскорѣ пуля убила эту лошадь; другой не было. Полковникъ Гіерта, тяжело раненый, уступилъ свою. «Спасите только его», — сказалъ онъ окружавшимъ короля, поцѣловалъ его руку и черезъ минуту палъ подъ ударами казаковъ. Въ уцѣлѣвшихъ остаткахъ шведскаго обоза отыскалась, наконецъ, какая-то карета, въ нее положили Карла XII и повезли къ Днѣпру, куда бѣжала его разбитая армія.

Памятникъ Петру Великому на площади г. Полтавы.

Потеря шведовъ въ сраженіи состояла изъ 9.250 убитыхъ и раненыхъ и почти 3.000

плѣнныхъ. Наши войска потеряли 1.350 ч. убитыми и 3.300 ранеными.

Поручивъ казакамъ преслѣдовать непріятеля, Петръ Великій построилъ свои войска впереди лагеря; передъ ихъ рядами была поставлена походная церковь, и въ ней, при громѣ пушекъ, отслужено благодарственное молебствіе за одержанную побѣду. Царь объѣхалъ полки и благодарилъ всѣхъ за подвигъ и понесенные труды. Въ палаткѣ его былъ приготовленъ обѣденный столъ для всѣхъ русскихъ генераловъ; государь пригласилъ къ нему также плѣнныхъ шведскихъ офицеровъ и за обѣдомъ предложилъ тостъ за здоровье ихъ, какъ учителей нашихъ въ военномъ искусствѣ.

На слѣдующее утро былъ торжественно совершенъ обрядъ погребенія русскихъ воиновъ, павшихъ въ сраженіи. Краснорѣчивымъ прощальнымъ словомъ и скорбной слезой почтилъ государь прахъ ихъ и на могильномъ холмѣ собственноручно водрузилъ крестъ съ надписью: «Воины благочестивые, за благочестіе кровію вѣнчавшіеся, лѣта отъ воплощенія Бога слова 1709, іюня 27-го дня». Холмъ этотъ виденъ донынѣ на Полтавскомъ полѣ, но народное преданіе назвало его «шведскою могилой».

Въ этотъ же день государь послалъ Меншикова съ 9.000 ч. преслѣдовать остатки непріятельской арміи. Меншиковъ настигъ шведовъ у Переволочны и принудилъ ихъ положить оружіе. Число сдавшихся простиралось до 14.000 человѣкъ, при 28 орудіяхъ и 127 знаменахъ. Карлъ XII успѣлъ спастись въ Турцію только съ небольшой свитой и 1.000 кавалеристами.

Рѣдкая битва имѣла столь важныя послѣдствія, какъ битва Полтавская. Однимъ ударомъ силы Швеціи были сломлены навсегда, а Россія вдругъ возвысилась на степень первенствующей державы на сѣверѣ и вступила въ среду образованныхъ государствъ Европы. На поляхъ полтавскихъ погибъ цвѣтъ молодого населенія Швеціи; съ этихъ поръ она не могла уже думать о новыхъ наступательныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи и должна была ограничиться лишь слабой обороною границъ своихъ.

XIII.

ВЗЯТІЕ РИГИ.

(1710 г.).

Одержавъ Полтавскую побѣду, Петръ Великій спѣшилъ воспользоваться ею и бѣгствомъ Карла XII въ Турцію, чтобъ уничтожить шведское вліяніе въ Польшѣ, выгнать Лещинскаго и утвердиться окончательно въ Ливоніи и Эстоніи. Іюля 13-го 1709 г. наша армія двинулась изъ-подъ Полтавы, гдѣ нельзя было долѣе оставаться по причинѣ смрада отъ мертвыхъ тѣлъ и долговременнаго стоянія двухъ многочисленныхъ войскъ. Шереметевъ со всѣю пѣхотою и отрядомъ кавалеріи пошелъ осаждать Ригу, а Меншиковъ съ большею частью конницы направился въ Польшу, чтобы дѣйствовать вмѣстѣ съ генераломъ Гольцемъ противъ Лещинскаго и шведскаго генерала Крассова. Самъ Петръ поѣхалъ въ Кіевъ, а оттуда въ городъ Торнъ, для свиданія съ королемъ Августомъ II. Здѣсь оба государя, *отрекшись* отъ всѣхъ *прежнихъ претензій и письменныхъ обязательствъ,* заключили 9 октября новый наступательный и оборонительный союзъ противъ Швеціи. Во время пребыванія царя въ Торнѣ посолъ нашъ въ Копенгагенѣ, князь Долгорукій, успѣлъ убѣдить датскаго короля присоединиться къ союзу Петра съ Августомъ II. Изъ Торна государь проѣхалъ въ Маріенвердеръ, куда его приглашалъ король прусскій. Заключивъ и съ нимъ союзъ, но только оборонительный, Петръ отправился къ Ригѣ, которая уже была обложена арміей Шереметева.

Шведы, понимая очень хорошо важное значеніе Риги, какъ стратегическаго пункта и главнаго города лифляндской провинціи, отлично укрѣпили ее и заняли гарнизономъ въ 12.000 ч., подъ начальствомъ генерала графа Стремберга, назначеннаго генералъ-гу-

Взятіе Риги.

бернаторомъ. Рига лежитъ на правомъ берегу Двины, въ 13 верстахъ отъ устья этой рѣки. Она основана около 1200 года лифляндскимъ епископомъ Альбертомъ, учредившимъ здѣсь свою резиденцію, и въ XIII вѣкѣ уже вступила въ союзъ ганзейскихъ городовъ, владѣла землями, чеканила монету съ городскимъ гербомъ и вообще пріобрѣла многія права и привилегіи. Въ 1561 г. Рига вмѣстѣ съ южною Ливоніею была присоединена къ Польшѣ, а въ 1621 г. уступлена шведамъ, подъ властью которыхъ оставалась до взятія ея русскими. Рига до сихъ поръ сохранила наружный видъ древняго ганзейскаго города. Узкія и кривыя улицы, деревянные мосты черезъ Двину, характерныя башни собора, тяжелая и безвкусная архитектура губернаторскаго замка, даже многіе частные дома нисколько не измѣнились съ того времени.

Фельдмаршалъ Шереметевъ обложилъ Ригу 28 октября 1709 г., завладѣвъ предварительно небольшой крѣпостцой Кобершанцъ, лежавшей на лѣвомъ берегу Двины, противъ города. Ноября 10-го къ арміи пріѣхалъ государь; онъ на слѣдующій день осмотрѣлъ рижскія укрѣпленія и приказалъ отложить правильную осаду до весны, а до тѣхъ поръ ограничиваться лишь блокадой и бомбардированіемъ города. Къ 12 числу были построены нѣсколько батарей, и утромъ самъ царь бросилъ въ Ригу первыя три бомбы. Увѣдомляя объ этомъ Меншикова, Петръ писалъ: «Бомбардированіе Риги началось и первыя три бомбы своими руками въ городъ отправлены, о чемъ зѣло благодарю Бога, что сему проклятому мѣсту сподобилъ мнѣ самому начало отмщенія учинить». 13 числа царь отправился въ Петербургъ, а Шереметевъ отвелъ войска на зимнія квартиры въ Курляндіи, оставивъ для блокады Риги семитысячный отрядъ, подъ начальствомъ князя Репнина, который въ теченіе всей зимы не допускалъ подвоза съѣстныхъ припасовъ въ городъ и бомбардировкой производилъ въ немъ частые пожары.

Съ наступленіемъ весны 1710 г. для пресѣченія сообщеній Риги съ Динамюндомъ на правомъ берегу Двины, ниже города, на урочищѣ Гофенбергъ, было возведено нашими войсками сильное укрѣпленіе, названное въ честь Меншикова, прибывшаго сюда весною— «Александръ-шанцемъ». Къ 1 мая всѣ русскія войска, въ составѣ 24 пѣхотныхъ полковъ, 8 конныхъ и 2.000 казаковъ, снова сосредоточились подъ Ригой. Фельдмаршалъ ожидалъ только прибытія тяжелой артиллеріи, чтобы начать правильную осаду, какъ вдругъ ужасное бѣдствіе постигло русскую армію: моровая язва, занесенная изъ Пруссіи и Курляндіи, распространилась между нашими войсками и, несмотря на всѣ мѣры къ ея прекращенію, похитила до конца года (9.800 чел.) около 10.000 человѣкъ. Такое бѣдствіе вынудило Шереметева пріостановить осаду и довольствоваться бомбардировкою Риги. Занявъ 30 мая предмѣстья, фельдмаршалъ построилъ въ нихъ шесть мортирныхъ батарей и открылъ по городу безпрерывную пальбу. Вскорѣ зараза, свирѣпствовавшая въ лагерѣ осаждающихъ, проникла въ крѣпость и произвела въ ней страшное опустошеніе. Въ двѣ недѣли изъ 12.000 чел. гарнизона погибло болѣе 8.000 чел., а жителей обоего пола — до 60.000 чел., и, сверхъ того, въ городѣ началъ обнаруживаться недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ, и жители должны были питаться конскимъ мясомъ. Шереметевъ, узнавъ черезъ лазутчиковъ о положеніи Риги, 12 іюня написалъ Стрембергу письмо, убѣждая его сдаться, но губернаторъ отвѣчалъ отказомъ, вслѣдствіе чего бомбардированіе возобновилась съ новой силой.

Жестокій и непрерывный огонь русскихъ батарей, грозившій городу совершеннымъ разрушеніемъ, побудилъ, наконецъ, обывателей обратиться 27 іюня къ губернатору съ просьбой вступить въ переговоры съ русскими. Стрембергъ собралъ военный совѣтъ, въ которомъ приняли участіе всѣ наличные генералы и полковники и, кромѣ того, лифляндскій ландмаршалъ Тизенгаузенъ, какъ представитель дворянства, и рижскій бургомистръ, какъ представитель городского сословія. По разсмотрѣніи вопроса во всѣхъ подробностяхъ, ландмаршалъ объявилъ прямо, что при настоящихъ обстоятельствахъ сопротивленіе безполезно. Мнѣніе его было принято остальными присутствовавшими единогласно, при чемъ составленіе условій капитуляціи возложено на ландмаршала. Стрембергъ, извѣстивъ фельдмаршала о рѣшеніи военнаго совѣта, просилъ у него сорокавосьмичасового перемирія, на что Шереметевъ изъявилъ согласіе.

30 іюня Тизенгаузенъ, съ депутаціей отъ дворянъ, отправился въ русскій лагерь къ фельдмаршалу и представилъ ему условія капитуляціи, заключавщіяся въ тридцати параграфахъ. Шереметевъ одобрилъ условія, но

4 іюля 1710 г. Шереметевъ утвердилъ условія капитуляціи и препроводилъ одинъ экземпляръ ихъ, за своею подписью и печатью, къ ландмаршалу, который поспѣшилъ помѣстить этотъ важный документъ въ архивъ дворянства.

Домъ Черноголовыхъ въ Ригѣ, гдѣ Петръ Великій вступилъ въ это братство.

потребовалъ, чтобы дворяне обязались принести присягу на вѣрность царю. Требованіе это возбудило долгія пренія и едва не повело къ возобновленію военныхъ дѣйствій; однако, благодаря настойчивости фельдмаршала и угрозѣ— превратить городъ въ пепелъ, дворяне должны были подчиниться ему.

Въ тотъ же день князь Репнинъ вступилъ съ 6.000 чел. въ Ригу и занялъ городскіе валы и укрѣпленія. Первымъ русскимъ комендантомъ города былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Остенъ.

13 іюля фельдмаршалъ послалъ къ ландмаршалу письмо на нѣмецкомъ языкѣ слѣдую-

щаго содержанія: «Какъ, по соизволенію Божію, область Лифляндія съ городомъ Ригою покорилась, на основаніи заключеннаго условія, Его Императорскому Величеству, то всѣ сословія, и въ особенности дворяне, должны принести присягу на вѣрноподданство. Дворянство можетъ быть увѣрено въ милости и благоволеніи къ нему Его Императорскаго Величества».

Получивъ это приглашеніе, дворянство постановило торжественно сопровождать фельдмаршала отъ лагеря до города, гдѣ долженствовала быть принесена присяга. Сорокъ дворянъ, подъ предводительствомъ барона Альбрехта Менгдена, отправились съ этою цѣлью въ русскій лагерь. Іюля 12 фельдмаршалъ, верхомъ, сопровождаемый многочисленной свитой, однимъ пѣхотнымъ и однимъ коннымъ полками и многими каретами цугомъ для генераловъ, въѣхалъ въ Ригу при звукахъ трубъ и литавръ. Въ Карловыхъ воротахъ его ожидали бургомистръ и члены магистрата, поднесшіе ему на бархатной подушкѣ два золотыхъ ключа. Процессія двинулась потомъ черезъ весь городъ къ замку, гдѣ ландмаршалъ, съ жезломъ въ рукѣ, встрѣтилъ Шереметева и проводилъ до возвышеннаго мѣста, приготовленнаго въ большой залѣ. Принявъ поздравленія, фельдмаршалъ пошелъ въ православную церковь, устроенную въ верхнемъ ярусѣ замка, и слушалъ здѣсь литургію, а затѣмъ отправился со всѣми дворянами въ лютеранскую церковь, гдѣ генералъ-суперъинтендентъ Депкинъ говорилъ проповѣдь на текстъ: «Нѣсть бо власть, аще не отъ Бога: сущія же власти отъ Бога учреждены суть». По окончаніи божественной службы всѣ дворяне, имѣя впереди ландмаршала, приблизились къ алтарю и принесли присягу на вѣрноподданство. Наконецъ, фельдмаршалъ, вмѣстѣ со всѣмъ генералитетомъ, пошелъ къ ратушѣ и на площади принялъ присягу отъ городскихъ обывателей. Затѣмъ вся процессія возвратилась въ русскій лагерь, гдѣ былъ данъ парадный обѣдъ, во время котораго, при громѣ пушекъ и звукахъ музыки, было торжественно провозглашено присоединеніе Лифляндіи къ Россіи.

XIV.

ТРИ СВАДЬБЫ И НЕУДАЧА.

(1711—1712).

Если Полтавская побѣда и удаленіе Карла XII въ Турцію не совсѣмъ перепугали, то страшно озадачили государей Западной Европы. Англія и Голландскіе штаты оказались, впрочемъ, обезпокоенными больше всѣхъ за свою торговлю, положеніе которой казалось гибельнымъ. Они, настолько же въ видахъ пользы для ослабленной Швеціи, сколько изъ близорукаго расчета, вздумали удержать разлитіе пламени войны палліативной мѣрою—объявленія нейтральными имперскихъ земель. Принадлежавшая Швеціи Померанія входила въ составъ нейтральной почвы, такъ же какъ Шлезвигъ и Голштинія; поэтому,—думали голландскіе и имперскіе дипломаты,—ни шведамъ на Шлезвигъ, ни датчанамъ, саксонцамъ и русскимъ на Померанію нельзя будетъ напасть, за страхомъ общаго противодѣйствія всей германо-голландско-англійской коалиціи. И войны, само собою, не послѣдуетъ!.. Но, объявляя нейтралитетъ по деклараціи 31 марта 1710 года, принятой Швеціею, великіе политики не замѣчали, что они посягаютъ сами на права своего союзника—шведскаго короля, недозволяя ему развивать средствъ отпора и защиты противъ Даніи, до нейтралитета уже заявившей свою непріязненность и виды на Шонію. Туда произвелъ датскій король даже и дѣйствительное нападеніе, но отчаянными шведами былъ отбитъ съ урономъ (28 февраля 1710 г.).

За моремъ, въ Помераніи, притаился шведскій генералъ Крассау съ 30.000 войска, удалившись сюда изъ Польши при извѣстіи о несчастіи своего государя Карла XII, за котораго управляла престарѣлая мать съ сенатомъ.

Условіями нейтралитета, — при объявленіи котораго возражать или итти противъ положительно не приходилось ни одной изъ воюющихъ сторонъ, — Крассау поставленъ былъ въ невозможность даже пополнить кадры своего корпуса, и на это послѣднее обстоятельство старались налегать министры датскіе и саксонскіе, при малѣйшей попыткѣ генерала шведскаго привести свои силы въ исправность. Съ другой стороны, имперцы и друзья ихъ: Голландія и Англія—разсчитывали, подъ видомъ военныхъ дѣйствій сѣверныхъ союзниковъ въ Помераніи, явилось, впрочемъ, уже въ началѣ 1711 года, а весь 1710 годъ прошелъ въ общемъ бездѣйствіи, наложенномъ нейтралитетомъ, на южномъ балтійскомъ поморьѣ. Тогда какъ сѣверные и восточные берега Балтики для дѣйствій Петра I оказывались въ это время совсѣмъ открытыми, даже и за нахожденіемъ въ Финскомъ заливѣ шведскаго флота подъ начальствомъ шведскаго адмирала Ватранга' Петръ дѣйствовалъ съ сухого пути и успѣлъ

Замокъ въ Выборгѣ.

устраненія всякаго повода къ распрѣ съ сѣверными союзными государями, употребить корпусъ Крассау противъ французовъ на Рейнѣ или въ Голландіи. Они вошли въ прямое соглашеніе о томъ и съ шведскимъ регентствомъ, предлагая 400.000 талеровъ за него въ годъ. Королева, мать Карла XII, и сенатъ стокгольмскій требовали 500.000, и на этомъ дѣло остановилось, когда изъ Бендеръ прислалъ король шведскій письмо, полное угрозъ противъ Августа II и выражавшее явную неохоту подчиниться условіямъ нейтралитета. Письмо это, сдѣлавшееся сигналомъ открытія въ лѣто 1710 г. овладѣть въ Польшѣ Эльбингомъ (28 января 1710 г.), въ Лифляндіи Ригою и Динаминдомъ, въ Эстляндіи — о. Эзелемъ и г. Ревелемъ, а въ Финляндіи Выборгомъ и Кексгольмомъ.

Послѣ взятія Риги, Выборгская экспедиція самая важная въ ряду успѣховъ Петрова оружія. Да и составляетъ она самостоятельный эпизодъ, гдѣ дѣятелями оказываются Петръ I съ его генералъ-адмираломъ Апраксинымъ.

Отпраздновавъ въ Москвѣ Новый годъ особенно торжественно (пальбой и фейерверкомъ) и получая одно за другимъ извѣстія о пер-

выхъ успѣхахъ датскаго короля въ Шоніи, утвержденіи на сеймѣ Августа королемъ, сдачѣ Эльбинга и подтвержденіи мира турками, Петръ въ половинѣ февраля уѣхалъ въ Петербургъ, готовиться къ Выборгскому походу Найдя Апраксина въ трудахъ по снаряженію осаднаго корпуса, царь въ поощреніе возвелъ его въ графское достоинство. И новый графъ еще по льду, черезъ Котлинъ и Березовы острова, марта 21 повелъ пѣхоту съ кавалеріею и на другой день пришелъ къ Выборгу. Въ теченіе марта наше войско уже подошло сапами къ городскимъ укрѣпленіямъ, отъ моря и съ противоположной стороны, такъ что съ 1 апрѣля началась бомбардировка изъ 10 пушекъ и 3 мортиръ (которыя только и взяты были осаднымъ корпусомъ). На двѣнадцатый день открытія траншей, шведы сдѣлали вылазку изъ Выборга, но были отбиты съ урономъ, и затѣмъ цѣлый почти мѣсяцъ не произошло ничего важнаго, потому что слаба была у насъ артиллерія, да, за походомъ налегкѣ (съ наложеніемъ хлѣба только въ солдатскіе ранцы), мало оказывалось и провіанта. Подвозъ же изъ Петербурга, на который сперва такъ разсчитывали, за позднимъ вскрытіемъ Финскаго залива въ этотъ разъ замедлился,—такъ что главнокомандующій не зналъ, что дѣлать ему въ крайности. Петръ I не меньше томился отъ этой невозможности плыть водою. Вице-адмиралъ Крюйсъ съ транспортами вышелъ изъ Невы еще 23 апрѣля, но не могъ дойти и до Котлинскаго рейда. Петръ I, черезъ день отправившись къ транспортной эскадрѣ, нашелъ ее только въ 8 верстахъ отъ устья Невы, а далѣе стоялъ сплошною стѣной ледъ, унесенный за Котлинъ вѣтромъ только 28 числа. Въ виду относимаго льда добравшись до Котлина, царь и его вице-адмиралъ выслали въ море шнявы на крейсерство; но воротившіеся крейсеры донесли, что къ Березовымъ островамъ дойти невозможно — за сплошною стѣною льдовъ. Петръ самъ пустился на своей шнявѣ «Лизетъ» и ночевалъ съ крейсерами въ урочищѣ Курома (въ 6 миляхъ отъ Березовыхъ острововъ), куда подошла и транспортная эскадра. Мая 1-го Петръ прошелъ вдоль стѣны льдовъ, желая узнать, далеко ли она простирается, и пересѣкъ всю Котлинскую губу до Копорскаго берега, нигдѣ не найдя прохода между льдами. Проведя же два дня въ изслѣдованіи ихъ, царь воротился въ Петербургъ — дожидаться перемѣны вѣтра и движенія льда. А въ отсутствіе его транспортныя суда сильнымъ вѣтромъ отъ Березовыхъ острововъ унесло въ море, и парусная эскадра поставлена была въ невозможность къ нимъ приблизиться. Въ такомъ положеніи засталъ государь дѣла наши, прибывъ вторично къ флоту, и самъ пустился на выручку погибавшихъ транспортовъ, на своей шнявѣ «Лизетъ»; однако, ничего не могъ сдѣлать, и только уже 7 мая фрегаты, посланные съ строгимъ приказомъ пробиться сквозь льды, дойдя до транспортовъ, подали помощь бѣдствовавшимъ.

Затѣмъ, уже 8 мая, всѣ могли итти къ Выборгу и въ тотъ же день дошли до него, произведя общую радость въ войскѣ, у котораго провіантъ совсѣмъ истощился, и предстояло голодать или отступить съ позоромъ.

Выгруженіе осадной артиллеріи, подходъ которой жителями Выборга сперва принятъ былъ за прибытіе для нихъ подкрѣпленій, дало Петру возможность осмотрѣть осажденную крѣпость и уйти (14 мая) во-время, до прихода шведскаго флота, явившагося въ Выборгскомъ заливѣ въ тотъ же день, спустя нѣсколько часовъ по отбытіи царя. Безъ него къ 1 іюня были поставлены на наши линіи 80 пушекъ и 19 мортиръ большого калибра, и началось бомбардированіе, до того ужасное, что въ шесть дней непрерывнаго огня не осталось почти ни одного дома неповрежденнымъ, и въ стѣнѣ крѣпости пробиты громадныя бреши. Пользуясь ими, военный совѣтъ рѣшилъ произвести приступъ, и для того были приготовлены два моста, для наведенія черезъ проливъ въ двухъ мѣстахъ.

Назначенныя для штурма партіи развезены уже были къ мѣстамъ наступленія, когда комендантъ (9 іюня) прислалъ письмо къ Апраксину, предлагая сдать крѣпость на договоръ. Во время же посылокъ и договариванья съ комендантомъ, вечеромъ 11 іюня, прибылъ неожиданно въ лагерь Петръ I и тотчасъ принялъ предложенія коменданта: при сдачѣ отпустить гарнизонъ съ полнымъ вооруженіемъ. Іюня 13-го поэтому послѣдовала сдача Выборга, и Петръ самъ, приказавъ навести мосты, провелъ на брешь два баталіона нашего войска. Два другіе баталіона проведены

въ городъ генералъ-майоромъ Беркгольцемъ—отцомъ извѣстнаго автора дневника. Іюня же 14 Петръ I вступилъ торжественно въ покоренный Выборгъ, маршируя со своимъ Преображенскимъ полкомъ. Отпировавъ въ домѣ адмирала,

Фельдмаршалъ, князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ.

царь провелъ здѣсь еще восемь дней, разъѣзжая съ адмираломъ по заливу, и только 18 іюня, отправивъ молебствіе и наградивъ подвигъ Апраксина орденомъ Св. Андрея да отпустивъ войска свои въ Петербургъ для новаго тріумфа, самъ съ Меншиковымъ пустился обратно въ свою невскую резиденцію. Не успѣли обыватели ея забыть торжественное пронесеніе шведскихъ знаменъ, взятыхъ въ Ригѣ, какъ торжество взятія Выборга напомнило новый успѣхъ русскаго оружія. Въ день молебствія о покореніи его, вечеромъ, радостный царь даже приказалъ палить изъ пушекъ при заздравныхъ тостахъ на свадьбѣ князя А. М. Черкасскаго, открывшей собою брачныя торжества, послѣдовавшія дружною вереницею пировъ въ этомъ, можно сказать, совсѣмъ *праздничномъ* году.

На свадьбѣ князя Черкасскаго (9 іюля) были всѣ особы царскаго дома, т.-е. не только самъ Петръ, но и обѣ его невѣстки-царицы да сестры царя — царевны. Младшая невѣстка-царица, Прасковья Θеодоровна, еще весною пріѣхала въ Петербургъ, гдѣ должна была устроиться свадьба ея дочери, царевны Анны Іоанновны, съ племянникомъ прусскаго короля, молодымъ герцогомъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ курляндскимъ. Прося у царя руки племянницы, молодой курляндскій владѣтель думалъ убить двухъ бобровъ разомъ: добиться покровительства могущественнаго дядюшки и получить освобожденіе своей земли отъ всякихъ постоевъ, контрибуцій и зимнихъ квартиръ русскаго войска, кромѣ полнаго вознагражденія за всѣ протори и убытки отъ воинскихъ людей его подданнымъ, и 200.000 рублей на приданое невѣстѣ. Петръ условія эти принялъ, но расчетамъ жениха далъ особенное направленіе. Имѣнія герцога были почти всѣ въ залогѣ, и царь только четвертую часть приданныхъ денегъ согласился дать ему въ руки, уменьшивъ итогъ приданаго даже до 40.000 рублей. А 160.000 назначилъ на выкупъ имѣній, изъ доходовъ съ которыхъ 5% должны были поступать къ самой герцогинѣ-супругѣ, какъ бы ростъ на заемъ мужа. Самостоятельность герцогини курляндской относительно исповѣданія православной вѣры тоже не только признана, но въ Митавскомъ замкѣ была устроена греческая церковь и выговорено даже, что въ случаѣ рожденія дочерей, отецъ будетъ воспитывать ихъ въ вѣрѣ матери; религія же отца должна только распространяться на сыновей.

Октября 29-го 1710 года разъѣзжали по Петербургу въ 2-хъ каретахъ шестеркою 4 царскіе камергера и приглашали иностранныхъ министровъ и представителей высшей аристократіи на свадьбу герцога курляндскаго съ царевною Анной, назначенную черезъ день

Князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ.

(31 октября). Въ самый же день этотъ, утромъ, Петръ, въ качествѣ оберъ-маршала, въ сопровожденіи 24-хъ свадебныхъ маршаловъ, въ 9 часовъ утра поѣхалъ на баржѣ и шлюпкахъ въ домъ невѣсты, имѣя впереди

себя хоръ нѣмецкихъ трубачей и литаврщиковъ. Гребцы на баржѣ и шлюпкахъ наряжены были въ бостроги краснаго бархата съ золотыми галунами и серебрянымъ шитьемъ на груди, съ царскимъ гербомъ. На Петрѣ былъ тоже алый шелковый кафтанъ съ собольими отворотами, серебряная шпага, на груди голубая лента и на головѣ напудренный парикъ вмѣсто шляпы. Въ рукѣ же держалъ онъ маршальскій жезлъ съ пучкомъ лентъ разныхъ цвѣтовъ. По прибытіи въ домъ невѣсты, гдѣ собраны уже были дамы въ нѣмецкихъ платьяхъ, государь побылъ съ ними съ полчаса и, посадя невѣсту въ свою баржу, самъ довезъ ее къ дому жениха; взявъ же его и уставивъ въ порядокъ шлюпки, двинулъ поѣздъ къ палатамъ князя Меншикова, гдѣ должно было происходить вѣнчаніе и свадебный пиръ. Причаливъ къ княжеской пристани, невѣсту, одѣтую въ бѣлую бархатную робу съ золотыми городками и въ красную горностаевую мантію, съ короною на головѣ, вывели подъ руки генералъ-адмиралъ и канцлеръ, а женихъ-герцогъ, въ бѣломъ парчевомъ кафтанѣ, шелъ между царемъ и княземъ Меншиковымъ. Передъ домомъ князя стояла въ строю рота Преображенскаго полка, отдавшая поѣзду честь, съ музыкою.

Въ той самой залѣ, гдѣ теперь находится въ зданіи бывшаго 1 кадетскаго корпуса церковь, поставлена была церковь походная, передъ которою устроено было подъ балдахиномъ особое мѣсто для совершенія вѣнчанія. Шаферомъ невѣсты былъ князь Меншиковъ. Въ продолженіе священнодѣйствія архимандритъ хутынскій Ѳеодосій для герцога произносилъ молитвы и возглашенія по-латыни; а послѣ вѣнчанія всѣ отправились къ столу, накрытому въ двухъ залахъ. Въ первой изъ нихъ, за овальнымъ столомъ, подъ балдахиномъ алаго бархата, поставленъ былъ столъ для новобрачныхъ, къ которому привелъ ихъ самъ Петръ, держа племянницу правою, а герцога лѣвою рукою. Противъ же четы новобрачныхъ сѣли царицы и царевны, надъ которыми повѣшены были вѣнки изъ лавровыхъ вѣтвей. Къ столу царской фамиліи перпендикулярно приставлены были два другіе стола для русскихъ сановниковъ и нѣмецкихъ офицеровъ съ ихъ семействами. Противоположный новобрачнымъ столъ у стѣны занятъ былъ господами, петербургскими жителями. Царь съ шаферами ходилъ вокругъ столовъ, имѣя на правой рукѣ кокарду изъ лентъ и кружевъ; всѣхъ угощалъ и провозглашалъ тосты. При каждомъ изъ нихъ раздавались залпы изъ одиннадцати орудій, изъ числа тридцати, поставленныхъ передъ домомъ Меншикова, да съ царской шнявы «Лизеты», стоявшей тутъ же, у пристани, на Невѣ и расцвѣченной флагами. Послѣ стола начались танцы и продолжались до двухъ часовъ пополуночи. Царь потомъ «отвелъ новобрачныхъ въ спальный покой», гдѣ вмѣстѣ съ гостями выпивъ вина, пожелалъ имъ всякаго счастія.

На слѣдующій день происходилъ снова пиръ въ палатахъ Меншикова. За обѣдомъ царь, сорвавъ висѣвшій надъ кресломъ жениха вѣнокъ, предложилъ ему снять вѣнокъ, находившійся надъ молодою,—будто бы по русскому обычаю. На этомъ пиру, для большей потѣхи гостей, на столахъ поставлены были огромные пироги, изъ которыхъ, по вскрытіи ихъ царемъ, выскочило по карлицѣ, проплясавшихъ въ заключеніе менуэтъ по столу передъ гостями. Вечеромъ сожженъ былъ фейерверкъ, при зажиганіи котораго государь чуть не опалилъ себѣ лицо.

На третій день (2 ноября) пасторъ герцога благословилъ бракъ по обряду протестантовъ, произнеся при этомъ проповѣдь на стихи 5-й и 6-й 12-го псалма.

Въ то время, когда царь Петръ веселился въ своемъ невскомъ «Парадизѣ», празднуя свадьбу племянницы, судьба готовила ему кучу непріятностей въ близкомъ будущемъ. Турки, несмотря на подтвержденіе мира въ началѣ года, заявили царю непріязнь еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда и Карлъ XII прислалъ изъ Бендеръ грозное рѣшеніе свое императору, Англіи, Голландіи и проч. правительствамъ, участвовавшимъ въ вопросѣ о нейтралитетѣ имперскихъ земель,—что онъ вездѣ, гдѣ окажутся его непріятели, бить ихъ будетъ и преслѣдовать не оставитъ, несмотря на всякія рѣшенія, безъ спроса и согласія его состоявшіяся, которыхъ онъ и знать не хочетъ. Война, слѣдовательно, должна была начаться разомъ въ двухъ мѣстахъ, и нужно было такъ распредѣлить наши силы, чтобы противопоставить силу силѣ и тутъ и тамъ. Можно было надѣяться еще, что Карлъ XII приметъ непосредственное участіе въ борьбѣ турокъ, и кто знаетъ: не пожалуетъ ли онъ

снова въ тѣ мѣста, гдѣ потерялъ свою армію? Эта идея, безъ сомнѣнія, побудила царя вести войну наступательную, и для того, предписавъ князю М. М. Голицыну двинуться къ границамъ Молдавіи съ 10 полками драгунъ, онъ назначилъ и Шереметеву вести туда же 22 полка пѣхоты.

Уѣхавъ изъ Москвы, царь въ Луцкѣ заболѣлъ. Къ болѣзни присоединилось грустное расположеніе духа, навѣянное ходомъ дѣлъ, не предвѣщавшимъ много хорошаго. «Имѣемъ мы предлежащій, безвѣстный и токмо единому Богу свѣдомый путь», отвѣчалъ государь Меншикову отъ 12 апрѣля, а Шереметеву (24 апрѣля), передавая вполнѣ на его разсужденіе дѣлать, что будетъ лучше, прибавлялъ, «что удобнѣе, то чините, ибо мнѣ, такъ отдаленному и *почитай въ отчаяніи сущему*... невозможно разсуждать, ибо дѣла что день измѣняются». Расположеніе это, въ первое время по прибытіи въ Яворовъ, скоро измѣнилось къ лучшему, при вѣсти о побѣдѣ князя М. М. Голицына, одержаной надъ воеводою кіевскимъ, сторонникомъ Станислава, вмѣстѣ съ татарами и измѣнниками-казаками, шедшими по приказу Карла XII въ Польшу. Въ Яворовѣ же пришлось Петру ожидать вѣтренаго своего союзника Августа II напрасно цѣлый мѣсяцъ, и, уже выѣхавъ въ Ярославль, царь имѣлъ съ нимъ тамъ свиданіе. А на немъ положено: итти королю польскому въ Померанію съ частію русскихъ войскъ, осадить Стральзундъ, а части польскихъ войскъ итти съ царемъ въ турецкій походъ,—о чемъ и заключенъ договоръ. Затѣмъ въ Ярославлѣ черезъ трубачей сдѣлано публичное объявленіе войны туркамъ, и великій гетманъ литовскій Поцей присоединился къ нашимъ силамъ. Проживъ въ Ярославлѣ недѣлю, Петръ отправился (30 мая) къ арміи, съ которою Шереметевъ перешелъ уже Днѣстръ, служившій границею Молдавіи. Съ господаремъ же этой страны, княземъ Димитріемъ Кантеміромъ, заключено было соглашеніе о принятіи его въ подданство Россіи. И, отбивъ татаръ у Рашкова, фельдмаршалъ послалъ въ Яссы полковника Кропотова для принятія города отъ господаря по договору.

Петръ съ Екатериной прибыли къ войску 9 іюня и 12-го, подойдя къ Днѣстру, переправились черезъ него при м. Сороки; 23-го же прибыли въ г. Яссы. Здѣсь царю предсталъ Кантеміръ и посолъ отъ валахскаго господаря Бранкована, между прочимъ заявившій, что визирь просилъ его владѣтеля провѣдать, не желаетъ ли Петръ заключить миръ. Вскорѣ, какъ оказалось,—но, конечно, уже въ крайности,—государь воспользовался этимъ предложеніемъ, въ Яссахъ же не обратилъ большого вниманія на заявленіе. Лучше сказать, царь, какъ замѣчено въ «юрналѣ», не принялъ предложенія, «дабы не придать непріятелю сердца или куражу».

Имѣя въ виду, что оказывался недостатокъ въ продовольствіи и что турки, по тогдашнимъ извѣстіямъ, еще не всѣ перешли Дунай, а господарь указывалъ, будто въ Браиловѣ приготовлены непріятелями большіе запасы хлѣба, оставленнаго безъ обороны,—собранный въ Яссахъ военный совѣтъ рѣшился на рискованную мѣру: поспѣшить туда, въ надеждѣ предупредить враговъ.

Опрометчивые расчеты, однако, не оправдались. Въ первый же день движенія нашего къ Фальчи по Пруту, отъ авангарда, командуемаго генераломъ Янусомъ, получено извѣстіе, что турки уже перешли р. Прутъ,—хотя на самомъ дѣлѣ этого не было, а переправа сдѣлана ими уже послѣ ретированья этого генерала къ главнымъ силамъ, что придало непріятелямъ больше отваги.

Во всякомъ случаѣ, они предупредили насъ у Фальчи, становясь въ разрѣзъ главнымъ силамъ нашимъ и отряду Рена. При этихъ обстоятельствахъ, Петръ сперва думалъ произвести движеніе къ р. Серету, но истомленіе лошадей отъ безкормицы во время слѣдованія по мѣстамъ, гдѣ траву истребила саранча, помѣшало привести и это въ исполненіе. Военный совѣтъ былъ собранъ снова и рѣшилъ воротиться назадъ, соединиться съ отставшими дивизіями Вейде и Репнина и въ удобномъ мѣстѣ дать сраженіе. Это было 8 іюля. А на утро турки перешли въ преслѣдованіе нашего арьергарда, напавъ на отставшій Преображенскій полкъ. Но онъ отбилъ ихъ такъ, что, только медленно развивая свои силы, оказавшіяся громадными; непріятели слѣдовали за нимъ издали. Когда же въ полдень данъ былъ войску роздыхъ у р. Прута, визирь,—въ противность совѣту присланныхъ Карломъ XII изъ Бендеръ генераловъ, Шпарре и Понятовскаго: чтобы, не нападая

Свадебный пиръ Петра Великаго и Екатерины I.

на насъ, истомить голодомъ, не вступая въ бой,— атаковалъ насъ превосходными силами своими, имѣя налицо до 220.000 турокъ да 70.000 конныхъ татаръ, когда у насъ было всего 38.246 чел. (6.692 чел. конницы). Атака нестройныхъ рядовъ непріятелей, впрочемъ, не много принесла имъ пользы, потому что правильный строй и картечный огонь артиллеріи перебили изъ нихъ до 7.000 человѣкъ. «И если бы,—какъ говорится въ «юрналѣ», правленномъ рукою Петра,—за ними (турками) хотя мало слѣдовали, то бы полную викторію получить могли». Но двинуться намъ было нельзя, не устроивъ укрѣпленнаго лагеря, гдѣ бы оставить свой, хотя и небольшой, провіантъ. Неудача же нападенія до того уронила духъ турокъ, что въ ночь они,—съ той стороны, съ которой нападали на насъ,—сами сдѣлали окопъ съ батареями. Да и за р. Прутомъ, на горѣ, устроили батареи, съ которыхъ открыли огонь по нашему войску, мѣшая даже брать воду изъ рѣки. Утромъ 10 іюля визирь еще разъ хотѣлъ атаковать насъ, но янычары отказались итти. Въ это же время на совѣтѣ, собранномъ Петромъ, рѣшили, прежде чѣмъ пускаться въ отчаянное дѣло съ турками, испытать, нельзя ли войти съ ними въ переговоры. Въ этихъ видахъ, посланъ былъ съ письмомъ къ визирю отъ фельдмаршала унтеръ-офицеръ гвардіи Шепелевъ. А между тѣмъ приступили къ укрѣпленію обоза, чтобы въ случаѣ отрицательнаго отвѣта со стороны непріятеля, оставя въ этомъ укрѣпленіи багажъ, попробовать пробиться. Стрѣльба съ батарей турецкихъ не много вредила намъ въ обозѣ, но по открытой степи подъ огнемъ ея итти было все же затруднительно. Впрочемъ, при мѣшканіи визиря отвѣтомъ, послано къ нему вторично съ словеснымъ напоминаніемъ, что дальнѣйшее молчаніе примется нами за нежеланіе мириться, и мы выйдемъ на бой. Визирь, какъ можно догадываться, былъ въ страшномъ затрудненіи: не хотѣлось ему упустить удобнаго, выгоднаго случая, и боялся онъ отчаянной храбрости нашей, не слишкомъ довѣряя своему многолюдству.

Наконецъ, уже когда увидѣлъ онъ, что отданъ приказъ съ нашей стороны *выступать* полкамъ *изъ обоза*, прислалъ отвѣтъ, что мириться готовъ и ожидаетъ съ нашей стороны уполномоченныхъ. Подканцлеръ Шафировъ съ 3-мя переводчиками поѣхалъ въ турецкій лагерь въ тотъ же вечеръ съ полномочіемъ отъ царя: «туркамъ всѣ городы завоеванные отдать, а построенные на ихъ земляхъ раззорить, а буде заупрямятся, совсѣмъ отдать и, чѣмъ возможно, султана всячески удовольствовать, чтобы для того за шведа не зѣло старался». Визирю позволено обѣщать 150.000 руб., *Кегаѣ* его—60.000 руб., чаушъ-баши — 10.000 р., такъ же какъ и *Агѣ* янычаръ. Предложенія наши, при такой могучей поддержкѣ, приняты были охотно и такъ поспѣшно, что на утро миръ уже былъ заключенъ и 12 іюля подписанъ. Туркамъ отдали Азовъ; обязались разорить Таганрогъ и города на Самарѣ; въ польскія дѣла не мѣшаться; королю шведскому позволить проѣхать въ его владѣнія такъ же, какъ дозволенъ и нашимъ войскамъ путь свободный.

Такъ кончилась эта страшная опасность для Россіи и Петра, который какъ бы предчувствовалъ это несчастіе съ первыхъ же дней этого неудачнаго своего похода.

Алексѣя Петровича профессоръ Соловьевъ находитъ схожимъ по характеру съ державнымъ его дѣдомъ, царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Почтенный авторъ «Исторіи Россіи въ эпоху преобразованій» указанное сходство подмѣтилъ *въ умѣ* одноименныхъ дѣда и внука, *въ охотѣ пріобрѣтать познанія*, «если это не стоило большого труда», *въ охотѣ читать и пользоваться прочитаннымъ* да въ сознаніи необходимости образованія *и знанія иностранныхъ языковъ для русскаго человѣка*. Какъ ни отвлеченны и ни внѣшни сами по себѣ подобныя черты, но, допуская ихъ въ царевичѣ Алексѣѣ, мы не можемъ точно и безъ натяжекъ приписать ихъ его державному дѣду. При болѣе положительномъ изслѣдованіи особенно выдающихся сторонъ индивидуальнаго характера царевича, мы можемъ въ немъ, пожалуй, подмѣтить только отвращеніе отъ дѣлъ серіозныхъ и нелюбовь къ упорному труду. Но качества эти могли образоваться у царевича по естественному закону противорѣчія, при понужденіяхъ со стороны отца *дѣлать то именно*, когда избалованный своими пѣстунами, въ родѣ Никифора Вяземскаго (его учителя грамотѣ,—краснослова, человѣка старыхъ порядковъ, оставленнаго при царственномъ ученикѣ по удаленіи

Императрица Екатерина I Алексѣевна, супруга Петра Великаго.

матери), Алексѣй Петровичъ не чувствовалъ къ отцу ничего похожаго на любовь, а одинъ страхъ.

Остается крѣпко сожалѣть, что обстоятельства помѣшали царю выполнить первое его намѣреніе. Какъ извѣстно, Петръ, послѣ перваго путешествія въ Европу, хотѣлъ сына воспитывать за границею; но Сѣверная война остановила эти намѣренія царя, уже взявшаго было и нѣмца-гувернера, Нейгебауэра (автора извѣстнаго пасквиля, впослѣдствіи передавшагося Карлу XII), который долженъ былъ везти царевича въ Дрезденъ и жить тамъ съ нимъ. Нейгебауэръ этотъ удаленъ былъ вскорѣ же за ссору съ Никифоромъ Вяземскимъ и Алексѣемъ Ив. Нарышкинымъ, а въ гувернеры къ царевичу взятъ извѣстный баронъ Гейнрихъ Гюйсенъ, при вступленіи въ свою должность представившій царю планъ, очень разумный и практичный, которому, къ несчастію, некому было слѣдовать, за удаленіемъ наставника для выполненія политическихъ порученій за границу. Въ короткое время, проведенное Гюйсеномъ со своимъ царственнымъ воспитанникомъ, онъ на него, конечно, не могъ особенно вліять, тѣмъ болѣе—сдѣлать ощутительною перемѣну въ нравственныхъ качествахъ. Не могъ онъ разсѣять и предразсудковъ, легко воспринимавшихся царевичемъ отъ невѣжественной среды, его окружавшей, гдѣ подражаніе царю Петру понималось въ однѣхъ попойкахъ, къ которымъ рано пріучился и Алексѣй Петровичъ, по словамъ своего великаго родителя, одаренный отъ природы вовсе не дурными способностями. Вредныя же вліянія среды, окружавшей царевича въ эпоху развитія его способностей, прежде всего обнаружились въ поддерживаніи въ Алексѣѣ любви къ бездѣйствію и грубымъ удовольствіямъ, къ которымъ молодой человѣкъ его лѣтъ легко получаетъ охоту, если его не останавливать. А какъ останавливать людямъ, весь близорукій расчетъ которыхъ клонился къ ихъ собственному необремененію и возможности весело проводить время? Подмѣтивъ въ молодомъ человѣкѣ наклонности, совсѣмъ противоположныя отцовскимъ, окружающіе царевича, вмѣсто направленія его воли въ соотвѣтствіе государевымъ требованіямъ, старались, наоборотъ, научить его хитростямъ, чтобы, при помощи ихъ, обманывать царя-отца и дѣйствовать въ направленіи, обратномъ его намѣреніямъ. Сразу и прямо возставать противъ нововведеній царя они, конечно, не стали внушать Алексѣю, который могъ легко проговориться и открыть такимъ образомъ вредъ дѣлаемыхъ ему внушеній. Окружавшіе царевича довольствовались сперва отрицательными намеками. А изъ нихъ дѣтскій умъ царевича, вынесшій изъ поступка отца съ его матерью только непріязнь къ родителю,— понималъ одно: общее неодобреніе Петровыхъ начинаній, выдаваемыхъ за излишнія и общеотяготительныя. Когда же, при такомъ направленіи дѣтскаго мышленія царевича, отецъ началъ его брать съ собою въ военныя экспедиціи и, судя о сынѣ по себѣ, давать ему порученія, которыя не имѣлъ досуга самъ выполнить и которыя равно не нравились лѣнивымъ приближеннымъ Алексѣя, а ему были не совсѣмъ понятны и могли возбуждать одинъ страхъ за невольныя въ чемъ-либо опущенія, — не трудно было, только поддерживая его собственныя незрѣлыя идеи, укрѣпить антипатію къ непроизвольной и нелюбимой дѣятельности. Въ царевичѣ уже рано стала проявляться наклонность къ формальной сторонѣ религіи, и скоро крестовый священникъ его, Яковъ Игнатьевъ, пріобрѣлъ исключительное вліяніе на Алексѣя Петровича. Отъ природы хитрый и вкрадчивый, онъ сумѣлъ сдѣлаться повѣреннымъ всѣхъ тайнъ царевича и на духу, слыша его признаніе въ нерасположеніи къ отцу, не только не старался уменьшить это благоразумными внушеніями, но скорѣе изъ видовъ своихъ усиливалъ ихъ, самъ передавая всѣ темные слухи въ народѣ, неблагопріятно относившіеся къ затѣямъ царя.

Всѣ дурныя стороны нравственныхъ наклонностей царевича были въ немъ уже сильно укрѣплены, когда, вслѣдствіе Полтавской побѣды, авторитетъ русскаго царя высоко поднялся въ глазахъ сосѣднихъ владѣтелей Европы, и, заключивъ съ ними выгодные союзы, Петръ рѣшился послать, хотя и поздно, уже физически совсѣмъ развитаго своего наслѣдника доканчивать образованіе въ Германію. Къ тому же, зимняя экспедиція съ новонабранными полками въ Ахтырку, въ началѣ 1709 г., уложивъ тамъ надолго въ постель царевича, потребовала серіознаго лѣченія его, и къ осени состоялось отправленіе Алексѣя Петровича въ Европу.

Царевичъ Алексѣй Петровичъ и супруга его кронпринцесса Шарлотта-Христина-Софія.

Отправляя, Петръ далъ сыну слѣдующій наказъ.

«*Зоонъ**), объявляемъ вамъ, что по прибытіи къ вамъ господина князя Меншикова (все еще считавшагося гофмейстеромъ царевича) ѣхать въ Дрезденъ, который васъ туда отправитъ и кому съ вами ѣхать прикажетъ, — приказываемъ вамъ, чтобы вы, будучи тамъ, честно жили и прилежали больше ученію, а именно: языкамъ, которые уже учите, нѣмецкій и французскій, такъ геометріи и фортификаціи, также отчасти и политическихъ дѣлъ. А когда геометрію и фортификацію окончите, — отпиши къ намъ. За симъ управи Богъ путь вашъ».

Меншиковъ, назначивъ ѣхать съ царевичемъ сыну канцлера, Александру Гавриловичу Головкину, да князю И. Ю. Трубецкому, — выбралъ хорошо обученныхъ господъ. Изъ нихъ, благодаря близости лѣтъ, царевичъ, хотя и настраиваемый враждебно духовникомъ своимъ да Вяземскимъ, тутъ же бывшимъ, особенно дружески сошелся съ Головкинымъ. Наказъ отца онъ тоже выполнилъ буквально: учась въ Дрезденѣ, къ концу 1710 г. *геометрію кончилъ*.

Затѣмъ предстояло писать и высказать, согласно его желанію, чтобы сынъ женился непремѣнно на иностранной принцессѣ: кого онъ избираетъ въ подруги жизни? Выборъ сердцемъ его тоже былъ уже сдѣланъ, а молодой Головкинъ и Урбихъ, посланникъ царя въ Вѣнѣ, устроили почти совсѣмъ уже и самое дѣло, замѣтивъ, что—проводя еще первую зиму въ Дрезденѣ — царевичъ очень любезно

*) Сынъ — по-голландски.

обращался съ гостившею у польской королевы (жены Августа II) родственницею ея, принцессою брауншвейгскою, Шарлотою-Христиною-Софіею. Сестра ея была замужемъ за бывшимъ претендентомъ на испанскій престолъ эрцгерцогомъ Карломъ, по смерти брата своего Іосифа въ 1711 г., вступившимъ на императорскій германскій престолъ подъ именемъ Карла VI. Молодая принцесса сильно нравилась Алексѣю. Въ письмахъ своихъ къ своему повѣренному — духовнику писалъ онъ, «что она — человѣкъ добръ»; за всѣмъ тѣмъ прошелъ цѣлый годъ почти, до того вожделѣннаго дня для брауншвейгскаго герцогскаго дома, когда мать невѣсты, герцогиня Христина-Луиза, сообщила Урбиху, что *царевичъ объяснился съ польскою королевою и дочерью* самымъ учтивымъ и пріятнымъ образомъ. «Моя дочь Шарлота увѣряетъ меня, что принцъ очень перемѣнился къ своей выгодѣ; что она считаетъ себя счастливою и очень польщена честью, какую принцъ и царь оказали своимъ выборомъ», — писала счастливая мать 9 ноября 1710 года. Но согласіе царя на заявленіе послѣдовало только спустя пять мѣсяцевъ; мы разумѣемъ брачный договоръ въ Яворовѣ, а не выборъ. Въ дѣлѣ выбора сыномъ—той или другой невѣсты Петръ не принималъ никакого участія. Въ глазахъ царя, въ этомъ случаѣ, наклонность сына играла единственную роль, а самъ онъ, какъ родитель и государь, заявлялъ единственное условіе, чтобы избранная принадлежала къ семейству европейскихъ владѣтелей. Это единственное требованіе было только и заявлено сыну, какъ существенно согласное съ политикой Россіи, отнюдь не искавшей матеріальныхъ выгодъ или поддержки черезъ подобный союзъ государева наслѣдника.

Живя же въ Яворовѣ, въ апрѣлѣ уже 1711 г., подъ вліяніемъ самыхъ грустныхъ предчувствій всего, самаго невыгоднаго для себя въ будущемъ, Петръ I, какъ извѣстно, окончательно утвердилъ проектъ договора о вступленіи въ бракъ своего сына. Договоромъ этимъ принцессѣ - супругѣ предоставлялось: право оставаться при исповѣданіи лютеранскомъ, но дѣти должны были быть православными. На содержаніе въ годъ договорено выдавать супругѣ царевича по 50.000 р., съ единовременнымъ отпускомъ до свадьбы 25.000 р. Ежегодную дачу Петру хотѣлось уменьшить до 40.000 р., но родные невѣсты стояли упорно на указанной цифрѣ, равно и на предполагавшемся отпускѣ половины содержанія ей, если она, овдовѣвъ, не захочетъ жить въ Россіи. Поѣхавъ самъ за дѣломъ улаженія денежныхъ условій въ Брауншвейгъ, весною 1711 г., царевичъ прожилъ у родныхъ невѣсты цѣлое лѣто. Петръ же, пребывъ отъ Пруга въ Варшаву 26 августа, оттуда, черезъ Познань, переѣхалъ въ Дрезденъ (9 сентября) и, ночевавъ только въ столицѣ Саксоніи, отправился пользоваться минеральными водами въ Карлсбадъ. Здѣсь онъ пробылъ до 3 октября; оттуда же, проведя пять дней въ Дрезденѣ (съ 7 по 12 октября), царь пріѣхалъ въ г. Торгау 13 числа, «гдѣ государь, царевичъ и кронпринцесса (невѣста его), дѣдъ ея, отецъ и мать уже дожидались, и стояли всѣ въ замкѣ». На слѣдующій день (14 октября) здѣсь и совершено было бракосочетаніе Алексѣя съ Шарлотою.

Послѣ свадьбы сына, на шестой день, изъ Торгау Петръ уѣхалъ въ Берлинъ на свиданіе съ прусскимъ королемъ, а недѣли черезъ три и царевичъ поѣхалъ въ Торнъ: распорядиться продовольствіемъ войскъ. Туда же къ нему въ декабрѣ пріѣхала и супруга. Здѣсь молодая чета провела зиму и весну 1712 г.

Разсказавъ свадьбы племянницы и сына царя Петра, переходимъ къ его собственному браку съ Екатериною I.

Отправляясь въ турецкій походъ, Петръ вечеромъ 6 марта 1711 года, въ Москвѣ, сдѣлалъ, какъ извѣстно, публичное заявленіе, что Екатерина Алексѣевна—мать его дѣтей—«есть истинная государыня». Такъ и почитали ее министры и войско въ продолженіе Прутскаго похода. И въ это-то именно время, въ самую критическую минуту для Петра и Россіи, когда близъ Фальчи окруженъ былъ государь 220.000 непріятелей, Екатерина, пославъ съ Шафировымъ визирю Балтаджи-Мухаммеду свои брилліанты, сдѣлала его сговорчивымъ въ заключеніи Прутскаго мира. Такую заслугу Петръ вѣчно помнилъ и на первыхъ же порахъ по возвращеніи изъ Германіи, вслѣдъ за свадьбою сына въ Петербургѣ, сочетался съ нею *торжественно* бракомъ.

Этотъ великій, для Екатерины и ея потомства, день—было 19 февраля 1712 г. (среда на *сплошной* недѣлѣ передъ масленицею).

Елизавета Петровна, дочь Петра Великаго.

Бракъ совершенъ былъ утромъ, въ девятомъ часу, въ церкви Исаакія Далматскаго, въ приходѣ которой, на Адмиралтейскомъ острову, жилъ Петръ, какъ корабельный мастеръ. Потому и шаферами (за исключеніемъ бывшихъ его денщиковъ: Ягужинскаго, Мурзина да секретаря Макарова), были все морскіе чины—*своя семья* державнаго хозяина-кораблестроителя, какъ и Меншиковъ. Маршаломъ былъ «герценсъ-киндъ Алексаша», въ новый тогда домъ котораго на Васильевскій островъ и пріѣхали высокіе новобрачные, прямо изъ церкви. Отсюда уже весь кортежъ направился къ Зимнему дворцу. Съ приближеніемъ къ нему, виновницу торжества — Екатерину — встрѣтилъ маршалъ, и по знаку его началась пушечная пальба изо всѣхъ орудій крѣпостей Петропавловской и Адмиралтейской.

«Хорошій пиръ,—говорили умные предки наши,—долженъ продолжиться недѣлю, а три дня — только посредственный».

Петръ I, вѣроятно, считалъ достаточнымъ и двухдневное празднество для своей второй свадьбы.

Февраля 20-го всѣ гости, бывшіе наканунѣ, съѣхались снова въ царскій домъ къ 3 часамъ пополудни. Сперва сидѣли всѣ чинно за столами, уставленными десертомъ, а съ 7-го часа открылся балъ, продолжавшійся до полуночи. Танцами при этомъ распоряжался дворецкій князя Меншикова, имѣя въ рукѣ трость, увѣнчанную алмазнымъ двуглавымъ орломъ и такою же короною съ перевязью изъ зеленыхъ лентъ съ золотомъ.

Такъ отпировалъ Петръ свою свадьбу, которая должна была измѣнить прежніе виды на воспитаніе дочерей, изъ которыхъ именины старшей царевны съ слѣдующаго года начали торжественно праздноваться. Ко времени же выхода ея изъ дѣтства составился планъ воспитанія, приличнаго принцессѣ, дочери могущественнаго монарха, имѣвшаго виды взять въ зятья принца съ почтенною генеалогіею.

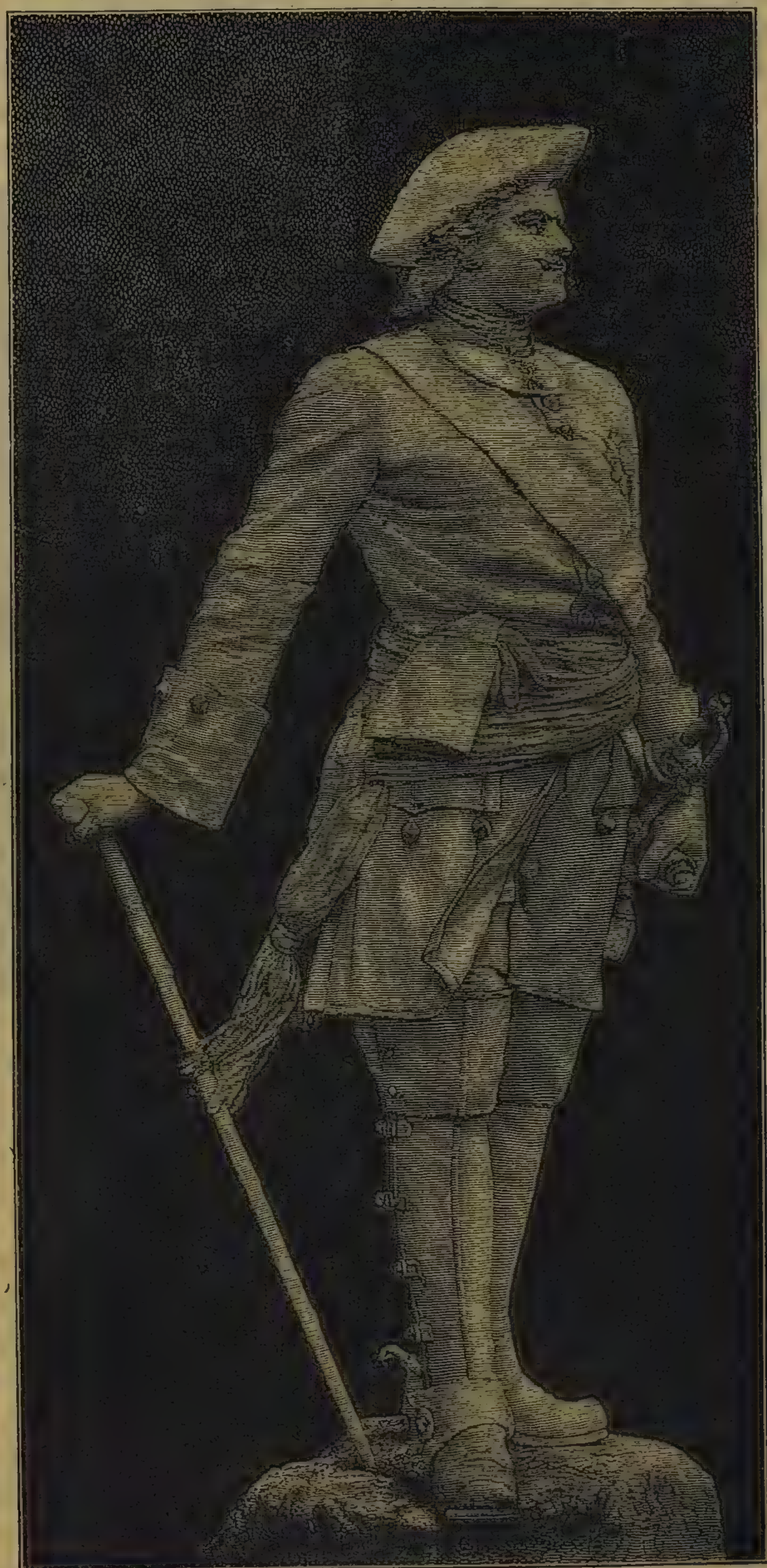
Сперва Екатерину и дочерей ея окружали простыя урожденки Ингріи, забранныя въ плѣнъ во время первыхъ походовъ Апраксина и Шереметева. Дѣвица Толстая и княжна М. Ѳ. Вяземская были главными лицами въ администраціи «обѣихъ комнатъ», говоря словами Екатерины I, т.-е. по воспитанію цесаревенъ Анны и Елизаветы Петровны. Но, въ разъѣздахъ своихъ по Германіи (1711 г.), Екатерина уже присматривалась къ порядкамъ европейскимъ. И хотя въ святки тѣшили царевенъ попрежнему фарсами гренадеръ, приходившихъ представлять «брань лѣшаго съ козою», получая по шести рублей за трудъ свой отъ щедротъ монаршихъ, — но судя по самой запискѣ въ расходъ этихъ денегъ, уже видно, что царевны имѣли извѣстныя суммы въ своемъ распоряженіи и могли изъ своего кошелька дѣлать разнаго рода отпуски. Для царевенъ приглашенъ былъ и учитель танцевъ Рамбуръ, выучившій минуэтамъ дочерей царицы Прасковьи. Сынъ Глюка преподавалъ имъ нѣмецкій языкъ, и царевна Анна очень исправно писала уже 12-ти лѣтъ нѣмецкія письма къ родителямъ, въ бытность ихъ въ Ригѣ (съ марта по іюнь 1721 г.). Елизавета Петровна любила музыку и танцы и отличалась хорошимъ знаніемъ французскаго языка, для практики въ которомъ взята была къ ней въ гувернантки француженка де-Лонэ, супруга директора стекляннаго завода. Петръ, какъ извѣстно, со второго своего путешествія, задумалъ уже Елизавету отдать за Людовика XV, французскаго короля, и съ этою цѣлью ее старались особенно образовать для блистанья въ обществѣ. Этою особенностію дѣйствительно и отличалась въ послѣдствіи императрица Елизавета, говорившая по-французски какъ по-русски, и предпочитавшая все французское до того, что дворъ ея сдѣлался вѣрнымъ подражаніемъ Версальскаго, и въ роскоши и въ удовольствіяхъ. Наоборотъ, царевна Анна съ дѣтства окруженная нѣмцами, болѣе любила домашнюю среду и имѣла всѣ добродѣтели хорошей хозяйки; взамѣнъ игривости и беззаботности младшей сестры своей. Она была очень умна, но, къ несчастію, не одарена быстротою дѣйствій; не склонна была и къ интригѣ.

XV.

РАСПРИ СОЮЗНИКОВЪ И РАЗЪѢЗДЫ ПЕТРА ПО ЕВРОПѢ.

(1712—1717 гг.).

На Кросенскомъ свиданіи (22 октября 1711 г.), гдѣ присутствовали наслѣдный принцъ прусскій (потомъ король Фридрихъ-Вильгельмъ I, отецъ Фридриха II Великаго) и датскіе министры Вибе и Шакъ, — положено было: отнять у шведовъ Штральзундъ, а, если можно, и островъ Рюгенъ, да договориться съ курфюрстомъ ганноверскимъ (потомъ англійскимъ королемъ Георгомъ I) о Бременѣ и Верденѣ, которые желалъ онъ получить, и для нихъ заявлялъ согласіе пристать къ союзу противъ Швеціи. Съ апрѣля 1712 г. положено открыть военныя дѣйствія. Между тѣмъ, находившійся въ обозѣ союзниковъ при Штральзундѣ посолъ русскій, князь Василій Долгорукій, въ январѣ (1712 г.) сообщилъ, что короли датскій и польскій, перессорившись и забывъ общее дѣло, для котораго они тутъ собрались, рѣшили отойти каждый къ себѣ, оставивъ одно русское войско вѣдаться со шведами. Насилу Долгорукому удалось уговорить Августа II остаться передъ Штральзундомъ, а Фридерика IV оставить здѣсь 6.000 войска; но и то — при обѣщаніи польскаго короля уступить Даніи Рюгенъ, отдать ей весь дубовый лѣсъ и содержать на свой счетъ оставленныя войска. Эта непріятная новость въ соединеніи съ извѣстіемъ о высадкѣ 6.000 шведовъ въ Висмарѣ побудили Петра, вслѣдъ за своею свадьбою, послать въ Померанію князя Меншикова съ кредитивами къ союзнымъ государямъ, въ которыхъ говорилось, что фельдмаршалъ назначенъ главнокомандующимъ русскимъ войскомъ. Силы наши, по просьбѣ саксонскаго министра Фицтума, увеличены еще 15-ю полками, расположенными въ Польшѣ подъ командою князя Репнина, при которомъ находилась гвардія.

Петръ I. *(Статуя Антокольскаго).*

Изъ Турціи вѣсти вновь стали получаться непріятныя. Безхарактерный султанъ Ахметъ III то совсѣмъ уже рѣшилъ

выпроводить безпокойнаго шведскаго короля, то, опять слушая его злобные навѣты, сбирался, смѣнивъ второго визиря, разорвать съ нами миръ. Въ этихъ обстоятельствахъ, пригласивъ Августа къ участію въ войнѣ съ турками, Петръ далъ уже приказъ двинуть южную армію къ Молдавской границѣ. Но извѣстіе, полученное въ Константинополѣ о принятіи отъ Апраксина Азова, еще разъ обезоружило султана. Однако, царь болѣе уже не довѣрялъ ему и нарядилъ дворянъ на все лѣто къ Бѣлгороду и Сѣвску, съ оружіемъ наготовѣ. Самъ же, въ апрѣлѣ еще, съ эскадрою изъ 3-хъ кораблей, 2-хъ шнявъ, 17-ти бригантинъ и 12-ти другихъ судовъ, провелъ въ Выборгъ 45 карбасовъ съ провіантомъ для финляндскаго корпуса, ввѣреннаго князю М. М. Голицыну. Оставаясь по возвращеніи изъ Выборга въ своемъ Петербургѣ, куда уже переведенъ былъ и сенатъ, Петръ заложилъ каменный Петропавловскій соборъ, но слыша, что датчане сбираются заключить со шведами отдѣльный миръ, ожидая скораго возвращенія Карла XII, іюля 15-го уѣхалъ самъ въ Померанію къ войску. Вслѣдъ за Петромъ поѣхала и Екатерина I. Въ Ригѣ, заботливаго государя ждали новыя вѣсти.

Посланный Карломъ XII староста Равскій собралъ шайку изъ татаръ, казаковъ-измѣнниковъ и шляхты, до 15.000 ч., да съ одною частью этого скопища напалъ близъ Познани на нашъ Кіевскій полкъ и разбилъ его; тогда какъ другой части, при Шверинѣ, сдѣлать вредъ нашимъ не удалось. Меншиковъ, при вѣсти о первой нашей неудачѣ, послалъ противъ мятежниковъ Боура, который, нагнавъ инсургентовъ на Вартѣ, разбилъ ихъ на голову.

Побѣда эта успокоила Петра, а объясненія съ Августомъ въ Ландсбергѣ (21—23 іюля) утвердили въ необходимости энергическихъ дѣйствій. На слѣдующій день царь прибылъ съ Меншиковымъ къ войску подъ Штеттинъ, гдѣ нашелъ царевича Алексѣя и союзниковъ въ затрудненіи отъ недоставки артиллеріи, остановленной за 7 миль отъ Штральзунда датскимъ вице-адмираломъ Тегестетомъ. Поѣхать туда, переговорить, узнать въ чемъ затрудненіе и потребовать, чтобъ привезли польскую артиллерію, безъ которой упорные датчане не двигали своей,— было для Петра дѣломъ трехъ дней. Въ поѣздку за этимъ въ Грипсвальде царь осмотрѣлъ за одинъ походъ и транспортный датскій флотъ; а затѣмъ, при Рюгенѣ, посѣтилъ въ морѣ и флотъ парусный, гдѣ были наши корабли, приведенные изъ Архангельска мимо Нордкапа. Находясь на датскомъ флотѣ, царь получилъ отъ датскаго короля въ команду флотъ его и тотчасъ далъ приказъ Тегестету везти артиллерію. Это было 13 августа. На слѣдующій день, Петръ — въ Вольгастѣ, а еще черезъ день — принимаетъ здѣсь Августа и собираетъ военный совѣтъ, на которомъ, прежде бомбардировки Штральзунда, рѣшено овладѣть островомъ Рюгеномъ. Для этого вызванъ сюда съ войсками Меншиковъ, но датскій король уже передумалъ: флотъ свой потребовалъ къ себѣ, и овладѣніе Рюгеномъ остановлено на мѣсяцъ, которымъ шведы воспользовались, перевезя 6.000 человѣкъ своего войска. Тутъ уже Петръ съ неудовольствіемъ оставилъ своихъ строптивыхъ союзниковъ, чтобы ѣхать въ Карлсбадъ, чувствуя сильное растройство въ здоровьѣ.

Проѣздомъ къ минеральнымъ водамъ, царь въ Берлинѣ видѣлся съ королемъ прусскимъ, а въ Карлсбадѣ пользовался гостепріимствомъ императора Карла VI, приславшаго сюда для сопровожденія государя своего гофмейстера, графа Вратислава, да батальонъ гвардіи для почетнаго караула. Въ подарокъ царю, императоръ прислалъ 12-ть эймеровъ рейнвейна, но государь, отклоняя отъ себя этотъ даръ (подъ предлогомъ невозможности пользоваться имъ одновременно съ водами), подарилъ вино мѣстному обществу стрѣлковъ, которое, продавъ его, образовало изъ вырученныхъ денегъ фондъ для одного благотворительнаго учрежденія. Три недѣли пролетѣли незамѣтно, но когда, окончивъ курсъ водъ (31 октября), царь поѣхалъ въ Померанію обратно, письмо Меншикова извѣстило его, что шведскій фельдмаршалъ, графъ Магнусъ Штенбокъ, отогнавъ саксонцевъ, ушелъ изъ Помераніи въ Мекленбургъ. Цѣль этого похода была для Петра не совсѣмъ еще видна, и ему казалось удаленіе самаго опаснаго противника скорѣе выгоднымъ. Потому, не спѣша, государь провелъ нѣсколько времени въ Дрезденѣ и Берлинѣ и, прибывъ въ главную квартиру нашихъ войскъ, здѣсь отпировалъ орденскій праздникъ св. Андрея, возложивъ въ этотъ день на короля Августа II знаки своего ордена и получивъ отъ него саксонскій. Только уже

7 декабря Петръ получилъ извѣстіе, что Штенбокъ быстро идетъ къ Шверину и Гадебушу, гдѣ находились войска датскія и польскія.

Послать къ королю Фридерику IV письмо, чтобы онъ не вступалъ со шведами въ дѣло до его прибытія, и быстро двинуться на соединеніе съ союзниками—было для Петра дѣломъ одного дня. Декабря 8-го царь уже былъ въ трехъ переходахъ отъ Гадебуша, когда узналъ, что датскій король, желая получить славу побѣды одинъ, не дождавшись русскихъ, началъ сраженіе съ Штенбокомъ и былъ разбитъ имъ на голову. Это извѣстіе какъ громомъ поразило Петра, который въ горѣ поворотилъ къ Гистроу, не зная, что подумать о своемъ союзникѣ и куда направиться искать его.

Прошла тяжелая недѣля ожиданія, пока разбитый Фридерикъ IV надумалъ прислать съ извиненіемъ къ царю своего генералъ-адъютанта Мегера, прося помочь въ настоящемъ его несчастіи. Посланный прибавлялъ, что король желалъ бы видѣться съ его величествомъ въ Нейштадтѣ и будетъ ожидать тамъ отвѣта. Петръ быстро рѣшился итти за побѣдоноснымъ Штенбокомъ и 19-го же декабря двинулся съ войскомъ навстрѣчу датскому королю, отпустивъ Екатерину въ Петербургъ. Близъ Нейштадта, въ Помпоу, соединившись съ потерпѣвшими пораженіе, царь собралъ общій военный совѣтъ, на которомъ мысль Петра о преслѣдованіи шведовъ принята къ исполненію. Въ Гольденбау же получена вѣсть о сожженіи жестокимъ Штенбокомъ города Альтоны,—что окончательно отвратило отъ стороны шведовъ, уже и прежде смотрѣвшаго на нихъ не совсѣмъ благосклонно, ганноверскаго курфюрста. Теперь онъ самъ прислалъ въ Миленъ къ царю, вторично, своего министра Фабриціуса для переговоровъ.

Петръ I въ Пруссіи у курфюрста бранденбургскаго Фридриха III.

Въ самый день новаго (1713) года, уговорившись съ Фабриціусомъ и узнавъ, что Штенбокъ по сожженіи Альтоны ушелъ въ Голштинію, царь далъ недѣлю отдохнуть и собраться войскамъ въ Гамбургѣ и окрестностяхъ и отсюда 9 января началъ поискъ за

шведами. Въ Рендсбургѣ Петръ видѣлся съ датскимъ королемъ и оттуда, черезъ Шлезвигъ, 27 числа прибылъ въ г. Хузумъ, вблизи котораго, при Фридрихштадтѣ, расположилъ Штенбокъ своихъ шведовъ, обезопасивъ подступъ къ себѣ перекопомъ единственныхъ дорогъ черезъ дамбы. Стояла страшная распутица, отъ которой болота, шедшія сплошь по линіи дамбъ, сдѣлались совершенно непроходимыми, даже для пѣшеходовъ, не только для коннаго войска и артиллеріи. А Штенбокъ усилилъ еще топкость этихъ низменностей, прорвавъ плотины и напустивъ воды съ моря. Дамбы же у перекоповъ шведы обратили въ батареи, сдѣлавъ, по мнѣнію союзниковъ, позицію свою при Фридрихштадтѣ неодолимою. Таковъ былъ общій голосъ опытныхъ генераловъ, на военномъ совѣтѣ, держанномъ въ Хузумѣ 29 января, гдѣ присутствовалъ датскій король; а Петръ настаивалъ на необходимости выбитія шведовъ.

Думая, что подобная дерзкая попытка на невыгодной мѣстности, противъ предпріимчиваго и упорнаго непріятеля, должна имѣть не лучшій результатъ, какъ проигранный имъ бой при Гадебушѣ, Фридерикъ IV не только не согласился въ этомъ участвовать или дать свои войска для совокупнаго дѣйствія, но еще подговаривалъ и командира саксонскихъ войскъ — уйти изъ Хузума, такъ что Петру, рѣшившемуся на свой страхъ и однѣми своими силами выбить Штенбока изъ Фридрихштадта, — предстояло уговаривать датскаго короля остаться хоть въ Хузумѣ съ саксонскимъ войскомъ и нашими четырьмя полками, чтобы не дать шведамъ уйти здѣсь, если эта дамба останется открытою. Король, наконецъ, склонился на представленіе отважнаго Петра, и царь рано поутру, 30 января 1713 г., повелъ по болотамъ свои полки къ Швабстеду. Разстояніе было меньше мили, но, утопая на каждомъ шагу въ вязкомъ иловатомъ грунтѣ, еще наводненномъ умышленнымъ прорытіемъ непріятелемъ морскихъ плотинъ, царь только къ вечеру добрался до этого мѣстечка, у котораго начиналась большая дамба, ведшая къ Фридрихштадту. Первымъ дѣломъ Петра, по прибытіи въ Швабстедъ, былъ осмотръ вмѣстѣ съ генералами мѣстности до дамбы. Надѣясь всего на одну быстроту движенія, царь въ ночь послалъ занять дамбу храбраго майора Преображенскаго полка Глѣбова съ отрядомъ изъ 5-ти баталіоновъ. Къ разсвѣту Глѣбовъ уже шелъ по дамбѣ, и шведы, не ожидавшіе приближенія непріятеля въ бурную, темную ночь, поспѣшили только удалиться къ своему первому завалу, за перекопомъ дамбы. Они считали неодолимымъ препятствіемъ глубокій ровъ, наполненный нахлынувшею съ сосѣднихъ болотъ водою, при сильной покатости боковъ дамбы, обледянѣлыхъ при растаявшемъ снѣгѣ, когда къ тому же край перекопа, господствующій надъ разрывомъ, обращенъ ими въ батарею, огонь которой могъ уничтожить дерзкаго непріятеля. Соображенія враговъ нашихъ оказались однакожъ неточными. Солдатъ своихъ велъ самъ царь и, первымъ вступивъ по поясъ въ болотную воду, онъ смѣло обошелъ подъ защитою дамбы батарею, а за ней, при помощи штыковъ, поднимаясь на скользкую дамбу и метаньемъ гранатъ отгоняя шведовъ, съ тыла овладѣлъ ею. Распорядившись тутъ же заваломъ и заровняніемъ перекопа, чтобы перетащить артиллерію, съ переводомъ ея отважный вожакъ пошелъ такимъ же образомъ брать второй завалъ и его батарею, овладѣніе которыми совершено еще быстрѣе. Такъ что здѣсь уже шведы ретировались въ безпорядкѣ.

Въ это время въ деревнѣ Кольденбютель соединился съ колонною Петра Меншиковъ, шедшій по другой дамбѣ. За селеніемъ этимъ, между тѣмъ, укрѣпивъ возвышенность, шведы хотѣли остановить дальнѣйшее наступленіе и, сосредоточивъ огонь своихъ орудій, дѣйствительно производили страшный громъ. Но, когда Петръ развилъ свои силы и, выдвинувъ три орудія, приказалъ обстрѣливать ими дамбу и густую толпу непріятелей, — они не выдержали. Оставивъ дамбу, пустились въ бѣгъ черезъ лугъ, до котораго не касалось наводненіе, къ Фридрихштадту краткой дорогой. Передъ городомъ же стоялъ съ 4.000 чел. генералъ-майоръ Штакельбергъ и съ нимъ не легко было бы справиться, но, напуганный, вѣроятно, бѣглецами, въ глазахъ которыхъ число русскихъ удесятерилось, — онъ не счелъ за благо биться и поспѣшилъ оставить Фридрихштадтъ, доставшійся намъ безъ выстрѣла, такъ что весь, казавшійся датскому королю гибельнымъ, переходъ сюда и овладѣніе дамбами — стоили Петру семи человѣкъ,

при чемъ еще взяли у шведовъ 13 плѣнныхъ. Это невѣроятно дешевое пріобрѣтеніе имѣло, между тѣмъ, грозныя послѣдствія для несчастнаго Штенбока. Съ овладѣніемъ нами Фридрихштадтомъ, онъ не видѣлъ для себя другого спасенія, какъ уйти къ Теннингену, при устьѣ Эйдера. Когда же союзники подошли туда и переправились черезъ рѣку къ самой крѣпости, шведы, перебивъ лошадей своихъ, вошли въ Теннингенъ и въ отчаяніи заперлись здѣсь.

Видя очень хорошо, что изъ Теннингена Штенбоку не уйти, Петръ не счелъ уже болѣе нужнымъ находиться при арміи и, сдавъ начальство датскому королю, оставилъ его продолжать осаду, а самъ поѣхалъ въ Ганноверъ, куда звалъ его новый союзникъ курфюрстъ Георгій (съ слѣдующаго года король англійскій). Онъ теперь заискивалъ въ царѣ, видя въ немъ единственнаго двигателя коалиціи противъ Швеціи, отъ которой ганноверскому владѣтелю, какъ говорено уже, хотѣлось пріобрѣсти города Бременъ и Верденъ.

Залучивъ къ себѣ царя, Георгій устроилъ для дорогого гостя рядъ пышныхъ угощеній и празднествъ, каждый день давая то комедію, то оперу; такъ что всѣ четыре дня пребыванія здѣсь Петра можно бы назвать однимъ непрерывнымъ пиромъ, если бы неутомимый царь, между угощеніями, не толковалъ о дѣлѣ, которое и успѣлъ себѣ уяснить вполнѣ, угадавъ и цѣль стремленій своего амфитріона. Но, среди увеселеній въ Ганноверѣ, была получена вѣсть о смерти прусскаго короля; поэтому, разставшись съ курфюрстомъ, царь проѣхалъ въ Шпандау, чтобы въ г. Шенгоузенѣ видѣться съ новымъ владѣтелемъ Пруссіи.

Свиданіе это показало Петру, что молодой государь ея входитъ въ его виды лучше еще, чѣмъ предшественникъ, такъ что совсѣмъ успокоенный поѣхалъ Петръ въ Россію и, въ Мемелѣ получивъ извѣстіе о рожденіи дочери, 23 марта былъ уже въ Петербургѣ. Здѣсь, въ праздникъ Благовѣщенія, государь былъ при освященіи первой церкви въ заводимомъ еще только Невскомъ монастырѣ, а 26 апрѣля уже пошелъ къ Котлину съ 16.000 корпусомъ войска и транспортомъ провіанта на 203 судахъ — для открытія первой финляндской кампаніи. Транспортную флотилію царь раздѣлилъ на три кадры: передовой отрядъ повелъ самъ (взявъ съ собою и наслѣдника, царевича Алексѣя, съ которымъ отношенія Петра были еще теперь очень дружественныя); главныя силы ввѣрены графу Апраксину, а аріергардъ — галерному контръ-адмиралу Боцису. Но какъ ни спѣшилъ Петръ раннимъ открытіемъ кампаніи, сперва противные вѣтры, а потомъ полный штиль дали ему возможность только чрезъ двѣ недѣли дойти до Гельсингфорса, который и рѣшено было взять. Но, пока дѣлались приготовленія къ нападенію, шведы оставили городъ безъ боя, удалившись въ Борго, а отъ него къ мызѣ Мянцяля, на пути къ Тавастгусу. Генералъ Либекеръ, вообще не отличаясь особенною предпріимчивостію, теперь, располагая отрядомъ слабѣе русскихъ въ три раза, считалъ за благо лучше уходить отъ насъ, чѣмъ быть вѣрнѣе всего разбитымъ. А Петръ хотѣлъ его принудить къ бою.

Въ этихъ видахъ рѣшено было, оставивъ провіантъ въ удобномъ мѣстѣ, у берега, надежно укрѣпивъ его, — войску углубиться внутрь страны, ища непріятеля. Царь самъ выбралъ мѣсто для провіантскаго склада въ 4-хъ миляхъ отъ Борго, при остр. Форзбинъ, и дѣятельно занялся сооруженіемъ редута, когда получилъ извѣстіе о приводѣ Синявинымъ купленныхъ въ Голландіи трехъ кораблей къ Котлину. Желая видѣть ихъ и поторопить выходомъ въ Финскій заливъ всего корабельнаго флота, Петръ поѣхалъ въ Петербургъ и на рейдѣ Котлинскомъ отпраздновалъ сдачу князю Меншикову (9 мая) Теннингена со всѣмъ войскомъ Штенбока, число котораго было болѣе 11.000 человѣкъ.

Въ Петербургѣ ждала царя новая радость — извѣстіе, что турки, нѣсколько разъ порываясь разорвать Прутскій миръ и держа въ заключеніи нашихъ уполномоченныхъ, теперь окончательно подтвердили договоръ, назначивъ срокъ мирнаго положенія 25-лѣтній. Въ увѣреніе дружескаго расположенія къ намъ, султанъ даже смѣнилъ и крымскаго хана Дивлетъ-Гирея, за то, что онъ, надѣясь на враждебное расположеніе Порты, произвелъ набѣгъ въ наши южныя границы, увлекши до 15.000 человѣкъ въ плѣнъ и угнавъ до 90.000 головъ скота. Смѣна хана,

намъ враждебнаго, дѣйствительно давала надежду на спокойствіе на югѣ, потому царь немедленно далъ приказъ Шереметеву отпустить дивизію Вейде, съ 4-мя еще полками, въ Финляндію. Вѣсть о мирѣ съ турками дала царю теперь случай пышно принять персидскаго посла, привезшаго слона и нѣсколько экземпляровъ разныхъ животныхъ и птицъ персидскихъ. Для посла царь далъ на этотъ разъ даже примѣрное сраженіе паруснаго флота на Котлинскомъ рейдѣ.

Между тѣмъ, узнавъ, въ бытность на флотѣ, о приводѣ въ Ревель новыхъ 5-ти кораблей и о приходѣ къ оставленному у Борго укрѣпленію шведскаго вице-адмирала Лилье, Петръ приказалъ Крюйсу скорѣе выступить отъ Котлина. За удовольствіемъ рѣдко не слѣдуютъ непріятности. Весь іюль 1713 г. Петръ получалъ одно за однимъ извѣстія радостныя. Но извѣстіе о движеніи шведскаго флота къ Гельсингфорсу было уже другого свойства и возбудило безпокойство, скоро, впрочемъ, разсѣявшееся, потому что Боцисъ одною своею галерною эскадрою прогналъ непріятныхъ гостей. Съ паруснаго флота получилась болѣе грустная вѣсть: мы потеряли корабль «Рига», погнавшись за шведскою эскадрою и упустивъ её (11 іюля). Какъ морякъ, царь принялъ это очень къ сердцу, и военный судъ надъ Крюйсомъ, наряженный въ январѣ слѣдующаго года, приговорилъ заслуженнаго адмирала къ смерти*). Подъ впечатлѣніемъ неудовольствія на Крюйса, Петръ самъ уже повелъ новый транспортъ провіанта въ Финляндію (29 іюля) и 6 августа прибылъ во флотъ къ Гельсингфорсу, на пути туда шхерами, едва не погибнувъ отъ бури (3 августа). Въ бытность во флотѣ при Гельсингфорсѣ государя, всѣ офицеры обратились къ нему съ просьбою: *принять чинъ полнаго генерала сухопутнаго,* на что онъ послѣ усиленныхъ просьбъ и соизволилъ, начавъ подписываться *генераломъ.* Въ это же время, узнавъ, что шведскій флотъ и армія стоятъ между Гельсингфорсомъ и Або, Петръ ходилъ на эту стоянку ихъ, при чемъ съ авангардомъ шведскимъ была небольшая схватка. Въ ней мы, положимъ, одержали верхъ. Но, думая, что непріятели удалились къ Або, царь двинулъ туда наши силы; однако, подойдя, здѣсь не только не нашли войска, но и жителей. Оставивъ Апраксина и Чернышева отыскивать непріятелей, Петръ воротился въ Петербургъ.

Имѣя теперь въ своихъ рукахъ оба берега Финскаго залива, дальновидный царь издалъ указъ о привозѣ съ слѣдующаго года сюда двухъ третей всѣхъ товаровъ, предназначенныхъ для отправленія за море къ Архангельску, дозволивъ возить туда только одну треть отпуска. Такое распоряженіе Петра вызвало безплодный протестъ Голландскихъ Штатовъ, потребовавшихъ, между тѣмъ, удовлетворенія за взятыя при Гельсингфорсѣ съ шведскми, голландскія торговыя суда. Царь охотно согласился дать удовлетвореніе, но отказалъ въ претензіи штатовъ на таможенные доходы Риги, заложенные въ Голландіи шведскимъ правительствомъ, съ которымъ въ это время возникли довольно натянутыя отношенія. Не нравилось голландцамъ усиленіе русскихъ на Балтійскомъ морѣ, да не могло не сокрушать ихъ и замѣшательство въ торговыхъ оборотахъ, при чемъ, если не русскіе, то шведскіе каперы забирали суда ихъ и англичанъ. А Карлъ XII изъ Турціи, вмѣсто удовлетворенія жалобъ на это, отозвался положительнымъ подтвержденіемъ такихъ захватовъ и впредь. Финляндія уже была вся въ нашихъ рукахъ послѣ пораженій, нанесенныхъ шведамъ княземъ Голицинымъ при Пялькянѣ, между Тавастгусомъ и Таммерфорсомъ (6 октября), и при мызѣ Лаппо, на востокъ отъ Вазы (21 февраля 1714 г.), и Петръ задумывалъ перенести оружіе на почву Швеціи, когда, закладывая Ревельскую гавань, узналъ, что Августъ II, при посредствѣ Франціи, входитъ въ трактованіе отдѣльнаго мира съ Карломъ XII.

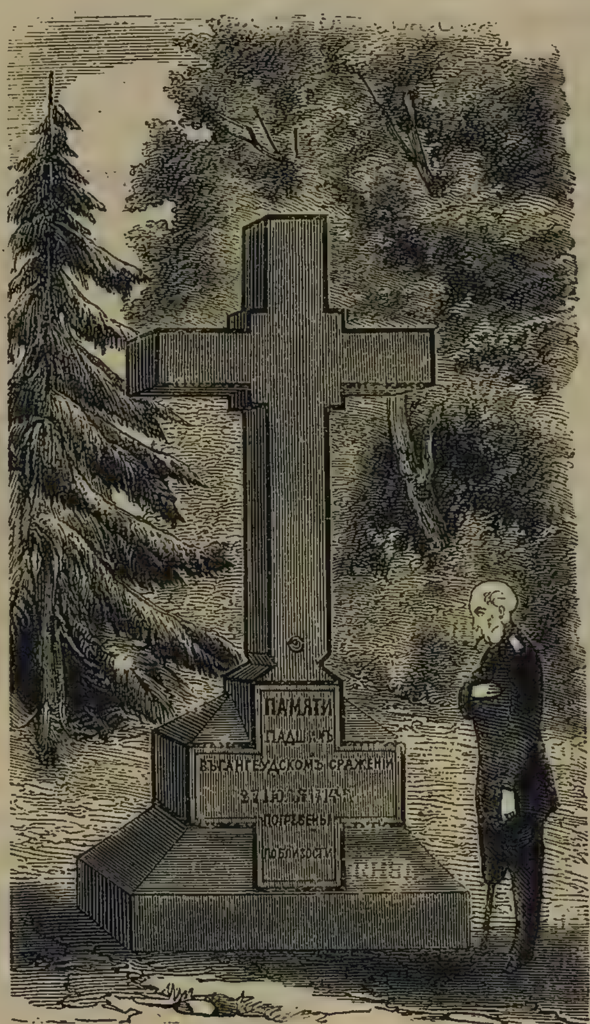
Въ Ригу къ царю въ это время неожиданно явился голштинскій министръ Бассевичъ, представленный Меншиковымъ. Предлагалъ онъ многое и казавшееся выгоднымъ царю, но онъ боялся еще довѣриться. Даже остроумно сравнилъ Бассевича и Гера съ кормчими на маленькомъ суднѣ съ большою мачтою, которое всякій порывъ вѣтра легко опрокинетъ поэтому. Несмотря, однакожъ, что явленіе этого дипломата и не прошеннаго совѣтника состоялось въ самое неудачное

---

*) Петръ, впрочемъ, удовольствовался разжалованіемъ его и ссылкою въ Казань, откуда, спустя полтора года, царь воротилъ его, возвративъ прежній чинъ и все прежнее свое расположеніе.

время, его планы насчетъ предлагаемаго соединенія герцога Голштинскаго съ старшею дочерью Петра, черезъ 10-ть лѣтъ дѣйствительно нашли исполненіе, хотя не при такой обстановкѣ, какую задумывалъ тогда голштинскій патріотъ.

На Данію также плоха была надежда, — какъ увѣдомлялъ Меншиковъ еще весною 1713 г.; Пруссія же, думая черезъ голштинскаго министра Бассевича получить Штеттинъ, не принимала прямого участія въ войнѣ съ шведами. При этихъ обстоятельствахъ, въ сентябрѣ 1713 г., написалъ Петръ Меншикову: «Презрядная бъ была польза, чтобъ Штетинъ взять». *Герценскиндъ* осадилъ этотъ городъ и, доведя его до необходимости сдаться, передалъ прусскому королю, пріобрѣтя черезъ то его полное расположеніе — къ неудовольствію Даніи. Англія же стала хлопотать о заключеніи общаго мира. Петръ не отказывалъ въ соглашеніи, отступался даже отъ Ливоніи и съ этими условіями назначилъ своего уполномоченнаго на конгрессъ, открывшійся въ Брауншвейгѣ, конечно, ничего не рѣшившій.

Памятникъ убитымъ въ Гангеудскомъ сраженіи 27 іюля 1714 года.

Ягужинскій въ Копенгагенѣ сталъ между тѣмъ обѣщать содѣйствіе царя датчанамъ въ десантѣ въ Шонію, чтобы предпринять высадку съ двухъ сторонъ разомъ: къ Стокгольму и Карлскронѣ, съ цѣлью уничтоженія флота шведскаго. Для этой цѣли положено отдать Померанію совсѣмъ Пруссіи, подъ условіемъ разрыва этой державы съ Голштиніею.

Выпроводивъ голштинскаго министра съ обманутыми ожиданіями, Петръ посулилъ денежную субсидію датскому королю на вооруженіе флота — 150.000 р. и обѣщалъ помочь провіантомъ, но это не помогло: датчане остались въ бездѣйствіи, довольные овладѣніемъ Теннингеномъ. Курфюрстъ ганноверскій далъ идею дѣлежа, при чемъ, требуя себѣ Бремена и Вердена, обязывался отнять у шведовъ Висмаръ, чтобы передать герцогу мекленбургскому; датскому королю отдать Шлезвигъ, Пруссіи — Штеттинъ, а голштинскаго герцога удовлетворить землями, съ доходомъ 100.000 талеровъ въ годъ. Петру предложеніе это понравилось, но въ это время, чрезъ посредство Франціи, Карлъ XII изъявилъ желаніе помириться съ царемъ, наиболѣе опаснымъ изъ противниковъ Швеціи.

Владѣя Финляндіею, царь въ навигацію 1714 г. вывелъ въ Финскій заливъ флотъ изъ 14-ти кораблей, съ намѣреніемъ вступить въ бой съ послѣднимъ изъ средствъ защиты Швеціи — ея флотомъ, показавшимся было у Ревеля, но съ приближеніемъ нашихъ отошедшимъ къ финляндскому берегу. Больше мѣсяца о шведскомъ флотѣ не было извѣстій. Наконецъ, нашли его стоящимъ въ заливѣ Твермипне (19 іюля), въ составѣ 22-хъ большихъ судовъ и 6-ти галеръ, подъ начальствомъ адмирала и вице-адмирала Лилье. Іюля 25-го Лилье, съ эскадрою въ 14 вымпеловъ, отдѣлившись отъ главныхъ силъ, сталъ въ заливѣ Рилаксъ-Фіэль. На слѣдующій день Апраксинъ послалъ 35 скампавей объѣхать мимо главныхъ шведскихъ силъ да стать между ними и отдѣлившеюся эскадрою. Лилье, по знаку своего адмирала, воротился, а послѣ ухода его въ заливъ здѣсь остались 1 фрегатъ, 6 галеръ и 2 шхербота. Іюля 27-го эти отрѣзанныя суда адмиралъ Апраксинъ заперъ всѣми своими скампавеями и предложилъ начальнику флотиліи сдаться. За отказомъ же его послалъ авангардъ изъ 25-ти скампавей, надъ которымъ

начальство принялъ самъ царь, взять шведскія суда, имѣвшія сильную артиллерію. Но пользоваться выгодами своими въ этомъ отношеніи они не могли: должны были вступить въ рукопашный бой, и хотя отчаянно защищались, но должны были сдаться. Этотъ бой, отъ сосѣдства мыса Ганге, извѣстный подъ именемъ Гангеудскаго дѣла, въ которомъ контръ-адмиралъ Эреншильдъ, 7 офицеровъ и до 600 нижнихъ чиновъ были взяты въ плѣнъ, тѣмъ былъ дорогъ въ глазахъ Петра, что онъ самъ взялъ равнаго ему по чину шаутбенахта, чего во всю войну ни у насъ ни у союзниковъ еще не случалось. Хотя «много не только генераловъ, но и фельдмаршаловъ брано, а флагмана ни единаго», писалъ Петръ къ Екатеринѣ черезъ день послѣ этого боя, поздравляя ее съ викторіею, «николи у насъ бывшею», — затѣмъ внесенную въ табель для отправленія «нарочитаго молебствія».

По окончаніи этой кампаніи взятіемъ острова Аланда, царь устроилъ 9 сентября особенный тріумфъ при вводѣ фрегата и галеръ, приказавъ соорудить на Троицкой площади тріумфальныя ворота и пирамиду по этому случаю.

Тріумфальное шествіе открывали русскія скампавеи. За ними слѣдовали шхерботы и 6-ть галеръ, а въ заключеніе фрегатъ «Элефантъ», распустивъ свои національные флаги. За взятыми судами на своей скампавеи шелъ герой дня—царь Петръ, въ послѣдованіи остальныхъ судовъ, бывшихъ въ дѣйствіи. Равняясь съ мостомъ у крѣпости, посрединѣ котораго возвышалась тріумфальная арка, каждое судно посылало салютъ изъ своихъ орудій, въ отвѣтъ которымъ давали общіе залпы всѣ орудія крѣпостей Адмиралтейской и Петропавловской. Подойдя къ Троицкой пристани, команда вышла изъ судовъ и въ порядкѣ плаванія построилась въ процессіи, двинувшейся въ крѣпость въ предшествіи баталіона Преображенскаго полка, за которымъ везли пушки, взятыя при Лаппо у Армфельдта, съ 36-ю знаменами и штандартами, взятыми въ бояхъ при Вазѣ и Гангутѣ. За орудіями и знаменами шли плѣнные шведскіе чины и контръ-адмиралъ, въ предшествіи своего флага. Вслѣдъ же за Эреншильдомъ выступалъ самъ Петръ, ведя роты преображенцевъ. Вступивъ подъ тріумфальную арку, царь принялъ поздравленіе съ побѣдою отъ сената и всѣхъ министровъ своихъ и чужихъ дворовъ, прошелъ въ крѣпость представиться сидѣвшему подъ балдахиномъ своему князу-кесарю, который произвелъ гангутскаго побѣдителя въ вице-адмиралы. Этимъ покончился тріумфъ при залпѣ всѣхъ орудій крѣпости. Оттуда князь Меншиковъ перевезъ министровъ въ своихъ шлюпкахъ въ свой пышный дворецъ на Васильевскомъ островѣ, передъ которымъ тоже возвышались тріумфальныя ворота на Невѣ, драпированныя дорогими коврами. Затѣмъ пріѣхалъ туда же государь, и начался пиръ, на которомъ Эреншильдъ посаженъ былъ за столъ между Меншиковымъ и царемъ, расточавшимъ побѣжденному лестныя похвалы за его примѣрное мужество въ бою, обѣщая не дѣлать герою въ плѣну никакихъ неудовольствій. Такъ умѣлъ почитать Петръ рѣдкія достоинства въ другихъ, не стыдясь признаваться въ своихъ собственныхъ ошибкахъ и промахахъ.

Между тѣмъ, незадолго до этого тріумфа, именно въ августѣ 1714 г., умерла англійская королева Анна, и престолъ предложенъ ея племяннику, курфюрсту ганноверскому Георгу, члену союза сѣверныхъ воюющихъ державъ. Съ воцареніемъ его хотѣли привлечь къ участію и Великобританію, но, пока союзные дипломаты расточали для того всѣ тонкости своей діалектики, вѣсть, что Карлъ XII воротился изъ Турціи, внесла новыя затрудненія въ запутанное и безъ того дѣло. Данія никакъ не соглашалась отдать и Бременъ, Верденъ Ганноверу, а Штеттинъ — Пруссіи. Наконецъ, и это преодолѣли (въ февралѣ 1715 г.), когда перепуганная малымъ сочувствіемъ Пруссіи Данія потребовала новаго прибытія въ Померанію русскаго войска для дѣйствій противъ Висмара и Штральзунда. Посланникъ царя въ Копенгагенѣ требовалъ, напротивъ, соединенія датскаго флота съ русскимъ, а датскіе министры находили это возможнымъ только съ прибытіемъ англійскаго флота въ Балтійское море.

Флотъ англійскій, въ соединеніи съ голландскими 9-ю кораблями, дѣйствительно 19 іюня приходилъ къ Ревелю, побывавъ до того въ Ригѣ, но недолго постоявъ, отошелъ къ Данцигу: ждать отвѣта шведскаго короля на письмо короля англійскаго. Нашъ же флотъ, въ составѣ 21 корабля, 5 фрегатовъ и 6 шнявъ,

Корабль «Ингерманландъ», на которомъ находился Петръ I во время командованія 4 флотами, въ 1718 году.

раздѣленный на три части, крейсеровалъ у острововъ Даго и Дагеръ-Орда, возвращаясь къ Ревелю, а шведскій заключился въ Аландскомъ морѣ. Все лѣто, можно сказать, три соединенные флота проводили въ однѣхъ любезностяхъ. Единственная выгода въ эту навигацію для насъ былъ свободный проводъ купленныхъ кораблей изъ Голландіи, да развитіе отпускной торговли нашей, благодаря приводу флотами голландскимъ и англійскимъ цѣлой сотни купеческихъ кораблей. Напуганный извѣстіемъ бомбардировки при Ревелѣ шведами нашей эскадры, Петръ поспѣшилъ было туда, но дѣйствія непріятелей оказались безвредными. Впрочемъ, чтобы остановить прогулки шведовъ къ Остзейскимъ берегамъ, царь перевелъ сюда галерный флотъ.

Крейсеры наши исправно забирали призы; Голицынъ изъ Або посылалъ разъѣзды до Умео, но серіозныхъ дѣйствій при самыхъ лучшихъ отношеніяхъ союзниковъ не послѣдовало. Кампанія кончилась рано—22 августа, и Петръ, томимый неизвѣстностью насчетъ дальнѣйшаго хода общихъ дѣйствій противъ шведовъ, миръ съ которыми казался далекъ, какъ и прежде, нерадостный воротился въ свой парадизъ. Здѣсь, въ эту осень, замѣчательную частыми наводненіями, государь обрадованъ былъ рожденіемъ внука и сына, названныхъ *Петрами* и, какъ увидимъ впослѣдствіи, обоихъ обманувшихъ надежды, на нихъ возлагавшіяся, своею раннею смертью. Зато печалила сильно царя смерть невѣстки—жены его наслѣдника, царевича Алексѣя, обращеніе котораго съ нею вліяло, какъ думаютъ, на раннюю кончину ея.

Да и поведеніе наслѣдника престола Петра крѣпко озабочивало. Отецъ не только не видѣлъ въ немъ любви къ государственному дѣлу, но замѣчалъ даже отвращеніе къ тѣмъ особенно своимъ нововведеніямъ, которыя нужны были болѣе всего для поднятія значенія Россіи, какъ государства, въ мнѣніи сосѣднихъ странъ Европы. Потерю жены, во время болѣзни которой царевичъ показывалъ позднее сожалѣніе и, казалось, непритворную грусть, Петръ находилъ въ положеніи сына самымъ лучшимъ временемъ для письменнаго внушенія ему вреда, неминуемо грозящаго отъ подобнаго порядка вещей самой странѣ, корона которой по наслѣдству должна перейти къ нему отъ отца. Увлекшись негодованіемъ, царь (самъ отъ непріятностей хворавшій въ это время) указывалъ на свои возникавшія немощи и, заклиная царевича исправить свое поведеніе, грозилъ, въ случаѣ упорства,—лишеніемъ наслѣдованія. Царевичъ же отвѣчалъ просьбою—отпустить его въ монастырь, чего вовсе не имѣлъ въ виду Петръ, употребляя въ дѣло увѣщаніе. Безъ сомнѣнія, такой отвѣтъ только усилилъ скорбь Петра и произвелъ новый, болѣе жестокій приступъ болѣзни, для излѣченія которой врачи настоятельно предписывали царю пользованіе минеральными водами въ Пирмонтѣ. Это рѣшеніе, при побужденіяхъ лично видѣться съ каждымъ изъ своихъ союзниковъ-государей, чтобы убѣдить ихъ къ болѣе энергичному усилію, которое побудило бы Карла XII скорѣе заключить миръ, заставило Петра предпринять пятое и самое продолжительное путешествіе свое въ западную Европу.

Штральзундъ былъ уже въ рукахъ союзниковъ (12 декабря 1715 г.), и шведы на материкѣ южнаго Балтійскаго поморья не имѣли, кромѣ одного пункта—Висмара, ничего уже въ своемъ владѣніи. Оставалось внести оружіе въ самую Скандинавію, чтобы, доведя ихъ до крайности, вырвать миръ, такъ для всѣхъ желаемый. Планы союзниковъ къ концу 1715 г. остановились, между тѣмъ, на томъ, чтобы царь далъ 30 баталіоновъ пѣхоты и 2.000 конницы, Даніи и Пруссіи—пополамъ, и о томъ заключенъ договоръ съ королями этихъ странъ. Датскій король согласился также, что за взятіемъ Висмара, настоять будетъ необходимость въ высадкѣ въ Шонію, для которой Петръ давалъ Фридриху 20 баталіоновъ и 1.000 драгунъ съ его содержаніемъ. Для Висмара же хотѣли именно употребить русскія войска.

Ожидая скорой и непремѣнной сдачи этого послѣдняго пункта въ Мекленбургіи, Петръ, которому понравилось предложеніе Георга въ 1714 году, съ того времени вошелъ въ сношеніе съ герцогомъ мекленбургскимъ и, чтобы усилить здѣсь свое вліяніе,—находя выгоднымъ для насъ этотъ равнинный берегъ Балтійскаго поморья,—обѣщалъ Карлу-Леопольду Мекленбургскому, неладившему со своимъ дворянствомъ, крѣпкую поддержку, вступая съ нимъ даже въ родственный союзъ. То, что этотъ безпокойный владѣтель былъ женатъ, не

казалось въ глазахъ Петра особенно важнымъ. Съ женою своею онъ развелся, и царь заключилъ съ нимъ договоръ о выдачѣ за него замужъ своей племянницы, царевны Екатерины Іоанновны.

Брачный договоръ этотъ съ обѣихъ сторонъ принятъ уже былъ 22 января 1716 года и, подписавъ его, Петръ съ женою и племянницею пустился въ дорогу. Въ Данцигѣ должно было послѣдовать бракосочетаніе герцога мекленбургскаго съ царевной. Въ приданое за нею царь обѣщалъ дать герцогу Карлу-Леопольду 200.000 руб., но только въ такомъ случаѣ, когда онъ не получитъ Висмара и Варнемюнде, которые добывать посылается русскій корпусъ, слѣдовательно, Петръ былъ увѣренъ, что отъ денегъ онъ освободится. Но отдача Висмара, какъ оказалось, была противна англійскому королю.

Къ несчастію, объ этомъ узналъ царь, черезъ Куракина, очень поздно. Дѣло было сдѣлано, и слѣдствія оказались для насъ болѣе тяжелыми и непріятными, какъ сперва казалось.

Совсѣмъ собравшись въ дорогу, Петръ посѣтилъ царевича Алексѣя, тогда больного, — кротко уговаривалъ его заняться дѣлами, приличными наслѣднику престола, не вѣря въ его рѣшимость дѣйствительно отказаться отъ свѣта, и ласково простился съ нимъ, сказавъ: «Напиши мнѣ потомъ, какую возымѣлъ резолюцію».

Непокорный сынъ и грозный отецъ разстались, слѣдовательно, совсѣмъ не въ такомъ положеніи, чтобы Алексѣю предстояло думать о спасеніи себя и, очертя голову, стараться скрыться отъ родительскаго гнѣва, котораго вовсе въ это время не было. Кротко также было и новое напоминаніе отца, спустя семь мѣсяцевъ, уже изъ Копенгагена (26 августа), когда, слыша, что здоровье наслѣдника престола совсѣмъ поправилось, Петръ написалъ ему: «*Буде первое возмешь*,—т.-е. рѣшеніе, приличное положенію будущаго государя обширнѣйшей земли, — болѣе недѣли не мѣшкавъ, поѣзжай сюда, ибо еще можешь *къ дѣйствамъ поспѣть*».

Дѣйства же эти—была, условленная еще передъ отъѣздомъ Петра за границу, *высадка въ Шонію*, чтобы добить истощенную Швецію въ самомъ сердцѣ ея. Приготовленія для этой высадки условлены были заранѣе. Флоты голландскій и англійскій съ начала весны пришли въ Зундъ. Корабли, заказанные царемъ въ обѣихъ союзныхъ державахъ, съ флотами ихъ также явились. Нашъ флотъ парусный пришелъ отъ Ревеля къ Копенгагену. Галерный, зимовавшій въ Либавѣ, по осмотрѣ царемъ еще въ февралѣ, на пути въ Пруссію, двинулся въ свое время по назначенію. Отвѣта отъ датскаго короля, вызваннаго на свиданіе, царь ждалъ цѣлые два мѣсяца, все время живя въ Данцигѣ, и тамъ отпраздновалъ свадьбу племянницы съ герцогомъ мекленбургскимъ (8 апрѣля), въ это время успѣвъ стребовать съ данцигскаго магистрата штрафъ въ 150.000 рейхсталеровъ за продолженіе коммерціи этимъ городомъ съ Швеціею, и этимъ средствомъ успѣлъ нѣсколько покрыть свои расходы по содержанію войска нашего въ Мекленбургіи, гдѣ намъ предоставлено взять крѣпость Висмаръ. Въ Штеттинѣ устроилось свиданіе царя съ королемъ прусскимъ, котораго Петру удалось уговорить — отдать Висмаръ мекленбургскому герцогу. А устроить это же дѣло съ датскимъ королемъ царь ѣздилъ въ Гамбургъ и Альтону, гдѣ (17 мая) Фредерикъ IV подписалъ и условіе о совокупной высадкѣ на шведскій берегъ со стороны Зеландіи, одновременно съ диверсіею русскихъ отъ Аланда, подъ прикрытіемъ датскаго флота. И замедленіе Даніи, лишившее возможности эту диверсію, при незаготовленіи условленнаго на наше войско провіанта, кажется единственнымъ и самымъ главнымъ поводомъ отказа царя отъ высадки въ Шонію въ сентябрѣ, а вовсе не то, что думаютъ иностранные писатели, особенно англичане, относя впослѣдствіи отмѣну десанта Петромъ — къ надеждѣ заключить съ Швеціею отдѣльный миръ при посредствѣ барона Герца, который уже убѣдилъ упорнаго Карла XII, что онъ все же останется въ выигрышѣ, удовлетворивъ и вполнѣ царя, самаго опаснаго изъ всѣхъ противниковъ. Дѣйствительно, какъ вѣрно разсчитывалъ Герцъ, Петръ, получивъ отъ Швеціи завоеванныя имъ земли, могъ оказать поддержку несчастному своему противнику въ пріобрѣтеніи вновь—потерянныхъ имъ въ Германіи земель, завоеванныхъ главнѣйшимъ образомъ при соучастіи же русскихъ. Предположеніе о мирѣ, положимъ, царя занимало главнѣе всего, но, въ 1716 году, едва ли дѣло зашло уже такъ да-

леко у нашего министерства съ шведскимъ, чтобы царь, вѣря — все еще остававшимся, врагами нашими — министрамъ Карла XII, такъ легко измѣнилъ интересамъ союзника, хотя и плохо и своекорыстно ведшаго съ нами дѣло, но все же заодно и по планамъ, внушеннымъ самимъ царемъ. Замѣтимъ еще и то, что если бы, на самомъ дѣлѣ, Петръ убѣжденъ былъ въ пользѣ и положительномъ успѣхѣ дѣла черезъ Герца, едва ли бы онъ энергично такъ хлопоталъ самъ о перевозкѣ войскъ нашихъ изъ Мекленбургіи, что сами датчане длили и тянули, Богъ знаетъ чего ожидая. И не будь почина Петра да его самовластнаго распоряженія, въ августѣ полки наши не были бы перевезены съ материка, и, само собою, еще меньше было бы надежды для десанта. Но тогда бы на Петра и взваливать вины за неосуществленіе его совсѣмъ нельзя было датчанамъ, въ виду обстоятельствъ, о которыхъ они считали нужнымъ потомъ умалчивать — какъ о говорившихъ противъ нихъ и между тѣмъ остававшихся неизвѣстными другимъ державамъ, менѣе заинтересованнымъ въ дѣлѣ, чѣмъ Петръ I. Онъ же, послѣ свиданія съ Фредерикомъ IV въ Альтонѣ, считая рѣшеннымъ дѣло о высадкѣ, отдалъ съ своей стороны нужныя приказанія и воспользовался свободнымъ мѣсяцемъ времени для выполненія курса водъ въ Пирмонтѣ, — что, между прочимъ, составляло одно изъ главныхъ побужденій поѣздки теперь за границу по предписанію врачей, серіознымъ разстройствомъ организма государева крѣпко уже озабоченныхъ.

Но и самое пользованіе водами для дѣятельнаго Петра не пропало даромъ. Передъ отъѣздомъ за границу разрѣшилъ онъ Лефорту и кн. Куракину нанимать въ Парижѣ въ нашу службу французовъ—спеціалистовъ по части строительнаго дѣла и разнаго рода промышленныхъ производствъ, какъ то: шпалернаго, ткацкаго, красильнаго, бронзоваго и пр. Всѣ нанятые уже и отправляемые сухимъ путемъ въ Россію главные мастера представлялись государю въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчались съ нимъ, — Петръ непремѣнно хотѣлъ узнать каждаго изъ своихъ будущихъ сотрудниковъ. Но никто изъ нихъ не произвелъ на Петра такого счастливаго впечатлѣнія и полнаго удовольствія, какъ глава строительныхъ техниковъ — Леблонъ, представившійся царю въ Пирмонтѣ. Бесѣды съ Леблономъ Петръ самъ называлъ пріятнѣйшимъ провожденіемъ времени и не отпускалъ его отъ себя во все время нахожденія здѣсь. А простившись съ этимъ многознавшимъ художникомъ, адресовалъ его къ Меншикову, съ приказаніемъ слушаться во всемъ Леблона и исполнять всѣ его требованія.

Окончивъ же съ большимъ успѣхомъ курсъ водъ, царь далъ приказъ своему флоту выйти немедленно изъ Ревеля въ море, и въ Ростокѣ (22 іюня) нашелъ уже съ прибывшимъ десантомъ Шереметева и Вейде. Нахожденіе же войска здѣсь заставило Петра ѣхать въ Копенгагенъ, пославъ туда же и жену (Екатерину). Іюль мѣсяцъ былъ рядомъ праздниковъ для царя и царицы въ столицѣ Даніи, но не этого желалъ Петръ, хлопоча о скорѣйшемъ осуществленіи нападенія на общаго врага. Цѣлый мѣсяцъ между тѣмъ прошелъ безслѣдно, и флота, по обѣщанію, за десантомъ нашимъ въ Мекленбургію не посылали, хотя союзные флоты и собрались, между тѣмъ на копенгагенскомъ рейдѣ. Для оцѣнки же вины датчанъ въ затратѣ даромъ общихъ издержекъ на сформированіе громадныхъ морскихъ силъ, назначенныхъ дѣйствовать къ общей цѣли,— позволимъ себѣ остановиться, напримѣръ, на слѣдующей замѣткѣ Петра въ юрналѣ 27 іюля, когда, наконецъ, вице-адмиралъ Габель явился изъ Норвегіи. Въ юрналѣ написано: «съ Е. В. многократно о походѣ флота говорено предлагая, что уже и вице - адмиралъ Габель пришелъ, но *къ скорому походу склонить не могли*. Такожъ представлено, чтобъ учинить десантъ отъ флота всѣхъ соединенныхъ къ Аланду, для проходу нашихъ галеръ; *но датчане своей части дать не хотѣли*». На что еще лучшаго свидѣтельства въ объясненіе истиннаго повода несостоянія десанта, какъ одно это даже обстоятельство?

У Копенгагена, между тѣмъ, начальство надъ всею армадою предложено русскому царю, и августа 5-го, при выстрѣлѣ изъ 9-ти пушекъ, Петръ I поднялъ свой штандартъ — какъ командиръ союзнаго своднаго флота четырехъ державъ—на новомъ кораблѣ «Ингерманландъ» (70 пушекъ), на которомъ плавалъ уже и въ кампанію 1715 года, спустивъ его на воду въ ту навигацію (1 мая). Замѣтимъ, что три дат-

Императоръ Петръ I песетъ малолѣтняго короля Людовика XV.

скіе адмирала (Гульденъ-Леве, Тегестетъ и Раабъ), англійскій (Норрисъ) и голландскій (Граве) съ двумя русскими (Шельтингомъ и Сиверсомъ) управляли отдѣльно своими частями.

Въ честь своего державнаго командира англійскій адмиралъ первый далъ залпъ привѣтствія изъ 21 орудія, а датчане, въ свою очередь, грянули изъ 27-ми, и всѣ флаги и вымпелы «спускали до палубъ». Растроганный царь послалъ отвѣтъ изъ 21 пушки и далъ передъ полуднемъ сигналъ къ выходу въ море. Англійскій флотъ (18 кораблей) составилъ авангардъ, за которымъ должны были слѣдовать 20 кораблей датскихъ, составлявшихъ главныя силы (коръ-де-баталь). Но они отказались итти, и за Норрисомъ пошли 13 русскихъ кораблей,

замыкавшихъ шествіе, имѣя резервъ изъ 4-хъ кораблей и семи фрегатовъ, подъ непосредственнымъ начальствомъ Петра. Слѣдующій день опять прождали датчанъ; хотя они и дали слово выступить, но выполнили это уже 7-го. Августа же 8-го пришли къ Борнгольму, гдѣ вѣрно узнали уже, что шведы въ море не показывались больше мѣсяца. Крейсеры, впрочемъ, открыли шведскій флотъ въ Карлскронѣ, куда Норрисъ и предлагалъ итти всему флоту; но датчане и отъ этого отказались, начавъ затѣмъ перекоры о командѣ, въ случаѣ отсутствія царя, дѣйствительно, при такихъ обстоятельствахъ уже отложившаго попеченіе на соглашеніе союзниковъ - противниковъ. Поэтому Петръ одинъ поѣхалъ къ Рюгену—торопить транспортированіе войскъ; 18-го былъ уже въ Штральзундѣ и 21-го довелъ транспортъ до Кегебухта, вблизи Копенгагена.

Затѣмъ же, снова, самъ Петръ 28 августа отправился лично на рекогносцировку шведскаго берега и осматривалъ его съ мачты, «дабы непріятель не догадался, близко не подходя къ берегу».

Въ это-то время, когда началась высадка людей съ транспортовъ, и состоялся тотъ знаменитый военный совѣтъ, на которомъ объяснилось, какъ мало озаботилась Данія продовольствіемъ нашего войска, надѣясь, что мы сами отберемъ себѣ хлѣбъ у шведовъ. Такое, однако, черезъ чуръ уже безцеремонное объясненіе окончательно возмутило Петра, который, уже не скрывая своего гнѣва, объяснился категорически: что желудокъ солдатскій не можетъ продовольствоваться надеждами и обѣщаніями, вмѣсто муки изъ запасныхъ магазиновъ. Отвѣтъ—привезутъ еще съ острововъ—царя удовлетворилъ столько же, сколько и умозрѣнія датскихъ министровъ, какъ богата хлѣбомъ Шонія, которую стоитъ только взять и—готовъ столъ! «Да,—возразилъ Петръ,—но за этимъ столомъ сидятъ 30.000 шведовъ, которые незванымъ гостямъ не дадутъ мѣста съ собою,—а жертвовать людьми я не хочу, посылая ихъ на вѣрное бѣдствіе».

Споровъ было много, но въ результатѣ этотъ «генеральный консиліумъ», въ которомъ принимали участіе русскіе генералы и на рѣшеніе котораго Петръ нисколько не вліялъ, по большинству голосовъ положилъ, что «десанту не быть, понеже время уже позднее наступаетъ; людей всѣхъ не перевезли, и диверсія отъ Аланда не учинена, понеже датчане по концерту, учиненному въ Альтенау, вспомочь оному не хотѣли». Для датчанъ казалась важнѣе всего шонская высадка, а для Петра нужнѣе всего была аландская диверсія. Копенгагенскій дворъ думалъ противопоставить 30.000-мъ шведовъ 20.000 русскихъ, а Петръ, не надѣясь на храбрость 18.000 датчанъ, рискнуть на неравный бой въ позднюю бурную осень ни въ какомъ случаѣ не хотѣлъ, откладывая экспедицію до весны. Наконецъ, датчане объявили, что они на будущую весну дѣйствовать не въ состояніи. «И тако обще всѣ письменный учинили протоколъ, чтобъ отставить до будущаго лѣта для вышерѣченныхъ причинъ».

Между тѣмъ, перевозка нашихъ силъ все еще продолжалась, и еще 4 сентября прибылъ послѣдній транспортъ съ пѣхотою; три же полка драгунъ датчане отказались перевозить, отговариваясь неимѣніемъ судовъ. Собранъ новый военный совѣтъ, и пришелъ къ рѣшенію перваго, а 15 сентября король датскій прислалъ царю письмо, въ которомъ просилъ отложить высадку въ Шонію до весны. За такимъ собственноручнымъ отзывомъ, казалось бы, говорить ничего не приходилось; между тѣмъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ датскій король издалъ декларацію, въ которой обвинялъ въ неосуществленіи экспедиціи одного Петра, высказывая удивленіе на мнимое упорство царя. Холодность, возникшая уже ранѣе между обоими союзниками, теперь достигла такой степени, что датское правительство поспѣшило выслать наше войско изъ своихъ владѣній, гдѣ для будущей весенней экспедиціи оно должно было зимовать. Петръ также поторопился ѣхать, 9 октября угостивъ адмираловъ датскихъ у себя на кораблѣ и пославъ (12 октября) флотъ свой въ Ревель.

Изъ Даніи, потерявъ три мѣсяца, Петръ и Екатерина направили свой путь въ Гамбургъ. Городское начальство, обязанное Петру спасеніемъ въ 1703 г. отъ ярости Штенбока, и Гамбургу готовившаго участь Альтоны,—встрѣтило царственныхъ супруговъ салютами артиллеріи и иллюминаціею. Петръ затѣмъ разставилъ свое войско на зимнія квартиры въ Мекленбургѣ и поспѣшилъ на свиданіе съ прусскимъ королемъ въ Гавельбергъ.

Петръ Великій въ Сорбоннѣ, въ Парижѣ, передъ памятникомъ кардинала Ришелье (1717).

Гавельбергское свиданіе происходило въ половинѣ ноября, когда начались холода, возбудившіе безпокойство царя объ Екатеринѣ, оставленной въ Шверинѣ въ послѣднихъ мѣсяцахъ беременности. Самъ Петръ поѣхалъ въ Голландію, изъ Бремена, кратчайшимъ трактомъ, для жены же выбралъ болѣе удобный путь на Везель. Но, добравшись кое-какъ сюда, отъ непріятностей, встрѣченныхъ въ пути, царица преждевременно, на Новый годъ, разрѣшилась сыномъ, жившимъ всего день. Выкидышъ, конечно, разстроилъ здоровье царицы и заставилъ ее прожить въ Везелѣ три недѣли, когда и Петръ хворалъ, очень опасно, въ Амстердамѣ.

Прибывъ въ столицу Голландіи еще 6 декабря, царь первыя двѣ недѣли еще выходилъ изъ комнаты и производилъ разнаго рода осмотры и наблюденія. Но болѣзнь, усиливаясь, около праздника довела организмъ царя до страшнаго разстройства. Упадокъ силъ и жесточайшія боли въ головѣ не давали ему подняться съ подушекъ. Несмотря, однако, на такое безотрадное положеніе, имперскіе дипломаты еще докучали царю требованіями о выводѣ войска изъ Мекленбургіи. Да ко всему этому присоединилась и тяжелая вѣсть объ исчезновеніи сына, который, какъ прямо догадался Петръ, не могъ нигдѣ скрываться, кромѣ Австріи. Кромѣ того, планы Герца, о которыхъ усердный уполномоченный Карла XII завелъ переписку съ лейбъ-медикомъ Петра Арескинымъ, въ это время открыты были регентомъ Франціи королю англійскому Георгу I. Планы же эти заключались ни больше ни меньше, какъ въ низложеніи Георга десантомъ шведовъ въ Лондонѣ, съ возведеніемъ на престолъ Англіи претендента, сына Якова II. Въ корресподенціи съ Арескинымъ предлагался Петру общій союзъ, въ которомъ Швеція, отъ возведенія Стюартовъ ждавшая себѣ великихъ выгодъ, обѣщала нѣсколько шансовъ и для русской торговли, кромѣ уступки царю завоеванныхъ имъ земель. Петру не особенно дорого было, конечно, и вовсе не нужно даже низложеніе Георга, но отдѣлаться выгоднѣйшимъ миромъ отъ войны съ Швеціею онъ желалъ больше всего, и не могъ поэтому отталкивать Герца, снабженнаго уполномочіемъ Карла XII. Между тѣмъ, благосклонно слушая предложенія о мирѣ черезъ Герца, когда заговоръ его противъ Георга былъ разрушенъ сообщеніемъ герцога орлеанскаго,—раздраженный король англійскій опубликовалъ захваченныя силою въ шведскомъ посольствѣ бумаги, поясняя враждебно тѣ мѣста изъ корреспонденціи Герца съ Арескинымъ, гдѣ говорилось о планахъ помириться съ царемъ, рядомъ съ развитіемъ хода другихъ пружинъ, пускаемыхъ въ дѣло для поправленія обстоятельствъ Швеціи. Отъ такихъ поясненій публикація писемъ Арескина въ глазахъ министровъ Георга получила тонъ, оскорбительный для царя, тѣмъ болѣе, что благодаря поверхностнымъ толкамъ интимной корреспонденціи, гдѣ и самыя намѣренія или предложенія облекались въ форму совершившагося факта,—Петръ обвинялся въ соучастіи съ Герцемъ ко вреду Георга. Король былъ даже убѣжденъ въ этомъ, такъ что не помогли и заявленія царя, объяснявшаго въ чемъ было дѣло. Личное неудовольствіе Георга, обратившееся потомъ въ антипатію къ Петру, сильно повредило, конечно, успѣхамъ общихъ дѣйствій союзниковъ, и, впослѣдствіи, заставило даже Англію, заключивъ съ Швеціею отдѣльный миръ, дѣйствовать противъ Россіи, хотя далеко не энергично и скорѣе ко вреду, чѣмъ къ пользѣ шведовъ, королева которыхъ Ульрика, преемница умерщвленнаго въ ноябрѣ 1718-го года Карла XII, союзомъ съ первою морскою державою сперва думала выиграть или улучшить дѣла свои.

Сторону Георга волею-неволею держало и голландское правительство, допустившее въ угоду ему даже арестованіе Герца и содержаніе его подъ стражею. Такой же поступокъ штатовъ, допустившихъ и перепечатку писемъ Арескина съ непріятными для Петра комментаріями, очень понятно, навлекъ и на бывшихъ друзей царя его неудовольствіе, высказавшееся въ отказѣ возобновленія торговыхъ трактатовъ Голландіи съ Россіею, на что, устраивая пышный пріемъ Петру, крѣпко разсчитывали купцы-правители, получавшіе отъ русской торговли самые существенные барыши. Къ частнымъ людямъ, старымъ знакомцамъ своимъ, Петръ, конечно, оставался расположеннымъ попрежнему; но правительство потерпѣло полную неудачу, къ которой, разсчитывая по установившимся отношеніямъ въ первое путешествіе царя, оно не было совсѣмъ приготовлено. Это же состояніе дѣла и отношенія царя къ Голландіи въ лицѣ

Памятникъ Петру Великому въ С.-Петербургѣ на площади Инженернаго замка.

ея правительства нужно принимать скорѣе всего въ расчетъ для вѣрной оцѣнки и разгадки обстоятельствъ и случаевъ послѣдняго пребыванія Петра въ Голландіи.

Для Петра больше всего тяжелъ былъ мѣсяцъ январь 1717 г.—пора его тяжкаго недуга, къ концу мѣсяца, однако, ослабѣвшаго. Свиданіе съ Екатериною, по выздоровленіи своемъ тоже пріѣхавшею въ Амстердамъ, было для царя первою радостью послѣ перенесенныхъ непріятностей. Февраль же мѣсяцъ употребилъ Петръ на разъѣзды съ женою всюду, показывая ей наиболѣе замѣчательное. Возилъ онъ ее и въ Заандамъ, гдѣ показывалъ свой домикъ и друзей въ лицѣ почтеннаго Кальера и членовъ его семейства. Не прятался государь теперь и отъ народа, всюду собиравшагося толпами смотрѣть на него. Послѣ болѣзни находили его, однако, страшно блѣднымъ, мрачнымъ, съ суровостью во взорахъ, которую черный цвѣтъ волосъ еще болѣе усиливалъ. Быстрота движеній была прежняя, но фигура могучаго царя-плотника казалась болѣе приземистою. Двадцать лѣтъ дѣлаетъ много и въ обыкновенномъ человѣкѣ, а какая бездна труда, непріятностей, могучихъ предположеній и великаго, уже совершеннаго, отдѣляла Петра 1717 года отъ молодого царя, записавшагося на верфь Линста Рогге плотникомъ. Жили Петръ и Екатерина въ домѣ русскаго купца Соловьева и на дачѣ агента царя въ Голландіи Брандта, устроившаго близъ Гарлема, въ рощѣ, служившей мѣстомъ лѣтняго пріюта Амстердамскаго фешона, пышную виллу, назвавъ ее Петербургомъ. Этотъ Брандтовъ Петербургъ играетъ важную роль въ письмахъ царя изъ второго путешествія въ Голландію. Здѣсь задавали Петру пиры его почитатели; сюда возилъ онъ людей ему близкихъ и отсюда, по-прежнему, любознательный царь направился въ Утрехтъ и близлежащіе городки, для осмотра разнаго рода фабрикъ и заводовъ въ началѣ марта. Переѣхавъ затѣмъ въ Гагу, въ домъ Куракина на большомъ Форхоутѣ, Петръ съ женою сдѣлались героями празднествъ, данныхъ генеральными штатами въ Зоргфлитѣ. Въ осматриваніи всякаго рода изобрѣтеній, по части техническихъ производствъ и въ области наукъ, Петръ въ Гагѣ провелъ двѣ недѣли. Здѣсь, между прочимъ, давалъ царь сеансъ (17 марта) и знаменитому портретисту Карлу Моору, съ оригинала котораго, восхищавшаго самого монарха, по гравюрѣ Хубракена, имъ же самимъ въ это время заказанной, мы выполнили единственное, самое схожее изображеніе Петра Великаго, помѣщенное на первыхъ страницахъ настоящаго изданія.

Изъ Гаги, съѣздивъ въ Роттердамъ и оставивъ тамъ Екатерину, Петръ, надѣясь теперь, черезъ посредство Франціи, заключить съ Карломъ XII выгодный для насъ миръ, рѣшился ѣхать въ Парижъ. Не любя вообще церемоній и съ цѣлью избѣжанія ихъ пріѣзжая обыкновенно въ столицы своихъ союзниковъ одинъ, Петръ не хотѣлъ взять съ собою и во Францію Екатерину, при которой отъ встрѣчъ не дозволялъ уже никакъ отдѣлаться этикетъ дворовъ европейскихъ государей.

Привѣтствій и торжественныхъ встрѣчъ царь, впрочемъ, не избѣжалъ. Начались они еще въ Голландіи, именно съ города Дортрехта, гдѣ яхта царская, за противнымъ вѣтромъ, должна была стать на якорь. Петръ посѣтилъ затѣмъ островъ Вильхеренъ, осматривая его замѣчательности, такъ же, какъ и знаменитый Антверпенъ,—гдѣ ходилъ поклониться праху Рубенса. Затѣмъ царь былъ въ Брюсселѣ, Гентѣ и Брюгге, изъ Остенде начались французскіе пріемы и для сопровожденія Его Величества явился королевскій камеръ-юнкеръ. Съ этого мѣста Петра утомляли уже церемоніями, и онъ чувствовалъ себя въ лучшемъ расположеніи духа тамъ именно, гдѣ, какъ въ Аббевилѣ, были замѣчательныя фабричныя заведенія. Разсматривая суконныя фабрики да красильни шерсти, Петръ провелъ, какъ извѣстно, цѣлый день въ Аббевилѣ, послѣ того не останавливаясь уже подолгу до самаго Парижа.

Приготовленный же пышный пріемъ въ столицѣ Франціи, съ помѣщеніемъ въ Луврѣ, произвелъ на Петра впечатлѣніе совсѣмъ противоположное расчетамъ регента, желавшаго блеснуть. Царь не только не принялъ приглашенія сѣсть за столъ во дворцѣ, но видимо поторопился уѣхать въ отель Ледигьеръ (принадлежавшій маршалу Вильруа и назначенный для помѣщенія высокаго гостя). А тамъ, занявъ комнату, назначенную для денщика, и улегшись на походную постель свою на полу, Петръ оставилъ не тронутымъ пышный альковъ въ парадной спальнѣ. Не меньше удивилъ фран

цузскую знать русскій царь и своимъ раннимъ вставаніемъ — поднявшись и на слѣдующее утро, по пріѣздѣ своемъ, на разсвѣтѣ. Регентъ Франціи поспѣшилъ представиться Петру и, бывъ очарованъ его умомъ, несмотря на свою вѣтренность, успѣлъ оцѣнить въ своемъ гостѣ генія. При пріемѣ дитяти—короля Людовика XV, царь, встрѣтивъ его у кареты и обмѣнявшись привѣтствіемъ, при посредствѣ Куракина, служившаго переводчикомъ при бесѣдахъ государя съ королемъ и регентомъ,—ласково разговаривалъ съ нимъ съ четверть часа. При посѣщеніи же короля въ Луврѣ, когда царственное дитя вышло къ нему навстрѣчу на подъѣздъ, Петръ взялъ ребенка-короля на руки и внесъ на лѣстницу, говоря шутливо «Несу Францію!»

Французамъ это очень понравилось, какъ и все вообще простое, искреннее обращеніе царя. Особенно же отъ него въ восторгѣ были всякаго рода техники-изобрѣтатели. Цѣлые дни въ теченіе шестинедѣльнаго пребыванія во Франціи царь употреблялъ на осмотры мастерскихъ да всякаго рода коллекцій и устройствъ. Дворцы королевскіе, столичные и загородные въ ряду обозрѣній любопытнаго государя занимали, конечно, первое мѣсто по накопленію въ нихъ бездны любопытнаго во всѣхъ отношеніяхъ. Тюильри и Версаль, особенно же сады и фонтаны послѣдняго, произвели на Петра до того сильное впечатлѣніе, что онъ нѣсколько разъ ѣздилъ изъ города, проводя здѣсь цѣлые дни; даже не разъ ночевалъ. Не удивительно, что по возвращеніи въ Россію Петръ съ такимъ замѣтнымъ постоянствомъ, въ продолженіе шести лѣтъ, заботился объ устройствѣ фонтановъ въ Петергофѣ, по проекту своего генералъ-архитектора Леблона, въ первомъ уже своемъ предположеніи старавшагося сдѣлать въ маломъ видѣ копію версальскихъ каскадовъ. Гобеленевая фабрика, инвалидный домъ, севрскія мастерскія, Академія живописи, монетный дворъ, коллекціи моделей французскихъ крѣпостей и анатомическихъ препаратовъ—все поочередно занимало Петра и сдѣлало для него время пребыванія въ Парижѣ до того короткимъ, что онъ удосужился написать женѣ всего три письма, тогда какъ и въ самыхъ трудныхъ походахъ никогда не оставлялъ ни одной почты, чтобы не писать къ Екатеринѣ хотя самаго краткаго увѣдомленія. Регентъ, гордясь выправкою своихъ войскъ, приглашалъ также не разъ царя на смотры и парады. Изъ нихъ особенно замѣчательный произведенъ въ Елисейскихъ поляхъ, 5 іюня, когда, по командѣ царя, проходили знаменитые мушкетеры Людовика XIV, на которыхъ, послѣ придворныхъ модниковъ, энергическій образъ русскаго царя произвелъ глубокое впечатлѣніе, такъ же, какъ и на инвалидовъ, обласканныхъ Петромъ, при посѣщеніи ихъ дома. Государь называлъ ихъ товарищами, спрашивалъ о походахъ и отвѣдалъ даваемые имъ вино и хлѣбъ.

Іюня 9-го 1717 г., наконецъ, Петръ оставилъ Парижъ, направляясь въ Спа, для пользованія минеральными водами. Туда явился къ государю Румянцевъ, съ извѣстіемъ объ отвозѣ Алексѣя Петровича австрійцами въ Италію, и былъ посланъ, вмѣстѣ съ Толстымъ, ходатайствовать передъ мѣстными владѣтелями о выдачѣ царевича. Оставаться въ Спа царь сперва не думалъ долго, но, пробывъ недѣлю и увидѣвъ полезное дѣйствіе водъ на свой разстроенный организмъ, рѣшился продолжать курсъ всѣ 4 недѣли. Выѣхавъ же изъ Спа, царь посѣтилъ Ахенъ съ его теплицами, знаменитую крѣпость Маастрихтъ да города Боккумъ, Горкумъ, и Дортрехтъ, такъ что только 22 іюля увидѣлъ онъ вновь Амстердамъ. День же спустя, вмѣстѣ съ Екатериною, неутомимый царь предпринялъ увеселительную поѣздку къ о. Текселю, смотрѣть прибывшій изъ Остъ-Индіи флотъ, состоявшій изъ 16 кораблей.

На одномъ изъ этихъ кораблей, комиссаръ остъ-индской кампаніи устроилъ для высокихъ гостей своихъ пышный пиръ. Но ни эта любезность ни расточавшіяся Екатеринѣ, въ отсутствіе супруга, всякаго рода угожденія и праздники на Петра теперь не произвели никакой перемѣны, благопріятной для купцовъ-аристократовъ. Царь холодно относился къ людямъ, къ которымъ уже питалъ антипатію, и она только увеличивалась, по мѣрѣ открытія новыхъ интригъ ихъ и подслуживанія тѣмъ, кто казался страшнымъ для высокомочныхъ штатовъ генеральныхъ по возможности вредить торговымъ расчетамъ ихъ,—какъ Англія.

Сильно разочаровавшись и въ друзьяхъ и въ союзникахъ, въ это лѣто ничего уже не предпринимавшихъ противъ Швеціи, Петръ рѣшился одинъ дѣйствовать для пріобрѣтенія выгоднаго мира. Съ выпущеннымъ на свободу

Герцемъ царь, проѣздомъ изъ Ахена, видѣлся въ городкѣ Лоо и обнадежилъ его насчетъ всякой готовности своей дѣйствовать въ пользу Карла XII, если получитъ полное удовлетвореніе всѣхъ своихъ требованій. Покончивъ же это дѣло, въ Голландіи оставаться Петръ не имѣлъ ни охоты ни надобности. Заключивъ трактатъ о торговлѣ съ Франціею и похоронивъ своего престарѣлаго друга, бургомистра Витзена, такъ много сдѣлавшаго угоднаго царю въ первое его путешествіе, оставилъ себялюбивую Батавію, поспѣшивъ въ Берлинъ. Въ королѣ прусскомъ, бравшемъ во многомъ за образецъ Петра, онъ видѣлъ лучшаго и надежнѣйшаго союзника и съ нимъ еще разъ хотѣлъ повидаться. Пребываніе царя въ прусской столицѣ было, впрочемъ, очень коротко— только до пріѣзда супруги. Съ нею же царь направилъ путь въ Данцигъ, откуда уже, нигдѣ не останавливаясь, воротились царь и царица въ Петербургъ (10—11 октября) послѣ 20-ти слишкомъ мѣсяцевъ отсутствія.

Но и въ Петербургѣ, оставленномъ на годъ слишкомъ, чтобы дать возможность произвести предположенныя работы и сооруженія, царь нашелъ далеко не все сдѣланнымъ и почти все, не такъ, какъ онъ ожидалъ, — такъ что послѣ первыхъ осмотровъ гнѣвъ на дурное исполненіе и неразумныхъ распорядителей не замедлилъ проявиться въ недовольномъ Петрѣ, который уже однимъ бѣгствомъ сына, теперь отысканнаго, настроенъ былъ къ подозрѣніямъ. Отъ Герца получено, между тѣмъ, письмо, удостовѣряющее о желаніи Карла XII мириться и назначеніи для того уполномоченныхъ на съѣздъ на островъ Аландъ.

XVI.

КОНГРЕССЪ АЛАНДСКІЙ И НИШТАДТСКІЙ МИРЪ.

(1718—1721).

Не видали Петра давно такимъ веселымъ, какъ въ день полученія приглашенія послать своихъ министровъ на Аландъ для переговоровъ. Это было въ праздникъ рожденія младшаго сына царя—Петра Петровича, который въ слѣдующемъ году (3 февраля), за отреченіемъ Алексѣя Петровича отъ права на престолъ, назначенъ наслѣдникомъ короны родителя.

Бѣжавшій царевичъ 14 октября отправился уже изъ Неаполя въ Россію и, издавъ въ Петербургѣ манифестъ о предстоящемъ конгрессѣ, Петръ поѣхалъ въ древнюю столицу покончить тягостную семейную драму, чтобы имѣть хоть надежду, что преемникъ не разрушитъ дѣло пересозданія государства, которому посвятилъ царь-преобразователь всю жизнь свою и всю силу своего генія.

Мы уже развили причины, почему оказался противникомъ плановъ и намѣреній отца Алексѣй Петровичъ; тяжелый процессъ его суда, начавшійся вслѣдъ за отреченіемъ съ изслѣдованія увлекшаго къ гибели, нищетѣ и униженію десятки лицъ, болѣе или менѣе виновныхъ въ совѣтахъ или поддержкѣ вредныхъ затѣй несчастнаго царевича, такъ уже извѣстенъ и составляетъ настолько отдѣльный эпизодъ, неминуемо требующій мелкихъ подробностей, что при бѣгломъ обзорѣ дѣяній Петра мы можемъ его коснуться развѣ напоминаніемъ одной роли царя-отца, отрекшагося судить свое дѣло. Что бы ни говорили возстававшіе на Петра по поводу осужденія и смерти его старшаго сына, безпристрастіе заставляетъ видѣть въ этой чертѣ одной, какъ далекъ былъ самъ преобразователь отъ мысли о голословномъ осужденіи Алексѣя и какъ искренно онъ желалъ, чтобы судьи, выбранные изъ сословій, выказали полное безпристрастіе. Повелѣвая, чтобы они произнесли рѣшеніе *не флатируя*, «и не опасаясь того, что ежели сіе дѣло легкаго наказанія достойно, чтобъ противно было» ему,—за все могшее послѣдовать Петръ снималъ съ себя моральную отвѣтственность, и уже судьямъ ни въ чемъ не указывалъ. Преступленіе сына было, между тѣмъ,

Петръ I допрашиваетъ царевича Алексѣя въ Петергофѣ. (Съ картины Н. Н. Г-е).

до того тяжко, что суровые законы царя Алексѣя Михайловича, для всякаго частнаго лица, за подобное дѣло изрекали смерть. Слѣдуетъ ли послѣ того обвинять Петра, что для сына своего—за отреченіемъ сдѣлавшагося обыкновеннымъ подданнымъ—не смягчена имъ суровость процесса, и судьи приговорили виновнаго къ тому, что назначаетъ законъ?—По нашему мнѣнію, Петръ за это-то именно и достоинъ высшихъ похвалъ, что онъ, забывая въ себѣ отца, остался вѣренъ роли государя. Самъ онъ смотрѣлъ на дѣло виновнаго царевича очень серіозно и высказалъ даже поводы, заставившіе его именно такъ дѣйствовать. При открытіи комиссіи о преступленіяхъ (превышенія власти и похищенія казны) сибирскаго губернатора кн. М. П. Гагарина—тоже человѣка нѣкогда къ нему близкаго и имъ очень любимаго — Петръ категорически выразился: «вы видѣли, что наказалъ я преступленіе сына моего, который по несчастію былъ неблагодаренъ, притворенъ и золъ, нежели бы кто надѣяться могъ. Я надѣюсь, что тѣмъ утвердилъ я главное мое дѣло, могущее учинить народъ россійскій сильнымъ и страшнымъ, а земли мои благополучными». Чтобы быть имъ такими, русскому народу, за строгими законами, недоставало неподкупнаго, нелицепріятнаго суда. Его-то, этотъ судъ, передъ которымъ всѣ равны, Петръ и примѣнилъ къ дѣлу своему съ сыномъ.

Прибавимъ съ своей стороны, что смерть осужденнаго Алексѣя очень естественна въ его положеніи, — особенно въ виду предшествовавшихъ пытокъ и объявленія обвинительнаго приговора. Она, между тѣмъ, осуждателямъ Петра кажется насильственною, и они находятъ возможнымъ допустить лучше нелогичность,

что царь,— человѣкъ настолько могучей воли,— остановился передъ формальностями, не желая помиловать сына. Но не онъ ли самъ, не Петръ ли, писалъ въ своей резолюціи по дѣлу Гагарина: «я презиралъ всѣ могущія быть въ свѣтѣ разсужденія относительно строгости моей въ наблюденіи правды?» Онъ же былъ далеко не такимъ, чтобы намъ не довѣрять ему или видѣть аффектацію и фразу тамъ, гдѣ искренно высказывались его убѣжденія. Поэтому долгъ всякаго честнаго человѣка—освободить память Петра Великаго отъ взводимаго на него голословнаго обвиненія, только на основаніи толковъ болтуновъ, записанныхъ въ процессахъ тайной канцеляріи! Согласитесь, что для обвиненія это слишкомъ шаткіе аргументы.

Петру, въ то время занятому мыслію, подвинуть ходъ конгресса—было вовсе не до того. Пока тянулся процессъ сына, онъ вооружалъ сильную эскадру изъ 31 вымпела (гдѣ было 25 кораблей) съ экипажемъ въ 11.463 ч. да съ 1.586 пушками. Мая 22 Петръ самъ ѣздилъ даже къ Котлину торопить выходомъ этой финской армады, которая, впрочемъ, поведена царемъ къ Ревелю только 16 іюля 1718 г.

На кораблѣ «Ингерманландъ», на которомъ привѣтствовали союзные флоты своего верховнаго командира при Копенгагенѣ (августъ 1716 г.), Петръ поднялъ свой флагъ и въ эту навигацію, пріѣхавъ къ эскадрѣ своей съ новымъ княземъ кесаремъ (сыномъ и преемникомъ Ѳеодора Юрьевича, умершаго 17 сентября 1717 г., ранѣе возвращенія царя изъ послѣдняго путешествія въ Европу). Съ княземъ кесаремъ гостилъ у моряковъ и гетманъ Скоропадскій.

Двинувшись въ Ревель, Петръ заложилъ тамъ дворецъ въ Екатериненталѣ, и 4 августа переправился съ эскадрою къ Гангеудду; оттуда же съ галернымъ флотомъ доходилъ царь до мѣста стоянки его близъ Або, гдѣ происходили маневры съ 18 августа.

И сюда приходилъ Петръ въ это именно время производить движенія галеръ—по сосѣдству съ Аландомъ—опять не безъ цѣли. Цѣль эта ясна: на всякій случай, показать неуступчивымъ шведамъ свои силы и сдѣлать ихъ сговорчивѣе для принятія заявленныхъ нами требованій. Герцъ соглашался уже на уступку Остзейскаго края, но упорно отстаивалъ Выборгъ, тогда какъ Брюсъ и Остерманъ требовали еще Кексгольма. На этомъ требованіи и остановился конгрессъ, когда осенью Герцъ поѣхалъ уговаривать на уступку Карла XII, враждебно настроеннаго Мюллерномъ. Но вотъ прошелъ 4-недѣльный срокъ, назначенный барономъ, а онъ не возвратился. Только уже 23 декабря узнали, что Карла XII нѣтъ на свѣтѣ и баронъ арестованъ, а потомъ, единственно по злобѣ ненавистниковъ своихъ и королевы Ульрики, казненъ на эшафотѣ, хотя, обвинить его въ чемъ-нибудь преступномъ было нельзя.

Смерть Карла XII измѣнила ходъ нашихъ дѣлъ, счастливо было устроившихся. Преемница умершаго короля заключила союзъ съ Англіею— уступкою ей Бремена и Вердена за 1.000.000 талеровъ,—думая при содѣйствіи этой державы достигнуть мира съ царемъ на менѣе тяжелыхъ условіяхъ. Петръ же, когда разрывъ аландскаго конгресса сдѣлался яснымъ,—къ навигаціи 1719 г. послалъ къ шведскимъ берегамъ галерную эскадру съ десантомъ. И въ то время, когда посланный королевой Ульрикой,—подъ видомъ любезности за присылку царемъ генерала Лефорта съ поздравленіемъ со вступленіемъ ея на престолъ,—бригадиръ Коетъ расточалъ Петру привѣтствія, шведскія деревни на берегу моря запылали. Флотъ нашъ, посланный къ Копенгагену, находился тамъ вмѣстѣ съ англійскимъ, и адмиралъ Норрисъ, довольный тѣмъ, что наши морскія силы, какъ онъ думалъ, этимъ парализованы, оставался въ полной неизвѣстности о всемъ, что дѣлалось далѣе. Между тѣмъ, генералъ Ласси, сойдясь со шведами при Капелѣ, разбилъ ихъ войско и безнаказанно сжегъ города Норкепингъ, Нюкепингъ, Зедертелье, Троза, Эстгаммаръ и Эрегрундъ, со множествомъ заводовъ. Казаки же снимали караулы шведскіе въ полумилѣ отъ Стокгольма!

Такое жестокое опустошеніе богатой и лучшей части Швеціи заставило испуганную королеву сдѣлать,—черезъ бывшаго тогда въ столицѣ ея нашего дипломата Остермана,— предложеніе царю объ уступкѣ Нарвы и всей Эстляндіи съ Ревелемъ; а царь, поддерживая прежнія требованія, велѣлъ своимъ уполномоченнымъ, въ случаѣ отказа *на нихъ*, совсѣмъ уѣхать съ Аланда. На разрывѣ мирныхъ сношеній и заключилась кампанія въ первомъ году царствованія Ульрики-Элеоноры.

Въ теченіе 1718 года двѣ хотя и различныя по значенію своему важныя мѣры приняты Петромъ въ его *невскомъ парадизѣ.* Указомъ 19 сентября положено рыть Ладожскій каналъ съ поставкою работниковъ со всего государства, съ 20-ти дворовъ по человѣку; трудъ колоссальный, съ Вытегорскимъ каналомъ упрочивавшій торговые сплавы на сѣверо-востокѣ Европейской Россіи. А ноября 26-го, въ заключеніе кровавыхъ розысковъ по дѣлу умершаго царевича, послѣдовало распоряженіе объ ассамблеяхъ, гдѣ все самое существенное принадлежитъ перу самого Петра. Учрежденіемъ очередныхъ собраній, куда всякій прилично одѣтый имѣлъ право прійти и видѣть своихъ знакомыхъ, достигалась двойная цѣль: русскіе люди дѣлались сообщительнѣе и прывыкали къ дѣльной бесѣдѣ, въ которой и самъ царь принималъ живое участіе. Что же касается женщинъ, вывозъ которыхъ въ публику, несмотря на указы царскіе, все еще былъ ограниченный, то съ заведеніемъ ассамблей онѣ вступили такъ сказать въ свою общественную роль и едва ли можно допустить, чтобы съ неохотою? Петръ также въ это время, находя административные шведскіе порядки подходящими къ намъ всего ближе, открылъ коллегіи по шведскому образцу и приказалъ перевести шведское земское уложеніе на нашъ языкъ. А въ январѣ 1719 г. послалъ экспедицію для промѣра да описанія Каспійскаго моря, и самъ въ первый разъ поѣхалъ къ олонецкимъ минеральнымъ водамъ, на себѣ желая испытать цѣлебную силу этихъ источниковъ, незадолго до того открытыхъ и описанныхъ покойнымъ Арескинымъ. Самый проѣздъ къ нимъ не остался также безплоднымъ для наблюдательнаго государя, тщательно промѣрявшаго лежавшія на пути его озера, начиная съ Онежскаго. Продолжая курсъ водъ, царь здѣсь выправлялъ изготовленный проектъ регламента коммерцъ-коллегіи и, окончивъ, послалъ съ указомъ Сенату для распубликованія.

Въ это время, по возвращеніи въ столицу изъ Олонца, семейное несчастіе сильно поразило впечатлительнаго Петра. Объявленный наслѣдникомъ престола, единственный сынъ царя, трехлѣтній царевичъ Петръ Петровичъ, почти внезапно скончался, разрушивъ всѣ возлагавшіяся на него надежды великимъ отцомъ. Послѣ этой потери,—замѣчали современники, — и безъ того разочаровавшійся въ близкихъ къ себѣ людяхъ, Петръ сдѣлался особенно мраченъ.

Что касается полнаго результата усилій въ борьбѣ нашей съ Швеціей, то Петръ въ немъ не сомнѣвался, увѣренный въ непродолжительности упорства королевы Ульрики, надѣявшейся, что приходъ англійскаго флота помѣшаетъ намъ дѣйствовать. Дѣйствительно, въ навигацію 1720 г., съ появленіемъ у Ревеля соединившихся съ шведами англичанъ, парусный флотъ нашъ оставался въ гавани; но зло для Швеціи не уменьшилось отъ этого. Петръ, хотя и опасался за Котлинъ и даже далъ приказъ командиру его «оборону флота и мѣста сего имѣть до послѣдней силы и живота, яко главнѣйшее дѣло»,—тѣмъ не менѣе не оставилъ высылку пораньше десанта на шведскіе берега.

Бригадиръ Менгденъ, заходя отъ моря миль на 5 и болѣе, въ теченіе мая мѣсяца уничтожилъ по берегамъ Ботническаго залива оба города Умео, два замка королевскихъ, 41 деревню, 17 мельницъ, 43 амбара, захвативъ 14 судовъ шведскихъ да угнавъ 600 головъ скота, чѣмъ довелъ до крайности и безъ того бѣдное населеніе. По соединеніи же Менгдена съ главными силами, князь Голицынъ, открывъ между Гельсингфорсомъ и Або отдѣльно стоящіе шведскіе корабль и 4 фрегата, съ тремя судами меньшаго размѣра, 27 іюля при островѣ Гренгаммѣ имѣлъ съ ними бой, и послѣ сильнаго сопротивленія овладѣлъ фрегатами. Это блистательное дѣло подтвердило вѣрность расчета Петра на плохую защиту Швеціи, такимъ союзникомъ, какъ Англія. «Не малою викторіею можетъ почесться, а наипаче, что при очахъ англійскихъ, которые равно шведовъ обороняли, какъ ихъ земли такъ и флотъ», написалъ по этому случаю царь Меншикову и приказалъ посламъ своимъ при разныхъ дворахъ публиковать печатныя реляціи о гренгаммскомъ дѣлѣ, въ Петербургѣ устроивъ трехдневное празднество съ пушечной пальбою. Эффектъ нашей побѣды и безнаказанность десанта на шведское правительство произвели благопріятную для нашихъ цѣлей перемѣну мыслей, и супругъ Ульрики-Элеоноры, Фридрихъ, объявленный королемъ на сеймѣ, принимая поздравленіе посланнаго царемъ Ру-

Празднество свадьбы князя-папы и маскарадъ въ Петербургѣ 10 сентября 1721 года, по случаю Ништадтскаго мира.

мянцева, предложилъ открыть въ Або переговоры о мирѣ, прерванные на Аландѣ. Петръ давно этого пламенно желалъ и въ февралѣ 1721 г. выслалъ своихъ прежнихъ уполномоченныхъ въ городъ Ништадтъ, куда пріѣхали и шведскіе министры. Между тѣмъ, племянникъ Карла XII, герцогъ Карлъ Фридрихъ голштинскій, за воцареніемъ тетки и ея мужа потерявъ надежду не только на шведскій престолъ, но и на возвращеніе своихъ наслѣдственныхъ земель, отнятыхъ Даніею, черезъ посредство своего министра Бассевича вошелъ въ сношенія съ Петромъ, прося руки старшей дочери государя. Она была еще мололѣтна, тѣмъ не менѣе, царь изъявилъ желаніе поближе узнать будущаго зятя и пригласилъ его пріѣхать въ Ригу. У Петра явилась мысль, заручившись законнымъ претендентомъ на шведскій престолъ и заявляя желаніе поддерживать право его— добиться выгоднѣйшаго мира съ королемъ, очень хорошо сознававшимъ шаткость своего положенія.

Въ началѣ 1721 года, частію для лучшаго знакомства съ герцогомъ голштинскимъ, а частію и въ видахъ скорѣйшаго выполненія мѣръ защиты Ливоніи и Эстоніи, на которыя десанта шведовъ и союзника ихъ Петръ все же ожидалъ,—царь придумалъ съ супругой поѣхать въ Ригу. Они прожили въ ней два мѣсяца. Герцогъ Карлъ Фридрихъ, во время пребыванія здѣсь ихъ величествъ, имъ, казалось, понравился (или, по крайней мѣрѣ, считали нужнымъ оставлять его въ этомъ убѣжденіи), и приглашенъ въ Ревель, гдѣ стояла часть нашего флота на зимовкѣ да куда пришла и котлинская эскадра съ галернымъ флотомъ. Десантъ на шведскій берегъ генераломъ Ласси, по примѣру прежнихъ двухъ лѣтъ, произведенъ былъ еще раннею весною, нанеся истребленіе 17 приходовъ съ шестью стами деревень. Всѣ эти обстоятельства вмѣстѣ взятыя сдѣлали шведскихъ министровъ согласными на все, особенно когда просьбу о перемиріи и остановленіи истребленій царь отклонилъ.

Тутъ уже переговоры пошли необыкновенно живо. Тѣмъ не менѣе, протекли іюнь, іюль и августъ мѣсяцы прежде, чѣмъ достигли наши уполномоченные до такого результата, о которомъ не смѣлъ мечтать и самъ Петръ. Августа 30-го 1721 г. подписанъ, наконецъ, миръ въ Нейштадтѣ, по которому Швеція уступила Россіи Ливонію, Эстонію, Энгерманландію и городъ Выборгъ съ его округомъ, выговоривъ только себѣ 2.000.000 рублей, съ разсрочкою уплаты на 2 года.

Петръ томился уже нѣсколько времени неизвѣстностію, что происходитъ на конгрессѣ, и даже послалъ уже своего генералъ-адъютанта Ягужинскаго съ полномочіемъ отказаться отъ Выборга, когда Брюсъ и Остерманъ послали ему на ратификацію условія договора. Царь ѣхалъ въ Выборгъ, когда на дорогѣ близъ дворца своего Дубки встрѣтилъ 3 сентября посланнаго съ депешами. Прочитавъ содержаніе ихъ, Петръ сперва какъ будто не повѣрилъ громадности уступленнаго, и для того, оставшись ночевать въ Дубкахъ все еще ожидалъ другого гонца съ отмѣною. Только уже утромъ 4 сентября, пріѣхавъ въ столицу свою, государь велѣлъ служить благодарственный молебенъ, произведя пушечную пальбу при чтеніи извѣстія городу.

Полное празднованіе, впрочемъ, отложилъ еще государь до ратификаціи мира шведскимъ королемъ, до того только отпраздновавъ 10 сентября свадьбу второго князя-папы своего, Петра Ивановича Бутурлина, со вдовою его предшественника. Когда этихъ престарѣлыхъ молодыхъ, облеченныхъ въ костюмъ древнихъ государей, вывели отъ вѣнца изъ Троицкаго собора на площадь, самъ царь, одѣтый барабанщикомъ, ударилъ въ барабанъ, служившій сигналомъ начатія маскарада, всѣ костюмированные сбросили плащи, и Троицкая площадь запестрѣла разнообразнѣйшими костюмами. Группы, сформированныя по церемоніалу, двинулись въ порядкѣ направленія, указанномъ нумерами процессіи. Шествіе же открывалъ Петръ, имѣя подлѣ себя также одѣтыхъ, какъ онъ—И. И. Бутурлина, Г. П. Чернышова и Мамонова—съ барабанами черезъ плечо на черныхъ бархатныхъ перевязяхъ. Впереди царя шли три трубача «въ арабскомъ платьѣ», а за барабанщиками шествовалъ новобрачный кесарь, волоча по землѣ свою красную мантію на горностаяхъ. Передъ супругою же его, шедшею позади Екатерины, одѣтой фрисландскою крестьянкою (въ юбкѣ и кофтѣ, обшитыхъ краснымъ) шли гобоисты и камеръ-юнкеры, а по сторонамъ—арабы. Герцогъ голштинскій и его кавалеры одѣлись французскими виноградарями; Меншиковъ и нѣсколько

Ассамблеи при Петрѣ I.

другихъ вельможъ — гамбургскими бургомистрами; гвардейскіе офицеры щеголяли въ римскихъ шлемахъ. Подъ пару же князю-папѣ были турецкій муфти, да бахусъ, обвѣшанный лозами винограда, съ барсовою шкурою черезъ плечо.

Послѣ процессіи масокъ начался свадебный пиръ князя-папы въ зданіи Сената. Брачный же чертогъ его устроенъ былъ по рединѣ площади, напротивъ—въ тріумфальной пирамидѣ стѣны которой представляли рѣшетки. И подниманіе молодыхъ на утро не обошлось безъ попойки и безъ проказъ. При переправѣ князя-папы черезъ Неву, его съ кардиналами перевозили на нѣсколькихъ бочкахъ, соединенныхъ вмѣстѣ. Самъ глава пьяницъ былъ въ рединѣ, плавая въ громадномъ ковшѣ по чану, до краевъ налитому пивомъ. Бахусъ заправлялъ поѣздомъ, а Нептунъ, — трезубцемъ своимъ, время отъ времени, поворачивалъ ковшъ съ княземъ-папою, сильно ругавшимся. Несчастные кардиналы его ѣхали не съ большимъ покоемъ, какъ глава ихъ. Крѣпко привязанные къ своимъ бочкамъ, они тоже качались изъ стороны въ сторону, при малѣйшемъ движеніи рискуя окунуться въ холодной невской водѣ. Страдальцевъ освободили, наконецъ, по прибытіи къ пристани почтоваго дома, и повели упаивать доотвала; самого же князя-папу шутники еще совсѣмъ окунули въ хмельной брагѣ.

Эти шалости, впрочемъ, послѣ уже не возобновлялись. Что же касается маскированныхъ, то процессіи ихъ повторялись еще разъ въ теченіе трехъ дней, съ 24 сентября, наканунѣ котораго получена, наконецъ, изъ Стокгольма ратификація договора. Между тѣмъ, дѣлались приготовленія къ пышному фейерверку, отложенному до возвращенія войска изъ Финляндіи.

Праздникъ этотъ наступилъ 22 октября. Послѣ литургіи въ Троицкомъ соборѣ, канцлеръ отъ лицъ Сената поднесъ Петру челобитье вѣрноподданныхъ о принятіи титула *Великаго Отца отечества, Императора Всероссійскаго*. По соизволенію же на то растроганнаго государя, сенаторы крикнули: *виватъ!* и возгласъ этотъ былъ подхваченъ голосами всего войска и народа. Раздался звукъ трубъ, литавръ и барабановъ, смѣшавшійся съ залпомъ крѣпостныхъ орудій и бѣглаго огня солдатъ всѣхъ 23-хъ полковъ, прибывшихъ изъ Финляндіи. Когда же на минуту смолкли этотъ гулъ и громъ, заговорилъ самъ Петръ, но, растроганный, онъ только высказывалъ отдѣльныя, крѣпко занимавшія его мысли въ эту минуту: «Зѣло желаю, чтобъ нашъ весь народъ прямо узналъ, что Господь Богъ прошедшею войною и заключеніемъ сего мира намъ сдѣлалъ. Надлежитъ Бога всею крѣпостью благодарить; однакожъ, надѣясь на миръ, не подлежитъ ослабѣвать въ воинскомъ дѣлѣ. Надлежитъ трудиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ, который Богъ намъ передъ очи кладетъ, какъ внутрь, такъ и внѣ, отчего облегченъ будетъ народъ!»

Молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ, обѣдъ въ зданіи Сената для служащихъ и вечеромъ пышный фейерверкъ были заключеніемъ этого дня. Небо осенней ночи обратилось въ день, когда тысячи ракетъ, взорвавшись букетомъ, при звонѣ колоколовъ и громѣ пушекъ, подали сигналъ къ зажженію главнаго щита, на которомъ изображенъ былъ корабль у пристани, съ девизомъ «конецъ увѣнчалъ дѣло».

Увѣнчать миръ праздниками въ одномъ Петербургѣ царь, однако, не думалъ и, переѣхавъ въ Москву, показалъ древней столицѣ свою непритворную радость объ успѣхѣ дѣла рядомъ новыхъ торжествъ, заключившихъ 1721 и начавшихъ новый 1722-ой годъ.

Видъ города Дербента, гдѣ жилъ Петръ Великій въ августѣ 1722 года.

XVII.

ПЕРСИДСКІЙ ПОХОДЪ.

(1722 годъ).

Походъ этотъ дальновидный Петръ предпринялъ больше всего въ интересахъ торговли и будущаго развитія ея на Востокѣ, самъ желая обозрѣть и мѣстность, на легкое пріобрѣтеніе которой, по разсказамъ Волынскаго, государь сталъ возлагать большія надежды, уже гораздо ранѣе Ништадтскаго мира. Положеніе дѣлъ Персіи, обезсиленной внутренними неустройствами, дѣйствительно, было таково, что любому, желающему отнять у нея земли на берегу Каспія и на Кавказѣ вообще, держава эта не могла дать никакого отпора. Петръ, не пуская въ огласку своихъ приготовленій, сдѣлалъ ихъ, сколько возможно, быстро. Зимою ничего еще не было извѣстно, а весною Петръ и Екатерина уже оставили Москву, направившись къ г. Коломнѣ, гдѣ собиралась рѣчная флотилія для спуска по Окѣ и Волгѣ до Астрахани.

Мая 17-го тридцатишестивесельный стругъ, подъ императорскимъ флагомъ, при пальбѣ пушекъ, съ музыкою отвалилъ отъ берега съ высокими путешественниками, впереди флотиліи, и въ первый день пути проплылъ 20 верстъ. До Нижняго-Новгорода дошли въ 8 дней, и остановились на пять сутокъ. Царь осматривалъ транспортныя суда, назначенныя въ экспедицію. Бесѣдовалъ съ умнымъ архіепископомъ Питиримомъ о средствахъ вразумить раскольниковъ, не прибѣгая къ строгости и наказаніямъ; посѣщалъ Строгановыхъ, даже пользуясь гостепріимствомъ въ ихъ пышномъ домѣ; ходилъ поклониться праху Минина, считая этого великаго гражданина главнѣйшимъ дѣятелемъ къ освобожденію отечества отъ поляковъ, и очень сожалѣлъ, что не осталось его потомства. Затѣмъ, обозрѣвая верфь (29 мая), гдѣ строились суда для волжскаго плаванія, во все вникавшій государь далъ приказъ о лучшей стройкѣ ихъ и немедленно велѣлъ прислать сюда корабельныхъ мастеровъ изъ Петербурга да завести верфь и адмиралтейство.

Родину Минина Петръ оставилъ въ день празднованія своего рожденія, — когда исполнилось ему ровно пятьдесятъ лѣтъ. Черезъ три же дня Петръ былъ уже въ Казани, гдѣ опять множество дѣлъ и предметовъ для осмотра задержало его на четыре дня. Въ Казани царь обозрѣвалъ казенные и частные кожевенные заводы и, найдя отличное устройство въ маленькомъ еще заведеніи купца Михляева, — когда обширное хозяйство казенное было не въ порядкѣ,— ввѣрилъ ему управленіе казеннымъ кожевеннымъ дѣломъ, обѣщаясь оказывать всякую поддержку и выразивъ надежду на скорое достиженіе имъ такого успѣха, какого такъ желалъ увидѣть. Проѣзжая мимо развалинъ древняго города болгаръ, Петръ также не преминулъ сойти со струга и въ подробности осмотрѣть все замѣчательное; даже велѣлъ срисовать расположеніе развалинъ и не портить ихъ. Затѣмъ, проплывъ мимо Симбирска, царь остановился въ Самарѣ и, соизволивъ, по просьбѣ хана Аюки, видѣться съ нимъ, пригласилъ престарѣлаго владѣтеля калмыковъ къ себѣ, далъ ему довольно продолжительную аудіенцію и, отправившись провожать, провелъ нѣсколько времени у него въ палаткѣ, одаривъ и самого хана и его семейство (10 іюня). Послѣ того въ пять дней царственные путники достигли Царицына, черезъ день встрѣчены были въ Черномъ Ярѣ и 19 іюня вступили торжественно въ Астрахань, гдѣ происходило окончательное формированіе экспедиціи, задержавшее здѣсь царя цѣлый мѣсяцъ.

Къ іюлю мѣсяцу 1722 г. всѣ войска, назначенныя въ Персидскій походъ, въ составѣ 22.000 пѣхоты, 5.000 матросовъ и 9.000 кавалеріи, собрались въ Астрахани. Пѣхота начала грузиться на приготовленныя для перевозки ея по Каспійскому морю суда, а кавалерія двинулась сухимъ путемъ вдоль берега. Кромѣ того, многочисленнымъ отрядамъ казаковъ, татаръ и калмыковъ было приказано итти степью и присоединиться къ арміи въ Дагестанѣ.

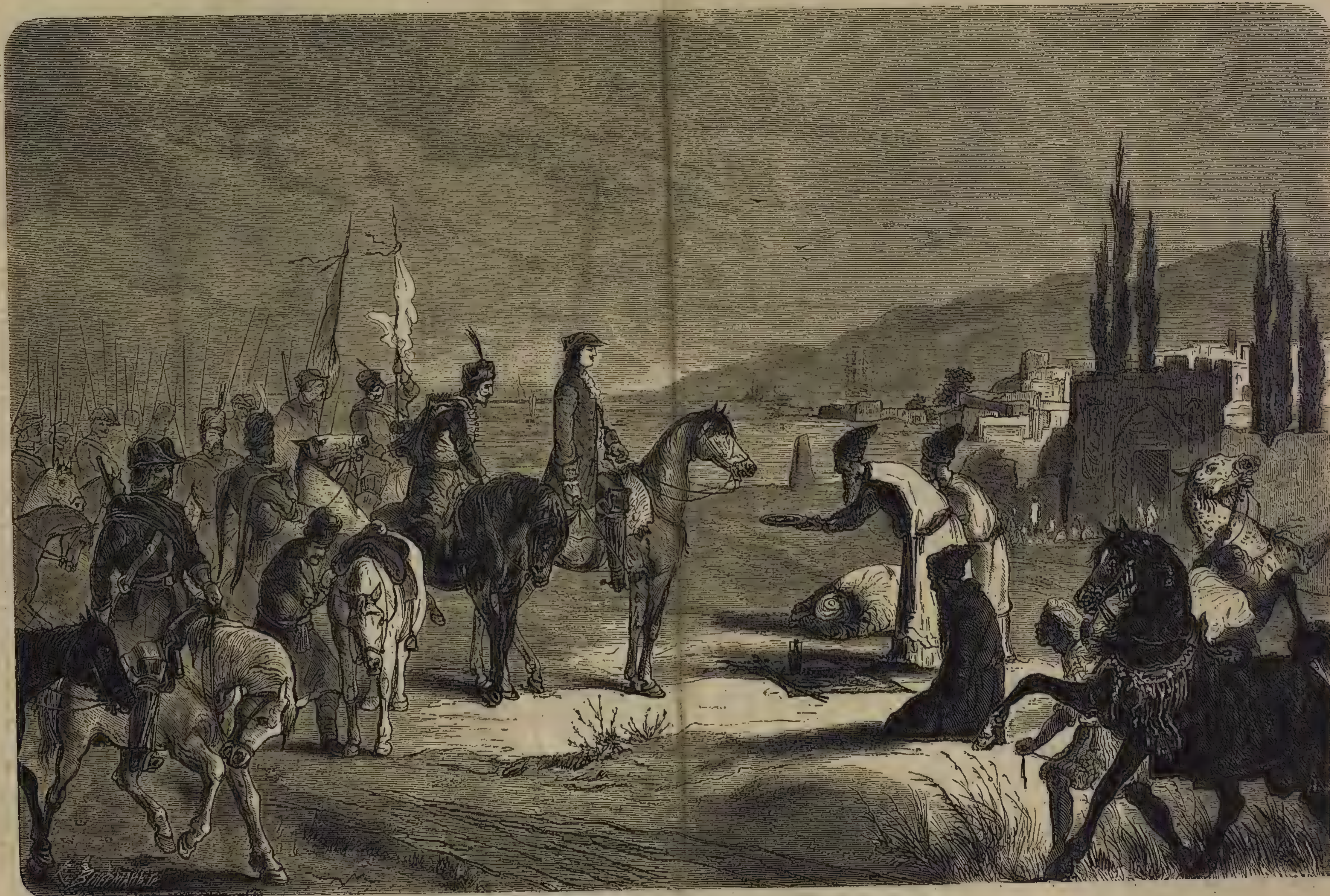
18 іюля генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ поднялъ свой флагъ на гукерѣ «Принцесса Анна» и далъ сигналъ къ выступленію. Флотилія его состояла изъ 442 различныхъ судовъ. Авангардомъ командовалъ самъ императоръ, находившійся вмѣстѣ съ императрицей на большомъ корабельномъ ботѣ. Послѣ шестидневнаго плаванія, флотилія благополучно прибыла къ Аграханскому мысу, назначенному мѣстомъ высадки, которая совершилась 27-го числа съ большими затрудненіями, потому что суда по мелководью не могли приблизиться къ берегу и люди должны были, раздѣвшись по поясъ, перетаскивать на себѣ провіантъ и другія тяжести. Государь высадился первымъ; его перенесли на доскѣ четыре матроса. Осмотрѣвъ на значительное разстояніе берегъ, Петръ выбралъ мѣсто для лагеря и приказалъ поставить здѣсь вмѣсто маяка для флота найденную въ камышѣ татарскую мачту. На слѣдующій день были разбиты палатки, и лагерь укрѣпленъ валомъ, на случай нечаяннаго нападенія, вслѣдствіе чего и получилъ названіе «Аграханскаго ретраншмента».

Русскія войска простояли въ этомъ ретраншементѣ болѣе недѣли, поджидая кавалерію, задержанную въ походѣ недостаткомъ воды и фуража и неожиданнымъ сопротивленіемъ жителей деревни Эндери въ Дагестанѣ.

По прибытіи конницы, императоръ выступилъ 5 августа въ дальнѣйшій походъ, разославъ къ окрестнымъ народамъ манифесты съ требованіемъ мирнаго подчиненія. 12-го числа армія подошла къ городу Таркамъ и расположилась около него бивуакомъ. Шамхалъ тарковскій, Адильгирей, встрѣтилъ государя за пять верстъ отъ города, сошелъ съ лошади, поклонился ему и императрицѣ до земли и поздравилъ съ пріѣздомъ. На другой день Петръ, съ конвоемъ изъ трехъ драгунскихъ ротъ, осматривалъ Тарки и посѣтилъ шамхала, который угощалъ его разными кушаньями, фруктами и горячимъ виномъ и на прощанье подарилъ гостю сѣраго аргамака въ золотой сбруѣ. 16-го числа армія двинулась изъ-подъ Тарковъ къ Дербенту и 18-го достигла границъ владѣній султана утемишскаго Махмуда. Къ нему были отправлены три казака съ требованіемъ покорности. Но султанъ приказалъ умертвить посланныхъ, а самъ съ десятитысячнымъ войскомъ пошелъ противъ русскихъ и 19-го числа напалъ на нашъ авангардъ. Послѣ непродолжительнаго, но упорнаго боя непріятель, разбитый на голову, обратился въ бѣгство. Кавалерія преслѣдовала султана до его столицы, мѣстечка Утемишь, которое было взято приступомъ и разрушено до основанія. Въ этомъ дѣлѣ мы лишились всего 12 человѣкъ убитыми и ранеными, тогда какъ непріятель потерялъ до 600 чел. одними убитыми.

Усмиривъ утемишскаго султана, русская армія двинулась далѣе и утромъ 23 числа приблизилась къ Дербенту. Наибъ дербентскій, съ многочисленной свитой знатнѣйшихъ гражданъ, вышелъ навстрѣчу государю, палъ на колѣни и поднесъ ему два серебряныхъ ключа отъ города. Въ четыре часа наши войска вступили въ Дербентъ. Императоръ верхомъ, съ обнаженной шпагой, ѣхалъ передъ Преображенскимъ баталіономъ; за нимъ слѣдовали: гобоисты и четыре пажа въ уборныхъ платьяхъ, потомъ остальная гвардія съ музыкой и распущенными знаменами; императрица съ гофъ-дамами въ парадныхъ каретахъ и, наконецъ, пѣхотные полки. Пройдя черезъ городъ, войска стали лагеремъ на равнинѣ близъ моря. На другой день, вечеромъ, государь съ государыней осматривали городъ и ночевали въ домѣ наиба, принявшаго ихъ съ большимъ почетомъ. 26-го числа въ лагерѣ было праздновано мирное занятіе Дербента. Послѣ общаго парада войскъ, весь штабъ и оберъ-офицеры удостоились приглашенія къ царскому столу.

Петръ намѣревался итти отъ Дербента къ Баку, какъ вдругъ неожиданное обстоятельство измѣнило всѣ его предположенія. Въ устьѣ рѣки Мелукенти стояли двѣнадцать ластовыхъ судовъ, нагруженныхъ мукою. Приготовляясь къ продолженію похода, государь велѣлъ перепечь муку въ хлѣбы и изъ нихъ насушить сухарей. Въ ночь передъ выгрузкой, подулъ жестокій сѣверный вѣтеръ, и въ судахъ открылась течь. Матросы выливали воду до полудня, но, наконецъ, потерявъ силы, были вынуждены посадить суда на мель, причемъ множество муки подмокло и испортилось. Около этого же времени ожидался изъ Астрахани капитанъ Вильбоа съ тридцатью судами, нагруженными провіантомъ и военными припасами; но Вильбоа, добравшись съ трудомъ до Аграханскаго ретраншемента, не

Сдача г. Дербента. Наибъ города подноситъ городскіе ключи Петру I 23 августа 1723 года.

Петръ Великій на Лахтѣ спасаетъ погибающихъ во время бури 1 ноября 1724 г.

рѣшился плыть далѣе, по случаю весьма худого состоянія своей флотиліи.

Неудачи эти, грозившія арміи совершеннымъ недостаткомъ продовольствія, побудили Петра отложить дальнѣйшій походъ и возвратиться въ Астрахань. Оставивъ въ Дербентѣ сильный гарнизонъ, государь двинулся 5 сентября въ обратный путь. 18 числа армія пришла къ рѣкѣ Сулаку. Здѣсь Петръ заложилъ новую крѣпость Св. Креста, которая должна была прикрывать русскія границы, вмѣсто прежней Терской крѣпости, оказавшейся неудобной. Пока войска занимались постройкой новой крѣпости, государь послалъ атамана Краснощекова съ 1000 донскими казаками и 4000 калмыками разорять владѣнія утемишскаго султана. Краснощековъ опустошилъ все, что уцѣлѣло отъ перваго погрома, перебилъ множество жителей и захватилъ 850 чел. плѣнныхъ и 11.000 штукъ рогатаго скота.

30 сентября Петръ сѣлъ съ авангардомъ на суда въ Аграханскомъ ретраншементѣ и 4 октября благополучно прибылъ въ Астрахань, но генералъ-адмиралъ, плывшій сзади, выдержалъ страшный четырехдневный штормъ, причинившій не мало вреда русской флотиліи.

По прибытіи въ Астрахань, приписывая неуспѣхъ похода частію непрочности транспортныхъ судовъ, царь еще отсюда послалъ Румянцева въ Казань и Нижній-Новгородъ съ приказомъ готовить прочныя суда къ слѣдующей навигаціи. Между тѣмъ, въ бытность на рыбныхъ промыслахъ въ Камызякѣ, услыхавъ о взятіи Миръ-Махмудомъ Испагани (27 октября), при чемъ жители Гиляни обращались съ просьбою о защитѣ, — Петръ послалъ туда полковника Шипова съ двумя баталіонами пѣхоты занять эту провинцію и въ то же время поручилъ главное начальство надъ оставленными на Кавказѣ гарнизонами генералъ-майору Матюшкину, котораго снабдилъ подробными инструкціями относительно дальнѣйшаго образа дѣйствій въ мѣстахъ, занятыхъ нашими войсками.

Оставивъ затѣмъ Астрахань 14 ноября и застигнутый, не доѣзжая Царицына, наступившими неожиданно морозами, изъ-за которыхъ здѣсь пришлось прождать десять дней теплой одежды и зимнихъ экипажей, царь 11 декабря былъ уже подъ Москвою. Дождавшись же пріѣзда Екатерины, вмѣстѣ съ нею и съ войсками торжественно вступилъ въ древнюю столицу въ день полтавскаго тріумфа (18 декабря).

Въ Москвѣ ждала царя непріятность, слухъ о которой дошелъ еще до него въ Царицынѣ. Въ полномъ присутствіи сената, вице-канцлеръ, баронъ Шафировъ, выведенный изъ себя придирками Скорнякова-Писарева, правившаго временно должность генералъ-прокурора, наговорилъ много оскорбительнаго для него и Меншикова, забѣжавшаго, какъ обыкновенно, прежде другихъ съ доносомъ. Петръ нарядилъ комиссію, открывшую злоупотребленія многихъ, въ томъ числѣ и герцога Ижерскаго. Шафировъ и Скорняковъ оба признаны виноватыми, и царь, несмотря на заслуги перваго, смягчилъ участь его только замѣною смерти ссылкою, еще разъ наложивъ начетъ на Меншикова.

Процессъ Шафирова задержалъ Петра въ Москвѣ до конца февраля. Возвращаясь же въ Петербургъ, заѣзжалъ царь смотрѣть тверецкій шлюзъ на Цнѣ, построенный новгородцемъ Сердюковымъ за право держанья кабаковъ по этому пути. Торжественная встрѣча петербургскихъ жителей, съ княземъ М. М. Голицынымъ во главѣ, вышедшихъ въ Ямскую, сильно тронула государя при въѣздѣ въ *парадизъ его* (3 марта).

Весь 1723 годъ царь провелъ затѣмъ въ новой столицѣ, въ маѣ съѣздивъ только встрѣчать свой ботикъ, который велѣлъ привезти сюда изъ Москвы, и торжественно провезъ его потомъ вокругъ всего флота, выстроеннаго на Котлинскомъ рейдѣ (11 августа). Въ октябрѣ же (7 числа) на Котлинѣ заложилъ царь портовый городъ, назвавъ его Кронштадтомъ; передъ тѣмъ же (15 сентября) издалъ манифестъ о короновании своей подруги, дѣлившей съ нимъ труды и опасности двухъ походовъ (Прутскаго и Персидскаго). Съѣздивъ въ послѣдній разъ въ своей жизни на Олонецъ, чтобы пользоваться минеральными водами (въ февралѣ 1724 г.), царь воротился въ Москву и тамъ 7 мая возложилъ корону на Екатерину, пышно отпраздновавъ это торжество, а послѣ него, воротясь раньше императрицы, задержанной болѣзнію въ Москвѣ, приготовилъ ей въ Петербургѣ торжественную встрѣчу.

Весь конецъ іюля и августъ государь уже почти непрерывно чувствовалъ болѣзненные припадки, приводившіе къ тяжелымъ опасеніямъ врачей его, но день годовщины славнаго мира захотѣлъ отпраздновать особеннымъ образомъ. Еще въ минувшемъ году перенесли мощи св. Александра Невскаго изъ Владиміра въ Шлиссельбургъ, а теперь, съ изготовленіемъ пышной раки, Петръ захотѣлъ изъ Шлиссельбурга перевезти останки древняго побѣдителя шведовъ въ свою новую столицу — на мѣсто его подвиговъ. Для этого, отправивъ пышную галеру принять драгоцѣнный грузъ и получивъ извѣстіе о приближеніи его къ столицѣ, Петръ самъ выѣхалъ навстрѣчу, пересѣлъ на галеру и самъ взялся за руль, посадивъ сенаторовъ въ весла. Весь невскій флотъ выстроенъ былъ на Невѣ, и, провезя мощи мимо его, царь самъ вынесъ на себѣ, при содѣйствіи первыхъ сановниковъ, раку на берегъ и до мѣста, назначеннаго для упокоенія останковъ праведника въ новой церкви, въ этотъ день освященной.

Перенесеніе Петромъ I мощей св. Александра Невскаго въ Петербургъ.

На пиру въ этотъ день вечеромъ у Меншикова видѣли въ послѣдній разъ государя въ полномъ здравіи.

XVIII.

БОЛѢЗНЬ, КОНЧИНА И ПОГРЕБЕНІЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(1724—1725 г.)

Несмотря на постоянно усиливавшіеся припадки болѣзни, Петръ Великій въ октябрѣ мѣсяцѣ 1724 г. предпринялъ поѣздку въ Шлиссельбургъ и на Ладожскій каналъ, гдѣ подробно осматривалъ работы, производившіяся подъ руководствомъ недавно принятаго въ русскую службу генерала Миниха. Государь остался очень доволенъ всѣми работами; въ особенности же понравился ему построенный Минихомъ водоспускъ «Красный Шлюзъ». Петръ такъ заинтересовался этимъ сооруженіемъ, что пожелалъ даже взглянуть на его внутренность, хотя для этого нужно было ходить согнувшись по поясъ и упираясь руками въ землю. На перемычкѣ, отдѣлявшей оконечную часть канала отъ воды, государь приказалъ подать себѣ заступъ и, сказавъ: «Дай Богъ въ добрый часъ», началъ прокапывать спускъ. Когда перемычка была открыта и вода, падая съ высоты восьми или девяти футовъ, устремилась со страшною силою въ каналъ, Петръ сѣлъ съ Минихомъ и денщикомъ своимъ Поспѣловымъ въ маленькую лодочку и пустился по быстрому потоку въ каналъ. Лодка едва не опрокинулась, но государь, не думая объ опасности, показывалъ по словамъ Миниха, «внутреннее удовольствіе своего сердца». Проѣхавъ на лодкѣ по всей отдѣланной части канала, Петръ пересѣлъ въ буеръ и отправился черезъ Новую Ладогу и Новгородъ въ Старую Руссу. Обозрѣвъ здѣсь солеварни, государь снова вернулся къ каналу, обѣдалъ у Миниха, пилъ за его здоровье и поѣхалъ въ Петербургъ. Петръ казался очень бодрымъ и здоровымъ, такъ что императрица, встрѣтивъ супруга, выразила ему свою радость по этому поводу. «Труды Миниха излѣчили меня, — отвѣчалъ государь. — Надѣюсь скоро сѣсть въ трешкотъ въ Петербургѣ и высадиться въ Москвѣ въ Головинскомъ саду».

Отдохнувъ два дня, Петръ, вопреки совѣтамъ и просьбамъ лейбъ-медика Блументроста, отправился въ Петергофъ, а оттуда переѣхалъ въ Дубки. Возвращаясь назадъ, 1 ноября вечеромъ, близъ Лахты государь замѣтилъ стоявшій на мели ботъ, плывшій изъ Кронштадта. Погода была холодная и бурная. Петръ тотчасъ же послалъ на помощь бѣдствующимъ шлюпку съ своими людьми, но они, при всѣхъ усиліяхъ, не могли стащить ботъ съ мели. Между тѣмъ, нѣсколько человѣкъ были увлечены волнами, а другіе замертво вытащены изъ воды. Побуждаемый высокимъ чувствомъ человѣколюбія, государь въ порывѣ нетерпѣнія самъ поѣхалъ къ мѣсту несчастія и, соскочивъ въ воду, словомъ и примѣромъ помогалъ спасать несчастныхъ (см. рис. на стр. 177). Наконецъ, весь измокшій и продрогшій отъ холода, Петръ долженъ былъ воротиться ночевать въ Дубки. Ночью онъ почувствовалъ лихорадочные пароксизмы и болѣзненное жженіе въ животѣ, вслѣдствіе чего поспѣшилъ утромъ возвратиться въ Петербургъ. Оказанное ему немедленно медицинское пособіе уничтожило простуду, зато припадки странгуріи стали возобновляться чаще и съ такою силою, что удерживали его иногда по цѣлымъ суткамъ въ постели.

Весь декабрь Петръ перемогался, подавляя физическія и нравственныя страданія. Онъ по обыкновенію посѣщалъ всѣ общественныя празднества и ассамблеи, но уже мало занимался дѣлами и видимо слабѣлъ. Января 6-го 1725 года, впрочемъ, снова получилъ простуду, командуя войсками на Іордани и, вѣроятно, пробывъ долго на льду. Съ этого времени ему часъ отъ часу становилось хуже, и 17-го числа онъ окончательно слегъ въ постель. Лейбъ-медикъ Блументростъ, сознавая опасность положенія больного, поспѣшилъ послать описаніе его болѣзни къ двумъ знаменитымъ въ то время европейскимъ врачамъ, — Герману Бургаве въ Лейденѣ и Эрнсту Шталю въ Берлинѣ, — спрашивая ихъ совѣта. Вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ доктора Петербурга были собраны на консиліумъ, который, однакожъ, не далъ никакихъ результатовъ. Жестокая боль исторгала изъ груди Петра громкіе крики, и онъ, обращаясь къ приближеннымъ, говорилъ:

МЕДАЛИ,

выбитыя въ честь важнѣйшихъ событій царствованія Петра Великаго.

«Изъ меня можно познать, сколь бѣдное твореніе есть человѣкъ». Государь самъ началъ терять надежду на выздоровленіе и 22-го числа исповѣдался и пріобщился св. таинъ. По распоряженію Святѣйшаго Синода, во всѣхъ церквахъ было велѣно отправлять молебствія объ исцѣленіи монарха. Сенаторы, высшія духовныя особы, многіе военные и гражданскіе чины добровольно проводили день и ночь во дворцѣ. Императрица не отходила отъ одра супруга, предавшись вся заботамъ о немъ и своему горю. Обѣ дочери государя въ отчаяніи и слезахъ присутствовали постоянно въ сосѣдней комнатѣ, потому что больной не позволялъ имъ долго оставаться въ своей спальнѣ, не желая растрогивать себя и увеличивать ихъ горесть. 23-го числа надъ Петромъ былъ совершенъ обрядъ елеосвященія. Силы его упадали, онъ уже пересталъ кричать и только стоналъ. 26-го числа, чувствуя приближеніе смерти, государь повелѣлъ освободить отъ казни и каторги всѣхъ преступниковъ, за исключеніемъ виновныхъ противъ первыхъ двухъ пунктовъ: убійцъ и уличенныхъ въ неоднократныхъ разбояхъ. На слѣдующій день утромъ Петръ ослабѣлъ до такой степени, что присутствовавшіе, ожидая съ минуты на минуту кончины его, поспѣшили призвать двухъ архіереевъ псковскаго и тверского да архимандрита Чудова монастыря для христіанскаго увѣщанія и укрѣпленія умирающаго. Петръ выказалъ при этомъ рѣдкое присутствіе духа и самое живое и искреннее благочестіе. Когда одинъ изъ пастырей началъ говорить ему о страданіяхъ Христовыхъ и увѣщавалъ надѣяться на милосердіе Божіе и вѣрить въ отпущеніе грѣховъ и благодать вѣчной жизни, государь силился приподняться и, поддержанный служителями, возвелъ руки къ небу и нѣсколько разъ, хотя и съ большимъ трудомъ, повторилъ: «Вѣрую и уповаю. Сіе едино есть, что жажду мою утоляетъ и услаждаетъ меня». При произнесеніи же извѣстной молитвы, установленной для причащающихся: «Вѣрую, Господи, и исповѣдую» и т. д., Петръ прибавилъ: «Вѣрую, Господи, помози моему невѣрію». Всѣ эти слова онъ произносилъ съ умиленіемъ, стараясь придать своему лицу радостное выраженіе. Послѣ принятія св. таинъ, сенаторы и другія знатныя особы стали входить въ комнату и, рыдая, прощались съ нимъ и цѣловали его руку. Петръ лежалъ молча и привѣтствовалъ входившихъ взглядомъ; наконецъ, утомленный этой раздирающей душу церемоніей, съ усиліемъ промолвилъ: «Освобожусь ли отъ стуженія?» Тогда всѣ присутствовавшіе удалились. Вскорѣ параличъ лишилъ его употребленія языка. Онъ хотѣлъ письменно изложить свою послѣднюю волю и потребовалъ аспидную доску да грифель, но слабѣющая рука чертила лишь неясныя слова, которыя было не возможно разобрать...

Петръ умиралъ медленно. Его крѣпкая натура еще долго боролась со смертью. Пораженный параличомъ, онъ могъ двигать только правой рукой; постоянно стоналъ, но сохранялъ сознаніе и память. Когда по временамъ архіереи обращались къ нему со словомъ утѣшенія и твердили о суетѣ здѣшняго міра и грядущемъ блаженствѣ, государь старался изобразить рукою крестное знаменіе или показывалъ на небо. Ночью на 28 января его вторично пріобщили. Въ четвертомъ часу онъ началъ холодѣть и тверской архіерей, повторяя умирающему на ухо благочестивыя увѣщанія, приступилъ къ чтенію обычныхъ молитвъ на исходъ души. И въ первой четверти шестого часа утра Петра Великаго не стало!

Вѣсть о кончинѣ государя, хотя и ожиданная, поразила всѣхъ. «Тотчасъ всюду поднялся страшный вопль, — говоритъ очевидецъ, — всѣ комнаты издали плачевный гласъ, и не было никого, кто бы могъ отъ плача удержаться.

30 января тѣло императора, одѣтое въ верхнее платье, богато вышитое серебромъ съ серебряною же бахромою, кружевные галстукъ и манжеты, высокіе сапоги со шпорами, при шпагѣ на боку и съ Андреевской звѣздой и лентой на груди, было внесено въ большую дворцовую залу, превращенную по этому случаю въ траурную, и положено во гробъ, обитый золотымъ глазетомъ и обложенный по угламъ серебрянымъ галуномъ. Гробъ былъ оставленъ на покрытый богатымъ златотканымъ персидскимъ ковромъ подгробный одръ, который стоялъ на тронѣ, имѣвшемъ пять ступеней. Надъ трономъ возвышался балдахинъ изъ кармазиннаго бархата съ золотымъ шитьемъ и золотыми кистями, бахромою и подзоромъ. Середина балдахина была украшена царскимъ вензелемъ изъ зо-

МЕДАЛИ,

выбитыя въ честь важнѣйшихъ событій царствованія Петра Великаго.

лота и обложена шитыми узорами и золотымъ галуномъ. Отъ балдахина спускалась на четыре стороны парчевая золотая императорская мантія, подбитая горностаевымъ мѣхомъ и подобранная на каждой сторонѣ золотыми шнурками и кистями. На тронѣ, вокругъ гроба, девять табуретовъ съ императорскими регаліями и орденами, а на ступеняхъ — четыре бронзовыя статуи въ человѣческій ростъ, изображавшія «плачущую Россію», сѣтующую Европу и «скорбныхъ» Геркулеса и Марса.

Стѣны и потолокъ траурной залы были обиты чернымъ сукномъ съ фестонами изъ чернаго и бѣлаго флера. Наружный свѣтъ не проходилъ въ завѣшенныя окна, и мракъ озарялся только множествомъ зажженныхъ свѣчей въ колоссальныхъ бронзовыхъ подсвѣчникахъ. На потолкѣ красовался огромный Андреевскій крестъ, изъ-подъ котораго спускались пять богато убранныхъ паникадилъ. По угламъ залы были воздвигнуты четыре большія пирамиды изъ бѣлаго мрамора, въ 16 футовъ вышины, съ надписями на мѣловыхъ доскахъ. Внизу каждой пирамиды, опершись на пьедесталъ, стояли мраморные геніи, въ видѣ дѣтскихъ фигуръ.

Первая пирамида изображала «трофей церковный». Вверху смерть держала вензелевое имя Петра Великаго. Надпись на доскѣ гласила слѣдующее:

«Отъ попеченія о церкви.
Именемъ и дѣломъ Петру Верховному подражавый,
Боговѣнчанный верхъ нашъ—Петръ, остави насъ,
Ревнитель благочестія, рачитель исправленія,
Суевѣрія и лицемѣрія ненавистникъ.
О, Женише церковный, Христе, утѣши невѣсту Твою!»

Вторая пирамида знаменовала «трофеи политическіе». Вверху было изображено Время; на доскѣ надпись:

«Отъ исправленія гражданства.
Что воздаси, о Россія,
Истинному отродившему тебя отцу твоему?
Онъ тебя уставы правительскими мудрую,
Закона судебными здравую,
Искусствъ различіемъ благообразную сотвори.
Едина въ тебѣ благодарствія сила
Въ вѣрности и послушаніи къ наслѣдницѣ его».

Третья пирамида представляла «воинскіе трофеи». Вверху парила Слава; на доскѣ надпись:

«Отъ обученія воинства.
Изнемогъ тѣломъ, но не духомъ.
Уснулъ отъ трудовъ Сампсонъ россійскій.
Трудолюбіемъ подалъ силы воинству,
Бѣдствіемъ же своимъ безопасеніе отечеству.
Но, о премѣненія жалостнаго!
Почившу же ему временно, вѣчно торжествующу,
Стонемъ мы и сѣтуемъ».

Четвертая пирамида изображала «морскіе трофеи». Вверху красовалась фигура Побѣды; на доскѣ надпись:

«Отъ строенія флота.
Новаго въ мірѣ, перваго въ Россіи Іафета,
Власть, страхъ и славу на морѣ простершаго
И намъ въ сообщеніе вселенную приведшаго,
Плавающаго уже не узримъ.
Нынѣ намъ воды—слезы наши,
Вѣтры—воздыханія наши».

Противъ трона возвышался большой мраморный пьедесталъ, на которомъ мраморные геніи и скелеты держали портретъ Петра Великаго и огромную зеленую завѣсу съ слѣдующей надписью:

«Сѣтуй и плачь, о Россія!
Остави тебя отецъ твой Петръ Великій,
Дарованный тебѣ свыше 1672 мая 30.
Дѣлами же вѣру превосходящими
Побѣдитель и миродатель
И всякихъ славы и титлы исполненъ,
Горѣ возвращенъ 1725 января 28,
Но и оставляя, не остави тебя;
Подалъ тебѣ достойную державы своея наслѣдницу.
Плачися, о Россія, и радуйся!»

Въ траурной залѣ было шесть дверей. Между каждой изъ нихъ стояли на мраморныхъ пьедесталахъ серебряные подсвѣчники, въ видѣ пирамидъ, вышиною въ 7 футовъ. Кромѣ того, по стѣнамъ были разставлены фигуры въ натуральную величину, изображавшія добродѣтели усопшаго императора: «согласіе, премудрость, храбрость, благовѣріе, милосердіе, миръ, любовь къ отечеству и справедливость».

У гроба день и ночь дежурили, смѣняясь каждые три часа, двѣнадцать сенаторовъ и генераловъ, четыре гвардейскихъ офицера въ строевомъ платьѣ съ протазанами и двѣнадцать драбантовъ въ черныхъ япанчахъ съ флеромъ на шляпахъ. Священникъ въ полномъ облаченіи читалъ постоянно Евангеліе.

Со дня перенесенія тѣла государя въ траурную залу, народу было разрѣшено приходить на поклоненіе къ усопшему. Люди всѣхъ возрастовъ и сословій густыми толпами стекались во дворецъ, обратившійся теперь въ жилище скорби. Всюду раздавались плачъ и рыданія, и слышались искреннія сердечныя сожалѣнія,

Петръ Великій. Екатерина I Алексѣевна. Петръ Великій (1697 г.).
Павелъ I. Екатерина II. Екатерина II. Петръ III.
Анна Леопольдовна. Петръ II. Анна Іоанновна.
Елизавета. Анна Петровна.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЦАРСТВЕННАГО ДОМА XVIII ВѢКА.

сопровождаемыя возгласами: «Отецъ нашъ! оставилъ ты насъ!»

Между тѣмъ, для погребенія тѣла императора было велѣно поставить въ строившемся, но еще не оконченномъ, каменномъ Петропавловскомъ соборѣ временную деревянную церковь, обить ее чернымъ сукномъ и приготовить въ ней катафалкъ подъ балдахиномъ, мѣста для императорской фамиліи и т. д. Днемъ похоронъ назначено 10 марта.

Во время этихъ приготовленій, 4 марта, скончалась малолѣтняя дочь Петра, царевна Наталья Петровна. Тѣло ея было вынесено въ ту же траурную залу и поставлено рядомъ съ тѣломъ родителя.

10 марта рано утромъ всѣ войска выстроились шпалерами въ два ряда отъ дворца вплоть до крѣпости. Черезъ Неву былъ настланъ по льду деревянный помостъ съ перилами, покрытый чернымъ сукномъ. На крѣпости и Адмиралтействѣ развѣвались черные флаги.

Въ два часа по сигналу, данному пушечнымъ выстрѣломъ, началось печальное шествіе при заунывномъ колокольномъ звонѣ со всѣхъ церквей.

Впереди шли 25 гвардейскихъ унтеръ-офицеровъ съ траурными аллебардами; потомъ — гофъ-курьеръ верхомъ, а за нимъ — первый маршалъ, сопровождаемый трубачами и литаврщиками, 36 пажей, 36 придворныхъ служителей, 36 иностранныхъ купцовъ, 24 депутата отъ дворянства и 24 депутата отъ гражданъ вновь завоеванныхъ провинцій, по три въ рядъ. Затѣмъ слѣдовали: второй маршалъ; красное военное знамя; любимая лошадь императора въ великолѣпномъ уборѣ; 32 знамени съ провинціальными гербами; адмиральскій штандартъ; государственное черное знамя; бѣлое знамя съ вышитой на немъ эмблемою покойнаго государя, изображавшей «рѣзчика, дѣлающаго статую изъ грубаго куска мрамора»; латникъ на конѣ, въ позлащенныхъ латахъ и шлемѣ, украшенномъ бѣлыми и красными перьями; пѣшій латникъ въ черномъ вооруженіи; большое траурное знамя; третій маршалъ; щиты съ гербами семи главнѣйшихъ областей; щитъ съ государственнымъ гербомъ; большой хрустальный, обдѣланный въ золото, крестъ; пѣвчіе, раздѣленные на три класса; 40 архимандритовъ и 11 епископовъ и архіепископовъ, попарно; четвертый и пятый маршалы; гробъ царевны Натальи Петровны, несомый 16 капитанами, подъ балдахиномъ, поддерживаемымъ 16 штабъ-офицерами; два герольдмейстера; государственные мечи; императорскія регаліи и ордена; три маршала; два капитана драбантовъ; гробъ съ тѣломъ покойнаго государя, поставленный на траурныхъ саняхъ, обитыхъ чернымъ бархатомъ съ золотыми галунами и окруженныхъ 60 гвардейскими бомбардирами съ зажженными свѣчами, подъ балдахиномъ, поддерживаемымъ семью бригадирами, восемью генералъ-майорами и четырьмя тайными совѣтниками; императрица въ глубокомъ траурѣ, въ сопровожденіи знатнѣйшихъ чиновъ двора; цесаревны Анна и Елисавета со свитой; герцогиня мекленбургская Екатерина Ивановна; царевна Прасковья Ивановна; дѣвицы Марія и Анна Нарышкины; герцогъ голштинскій; великій князь Петръ Алексѣевичъ; Александръ и Иванъ Львовичи Нарышкины, придворные чины и дамы; группы дворянъ и почетныхъ гражданъ. Шествіе замыкали гвардейскіе унтеръ-офицеры.

Процессія раздѣлялась на 166 номеровъ; всѣ участвовавшія въ ней лица, не занятыя какими-либо обязанностями, имѣли въ рукахъ зажженныя свѣчи.

Безчисленное множество народа, также со свѣчами, добровольно сопровождало процессію отъ самаго дворца до крѣпости.

По внесеніи въ церковь, оба гроба были открыты и поставлены посрединѣ на приготовленное возвышеніе подъ балдахиномъ.

Когда окончилось отпѣваніе, архіепископъ псковскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ, произнесъ извѣстную рѣчь, начинавшуюся словами: «Что се есть? До чего мы дожили, россіяне? Что видимъ? Что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ!» Рѣчь эта произвела сильное впечатлѣніе и безпрестанно прерывалась громкими рыданіями и плачемъ слушателей и слезами самого оратора.

Во время надгробнаго пѣнія изъ крѣпостныхъ орудій были сдѣланы два залпа, а войска открыли бѣглый ружейный огонь.

Всѣ находившіяся въ церкви особы начали отдавать послѣднее цѣлованіе усопшему. Императрица почти безъ чувствъ припала къ бездыханному тѣлу супруга, и ее съ трудомъ могли удалить изъ церкви.

Памятникъ Петру Великому въ С.-Петербургѣ, построенный Фальконетомъ и открытый 7 августа 1782 года.

При закрытіи гроба и отъѣздѣ государыни снова раздались пушечные ружейные залпы, заключившіе это печальное торжество.

На кончину Петра Великаго были выбиты золотыя и серебряныя медали. На золотыхъ медаляхъ, разной величины и вѣса, отъ 4 до 50 червонцевъ, розданныхъ лицамъ высшаго сословія, былъ изображенъ на одной сторонѣ портретъ государя съ надписью: «Петръ Великій, императоръ и самодержецъ всероссійскій, родился 30 мая 1672 года»; на другой — представлена вѣчность, несущая вѣнчаннаго лаврами императора на небо; внизу печальная Россія, окруженная эмблемами наукъ, искусствъ и торговли. На серебряныхъ медаляхъ, розданныхъ унтеръ-офицерамъ и рядовымъ, изображенъ на одной сторонѣ императорскій гробъ подъ балдахиномъ, съ короной и надписью: «Общая печаль», съ другой—-слова: «Петръ Великій, императоръ и самодержецъ всероссійскій, родился 30 мая 1672 года; преставился 28 января 1725 года».

Прахъ Петра оставался во временной церкви, на вскрышѣ, до 1731 года, когда, по повелѣнію императрицы Анны Ивановны, былъ опущенъ въ землю. Надъ мѣстомъ погребенія поставлена гробница изъ гранита, безъ всякихъ украшеній, въ видѣ продолговатыхъ, четырехугольныхъ брусьевъ, закрытая богатымъ парчевымъ покровомъ и сверху чернымъ суконнымъ чехломъ. На гробницѣ находится слѣдующая надпись: «Самодержавный всея Россіи императоръ Петръ Великій родился въ 1672 году, мая въ 30-й день; на престолъ возведенъ въ 1682 лѣто; оставивъ земная, преселился въ горняя въ лѣто міроздания 7233, отъ Рождества Христова 1725, Іануарія въ 28-й день; жизни его было 52 лѣта, 7 мѣсяцевъ, 29 дней, а отъ коронованія 42 лѣта, 7 мѣсяцевъ, 3 дня».

Гробница Петра Великаго въ Петропавловскомъ соборѣ, въ С.-Петербургѣ.

У подножія гробницы хранится собственноручно положенный императрицей Екатериной II въ 1772 году флагъ капитанъ-паши, взятый при сожженіи турецкаго флота подъ Чесмой.

Къ верхней плоскости гробницы придѣлана золотая медаль съ изображеніями: на одной сторонѣ — профиля Петра Великаго въ вѣнкѣ, съ надписью вокругъ: «Отъ благодарнаго потомства», а на другой — Геркулеса, покоящагося на основаніи С.-Петербурга. Медаль эта была поднесена петербургской депутаціей въ 1803 году въ день празднованія столѣтія города императору Александру I, который повелѣлъ сенату внести медаль «съ подобающею честью и приличными обрядами» въ Петропавловскій соборъ и положить «отъ лица Россіи» на гробъ Петра Великаго «въ незабвенное свидѣтельство предъ грядущими вѣками, колико память его для Россіи священна».

Надъ гробницей находится икона св. апостола Петра, писанная на кипарисной доскѣ, вышиной въ 11 вершковъ; она — въ золотомъ окладѣ, въ которомъ вѣсу 1 фунтъ и 62 золотника, и замѣчательна тѣмъ, что представляетъ мѣру роста Петра Великаго при рожденіи. Икона эта писана жалованными иконописцами Симономъ Ушаковымъ и Ѳеодоромъ Козловымъ и доставлена въ соборъ въ 1827 году, по приказанію императора Николая I, изъ придворной ризницы, гдѣ она хранилась до того времени.

Послѣднимъ дѣломъ Петра I, какъ кораблестроителя, былъ корабль перваго ранга во сто пушекъ, оставшійся за смертію императора недостроеннымъ и по волѣ Екатерины I положенный назвать именемъ великаго ея супруга. О закладкѣ Петромъ своего корабля сохранилось офиціальное извѣстіе, именно донесеніе мастера Козенца адмиралтействъ - коллегіи слѣдующаго содержанія: «Прошедшаго іюня

Петровская галлерея въ музеѣ Императорскаго Эрмитажа.

29 дня сего 1723 года заложенъ собственный его Императорскаго Величества 100-пушечный корабль 1 ранга, длиною по палубѣ 180 футъ 2 дюйма, шириною безъ досокъ 49 футъ 2 дюйма, глубиною въ трюмѣ отъ верхняго киля до палубныхъ досокъ 18 футъ 10 дюймовъ и нынѣ оный строится на стапелѣ».

Послѣ кончины Петра Великаго, корабль, почти оконченный вчернѣ, оставался на стапеляхъ, и адмиралтействъ - коллегія поручила достройку его мастеру Броуну; но императрица Екатерина I, указомъ 21 февраля 1725 года, повелѣла возложить эту работу «на всѣхъ корабельныхъ мастеровъ съ общаго согласія».

Возникшія вслѣдствіе этого между мастерами пререканія, козни и интриги до такой степени замедлили производство работъ, что корабль былъ оконченъ и спущенъ на воду только 29 іюня 1727 года, при чемъ къ названію его «Петръ Первый» было прибавлено «и Второй»—въ честь царствовавшаго императора.

День спуска корабля Петра I на воду тоже замѣчателенъ до извѣстной степени. Меншиковъ, опекунъ Петра II и правитель государства, былъ опасно боленъ въ это время, и отрокъ-императоръ утромъ присутствовалъ при соборованіи больного, а вечеромъ (въ 7-мъ часу), съѣздивъ съ сестрою своею на спускъ корабля, еще разъ воротился къ князю, въ оба посѣщенія сопровождаемый генералъ-адмираломъ Апраксинымъ. Болѣзнь продержала честолюбиваго регента еще цѣлый мѣсяцъ въ постели, а въ это время Долгорукіе успѣли настолько охладить къ нему царственнаго питомца и нареченнаго зятя, что «герценскиндъ Алексаша» съ высоты почестей брошенъ въ далекій Березовъ оплакивать свои минувшія заблужденія и тамъ успѣлъ проявить такое величіе души въ перенесеніи несчастія, какого въ лучшіе дни свои никогда не высказывалъ.

Эта участь перваго изъ любимцевъ Петра въ высшей степени поучительна. Онъ самъ нанесъ несчастіе своему зятю Дивіеру и Толстому, на совѣсти котораго лежали убійства, совершенныя стрѣльцами 15 мая 1682 г. Низвергшіе Меншикова—Долгорукіе и Голицыны—испытали еще большія несчастія при Аннѣ. Дожили свою жизнь въ почетѣ изъ первостепенныхъ дѣятелей Петрова царствованія только герой Нотебурга, Вазы и Гренгама фельдмаршалъ князь Михаилъ Михаиловичъ Голицынъ, канцлеръ Головкинъ да генералъ-адмиралъ Апраксинъ.

Хотя возведенный въ фельдмаршалы, но самъ видя, что уже не воротить былого значенія, добровольно удалился отъ дѣлъ ученый графъ Я. В. Брюсъ; въ Москвѣ, на Сухаревой башнѣ занимаясь въ полномъ одиночествѣ любимою наукою, и умеръ онъ при Аннѣ (19 апрѣля 1735 г.), оставивъ по себѣ въ исторіи репутацію величайшаго дѣятеля просвѣщенія при Петрѣ I и слывя въ народѣ даже *колдуномъ,* по поводу календаря съ предсказаніями, носящаго его имя, хотя и изданнаго Купріяновымъ.

Товарищу же ученаго Брюса по заключенію Ништадтскаго мира хитрому Остерману при Елисаветѣ не удалось отдѣлаться отъ ссылки, такъ же какъ и сыну перваго канцлера Петра, гр. М. Г. Головкину, да фельдмаршалу Миниху, окончившему Ладожскій каналъ при Петрѣ II. При Аннѣ въ почетѣ дожили дни свои еще Петровы слуги Ягушинскій, возвращенный изъ ссылки еще Екатериною, Шафировъ и дѣятель Персидской войны Матюшкинъ. Подвергся опалѣ кабинетъ-секретарь Петра Макаровъ, и временно удаленъ былъ А. И. Румянцевъ, впрочемъ, пользовавшійся потомъ полною благосклонностью монархини, какъ и краснорѣчивый Өеофанъ (Прокоповичъ), архіепископъ новгородскій.

Заканчивая разсказъ о Петрѣ, мы сочли необходимымъ сдѣлать и эти указанія о слугахъ его.

Что касается корабля, то въ 1732 году императрица Анна Ивановна приказала адмиралу Гордону вооружить небольшую эскадру для практическаго плаванія къ Березовымъ островамъ, и плаваніе это, продолжавшееся всего три недѣли, было первой кампаніей корабля «Петръ I и II».

Въ 1734 году Россія вступилась за права курфирста саксонскаго, Августа, на польскую корону, которую французскій дворъ старался доставить Станиславу Лещинскому. Адмиралу Гордону было поручено вывести изъ Кронштадта весь флотъ и слѣдовать съ нимъ къ Данцигу для содѣйствія русской арміи осаждавшей этотъ городъ. Адмиралъ Гордонъ поднялъ 11 мая свой флагъ на кораблѣ «Петръ I и II» и 16 числа того же мѣсяца

Комната Петра Великаго въ Морскомъ музеѣ въ С.-Петербургѣ.

прибылъ съ флотомъ къ Пилау; но, узнавъ здѣсь, что около Копенгагена находится значительная французская эскадра, возвратился въ Кронштадтъ.

Третья и послѣдняя кампанія корабля «Петръ I и II» была въ 1736 году и ограничилась обыкновеннымъ практическимъ плаваніемъ. По истеченіи десяти лѣтъ со времени его спуска, онъ началъ приходить въ ветхость и сдѣлался неблагонадежнымъ къ плаванію, вслѣдствіе чего было велѣно не употреблять его болѣе на службу, а сохранять въ память строителя. Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и корабль сталъ видимо разрушаться; тогда его ввели для поддержанія въ пловучій докъ, гдѣ онъ и оставался до 1752 года, когда, наконецъ, согласно указу императрицы Елисаветы Петровны, былъ разобранъ за совершенной ветхостью